

Л.Н.ПУШКАРЕВ

КЛАССИФИКАЦИЯ
РУССКИХ
ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКОВ
ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Л. Н. ПУШКАРЕВ

КЛАССИФИКАЦИЯ
РУССКИХ
ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКОВ
ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1975

На основе ленинской теории отражения в монографии рассматриваются кардинальные проблемы теоретического источниковедения. Исторический источник определяется с гносеологической и источниковедческой точки зрения. Рассматриваются вопросы классификации исторических источников. Впервые даются графические схемы циклической и линейной классификации источников.

Ответственный редактор
академик Л. В. ЧЕРЕПНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Л. Н. Пушкарёва разрабатывает сложные и недостаточно еще изученные проблемы теоретического источниковедения, связанные с определением и классификацией исторических источников. Автор привлек большую научную литературу, подробно рассмотрел историографию вопроса и в результате творческого осмысления теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма обосновал типологическую классификацию русских письменных источников по отечественной истории.

Гносеологическое определение исторического источника, данное в монографии Л. Н. Пушкарёва, показывает объективный, не зависящий от сознания исследователя характер исторического источника, который рассматривается автором прежде всего как исторический факт, как объект, созданный человеком (или обществом) на основе личных субъективных образов реального объективного мира. Тем самым автор подчеркивает реальный характер наших знаний о прошлом и реальную возможность познания прошедшей исторической действительности.

Источниковедческое определение автором исторического источника дает возможность охватить все многообразие типов, родов и видов исторических источников и в то же время позволяет отделить исторический источник от источников естественно-физических и естественно-биологических.

Достоинством типологической классификации источников, обоснованной автором, является то, что она рассматривает исторические источники с точки зрения диалектической логики, обращая особое внимание на непрерывность классификации, отсутствие резких испереходимых граней между различными типами, родами и видами источников. Автор обобщил многовековой опыт русского и советского источниковедения и подвел теоретическое обоснование под исторически сложившуюся систему деления источников на типы, роды и виды, которая покоится на объективных, искони присущих источникам их качествах и свойствах. В фундаменте этого деления лежат объективные законы отображения и воплощения реальной исторической действительности в исторических источниках.

Большое научное и практическое значение имеют разработанные Л. Н. Пушкаревым понятия классификации и систематизации в источниковедении, а также впервые примененная им графическая форма циклической и линейной классификации исторических источников, которая может быть использована в практике преподавания источниковедения в высшей школе.

Монография Л. Н. Пушкарева подходит к вопросам определения и классификации исторических источников с позиций марксистско-ленинской партийности. В книге дается критика современной буржуазной историографии по данному вопросу, утверждается материалистическое понимание исторического источника.

Л. Н. Пушкарев написал монографию на тему, которая стоит на стыке многих наук. В советском источниковедении продолжается борьба мнений вокруг тех проблем, которые подняты в его исследовании. Полемичность — не недостаток, а достоинство этой книги. Автор не старается обойти острые углы и нерешенные вопросы, а пытается дать свое решение назревшим теоретическим проблемам.

Историк и филолог, Л. Н. Пушкарев написал монографию, которая потребовала от него умения ориентироваться в различных областях исторического знания, широкого историографического охвата и глубоких методологических познаний.

Академик Л. Черепнин

ВВЕДЕНИЕ

Ленинское учение о познании как отражении действительности в суждениях, понятиях и представлениях человека имеет самое прямое и непосредственное отношение к работе историка, к формированию истории как науки. Развив основные гносеологические идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин в новых исторических условиях, обобщив все достижения современной ему научной мысли, разработал теорию отражения, являющуюся надежной методологической основой современной науки.

В наши дни и наука, и практика ставят новые проблемы, требующие решения с позиций марксистско-ленинской теории познания. Одной из таких проблем является проблема объективности исторического познания. Она тесно связана с пониманием исторического источника как первоосновы наших знаний и представлений о прошлом.

Едва ли есть необходимость в настоящей работе говорить о важности изучения исторических источников¹ — этого фундамента науки, обязанной только им своим существованием. Все,

¹ В современном русском литературном языке термин «источник» употребляется в нескольких значениях. В прямом значении источник — это ключ, родник; в переносном — это то, что дает начало, основание чему-либо, откуда исходит что-либо. В этом переносном смысле источником может быть и лицо, дающее какие-то сведения, осведомляющее о чем-либо. И наконец, под источником подразумевается и исторический источник, используемый при научном исследовании («Словарь современного русского литературного языка», т. 5. М.—Л., 1956, стр. 555—556). Термин «источник» как обобщающий относится к той самой «единственной науке, науке истории», разделяемой на «историю природы и историю людей», о которой говорили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» (Соч., т. 3, стр. 16, примечание). Источники могут делиться на естественные (физические, химические, геологические, биологические и т. д.) и общественные (исторические, философские, филологические и проч.).

В настоящей работе термин «источник» употребляется только в смысле «исторический источник», как равнозначный ему. О всех остальных случаях употребления этого термина будет сказано ниже, в главе I (Раздел «Исторический источник и смежные с ним понятия»).

созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде материальной и духовной культуры, письменности, данных языка, идеологии, нравов, обычаев и т. д., является историческим источником.

Количество источников в широком смысле этого слова безгранично и необозримо. Каждый день приносит нам открытие новых, до сих пор неизвестных источников. Каждый прожитый нами день оставляет для будущего громадное количество источников, по которым наши потомки будут воссоздавать картину нашего времени. Год от года расширяется объем понятия исторического источника. Появляются новые источники, вызванные к жизни научно-техническим прогрессом. Таковы фотографии, кинодокументы, фонограммы и проч. Тем самым все больше расширяется документальная база исторической науки, все богаче становятся возможности познания прошлого.

Но среди всего этого неизмеримого множества самых разнообразных и разнотипных источников ученые выделяют большую категорию письменных источников, которые являются основными, главными при изучении письменной истории человечества. Все, что написано за многие десятки столетий на всех языках Земли на самом разнообразном материале — папирусе, бересте, пергаменте, бумаге и т. д.; все, что ежедневно выходит из-под станков печатных машин, ротаторов и других множительных аппаратов — все это является письменным историческим источником. Именно важностью письменных источников для историка и объясняется выбор их в качестве объекта классификации. Это, конечно, ни в коей мере не умаляет важности классификации источников других типов, однако эта работа — удел археологов, этнографов, фольклористов и т. д.

Неисчислимо количество даже тех письменных источников, которые находятся на государственном хранении в архивах, библиотеках, музеях и т. д. Ни один историк, ни один научный коллектив не в состоянии изучить все исторические источники, количество которых даже в самых низших рядовых архивах исчисляется тысячами единиц хранения. Перед любым историком неизбежно встает задача систематизации изучаемого материала, объединения его в такие общие группы, которые имеют сходные признаки и анализируются близкими способами и приемами. Прежде чем изучить по данной теме или проблеме всю совокупность фактов без единого исключения (а именно такое жесткое требование ставит наука перед современным исследователем), историк должен изучить те источники, из которых эти факты могут быть получены².

Что за исторические источники есть вообще, на какие категории они подразделяются, как отображается и воплощается в них историческая действительность — вот такие вопросы и ставит перед собой исследователь, занимающийся классификацией исторических источников.

К сожалению, приходится констатировать, что большое количество не только историков, но и специалистов-историковедов и у нас в СССР и за рубежом или вообще не касались вопросов классификации исторических источников или же прямо утверждали, что классификация безбрежного моря источников, особенно нового и новейшего времени, беспредельна и нецелесообразна. Одним из основных доводов противников классификации источников является их изобилие и многообразие. Но ведь именно это и требует их классификации, ибо без нее мы не в состоянии не только их изучить и исследовать, но и просто обозреть. Это касается не только историков, но представителей любой другой науки. Как ботаник не сможет изучить все отдельные растения, как зоолог не в состоянии обозреть всех отдельных животных, как химик не может изучить все существующие химические соединения, так и историк не в состоянии даже просто прочитать все отдельные источники. И здесь на помощь историку приходит классификация, располагающая все источники в определенном порядке, разбивающая их первоначально на большие категории, а затем каждую большую категорию на более мелкие группы, устанавливающая общие приемы и способы анализа для каждого члена этой классификационной системы.

Современная наука в любой своей отрасли на настоящем уровне развития все больше внимания уделяет типологии, ибо всё возрастающий уровень информации неизбежно требует изучения типического в данной области. Классификация любого множества по типам, родам и видам — действенный метод научного познания, обязательный — хотя и не всегда ясно осознаваемый этап научного исследования. Типологическая классификация — отнюдь не чисто логическая задача. Она, как это будет показано ниже, опирается на существенные, изначально присущие источникам признаки и тем самым отражает объективный процесс образования источников. Типологическая классификация исходит из того, что однородные категории источников своеобразно отображают явления реального исторического процесса, что они образуются в результате конкретного проявления общих закономерностей этого процесса.

Типологическое деление источников более, чем какая-либо иная система деления, отвечает целям и задачам исторического исследования. Не случайно авторы всех предложенных ранее си-

² Об этом см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 351. В данном случае речь идет не о фактах — событиях прошлого, а о научных фактах, фактах-знаниях (М. А. Вршачкич. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. — «Вопросы истории», 1968, № 10,

стр. 84—87). См. также: Г. М. Иванов. К вопросу о понятии «исторический факт». — «Труды Томского государственного университета», т. 209. Томск, 1969, стр. 17—34.

стем деления источников, какой бы принцип деления они ни применяли, неизменно оказывались вынужденными оперировать понятиями «вид», «род», «тип» как наиболее отвечающими требованиям научного анализа. Уже одно это заставляет подробнее проанализировать все эти понятия, показать условия их возникновения и границы их применения, одновременно уточнив, выражению каких внутренних качеств и свойств источника они служат.

Для решения всех этих вопросов необходим углубленный анализ содержания и формы источника. Цель этого анализа — установить, какие моменты, стороны содержания и формы лежат в основании деления источников, на что должен опираться источниковед при выделении тех или иных единиц деления, классифицируя исторические источники. При выяснении содержания источника исследователь неизбежно должен разобратся в сложных и малоизученных с теоретической точки зрения вопросах отображения и воплощения реальной исторической действительности в исторических источниках.

Процесс отображения и воплощения действительности в источнике, лежащий, как это будет показано ниже, в основе типологической классификации, един для источников всех стран и всех эпох, однако конкретное проявление его недостаточно еще раскрыто на примерах источников русских, восточных, западноевропейских и т. д. В настоящей работе классифицируются только русские письменные источники по отечественной истории. Источники других типов и географических регионов привлекаются для сравнительного анализа, но не служат объектом классификации.

Современная историческая наука характеризуется повышенным вниманием к методологическим вопросам, стремлением подняться от фактографии к обобщениям, к поискам закономерностей исторического развития. Все это приводит к бурному росту теоретического источниковедения, к попыткам увязать источниковедческие проблемы с вопросами гносеологии и миропонимания. Классификация изучаемых объектов — один из этапов, одно из средств их научного познания. Поэтому классификация возникает и применяется на таком этапе развития знания, когда оно начинает превращаться в науку. Стремление к систематизации и классификации изучаемых объектов — свойство всех наук.

Однако, прежде чем приступить к выяснению всех поставленных выше проблем, следует предварительно рассмотреть исторический источник с точки зрения теории познания. Цель этого вводного экскурса — показать объективность исторического источника, независимость его от воли и сознания последующего исследователя — и в то же время опосредствованность источника сознанием его автора, его творца. Исторический источник в свете ленинской теории отражения выступает как сложное общественное явление, представляющее собой диалектическое единство объективного и субъективного в одно и то же время. Ленинская теория отражения

дает ключ для выяснения характера не только источника, но и сущности исторического исследования, также представляющего собой своеобразное отображение действительности на основе анализа исторических источников. Более подробное рассмотрение ленинской теории отражения даст возможность показать глубокое, принципиальное отличие марксистского источниковедения от источниковедения буржуазного, позволит дать научное определение источника с гносеологической точки зрения, показать связь понятия исторического источника с такими смежными понятиями, как антропологический источник, географическая среда и, наконец, уяснить то общее и то различное, что есть в понятиях «исторический источник» и «историческое исследование».

Исходя из главных положений философского материализма, развитых К. Марксом и Ф. Энгельсом, В. И. Ленин дал в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» глубокое и всестороннее определение материи, которое лежит в основе всякого научного, материалистического познания мира. «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»³, — писал В. И. Ленин.

Прошло более полувека с тех пор, как были написаны эти строки, однако до наших дней продолжают попытки философов-идеалистов свернуть с пути материалистического объяснения мира, уйти от решения основного вопроса философии, возродить обветшалый субъективный идеализм под новой вывеской логического позитивизма. Показательны в этом плане рассуждения одного из лидеров так называемой семантической философии американского философа-идеалиста Р. Карнапа об отсутствии зависимости между объективным миром и нашим сознанием, выраженные в таких, например, схоластических хитросплетениях: «Мы отвергаем тезис о реальности физического мира, однако мы отвергаем его не как ложный, а как не имеющий смысла, точно так же, как мы отвергаем и его идеалистический антитезис. Мы не утверждаем и не отрицаем эти положения, мы отвергаем вопрос в целом»⁴.

С ленинским определением материи, утверждающим объективное существование мира и возможность познания его, теснейшим образом связана и теория отражения, в основе которой лежит признание объективно существующего внешнего мира и его отражения в сознании людей⁵. Мысль, высказанная В. И. Лениным, что

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

⁴ Цит. по статье: П. В. Копнин. В. И. Ленин о способности отражения как свойстве материи. — «Труды Сибирского физико-технического института при Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева», вып. 32. Томск, 1935, стр. 5.

⁵ В некоторых современных буржуазных школах возрождаются старые философские теории, пытающиеся в завуалированной форме отрицать объективность внешнего мира. Так, англо-американские презентисты

«вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»⁶, означает, что свойство отражения присуще и неживой материи и материи живой.

Способность отражения у неживой материи рассматривается естественнонаучными дисциплинами. Свойство отражения у живой материи изучают биология, физиология, психология и т. д. Философия рассматривает этот процесс с гносеологической точки зрения. Из ленинского определения следует, что свойство отражения характеризуется всеобщностью и обязательностью для всех вещей и явлений, хотя и проявляется по-разному. Что же представляет собой исторический источник в свете ленинской теории отражения, как воплощается, как отображается в источнике реальная действительность, какова специфика этого явления и какое значение имеет оно для теоретического источниковедения — вот те вопросы, которые встают перед исследователем и на которые следует попытаться найти ответ.

Прежде чем переходить к рассмотрению этого вопроса, остановимся вначале на терминологической стороне проблемы. Известно, что В. И. Ленин широко пользовался терминами «отражение» и «отображение» как синонимами. Из этих двух терминов для характеристики исторического источника более подходит термин «отображение». Термин «отражение» традиционно закреплен в физике и других точных науках для характеристики различных физических явлений (зеркальное отражение луча света как изменение его направления; изменение направления пучка радиоизлучений; взаимное отталкивание упругих тел и т. д.). Когда же мы переходим к характеристике процессов, происходящих в живой природе, то, во избежание смешения различных понятий, употребляем термин «отображение», хотя и равный по смыслу термину «отражение», но имеющий иное этимологическое значение, более полно отвечающее своему назначению. *Отображение* реаль-

ной исторической действительности в источнике предполагает, что в нем имеются различные *образы* этой действительности, и задача источниковеда заключается, в частности, в том, чтобы по этим образам восстановить подлинную, реальную историческую действительность⁷. Термин «отображение» (от слова «образ») точнее передает смысл ленинской теории в применении к человеку и тем самым к историческому источнику: человек не бесстрастно отражает реальную действительность, как, например, зеркало отражает луч света: нет, действительность отображается в ощущениях, чувствах, мыслях и делах человека, и исторический источник является результатом этого отображения, его следствием.

Итак, первый вывод, который мы должны сделать из ленинской теории отражения для анализа исторического источника, заключается в положении, что объективная реальность, реальная действительность, отображаемая в сознании человека, является первопричиной возникновения исторического источника. Объективная реальность существует независимо от человека, она предшествует ему, она дана ему извне. Именно эта не зависящая от человека реальная действительность воспринимается им (чувственно или рационально)⁸; сознание человека отображает реальную действительность в виде ощущений, понятий, суждений и т. д., вплоть до гипотез и теорий, а затем в своей практической деятельности человек претворяет эти ощущения, понятия и т. д. в такие

⁷ Об употреблении термина «отображение» в философском смысле см.: Б. С. Украинцев. О сущности элементарного отображения. — «Вопросы философии», 1960, № 2, стр. 63—76.

⁸ В современной западноевропейской философии мы нередко сталкиваемся с отрицанием объективной исторической действительности. И. Гутман, например, вообще сомневается в существовании объективных исторических фактов, ибо в реальности эти факты прошлого не существуют, и их можно установить лишь «в отношении субъекта к объекту» (т. е. историка к источнику). А раз так, то и исторический факт зависит от точки зрения исследователя, и сами исторические источники не могут быть поняты вне связи историка с источником. Исторический источник, по Гутману, в значительной степени является продуктом мышления историка, результатом духовной деятельности исследователя, а не объективной реальностью. — (I. Gutman. Über das Problem Objektivität im Geschichtsunterricht. — «Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht», Bd. III. Braunschweig, 1954, S. 24). Вопрос о зависимости прошлого от настоящего освещает видный западногерманский историк права Г. Митteis (H. Mitteis. Die Rechtsidee in der Geschichte. Gesammelte Abhandlungen und Vorträge. Weimar, 1957, S. 501—513). Об этом же говорит еще один западногерманский историк М. Х. Бем: «Исторические факты должны всегда заново отбираться и упорядочиваться, причем существо фактов... должно изменяться в зеркале исторического сознания» (цит. по статье: А. Д. Энштейн. Некоторые тенденции западногерманской клерикально-милитаристской историографии. — «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 97). Итальянский историк Э. Секстан в докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук также утверждал, что «факт, событие не являются реальностью сами по себе. Это — продукт нашего мозга» (Э. Секстан. История событий и история структур. М., 1970, стр. 5).

(от франц. Present — настоящее), исходя из философии Кроче, отрицают объективность исторического познания, рассматривают историческую науку как проецирование в прошлое современных взглядов и теорий. В истории нет и не может быть объективных истин, говорят презентисты, каждый историк по-своему создает историческую картину прошлого — и все эти картины одинаково правомерны. Исторические обобщения, исторические законы — это акты веры, а не познания. Исторические источники не могут нам дать достоверного знания о прошлом, говорит влиятельный буржуазный идеолог Д. Дьюи, ибо наши суждения об источнике являются результатом отбора, они релятивны, они всегда — порождение настоящего времени (J. Dewey. Logic. The Theory of Inquiry. New York, 1938, p. 232). Критическую оценку современного англо-американского релятивизма см. в статье: F. Fischer. Objektivität und Subjektivität — ein Prinzipienstreit in der amerikanischen Geschichtsschreibung. — «Aus Geschichte und Politik. Festschrift zum 70. Geburtstag von Ludwig Bergsträsser». Düsseldorf, 1954, S. 167—182.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 91. См. также: Л. С. Трепова. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. Автореферат канд. диссертации. Минск, 1970.

объекты, которые и являются для нас историческими источниками.

Определяющая, ведущая роль объективной реальности в возникновении исторического источника не исключает, конечно, активности субъекта, творца источника. Марксистский принцип отображения учитывает обе стороны взаимоотношения объективной реальности и субъекта, указывая не только на источник человеческого сознания (внешний мир), но и на то, что идеальное — это материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Человек не пассивно, не «механически» копирует объективную реальность, внешний мир, а претворяет, преобразует свои ощущения, восприятия, понятия, суждения и т. д. о нем в факты действительности.

Отображая объективную действительность, человек в то же время сам «творит действительность», воздействуя на нее в соответствии с ее объективными законами⁹.

Глубокий смысл ленинской теории отражения в применении к источниковедению как раз и заключается в том, что человек, отображая реальную действительность, в то же время, создавая исторические источники, воздействует на нее, т. е. процесс отображения и практическая деятельность неотделимы друг от друга. Следовательно, сам процесс отображения следует понимать как процесс взаимодействия субъекта с объектом. Исходя из этого взаимодействия, В. И. Ленин и определил ощущение как «субъективный образ объективного мира», подчеркнув тем самым объективность содержания ощущения и субъективность его формы, т. е. способа существования, выражения объективного содержания.

Одним словом, важнейшей чертой исторического источника с точки зрения ленинской теории отражения является то его свойство, что он может быть определен как объект, созданный чело-

⁹ Об этом более подробно см.: *Ф. И. Георгиев*. Сознание и принцип отражения. — «Научные доклады высшей школы. Философские науки». М., 1966, № 5, стр. 96—102; *М. Матаев*. Категории субъекта и объекта в марксистской философии. М., 1967, стр. 7—9. Марксистско-ленинскому пониманию соотношения объекта и субъекта в познании противостоят современные буржуазные теории гносеологии. Так, Г. фон Србик считает, что прошлое «сливается» с жизнью и временем историка, его изучающего, и принимает субъективное содержание и субъективную форму (*H. R. von Srbik*. Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart, Bd. I. München—Salzburg, 1950, S. 2). В книге «История между философией и политикой» В. Гофер также утверждает, что прошлое существует лишь постольку, поскольку оно отражено сознанием изучающего его субъекта (*W. Hofer*. Geschichte zwischen Philosophie und Politik. Stuttgart, 1956, S. 110). В другой своей книге «Историография и мировоззрение» он еще более прямо и определенно говорит о слиянии субъекта с объектом в историческом исследовании, причем «жизненные принципы субъекта (т. е. историка, исследователя. — Л. П.) становятся принципами понимания объекта (т. е. исторического источника. — Л. П.)» (*W. Hofer*. Geschichtsschreibung und Weltanschauung. München, 1950, S. 411). См. также: *W. Hofer*. Geschichte und Politik. — «Historische Zeitschrift», 1952, Bd. 174, Heft 2, S. 287—306.

веком на основе личных, субъективных образов реального, объективного мира¹⁰. Эта особенность исторического источника имеет важнейшее, решающее значение для источниковедения. Она означает, что исторический источник является надежным средством познания действительности¹¹. Правда, чтобы познать эту действительность, мы должны сделать поправку на субъективность ее восприятия автором (творцом) источника, причем в принципе безразлично, индивидуальный это автор или коллективный, ибо понятие «субъект» одинаково применимо и к обществу в целом и к каждой личности в отдельности (ср., например, фольклор, пережитки, данные языка и т. д. как исторический источник).

Не менее важен и второй вывод, который мы можем сделать на основе ленинской теории отражения: человеческая психика, неизменно, постоянно участвуя в создании исторического источника,

¹⁰ В последней методологической работе Г. М. Иванова дается определение исторического источника (с гносеологической точки зрения), весьма близкое по существу к только что сформулированному: «Исторический источник есть всегда диалектическое единство объекта и субъекта; он представляет собой субъективированное объективное, или субъективированный предмет (объект), и объективированное субъективное, или объективированный субъект, определенную сущность человека, форму его предметного бытия» (*Г. М. Иванов*. Исторический источник и историческое познание (Методологические аспекты). Томск, 1973, стр. 143). Резюме В. Н. Бурлака с оценкой этого определения см. «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1974, № 4, стр. 167—169.

В. Б. Устьянцев дает такое определение письменному историческому источнику — это «письменное сообщение, заключающее в себе исторический факт, отраженный в сознании конкретной личности средствами духовной культуры своей эпохи с определенных классовых позиций» (*В. Б. Устьянцев*. Исторический источник как специфическая форма отражения действительности. — «Ленинская теория познания и современная наука». Саратов, 1970, стр. 155).

¹¹ Некоторые буржуазные философы и историки с этим не соглашались. Они считают, что интересы историка так влияют на сам процесс познания, что делают невозможным объективное познание прошлого. Подобно многим другим своим предшественникам, Е. Тепп в статье «Познание прошлого» делает из этого вывод в духе агностицизма и этопцентризма: исторического прошлого как объективной реальности нет, оно не существует вне нашего сознания; исторический источник — это понятие, относящееся к области представления, он, как и прошлое вообще, обнаруживается только в нашем собственном мышлении; мышление историка не есть отображение исторического источника, а единственный его носитель: и источник и прошлое вообще существуют лишь постольку, поскольку мы находим его в нашем мышлении (*E. Tapp*. Knowing the Past. — «The Journal of Philosophy», v. LV. New York, 1958, N 11, p. 460—467; см. также: *Г. М. Иванов*. Исторический источник и историческое познание (Методологические аспекты), стр. 37—101. Социолог Кэроу Хант также утверждает, что историческое прошлое непознаваемо, так как в источниках всегда имеются пробелы; историк всегда отбирает нужные ему факты; история дает нам ответы, которые зависят от поставленных вопросов, объективных законов в истории нет (*R. N. Carew Hunt*. The Theory and Practice of Communism. London, 1957, p. 51). Об этом см.: *И. С. Кон*. «Материализм и эмпириокритицизм» и современная буржуазная идеология. — «Коммунист», 1959, № 6, стр. 47.

не является его первопричиной, первоосновой, а всего лишь психической средой, воспринимающей, осмысливающей объективный мир и участвующей в претворении этих впечатлений и образов в такие объекты, которые становятся тем самым историческими источниками. Исторический источник — это не реализованный продукт человеческой психики, как утверждал А. С. Лаппо-Данилевский. В его определении психика является первопричиной, первоосновой возникновения исторического источника. На самом же деле психика производна, ее роль в создании исторического источника вторична: не будь объективной действительности, из чего бы реализовала психика свои результаты? Ленинская теория отражения и дает в руки исследователя мощное оружие для борьбы с подобными идеалистическими по сути определениями в области источниковедения. Возникновение исторического источника следует связать с той активно-творческой функцией сознания, о которой говорил В. И. Ленин в «Философских тетрадах»: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹². В ходе общественно-исторической практики человек, отображая в своем сознании реальный, объективный мир, создает, творит такие объекты, которые дают нам возможность познать объективный мир. Эти объекты выступают по отношению к изучающим их людям как побудительный мотив к объяснению и реконструкции прошлого, иначе говоря, они являются источниками для изучения этого прошлого¹³.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194. См. также: Г. М. Иванов. О социальной природе исторического источника. — «Труды Томского государственного университета», т. 247. Томск, 1974, стр. 27—38. Об активной роли человека при любой форме механической документации см.: О. М. Медушевская. Источниковедение новейшей истории. — «Вопросы истории», 1973, № 11, стр. 188—189.

¹³ Некоторые современные буржуазные историки отрицают, однако, объективный характер исторических источников, а тем самым и объективное существование прошлого. Так, французский историк христианства профессор Сорбонны Апри-Ирена Марру в своей книге «Об историческом познании» утверждает, что «история неотделима от историка» *H. I. Marrou. De la connaissance historique. Paris, 1954, p. 51.* См. об этой книге: *R. Campbell. Histoire et philosophie de l'histoire. — «La nouvelle revue Française», 1956, N 42, p. 1063—1072; I. Muglioni. L'histoire et la vérité. — «La revue socialiste», 1955, N 90, p. 312—321; M. L. Lauriers. A propos de la «Connaissance historique». — «Revue des sciences philosophiques et théologiques», 1955, N 39, p. 569—602.* См. также рецензии: *G. Lefebvre. — «Revue historique», 1957, N 217, p. 335—338; L. Krieger. — «American historical review», 1959, v. 64, p. 331.* В своих главах обобщающего труда французских историков «История и ее методы» А. Марру также говорит о том, что исторический факт является просто продуктом творчества историка, что он не существует независимо от историка, что история как наука неспособна постичь объективную истину. По словам Марру, историческая истина есть результат связи между структурой прошлого и мыслью, умом, которые ее реконструируют на этой гармонии взаимности, где все — нюанс, тонкость, сложность. Понятно, что добытая столь несовершенным способом истина, которая есть порождение не знания, не исследования, а интуиции, прозрения, симпа-

У исторического источника, однако, есть еще одно свойство, которое обязательно должно быть учтено исследователем. Возникнув как результат практики, как объект, созданный человеком на основе субъективного отображения объективного мира, исторический источник становится сам органической частью реальной действительности, связывается с ней бесчисленным количеством самых разнообразных связей и лишь как часть, неотъемлемая и органическая часть реальной действительности («как исторический факт», сказали бы источниковеды!) исторический источник и может быть правильно понят. Следовательно, реальная, объективная действительность не только отображается, но и воплощается в исторических источниках. Мы находим в историческом источнике не только образ исторической действительности. Исторический источник — сам продукт исторической действительности, он — часть ее, оставшаяся от прошлого и дошедшая — целиком или частично — до наших дней. Это не только образ действительности, но и часть ее, вернее, и образ и часть этой действительности одновременно. Реальная действительность через сознание человека своеобразно и многопланово отображается в историческом источнике, и в то же время она воплощается в нем с такой полнотой и с таким разнообразием, что дает основание позднейшим исследователям познать эту навсегда от нас упущенную и неповторимую действительность.

Именно в этом своем новом качестве (как часть реально существовавшей исторической действительности) источник и воспринимается исследователем, историком; но историк не просто воспринимает, он изучает, исследует источник, чтобы познать его сущность. Как известно, сущность не лежит на поверхности явления, она не может быть познана одним лишь чувственным созерцанием. Задача историка-исследователя как раз в том и состоит, чтобы от наблюдения над источником перейти к раскрытию его сущности, к открытию внутренних законов возникновения и происхождения источника, к изучению прошлого на основе исторического источника. В результате восприятия и изучения исторических источников появляется историческое исследование, которое, с философско-гносеологической точки зрения, с точки зре-

тия, не поддается никакой проверке извне. Историк — сам себе высший судья, он вправе так понимать и так истолковывать исторический источник, как подсказывает ему его интуиция («L'histoire et ses méthodes». Paris, 1961, p. 1467—1533). См. также: О. М. Медушевская. Вопросы теории источниковедения в современной французской буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1964, № 8, стр. 77—88; она же. Вопросы источниковедения в издании «L'histoire et ses méthodes». — «Вопросы архивоведения», 1963, № 2, стр. 109—115; см. также рецензию Ю. А. Флита на книгу «История и ее методы» в журнале «Вопросы истории», 1964, № 7, стр. 79—82. Обстоятельная критическая рецензия принадлежит Ш. Э. Перрену («Journal de savantes», 1962, N 7—9, p. 142—155), см. также краткую заметку: «American historical review», 1962, v. 67, N 3, p. 677.

ния теории отражения, является объектом, созданным человеком на основе личных, субъективных образов объективно существующих исторических источников.

Только в этом, и больше ни в чем, и лежит различие между историческим источником и историческим исследованием: любое исследование является одновременно и источником для своей, породившей его эпохи.

Ленинская теория отражения дает нам ключ к пониманию и еще одного важного источниковедческого вопроса — о сходстве и различии между собой первоисточника и вторичного источника. Первоисточник является объектом, созданным человеком на основе субъективного образа объективного мира. Любой вторичный источник, т. е. основанный на других источниках, следует рассматривать как диалектическое единство отображения и реальной действительности, и субъективного образа первоисточника. Мы наблюдаем много общего между вторичным источником и историческим исследованием. Источниковедение даст нам массу подтверждений этого, ведь все поздние летописцы, восстанавливая историю прошлого, по сути дела в меру своих сил занимались источниковедческими изысканиями, критикой и отбором своих источников. Именно это и дает нам право искать и находить истоки исторических знаний в глубокой древности, в те века, когда сама наука история еще и не смогла сформироваться, когда мы говорим об исторических знаниях, а не об исторической науке.

Но вторичный источник тем и сходен с первоисточником, что и он отображает и воплощает реальную действительность, а не только первоисточник, причем активность отображения действительности во вторичном источнике иногда может быть выше, чем в первоисточнике. Рассмотрим в качестве примера донесения особого отдела Департамента полиции о революционных выступлениях в 1905 г.; среди этих документов мы найдем не только первичные донесения полицейских чинов, непосредственно наблюдавших революционные выступления (первоисточники), но и еженедельные записки, составлявшиеся в Департаменте полиции для рапорта царю (вторичный источник). Эти записки нельзя рассматривать как простую сумму первичных донесений: проведен отбор, материал сгруппирован, проверен, обобщен, вставлены оценки руководящих чинов Департамента и т. д. Таким образом, вторичный источник, с одной стороны, отображает в своем содержании сумму первоисточников, на которых он основан, а с другой — ту же самую реальную действительность, которая отобразилась и в первоисточниках, но отображает ее по-иному. Автор вторичного источника — не простой наблюдатель действительности, его сознание обогащено сведениями, полученными из других первоисточников, он может сопоставлять, анализировать явления реальной действительности. Поэтому, как правило, вторичные источники обладают большей степенью обобщения по сравнению с первоисточниками. Но это отнюдь не мешает им, конечно, быть

тенденциозными и давать нередко искаженную картину исторической действительности.

Историку часто приходится сталкиваться с таким случаем, когда первоисточник отображает частный, конкретный факт, событие или явление, а вторичный источник отображает сумму фактов, событий, явлений. Естественно, что широта отображения во вторичном источнике выше, он полнее характеризует явление — но это вовсе не означает, что вторичный, обобщающий источник может заменить собой первоисточник. Для историка важны и те, и другие, хотя характер исследования и может предопределить выбор тех или других в качестве основы исследования. И первичные и вторичные источники — это разные степени отображения и воплощения действительности, в одном отличающиеся друг от друга, а в другом — сходные друг с другом. И то и другое — источники для историка, и лишь конкретные задачи и цели исследования могут определить, каким источникам в данном случае должно быть отдано предпочтение.

Итак, с точки зрения теории отражения, исторический источник представляет собой сложное диалектическое единство одновременного отображения и воплощения действительности. Возникнув как отображение объективного мира в сознании автора, источник сам приобретает свойство отображаться в сознании более поздних его исследователей¹⁴, причем этот процесс беспределен и бесконечен: на новой ступени развития исторического мышления и познания новые историки и источниковеды открывают в источнике все новые качества и свойства, особенности и связи, не раскрытые или не изученные предшествующими исследователями.

Беспределенность и бесконечность процесса отображения источника в сознании позднейших исследователей приводит нас

¹⁴ В некоторых современных философских течениях мы встречаемся, однако, с попытками опровергнуть саму возможность отображения источника в сознании исследователя (W. Hofer. *Geschichtswissenschaft und Geschichtsphilosophie*. München, 1950, S. 103). Все эти высказывания теснейшим образом связаны и с субъективным идеализмом неокантианского типа и особенно с модной до сих пор на Западе философией экзистенциализма, для которой вообще характерна попытка отказаться от источника при изучении и реконструкции прошлого. Отрицание источника как необходимого звена, дающего возможность историку познать прошлое, вытекает из учения экзистенциализма о «существовании» (Existenz — немец.), отличаемом от понятия «сущности». Человек, учат экзистенциалисты, живет всегда и только в настоящем, которое приходит из прошлого и стремится к будущему. Прошлое всегда повторяется в настоящем, поэтому для познания прошлого достаточно познать самого себя, причем способом подобного познания объявляется интуиция («экзистенциальный опыт», понимание, «экзистенциальное озарение» и т. д.). Обращение к источнику бессмысленно, беспредельно, ибо внешний мир, мир пространства и времени, не существует вне человека; он для человека абсолютное ничто; остается только собственное существование человека в настоящем, его «наличное бытие».

к весьма важному для источниковедения выводу: источник неисчерпаем для исследования. Практика источниковедения неоднократно подтверждает это. В самом деле, возьмем в качестве примера такой широко известный и прекрасно изученный источник, как «Русскую Правду»: вот уже около двух с половиной веков идет пристальное его изучение, а историки продолжают извлекать из него все новые и новые данные, открывают в нем все новые и новые качества и свойства. Объясняется это в первую очередь сложностью и спецификой отображения действительности в этом источнике: историки находят первоисточники «Русской Правды», устанавливают ее взаимосвязь и взаимообусловленность с породившей ее средой, выясняют причины возникновения и т. д.

Исследователь не должен ограничиваться констатацией, что данный памятник есть источник; необходимо установить степень отображения в нем объективного мира; обязательно определить, является ли он первоисточником.

Пользуясь самыми разнообразными источниковедческими приемами, дойти до первичного отображения действительности в сознании автора первоисточника — вот один из путей, одна из целей, одна из задач источниковедения. Это не всегда бывает, конечно, возможно на определенном этапе развития нашей науки, но и в этом случае источниковед должен всегда помнить, что исследуемый им источник может и не быть первоисточником, может допускать иные способы своего истолкования. Смысл источниковедческого исследования как раз в том и заключается, чтобы вскрыть те возможности в отображении прошлого, которые потенциально хранит в себе исторический источник.

Первоисточник ближе всего стоит к породившему его историческому факту: между этим фактом и самим источником стоит только сознание автора первоисточника. Означает ли это, что тот источник, который ближе к факту, что он и достовернее других источников? Практика источниковедения показывает, что такой прямой и непосредственной зависимости проследить нельзя. Ведь любое отображение не является точной копией, адекватным снимком отображаемого. С одной стороны, оно беднее, чем тот объект, отображением которого оно является, так как воспроизводит только некоторые особенности этого объекта. Но, с другой стороны, любой источник сложнее того объекта, отображением которого он является, ибо любой источник содержит в себе и особенности отображающего — мысли, чувства и оценки того человека, который данный источник создал.

Степень адекватности отображения может быть различной, она зависит от ряда как внешних, так и внутренних причин. Известно, что внешние условия отображения могут как увеличивать, так и уменьшать степень адекватности отображения; еще большее значение имеют внутренние условия, особенности отображающего — автора источника, его возможности дать достоверную картину наблюдаемого мира. Проблема достоверности (одна из важнейших

и труднейших проблем теоретического источниковедения!) сложнее и многостороннее, чем простая близость первоисточника к объективной исторической действительности: нередки такие случаи, когда первоисточник оказывается субъективнее, суше, беднее, короче вторичных источников, хотя он и ближе к отображенной в нем действительности.

Источниковедческая цепность того или иного документа, предмета, явления и т. д. во многом зависит от того, насколько адекватным и активным или, наоборот, искаженным и пассивным было отображение действительности в источнике.

Вопрос о соотношении субъективности и адекватности отображения действительности в источнике нельзя понимать упрощенно, прямолинейно; нельзя прежде всего противопоставлять эти два понятия. Субъективность отображения действительности в источнике — это прежде всего то, что образы, слова, действия и т. д. автора источника внутренне ему присущи, что они являются результатами работы его мозга, возникли в его голове и не могут возникнуть без данного субъекта. Субъективность отображения действительности в источнике, кроме того, заключается и в том, что отображение объекта может ассоциативно связываться с предыдущим опытом субъекта — автора источника. Этот предшествовавший опыт может так эмоционально окрашивать восприятия и ощущения автора источника, что наблюдаемая им действительность будет претворена им в такие образы, представления, понятия и т. д., которые отразят лишь его личную точку зрения на данный акт, лишь его глубоко личное восприятие действительности.

Следует, однако, с самого начала подчеркнуть, что субъективность восприятия действительности ни в коей мере не означает иллюзорности ее отображения. При всей субъективности восприятия реальной действительности каждый автор неизбежно, непременно отображает в своих образах, представлениях, выводах и т. д. объективную реальность. Следовательно, каждый исторический источник есть диалектическое единство объективного и субъективного. Именно это диалектическое единство в каждом источнике и позволяет пользоваться классово чуждыми нам по происхождению источниками (например, материалами III отделения для воссоздания истории революционного движения): при всей субъективности оценок эти документы несут в себе и объективное зерно, которое и должно быть извлечено исследователем.

Субъективность и достоверность (адекватность) — это несопоставимые понятия. Все без исключения исторические источники субъективны. Нельзя не вспомнить при этом мысли Ф. Энгельса, высказанной им в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»: «Все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову»¹⁵. Все исторические источ-

¹⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 308. См. также: А. И. Уваров. Проблема теории и источника в исторической науке. — «Ученые записки Томского государственного университета», 1970, № 85, стр. 189—

ники субъективны в том смысле, что все они суть порождение, творение субъекта. Но не все субъективные отображения истинны, достоверны. Вопрос о достоверности источника — это вопрос об адекватности образа, отображенного в голове субъекта, объекту, объективной реальности. И поскольку первопричина возникновения исторического источника есть действие объективной реальности на человеческое сознание, поскольку источник есть воплощение и отображение, образ объективного мира, он всегда включает в себе часть этой объективной реальности. Сходство образа с отображаемым объектом — важнейший исходный пункт марксистской гносеологии.

Содержание исторического источника объективно обусловлено и неразрывно связано с объективными действиями человека, класса, народа, общества. Не случайно В. И. Ленин в «Философских тетрадах» подчеркивал диалектику субъективного и объективного в понятии отражения. Он писал: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, по объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹⁶. Равным образом и исторические источники «субъективны в своей абстрактности, оторванности», но в массе, в целом, в системе исторических источников, в итоге, в сумме источники дают нам объективное знание о прошлом.

Мысль В. И. Ленина о том, что объективность нашего знания зависит от изучения предмета «в целом, в процессе, в итоге», имеет важное значение для источниковедения. Изучение отдельно взятого источника может дать положительные результаты, но может привести и к серьезным ошибкам. Полное знание о прошлом возможно лишь при максимально широком изучении всех исторических источников во всех их связях, со всех возможных сторон, изучении «в целом, в процессе, в итоге, в тенденции». Это изучение — бесконечный процесс познавательной деятельности сменяющихся поколений историков, каждое из которых поднимается все вверх и вверх по ступеням относительного познания исторических источников, все вперед и выше — к овладению абсолютным знанием о прошлом, но ни одно из этих поколений не сможет сказать, что оно обладает абсолютной истиной. «Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому...»¹⁷

Сказанное не означает, конечно, что изучение отдельных исторических источников совсем не дает в руки исследователей истин,

данных, фактов, имеющих окончательное и непреходящее значение. Еще Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указал на существование вечных истин типа «Наполеон умер 5 мая 1821 г.». Нельзя преувеличивать относительность наших знаний, но нельзя также и забывать того, что наше знание о прошлом в конечном итоге всегда относительно. Эта относительность объясняется и объектом изучения (прошлым) и субъектом (изучающим). Наше знание о прошлом изменяется количественно и качественно непрерывно и постоянно. С каждым годом увеличивается количество известных нам источников; естественно поэтому, что наше знание о прошлом растет вместе с увеличением числа источников. Наше знание всегда исторически ограничено, неизбежно возникают поправки к прежним теориям. Прошлое предстает перед историком как неисчерпаемо сложное единство, которое сразу охватить нельзя. Историк изучает прошлое на основе всей предшествовавшей практики, которая сама является процессом, которая меняется, растет, развивается. Выражением прогресса, развития и практики и самого познания является совершенствование способов и приемов источниковедческого познания — появление новых технических способов чтения утраченных текстов, реставрации и реконструкции утраченных частей источника, проникновение математических методов в исследование социально-экономических явлений и т. д. Постоянно совершенствуются и познавательные способности историка, его возможности глубже, вернее, совершеннее понимать прошлое во всей его сложности¹⁸.

Итак, изучение источника дает в руки исследователя объективное знание о прошлом, но знание это является в то же время относительным, неполным, незавершенным. Согласно ленинской теории отражения возможна полная познаваемость источника, как и любого другого явления, но фактические знания о нем на любом

¹⁶ Марксистско-ленинскому пониманию истории как социальной науки современная буржуазная философия противопоставляет свое толкование. Не исследование, а интуиция, не наука, а искусство, не объективный характер, а субъективное представление — вот, что характерно для некоторых школ современного буржуазного источниковедения. Стремление подчеркнуть иррациональный характер исторического познания идет еще от немецкого философа-иррационалиста В. Дильтея. Дильтей постоянно подчеркивал иррациональный характер человеческого познания, роль интуиции (понимания, сопереживания, воображения), которую он ставит выше знания, а искусство — выше науки (о нем см.: А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX вв. М., 1958, стр. 54—57; И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, стр. 105—117; I. F. Suter. Philosophie et histoire chez W. Dilthey. Bâle, 1960). Критикуя дильтеевское «понимание», неопозитивист О. Нейрат писал, что оно так же мало входит в понятие науки, как хороший кофе, который помогает ученому в работе (см. O. Neurath. Empirische Soziologie. Wien, 1931, S. 56). См. также: И. С. Кон. Неопозитивизм против историзма (о социологической концепции К. Поппера). — «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1958, № 2, стр. 81.

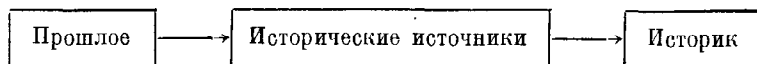
216; он же. Исторический факт как элемент теории. — «Ученые записки Калининского пединститута», 1971, т. 91, вып. 1, стр. 3—32.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.

¹⁷ Там же, стр. 164. См. также: М. Н. Терешко. Некоторые методологические принципы проверки достоверности исторических источников. — «Ученые записки Томского государственного университета», 1970, № 85, стр. 173—180.

данном этапе исторического развития науки оказываются относительными. Именно это противоречие и двигает вперед историкопведение, развитие которого — это бесконечное проникновение в сущность исторического источника.

Специфика исторического исследования заключается в том, что историк никогда не может судить о прошлом, изучать, исследовать его непосредственно, минуя исторические источники. Эта зависимость между прошлым, историческим источником и историком может быть выражена в виде схемы:

Прошлое — это объективно существовавшая, объективная реальность¹⁹, отображаемое; исторические источники — это источники всех типов, родов и видов, воплощающие и отображающие эту объективную реальность; историк — это субъект, изучающий прошлое по историческим источникам. Он связан непосредственно с историческими источниками, являющимися отображением прошлого, его частью, осколком; по состоянию исторических источников он судит о прошлом²⁰.

¹⁹ В современной буржуазной философии мы встречаемся и с иной трактовкой прошлого. Один из основоположников экзистенциализма философ М. Хайдеггер в своей работе «Бытие и время» трактует прошлое как внутреннее переживание человека. Для познания прошлого следует «погрузиться в себя», отрешиться от всех практически целевых установок, быть свободным от всех «идолов общественного бытия», от политических и философских теорий (M. Heidegger. Sein und Zeit. Tübingen, 1960, S. 126). Впервые опубликована в «Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung», Bd. VIII, 1927). Вместо независимого от человека объективного исторического прошлого М. Хайдеггер выдвигает понятие «человечески конкретного бытия», отрицая тем самым объективную закономерность развития общества. История по Хайдеггеру иррациональна и непознаваема (об этом подробнее см.: G. Lucács. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1955, S. 389—416). Учение Хайдеггера было поднято на щит современной идеологической реакцией, оно оказало большое влияние на французскую школу экзистенциалистов и на американскую семантическую философию (W. Breitschneider. Sein und Wahrheit. Über die Zusammengehörigkeit von Sein und Wahrheit im Denken Martin Heidegger. — «Monographien zur philosophischen Forschung», Bd. XXXVII. Meisenheim, 1965; здесь же приведена обширная библиография о Хайдеггере). Весьма примечательна также книга: A. Adams. Transzendenz der Erkenntnis und Eschatologie der Geschichte (München, 1958), в которой автор призывает отказаться от научного познания мира и обратиться к вере как единственной возможности познания сущего.

²⁰ В моей статье «Исторический источник в свете ленинской теории отражения» было сказано, что историк «связан только с историческими источниками, но не связан совсем с прошлым» («Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М., 1970, стр. 81). На «недостаточную корректность» такого категорического отрицания связи историка с прошлым было верно указано в книге: Г. М. Иванов. Исторический

От чего же зависят знания историка о прошлом? В первую очередь от того, насколько точно и адекватно исторические источники отображали прошлое, но не только от этого. Многое зависит и от самого историка, от его умения и навыков анализировать показания источников, от его личной способности увидеть в них то, что не смогли увидеть другие, от его логики исследователя, от объема его памяти, от его способности сопоставлять уже известные ему факты со вновь обнаруживаемыми. И — что самое главное — это зависит от объема и содержания информации, которой располагает историк относительно того «мира», той реальной действительности, к которому относится и прошлое, и исторические источники, и, наконец, сам историк. Едва ли эта мысль требует особого доказательства: историк, лучше и точнее представляющий прошлое, вернее и правильнее оценит исторический источник, извлечет больше из него сведений; особенно важно в этом случае для историка знать конечные (или дальнейшие) итоги развития, начало которому заложено в историческом источнике²¹.

Однако, несмотря на безграничность человеческого познания, несмотря на вероятность появления все новых и новых, более полных, более точных, более совершенных данных о прошлом, историк может извлечь из источника только то, что в нем есть; он может сказать о прошлом только то, что содержится в источнике, в сочетании, конечно, с тем знанием, которым он располагал ранее. Безграничные познавательные возможности человека реализуются лишь при условии безграничного притока информации, в то время как количество исторических источников, дошед-

источник и историческое познание, стр. 128. Автор справедливо говорит, что так как исторический источник есть исторический факт, часть реальной исторической действительности, то имеются все основания утверждать: между историком и объектом его исследования имеется не только опосредствованная, но и в определенном смысле непосредственная связь.

²¹ Все сказанное, конечно, не дает права преувеличивать роль историка в толковании источника, как это делал, например, Л. Февр, который, как известно, стал вообще отрицать объективность и источника и исторического прошлого. Конечно, процесс познания источника есть процесс творческий; безусловно справедливо, что исходные теоретические позиции историка во многом определяют те выводы, которые он делает на основе изучения источника, но все это вовсе не исключает объективного характера исторического источника, независимости исторического прошлого от сознания историка. Февр же в своем предисловии к книге Ш. Моразе «Три эссе по истории и культуре» пишет, что история «сама создает свой объект. Она создает его не раз навсегда. Всякая история — дочь своего времени. Точнее, истории не существует. Есть только историки, каждый из которых в соответствии с потребностями своей страны, своего возраста и своего века демонстрирует ту или другую часть гигантского фильма прошлого» (Ch. Morazé. Trois essais sur histoire et culture. Paris, 1948, p. VII; см. также: L. Febvre. De la création en histoire. — «Annales. Economies. Sociétés. Civilisations», 1956, N 3, juillet—septembre, p. 292—295).

ших до нас, неизмеримо мало по сравнению с фактами и явлениями прошлого. Поэтому и наши знания о прошлом, полученные на основе более глубокого и более совершенного изучения исторических источников, хотя и могут существенно возрастать, но все же имеют какой-то предел. Мы можем полно и точно представить себе прошлое, но мы не в состоянии реконструировать его целиком, мы не в состоянии даже на основе самой высокоразвитой логики дедуцировать прошлое во всем богатстве индивидуальных особенностей его единичных проявлений.

Специфика процесса отображения и воплощения действительности в исторических источниках заключается, в частности, еще и в том, что отношения между отражаемым и отражающим являются причинными, каузальными. Реальная объективная действительность обуславливает воспроизведение в источнике в другой форме особенностей этой объективной действительности. Реальная действительность есть причина возникновения источника, равно как источник есть следствие реальной действительности. Причина и следствие связаны, конечно, не только друг с другом, они не изолированы и от других явлений, внешних по отношению к причине и следствию, но составляющих те условия, в которых существует и действует причина, неизбежно порождающая следствие. Для исторических источников таким внешним явлением, таким условием, в котором существует и действует человек, является географическая среда. Природа одна, самостоятельно, не может породить исторический источник, но географическая среда является тем необходимым условием, в котором источник существует.

Причина (реальная действительность) предшествует следствию (историческому источнику) во времени: между действием причины и наступлением следствия всегда проходит определенный промежуток времени. Причина первична, следствие — вторично. «... Отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего»²², — писал В. И. Ленин. Вопрос о том, как именно отображается исторический источник в сознании историка, исследователя — это проблема логики исторического познания, связанная с проблемой отражения, но имеющая свои специфические особенности рассмотрения и потому выходящая за рамки настоящей работы.

И, наконец, последнее, что следует сказать об оценке исторического источника его позднейшим исследователем: эта оценка всегда партийна, классовая, социальна. Именно поэтому вопросы партийности исторической науки теснейшим образом смыкаются с проблемой точности и достоверности интерпретации источника. Правильное решение вопроса об адекватности отображения и воплощения действительности в источнике немислимо без пар-

тийного подхода к источнику, без учета его классовой общественной сущности. Источниковедение было, есть и будет глубоко партийной наукой. Кардинальные вопросы теоретического источниковедения — определение и классификация исторических источников, проблема достоверности, анализ происхождения и назначения источника и т. д. — всегда решались с классовых, партийных позиций. Поэтому партийность источниковедческого анализа, партийность мировоззрения историка имеют важнейшее значение в анализе исторического источника в свете ленинской теории отражения²³.

Идеологи буржуазии прикрывают свою партийность покровом объективизма, на словах превозносят беспартийность, говорят о бесклассовой надпартийной науке. Марксистские же источниковеды, разоблачая реальный классовый смысл писаний буржуазных историков, ясно и недвусмысленно заявляют о своей коммунистической партийности.

Буржуазная партийность в источниковедении характеризуется отрицанием и закономерностей исторического развития, и объективной природы исторического источника, и реального содержания наших знаний о прошлом, и возможности познания прошлого. Коммунистическая партийность, наоборот, включает в себя утверждение закономерностей исторического развития, признание объективного, не зависящего от воли исследователя характера и происхождения исторического источника. Партийность советского источниковедения провозглашает возможность познания прошлого и подчеркивает объективный характер наших знаний о нем. Советское партийное источниковедение активно борется со всеми завуалированными попытками буржуазных историков отрицать классовый характер исторической науки²⁴.

²³ Не останавливаясь подробнее на этом вопросе, детально уже исследованном и разработанном в советской исторической науке (В. Т. Папуго, В. И. Салов, Л. В. Черепнин. Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики. — «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М., 1970, стр. 39—63). Стремясь к так называемой объективности исследования, западногерманские историки противопоставляют объективность партийности, пропагандируют независимость науки от политики, хотя в то же время их исследования служат ясно выраженным антикоммунистическим, антисоветским целям. Такова, например, уже упоминавшаяся выше книга: W. Hofer. Geschichte zwischen Philosophie und Politik. Подобные же взгляды высказывает и М. Левик в статье «Разногласия и противоречия в истории». Об этом см.: Е. Э. Печуро. К вопросу об объективности исторического познания. — «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 190—191. В целях оправдания реваншизма в современной западногерманской историографии грубо искажаются данные исторических источников (об этом см.: В. И. Салов. О некоторых проповедниках реваншизма. — «Новая и новейшая история», 1963, № 2, стр. 135—144; М. Р. Тульчинский. На службе неонацизма (о книге Ганса фон Рамши «История России»). — «История СССР», 1962, № 6, стр. 170—180).

²⁴ Б. Г. Могильницкий. Принцип партийности в историческом познании. — «Труды Томского государственного университета. Серия историческая», т. 247. Томск, 1974, стр. 3—16.

Принцип партийности в применении к источниковедению означает последовательно проведенную объективность в познании источника, постоянное отстаивание независимого от воли исследователя характера исторического источника. Принцип партийности предполагает строжайшее, критическое отношение к любому источнику. Не следовать пассивно за источником, слепо преклоняясь перед его показаниями, а критически осмыслить источник, дать глубокий анализ и партийную, классовую оценку и самих источников и сообщаемых ими фактов — вот цель источниковедения²⁵.

*

Настоящая книга была начата в 1960 г. в секторе источниковедения и публикации источников Института истории АН СССР. Первым научным консультантом темы был доктор исторических наук А. А. Новосельский. Монография была завершена в 1969 г. в секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР; руководитель темы — академик Л. В. Черепнин.

Во время написания книги автор неоднократно выступал с докладами в различных научных коллективах. Результаты этих обсуждений оказали большую помощь при доработке рукописи к печати. Дружеская поддержка и постоянное внимание коллектива Института истории СССР АН СССР, в котором автор проработал более четверти века, помогли завершить эту работу. Автор с признательностью вспоминает помощь, оказанную ему

З. Н. Бочкарёвой и А. А. Новосельским, и приносит сердечную благодарность всем, помогавшим словом и делом, особенно Л. В. Черепнину, А. П. Пронштейну, С. И. Якубовской и В. Т. Пашуто.

²⁵ Более широко вопросы, затронутые во введении, освещены в работах: Л. М. Пушкарьов. Про деякі теоретичні проблеми радянського джерелознавства. — «Український історичний журнал», 1970, № 5, стор. 20—26. См. также: М. А. Варшавчик. Введение в курс истории Коммунистической партии Советского Союза (Материалы к лекции). Киев, 1970, стр. 19—21 (ротапринт); он же. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, стр. 9—54; он же. Вопросы источниковедения истории КПСС. М., 1972, стр. 3—7; О. М. Медушевская. Теоретические проблемы источниковедения. Автореферат докт. дисс. М., 1975.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

*

С развитием любой науки увеличивается, естественно, и количество явлений, фактов, закономерностей, подлежащих изучению исследователя. Историк второй половины XX в. нельзя уже ограничиваться старыми традиционными историческими источниками. В ряде случаев ему приходится обращаться к новейшим техническим достижениям — таким, как магнитофон, фотография и кино, для того, чтобы добиться максимальной полноты анализа дошедшего материала. Открытые в последнее время новые разновидности письменных источников — берестяные грамоты также значительно расширили наши возможности в изучении прошлого русского народа¹, и не случайно раздаются голоса, утверждающие необходимость создания новой вспомогательной дисциплины — берестологии².

Круг исторических источников постоянно расширяется вместе с развитием науки. Большое значение приобретают исследования из смежных дисциплин, например работа специального характера из области медицины, имеющая, однако, значение и в чисто историческом плане³. Совершенно не случайно в последнее время раздается настойчивое требование о включении филологии и филокартии в число вспомогательных исторических наук⁴.

¹ Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969; А. Д. Горский. Берестяные грамоты как источник по истории земледелия в Новгородской земле XII—первой половине XV в. — «Вестник МГУ», 1969, № 3.

² Д. С. Лихачев. Новая наука — берестология. — «Новый мир», 1966, № 2, стр. 271—274.

³ Д. Г. Рохлин. Болезни древних людей. (Кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.—Л., 1965.

⁴ Л. Л. Лепешинский. Филателия и история. — «Вопросы истории», 1966, № 3, стр. 205—209; А. И. Гужовский. Историческая наука и филателия. — «Новая и новейшая история», 1966, № 6, стр. 114—117; И. В. Бугаевич. Филокартия як допоміжна історична дисципліна. — «Український історичний журнал», 1968, № 1, стор. 116—118. См. также интересную в источниковедческом плане статью: Я. Н. Шапов. Отражение социального переустройства народного хозяйства в советских почтовых марках (1921—1941). — «Труды Московского государственного историко-архивного института» (далее — «Труды МГИИАИ»), т. 17. М., 1963, стр. 157—183.

Все это требует от источниковеда отчета в том, что же является историческим источником.

Подобные проблемы теснейшим образом соприкасаются с областью методологии истории, ибо вопросы определения исторического источника смыкаются с рассмотрением таких проблем, как исторический факт, полнота и адекватность отображения исторической действительности в источнике, познаваемость действительности на основе источника и многие другие гносеологические аспекты методологического характера, важные сами по себе, но представляющие собой предмет специального исследования, в настоящей работе не затрагиваемый.

Теоретическое источниковедение, имеющее предметом изучения исторический источник, с самого начала своего возникновения неоднократно пыталось дать определение этому сложному понятию. Это и естественно: любая наука — техническая, естественная или общественная — дает определение изучаемым ею объектам, хотя и отчетливо осознает всю ограниченность любого определения. Определение изучаемого объекта, хотя и не раскрывает всей глубины и сущности события или факта, тем не менее является существенным элементом его познания. Едва ли есть необходимость подробно доказывать ту мысль, что в научном исследовании каждый факт, каждое явление, каждый объект, каждое понятие должны быть по возможности точно определены; без этого в науке неизбежно возникают неясности, недоразумения, основанные на смещении понятий.

Правда, нельзя не заметить и совершенно обратного явления: многие историки, и русские дореволюционные и советские, вообще не считали нужным давать точное определение источнику, удовлетворяясь такими расплывчатыми обозначениями, как «материалы», «памятники», «остатки» и т. д., или не касаясь совсем этого вопроса. В какой-то мере объясняется это тем, что любое определение источника всегда относительно: оно не в состоянии охватить не только всего многообразия источников, но и всех признаков и свойств исторического источника.

Но учитывая всю относительность определения и всю его условность, помня о том, что любое определение не может охватить источник полностью и не в состоянии, следовательно, исчерпать до конца нашего представления о нем и тем более не может заменить познание его, совершенно отказаться от определения источника нельзя. Вскрывая существенный признак источника, определение является одним из средств более полного и точного его познания, дает нам краткую формулу, как бы подытоживающую наши знания в этой области. И не случайно само определение исторического источника появилось у нас сравнительно поздно и стало своеобразным этапом познания, итогом наших представлений об историческом источнике.

Определение не может быть раз и навсегда данным, неизменным, застывшим: вместе с углублением наших представлений

о предмете, вместе с более глубоким познанием его свойств и особенностей меняется или видоизменяется и наше определение изучаемого объекта. Это наглядно можно проследить и на примере источниковедения: разные ученые по-разному определяли исторический источник, а иногда в одно и то же определение вкладывали различное понимание употребляемых ими терминов. Целесообразным поэтому представляется рассмотреть предварительно историографию данного вопроса. При историографическом анализе во внимание принимаются лишь формулы определения источника, а не общее понимание источника тем или иным исследователем. Следует с самого начала оговориться, что в своей практической источниковедческой работе русские историки смотрели на источник шире, понимали его глубже и вернее, чем можно было бы себе представить только на основе даваемых ими определений.

Но в то же время краткие, отточенные формулы определений источника были весьма показательны. Они как бы суммировали в себе quintessence мысли историка, а иногда и весьма неожиданно обнажали истинное его отношение к тем философским основам, на которых покоится каждое определение.

Определение исторического источника в русской дворянской и буржуазной историографии XVIII—XX вв.

Понятие исторического источника было присуще русской исторической науке с самого начала ее становления, хотя, конечно, определение этого понятия было дано значительно позже.

Во второй четверти XVIII в., когда исторические знания в России начали превращаться в науку, перед русской исторической мыслью, естественно, встал вопрос об источнике как основе исторического исследования. Превращение знаний в науку сопровождалось активной деятельностью по изданию важнейших источников по отечественной истории — летописей, «Русской Правды», Судебника Ивана IV, Книги Большого Чертежа и т. д. Само понятие источника в это время еще не выкристаллизовалось, его и не могло быть, это был период собирания, накопления исторических знаний, но тем не менее уже первые обобщающие труды XVIII в. дают и перечень и краткую характеристику использованных источников.

Ссылки на источники мы встречаем и в более ранних исторических трудах. Уже составитель «Повести временных лет» провел большую работу по выбору и сопоставлению исторических данных из устных и письменных источников. Летописи сохранили нам и такие важнейшие источники, как договоры Руси с греками, «Русскую Правду», Поучение Владимира Мономаха и др. Внимательное и бережное отношение к источнику характерно и для более поздних исторических памятников — хроно-

графов, Синописа и т. д., однако лишь начиная со второй четверти XVIII в.⁵ мы сталкиваемся впервые с анализом и критикой использованных источников, с выделением источниковедческих вопросов вообще в специальный раздел исследования. Так поступил уже В. Н. Татищев в своем «Предъизвещении» к «Истории Российской»⁶, однако определения понятия «исторический источник» мы у него не находим.

Нет этого определения и в трудах М. В. Ломоносова, хотя характеристика отдельных источников, в том числе лингвистических и фольклорных, им дается. Опираясь главным образом материалом письменных источников, он привлекает для своих доказательств также и топонимические данные. Новые исторические источники перечисляет в своем «Опыте новейшей истории о России» и Г. Ф. Миллер, также не давая определения исторического источника. В то же время следует отметить новый подход Г. Ф. Миллера к источникам: от их первичного собирательства он перешел к организованному и систематическому подбору, что особенно ярко проявилось в его «Истории Сибири». Миллер впервые потребовал точного воспроизведения исторического документа в неизменном виде. Он стремился к возможной полноте в использовании источников⁷.

Впервые с употреблением термина «источник русской истории» мы встречаемся в работе немецкого историка и статистика А. Л. Шлецера «Опыт изучения русских летописей», вышедшей на немецком языке в 1768 г. А. Л. Шлецер, как известно, в 1761 г. по приглашению Г. Ф. Миллера приехал в Петербург,

в 1762 г. был назначен адъюнктом, а в 1765 г. академиком по русской истории. В 1767 г. он вернулся в Германию, забрав с собой все выписки и собранные им материалы, по которым он и написал позднее известные свои работы по русскому летописанию. Все это дает нам право рассматривать его труды как факт русской историографии.

Шлецер употребил самый термин (Quelle), дал деление источников на иностранные и отечественные, последние, в свою очередь, разделил на главные и побочные (Haupt- und Nebenquellen). Эту классификацию источников сам Шлецер считал «систематической и полной»⁸.

Книга Шлецера была, конечно, известна в России, однако термин «источник» долгое время не входил в употребление. Обобщающие труды по русской истории в XVIII в. вообще обходятся без него. Например, нет термина «источник» в смысле «исторического источника» в предисловии к I тому «Истории Российской от древнейших времен» М. М. Щербатова, вышедшей впервые в 1771 г. Подзаголовок «Предисловия» («Об источниках истории Российской») в переиздании 1901 г. дан редакторами этого переиздания И. П. Хрущовым и А. Г. Вороновым.

Оппонент и критик М. М. Щербатова И. Н. Болтин употребляет термин «источник», однако не в смысле «исторический источник». Так, анализируя летописи и три последовательных этапа работы над ними, он замечает: «После сих трех трудов, из домашнего источника почерпнутых, следует еще не менее важный, состоящий в собрании известий из чужестранных источников и летописцев»⁹ (курсив мой. — Л. П.).

⁵ Труд А. И. Манкиева «Ядро российской истории», законченный в 1717 г. и содержащий критику использованных источников, был опубликован Г. Ф. Миллером лишь в 1770 г. и приписан им князю А. Я. Хилкову. Авторство А. И. Манкиева было установлено в XIX в.

⁶ См. об этом более подробно: Л. Н. Пушкирев. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв. — «История СССР», 1963, № 5, стр. 79—80; А. Т. Николаева. Краткий очерк развития источниковедения в России в XVIII веке. Учебное пособие. М., 1962, стр. 9—18 (рогапринт); С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I. Л., 1961, стр. 222—262; Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957, стр. 174—179; «Очерки истории исторической науки в СССР». М., 1955, стр. 188; Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 77—79; С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII в. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 35—37.

⁷ В статье «Опыт новейшей истории о России» Г. Ф. Миллер разъясняет понятие «источник» термином «основание»: «Самое главное основание, яко российской истории вообще, так и сей части оныя, суть на российском языке сочиненные летописи» («Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1761, январь, стр. 8). См. последнюю работу о значении трудов Миллера для развития источниковедения русской истории: Л. В. Черепнин. G. F. Müllers Bedeutung für die Quellenkunde der russischen Geschichte. — «Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, S. XV)». Berlin, 1966, S. 303—311.

⁸ A. L. Schlözer. Probe russischer Annalen. Bremen und Göttingen, 1768, S. 168. Вслед за Шлецером употребил этот термин и дал ему свое толкование и Вальхс в своих «Критических сведениях об источниках церковной истории», вышедших в Лейпциге в 1770 г. Во введении к своей книге Вальхс пишет: «Мы понимаем под историческим источником такое достоверное известие о каком-либо примечательном событии, которое дает полное основание считать это событие истинным. Если это известие исходит от непосредственного свидетеля [события], то это — источник первого порядка или, как говорят другие, первой руки; от такого источника мы получаем драгоценнейший подарок — историческую истину» (C. W. F. Walchs. Kritische Nachricht von den Quellen der Kirchengeschichte. Leipzig, 1770, S. 15). Определение Вальхса недостаточно полно. Он не учитывает, что недостоверное известие тоже является историческим источником. Кроме того, Вальхс явно переоценивает значение непосредственного свидетельства события для достоверности источника: нам известно много случаев, когда непосредственные свидетели события оставляли абсолютно недостоверные известия, сознательно искажая факты. На русскую историческую науку определение источника Вальхса никакого влияния не оказало.

⁹ И. Н. Болтин. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, стр. 17. Нельзя не отметить также, что И. П. Болтин для объяснения понятия «исторический источник» пользуется термином «припасы». Он писал, что ошибаются те, которые полагают, что для создания исторического труда вполне до-

Впервые на русском языке термин «источник» (правда, применительно к конкретному периоду русской истории, а не к истории вообще) мы находим в переводе на русский язык исследования А. Л. Шлецера о Несторе. Во II Прибавлении мы читаем: «Первый и единственный источник древнейшей русской истории есть Нестор». И далее: «Нестор есть первый, древнейший, единственный, по крайней мере, главный источник для всей славянской, летской и скандинавской истории сего периода»¹⁰.

Столь удачно примененный Шлецером термин «источник» быстро завоевывает права гражданства. Уже в 1809 г. М. Г. Каченовский в статье «Об источниках для русской истории», хотя и не дает определения этого понятия, тем не менее весьма уверенно им пользуется: «Чтобы получить сколь возможно ближайшее к истине познание об истории отечественной, надлежит знать источники, из которых почерпать должно известия»¹¹. Специальный раздел предисловия к I тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина озаглавлен им «Об источниках Российской истории до XVIII века». Карамзин употребляет самый термин, но не разъясняет его, ограничиваясь после подробного перечня источников риторическим замечанием: «Вот материалы истории и предмет исторической критики»¹². Термин

статочно собрать «довольное количество исторических припасов... Припасы необходимы, но необходимо также и умение располагать оными» (И. Н. Болтин. Примечания на историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка..., т. I. СПб., 1788, стр. 268; см. также: А. Т. Николаева. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 161—186. Термин «источник домашней своей истории» мы встречаем также в «Библиотеке Российской исторической», ч. 1. СПб., 1767, стр. 18, 20, 21, 22 и др., однако толкования этого понятия здесь не дается).

¹⁰ А. Л. Шлецер. Нестор. Русские рукописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлецером, ч. 1. СПб., 1809, стр. 394, 425. В начале XIX в. термин «Quellen» широко завоевывает признание и в немецком источниковедении (см., например: Ch. J. Kraus. Enzyklopädische Ansichten einiger Zweige der Gelehrsamkeit. Königsberg, 1809, S. 22).

¹¹ М. Г. Каченовский. Об источниках для русской истории. — «Вестник Европы», 1809, ч. 43, № 3, стр. 194. Книга И. Ф. Г. Эверса «О происхождении Русского государства» имеет подзаголовок «Попытка исследовать историю последнего на основании источников», однако толкования этого термина в работе нет (см. I. Ph. G. Ewers. Vom Ursprunge des russischen Staats. Riga und Leipzig, 1808). Термин «источник» встречается и в более поздних работах Эверса (см., например: I. Ph. G. Ewers. Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Dorpat, 1814, S. 101; русский перевод: «Предварительные критические исследования Густава Эверса для Российской истории». М., 1825, стр. 89, и др.). Историографическую характеристику Эверса см.: М. В. Нечкина. Густав Эверс. — «Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. статей с предисловием и под редакцией М. Н. Покровского. Труды Института красной профессуры», т. 1. М., 1927, стр. 17—49.

¹² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1816, стр. XXXVII. Ср. также употребление термина «источник» в книге

«источник» употребляет и А. З. Зиновьев, отмечая особо значение «письменных свидетельств, на коих основывается повествователь»¹³, однако толкования этого термина мы и у него не встречаем.

Все перечисленные работы относятся к тому начальному периоду русского источниковедения, когда только еще складывался понятийный комплекс этой науки, когда историки на ощупь отыскивали нужные им и подходящие для их цели термины. Именно в этот период складывались у русских историков их представления об историческом источнике. Следует сразу же отметить, что понимание исторического источника, например, Н. М. Карамзиным стоит неизмеримо выше, чем у М. М. Щербатова или И. Н. Болтина, хотя понятие «исторический источник» в их трудах отсутствует.

Следующий период в историографии данного вопроса падает на 30—60-е годы XIX столетия. Это время широкого внедрения термина «источник» в практику преподавания истории, в исследовательские и обобщающие труды. Однако употреблялся этот термин историками без стремления уяснить себе границы данного термина, его конкретное содержание. Вот несколько примеров исторических работ данного периода, подтверждающих эмпирический характер употребления термина «источник».

Понятие «исторический источник» в конце 20-х годов XIX в. вводится в первые обобщающие работы исторического характера. Так, Н. А. Полевой в своей «Истории русского народа» пишет: «Исторические материалы для древней истории каждого из новейших европейских народов состоят из источников истории отечественных и источников истории иностранных»¹⁴.

А. Х. Лерберга «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории» (СПб., 1819, стр. V).

¹³ А. З. Зиновьев. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М., 1827, стр. 3. Ср. также употребление этого термина в названии статьи П. М. Строева «О византийском источнике Нестора» («Труды и летописи Общества истории и древностей российских», ч. IV, кн. 1. М., 1828, стр. 167—176). В другой статье П. М. Строева «Об издании выписок из хронографов» термину «источник» дается такое толкование: «К числу источников или материальных пособий нашей истории (курсив мой. — Л. П.) принадлежат так называемые хронографы» («Труды ОИДР», 1828, т. 4, кн. 1—2, стр. 116. Термин «источник» без какого-либо толкования мы встречаем и в работе К. Ф. Калайдовича «Иоанн экзарх болгарский» (М., 1824, стр. V). В немецком источниковедении в это время термин «источник» также широко употребляется (L. Wachler. Lehrbuch der Geschichte zum Gebrauch in höheren Unterrichtsanstalten. Auflage 5. Breslau, 1828, S. 48).

¹⁴ Н. А. Полевой. История русского народа, т. I. М., 1829, стр. LIII. Встречающееся в это время в немецком источниковедении определение исторического источника как «материала, в котором могут находиться исторические факты», не оказало влияния на русскую историческую науку и никак не было оценено (W. Wachsmuth. Entwurf einer Theorie der Geschichte. Halle, 1820, S. 82).

В 30-е годы XIX в. термин «источник» в смысле «исторический источник» широко употребляется как в специальных исторических и источниковедческих работах, так и в обобщающих исторических исследованиях. В «Русской истории» Н. Г. Устрялова, например, термин «исторический источник» приравнивается к понятию «памятник минувшего» и употребляется как равнозначный ему¹⁵.

Нет смысла перечислять далее все случаи употребления термина «исторический источник». Достаточно сказать, что этим понятием широко пользовались все историки как в конкретно-исторических исследованиях, так и при создании обобщающих трудов и курсов¹⁶.

Впервые об отличии исторического источника от исторического исследования (пособия) четко сказал К. Н. Бестужев-Рюмин во введении к курсу «Русская история», где он изложил кратко свои взгляды на источник, историческую критику, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины и т. д., а также дал обзор главных источников для изучения русской истории¹⁷. Однако, указав на отличие источника от пособия,

¹⁵ Н. Г. Устрялов. Русская история, ч. 1. 862—1462 гг. СПб., 1837, стр. 4. В работе того же автора «О системе прагматической русской истории» (СПб., 1836) говорится, что средства к изучению русской истории делятся на два разряда: источники и критические исследования (стр. 50), однако определение источника и его отличие от исследования здесь не даются.

¹⁶ Развернутое определение источника мы находим в это время в учебнике З. Бехера, в котором говорится: «Источник — это все то, из чего что-то можно почерпнуть. Исторические источники — это то, из чего черпается материал для истории, они различаются в зависимости от вспомогательных исторических наук» (*S. Becher. Handbuch zur Vorbereiten für das historische Gesamtstudium und Literatur desselben. Wien, 1833, S. 93*). Это достаточно общее определение, охватывающее все многообразие исторических источников, не объясняет, однако, что разумеет автор под «материалом для истории» (*Stoff für Geschichte*). Вслед за Бехером «материалом для работы историка» назвал исторические источники И. Г. Дройзен в известном «Очерке истории» (первое издание 1868 г., третье — 1882 г.). Термин «источник» (*Quelle*) Дройзен отнес только к такому историческому материалу, который был создан с сознательной целью напомнить о прошлом. Разъяснения того, что понимает Дройзен под «материалом для работы историка» (*Stoff für historische Arbeit*), в его труде мы не находим (*I. G. Droysen. Grundriß der Historik. Leipzig, 1868, S. 13*). Работа Бехера не получила ни отклика, ни рецензии в России и никак не отразилась на понимании источника в русской науке. Точка зрения Дройзена, несомненно, сказалась на воззрениях русских источниковедов, но главным образом в вопросах деления, а не определения исторического источника. Более того, в русской исторической литературе этого времени продолжало еще бытовать двойственное понимание термина: под источником подразумевали и архивный первоисточник и ту книгу, откуда тот или иной автор почерпнул те или иные сведения (см., например, П. Е. Медовиков. Руководство к познанию русской истории, ч. I. М., 1853, стр. 26).

¹⁷ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 10—208. Различает источник и пособие также и Д. Иловайский («История России», ч. 1. Киевский период. М., 1876, стр. V).

К. Н. Бестужев-Рюмин определения исторического источника тоже не дал.

После работы К. Н. Бестужева-Рюмина в русском источниковедении настал период, когда историки начали употреблять термин «источник» гораздо более обдуманно и сознательно. Они связывали употребление этого термина со способностью источника донести до нас часть прошедшего. И хотя в формуле определения исторического источника в это время никаких видимых достижений обнаружить нельзя, тем не менее к концу XIX в. русское источниковедение вплотную подошло к выработке собственного определения исторического источника. Поэтому, не останавливаясь на работах историков второй половины XIX в., употреблявших термин «источник», но никак не разъяснявших его, укажем лишь на заслуживающую внимания статью Ф. Я. Фортинского, представляющую собой развернутую рецензию на книги Смедта и Тардифа, вышедшие в 1883 г. Ф. Я. Фортинский, касаясь понятия «исторический источник», называет его термином «памятник», а об источнике он говорит лишь в противопоставлении его историческому исследованию¹⁸. Дальнейшее уточнение понятия «исторический источник» мы находим в лекциях по всемирной истории М. Н. Петрова, который под источником понимает «свидетельства и памятники прошедшего, как вещественные, так и письменные»¹⁹.

Известная работа В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» печаталась с 1884 г. в виде приложения к киевским «Университетским известиям»; отдельным изданием первая книга I тома вышла в 1891 г. Автор не дает определения исторического источника; он говорит здесь об историческом материале, повторяя тем самым суждения Дройзена; подчеркивает значение первоначальных источников, ссылаясь при этом на Фримана; отмечает многообразие и многочисленность источников, но так и не сообщает своей точки зрения по этому

¹⁸ Ф. Я. Фортинский. Опыты систематической обработки исторической критики. Киев, 1884, стр. 10, 13 (отд. отт. из киевских «Университетских известий», 1884, № 8).

¹⁹ М. Н. Петров. Лекции по всемирной истории, т. I. Харьков, 1888, стр. 10. В литографированном курсе Н. П. Барсова «Русская история. 1887—1888 академический год. Историография» (Варшава, 1888, стр. 3) исторический источник также приравнивается к понятию «памятник». Определение профессора церковной истории в Бюрнбурге И. Ниршля — «исторические источники — это первое средство, посредством которого мы узнаем о прошлом» — не оказало влияния на русскую историческую науку; работа его не получила отклика. Определение И. Ниршля крайне расплывчато и неточно. Если исторический источник — это первое средство познания прошлого, то каковы же последующие способы этого познания? Автор об этом прямо не говорит, но вся книга этого воинствующего церковника, проповедника католицизма и мракобесия, убеждает нас в том, что главным средством познания прошлого Ниршль считал «Боговдохновение» (*I. Nirschl. Propädeutik der Kirchengeschichte. Meinz, 1888, S. 18*).

вопросу²⁰. В первой книге II тома автор еще раз возвращается к понятию «исторический источник», однако он вновь ограничивается определением «исторический материал»²¹.

В 1894 г. начал читать свой курс лекций по источниковедению В. О. Ключевский. Этот курс не был им опубликован; мало того, первая вводная лекция курса вообще не сохранилась; до нас дошли лишь наброски лектора. Судя по этим данным, В. О. Ключевский определял исторические источники как «письменные или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ»²².

Определение это крайне неполно (отсутствуют источники лингвистические, фольклорные, этнографические и т. д.) и не-

точно, ибо понятие «источник» определяется термином «памятник», который в свою очередь требует определения. В то же время нельзя не отметить, что в определении В. О. Ключевского мы встречаемся с понятием отражения реальной действительности в источнике. Правда, на философскую сторону этого вопроса историк внимания не обратил, но самый факт заслуживает нашего внимания. Кроме того, необходимо иметь в виду, что перед нами — незаконченная работа историка, наброски; автор лишь попутно останавливается на определении источника; главное внимание в курсе уделено источниковедческому анализу различных письменных исторических источников, и эта часть курса сохранила свое значение вплоть до наших дней.

Конец XIX — начало XX в. в русском источниковедении — это время напряженных терминологических поисков, стремления уяснить теоретические проблемы, связанные с пониманием источника и его значения в познании прошлого. Историки пытаются найти тот термин, который может полнее и точнее выразить сущность исторического источника. Иногда один и тот же историк в разных своих трудах применяет различные определения источника, как бы «примеривая» их, пытаясь отыскать то, которое будет всеобъемлющим и наиболее приемлемым.

Этапом в определении исторического источника является работа Н. П. Загоскина по истории права, в которой он впервые в русском источниковедении дал такое широкое определение, которое охватывает собою все многообразие источников: «Все то, что способно послужить нам средством к познанию минувшей жизни народа... тем самым приобретает значение источников к познанию истории этого народа»²³. Правда, в этой же книге автор на этой же странице дает еще одно определение источника — как «совокупность материала, при посредстве которого получаем мы возможность изучать явления минувшей жизни этого народа». У автора, следовательно, не выработалось еще четкого и единого представления об определении исторического источника, но самый факт поисков этого определения весьма показателен.

Новое определение источника мы находим в литографированном курсе лекций по русской истории С. Ф. Платонова: «В обширном смысле понятие исторического источника включает в своем содержании всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись или, наконец, устное предание. Но в узком смысле источником мы называем печатный или письменный остаток старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучает историк»²⁴.

²⁰ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891, стр. 2, 38—39, 49. Наиболее полный перечень многочисленных рецензий на труд В. С. Иконникова см.: «История исторической науки в СССР. Дюктябрьский период. Библиография». М., 1965, стр. 41, № 486.

²¹ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. IV—IX. Стремление В. С. Иконникова обойти молчанием само определение источника не может быть оправдано, так как автор был знаком с предшествующими работами, в которых уже имелось новое определение источника (имеется в виду известный учебник Э. Бернгейма, вышедший первым изданием в 1889 г., шестым изданием — в 1908 г.). Определение Бернгейма представляет собою новый этап в понимании сущности исторического источника. Он пишет так: «Материал, откуда наша наука черпает свои познания, мы попросту называем „источником“. Мы можем так в общем определить это понятие: источники — это результаты человеческой деятельности, пригодные для познания и удостоверения исторических фактов или с самого начала или преимущественно вследствие их существования, возникновения и прочих отношений» (E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908, S. 252). В этом своем определении, идущем, как указывает Бернгейм, от Эрхарда («Kritische Übersicht der Diplomatie... und Entwurf eines System der Geschichtsquellenkunde». — «Zeitschrift für Archivkunde, Diplomatie und Geschichte», 1835, Bd. 2, S. 385 ff.) справедливо говорится о связи источника с человеческой деятельностью, но автор ничего не говорит о реальности источника, независимости его от историка. Определение Бернгейма оказало существенное влияние на русскую историческую науку.

²² В. О. Ключевский. Сочинения, т. VI. М., 1959, стр. 475. В определении источника В. О. Ключевский сближается с точкой зрения французских историков, для которых характерно понимание исторических источников как следов прошлого (ср. «угасшая жизнь» у Ключевского). Впервые это определение мы находим у Морте (Ch. et V. Morlet. La science de l'histoire (Extrait de la «Grande Encyclopedie»). Paris, 1894, p. 27), затем в известной книге Лангла и Сеньобоса (Ch. V. Langlois et Ch. Seignobos. Introduction aux études historiques. Paris, 1898, p. 4; русский перевод: Лангла и Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899, стр. 13). В более позднем труде Ш. Сеньобоса понятие «источник» вообще заменяется термином «документ», который, по мнению автора, также представляет собой след исчезнувшего факта — иногда в форме материального предмета, но чаще в форме записей, составленных людьми, которые сами видели эти факты (Ch. Seignobos. La méthode historique appliquée aux sciences. Paris, 1901, p. 4; русский перевод: Ш. Сеньобос. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902, стр. 5).

²³ Н. П. Загоскин. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права, т. I. Введение. Наука истории русского права. Формация народа и государства. Казань, 1899, стр. 129.

²⁴ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. СПб., 1894, стр. 33.

Понятие исторического источника глубже и обстоятельнее всего в русском буржуазном источниковедении разработано у А. С. Лаппо-Данилевского. Этому вопросу он посвятил целую главу своего учебника «Методология истории». Автор прежде всего дает определение источнику вообще и понимает под ним с теоретико-познавательной точки зрения «всякое данное нашего чувственного восприятия». В научно-эмпирическом смысле А. С. Лаппо-Данилевский под источником понимает «всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте»²⁸.

Автор различает понятия «исторический факт» и «исторический источник»: исторический факт означает понятие о действительно бывшем, т. е. о прошлом, которое можно восстановить на основании одного или нескольких источников. Далее А. С. Лаппо-Данилевский дает и определение источника исторического знания как реального объекта, изучаемого не ради его самого, а для получения знания об историческом факте. В это определение источника исторического знания, говорит автор, явления природы, равно как и явления психической жизни человека, не входят, историк пользуется данными других наук — естествознания, психологии и т. д.

А. С. Лаппо-Данилевский останавливается на взглядах Бернгейма, Ланглюа и Сеньобоса на исторический источник и отвергает их. Определение Бернгейма (источники суть результаты человеческой деятельности) недостаточно точно, потому что под деятельностью человека можно понимать и физиологические отправления человека и нереализованные проявления его психической, душевной жизни — ни то, ни другое не могут быть историческим источником. Определение Ланглюа и Сеньобоса (источники суть следы, оставленные мыслью и действиями людей) также неприемлемо, ибо, во-первых, мысль и действие — понятия не равнозначные, во-вторых, не все мысли и действия, оставляющие след, могут быть доступны восприятию историка, и, в-третьих, не всякий след мысли или действия есть исторический источник, а лишь тот след, который нужен для восстановления исторического факта²⁹.

Далее автор от понятий «источник вообще» и «источник исторического знания» переходит к понятию «исторический источник» и считает, что источник вообще получает значение исторического источника лишь с психологической точки зрения, т. е. тогда, когда он (источник) является произведением человека, результатом его деятельности, а, следовательно, и результатом не столько

физических, сколько психических факторов, порождающих источник. Конечный вывод из рассуждений А. С. Лаппо-Данилевского таков: «Исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»³⁰.

А. С. Лаппо-Данилевский не мог пройти мимо достижений марксистско-ленинской исторической и философской мысли, которая к этому времени достигла важных результатов в освещении философских методологических проблем истории. Это влияние материализма, несомненно, сказалось в признании А. С. Лаппо-Данилевским объективного характера источника исторического знания.

Правильно указав при характеристике источника вообще на реальный, объективный характер источника, изучаемого с целью установления исторического факта, А. С. Лаппо-Данилевский далее сбивается на идеалистическое определение источника как продукта человеческой психики. Именно психическая деятельность становится у автора первопричиной возникновения источника; тем самым А. С. Лаппо-Данилевский затушевывает производность человеческой психики, обусловленность ее развитием производительных сил и производственных отношений.

Идеалистична по своему существу и вторая часть определения, когда А. С. Лаппо-Данилевский относит к числу исторических источников лишь те, которые пригодны для изучения фактов с историческим значением, ибо он тем самым предоставляет большой простор субъективизму в отборе: имеет или не имеет тот или иной факт (а, следовательно, и источник, этот факт содержащий) историческое значение, каждый исследователь решает по-своему. Здесь многое зависит от целей и задач исследования: для одной темы данный факт не нужен, для другой он имеет решающее значение, но ведь это никак не должно отражаться на определении источника.

Идеалистическое, субъективистское определение исторического источника А. С. Лаппо-Данилевским как бы завершает собой попытки русского буржуазного источниковедения найти наиболее полное и приемлемое определение источника.

Подводя итоги изучения в историографическом плане определения исторического источника в русской исторической науке XVIII—XX вв., можно сделать несколько выводов.

Хотя понимание исторического источника и было присуще русской исторической науке с самого момента ее становления, тем не менее само определение понятия «исторический источник» появилось лишь в конце XIX в. Русские историки вначале эмпирически выявили, описали и классифицировали исторические

²⁸ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. II. Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/11 году. СПб., 1913, стр. 366.

²⁹ Там же, стр. 369—371.

³⁰ Там же, стр. 375. Критику взглядов А. С. Лаппо-Данилевского см. в статье: Л. В. Черепнин. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — Вопросы истории, 1949, № 8, стр. 30—51.

источники, а уж затем задумались над тем, какое общее определение им дать. Потребность в определении, в отыскании подходящего термина особенно остро стала ощущаться после того, как в западноевропейском источниковедении уже появилось несколько определений подобного рода. Другой побудительной причиной поисков определения этого понятия явилось расширение источниковедческой базы, появление таких исторических источников, как стенограммы, машинопись, фонограммы и проч. Следовало решить, входит ли этот материал в понятие «исторический источник» или оно должно ограничиваться традиционным набором устоявшихся источников, — таких, как летописи, акты, мемуары и проч.

Вопросы теории источниковедения и, в частности, определения исторического источника значительно отставали от практики исторического исследования и, естественно, не могли оказать серьезного влияния на развитие исторической науки в целом. Большое число крупных русских буржуазных историков — таких, как С. М. Соловьев, А. А. Шахматов и многие другие вообще не считали нужным давать определение историческому источнику, а пользовались им эмпирически и достигали при этом значительных результатов. Практика источниковедческого анализа была богаче теории источниковедения, и смена различных определений исторического источника не влияла на практику исторических и источниковедческих исследований, которые и по сей день успешно используются в исторической науке.

Лишь в начале XX в. стали появляться определения, отражающие философские воззрения историков (Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский).

В конце XIX — начале XX в. большое влияние на русское источниковедение в определении исторического источника оказали работы зарубежных буржуазных историков — Дройзена, Смедта, Тардифа, Фримана и др. Русские буржуазные историки или присоединились к зарубежным определениям исторического источника (Бернгейма, Лангла и Сеньобоса) или постарались обойти этот вопрос молчанием, или, наконец, попытались дать свое определение исторического источника. Коренным недостатком определения А. С. Лаппо-Данилевского — этой вершины буржуазного источниковедения — является пренебрежение объективной стороной исторического источника, стремление рассматривать источник как реализованный продукт человеческой психики, что, несомненно, уводит исследователя в дебри неокантианства и позитивизма.

Если в области конкретного анализа исторических источников русское буржуазное источниковедение и добилося крупных успехов, то в теоретических вопросах источниковедения, в частности в определении понятия исторического источника, русская буржуазная историческая наука и не стремилась дать определение, которое отметило бы объективный характер исторического источ-

ника, его решающую роль для познания прошлого, не зависящую от сознания историка-исследователя.

Само собой разумеется, что анализ определений исторического источника, даваемых теми или иными историками, не дает нам еще оснований для общей характеристики взглядов или еще шире — мировоззрения — этих историков. Система взглядов того или иного историка шире, разнообразнее и сложнее; понимаем ли мы историка — лишь штрих, лишь частность, лишь деталь в общей системе, но эта деталь не выпадает из общей картины, а нередко и весьма ярко ее характеризует. Конечно, взгляды А. С. Лаппо-Данилевского, например, не сводятся к его ставшей широко популярной формуле определения источника, но в то же время его определение не противоречит общей системе его взглядов. То же самое можно сказать и о Н. И. Карееве, В. О. Ключевском и многих других дореволюционных историках.

Определение исторического источника в советской историографии (1917—1975 гг.)

Советская историческая наука³¹ не сразу нашла свой новый подход к историческому источнику. Работы, появившиеся в первые годы Советской власти, были написаны со старых методологических позиций; их авторы придерживались прежних взглядов, зародившихся еще в недрах русской буржуазной науки. Первые труды в области теоретического источниковедения появились в серии «Введение в науку. История». Первый выпуск этой серии открывается монографией Л. П. Карсавина — историка-идеалиста, посвятившего себя изучению религиозных движений в романском мире самих по себе, в отрыве от социально-экономического развития общества.

Определение исторического источника у Л. П. Карсавина тесно связано с его общим представлением об истории как науке и «вживании» историка в прошлое как основном и единственном методе познания. Л. П. Карсавин пишет так: «Историку открыт лишь один путь к погружению в минувшее — реальные остатки этого минувшего, видимо, оторванные от того единства, в котором они находились, и утратившие ясные связи с ним. Такие обрывочные остатки прошлого, переживающие себя в настоящем и

³¹ Ниже рассматриваются работы, вышедшие лишь на русском языке или переведенные на русский язык с языков народов СССР, хотя, конечно, понятие «советская историческая наука» шире, чем привлеченные автором для анализа исследования. Не учитываются также компилятивные работы, не имеющие научного значения, например, брошюра студента Самарского университета: Г. О. Печенежский. Пособие по методологии истории. Самара, 1948. Более подробно этот раздел был опубликован на украинском языке: Л. М. Пушкарьов. Визначення історичного джерела в радянській історіографії (1917—1968). — «Історичні джерела та їх використання», вип. 6. Київ, 1971, стор. 3—18.

связующие нас с тем единством, в которое они входили прежде, и называются историческими источниками»³².

Определение Л. П. Карсавина подчеркивает отрывочность источника, утрату связи источника с прошлым — все это, по мысли автора, приводит к агностицизму, к невозможности познать прошлое иным способом, кроме «вживания» историка-исследователя в источник и в психологию создателя источника. Автор не учитывает также, что помимо остатков прошлого историк пользуется и такими источниками, которые живут в настоящем, например, язык, фольклор, пережитки. Точка зрения Л. П. Карсавина на источник целиком находится в русле русского буржуазного источниковедения, и лишь хронологически она может рассматриваться в числе работ, вышедших в советское время.

В шестом выпуске той же серии вышла работа С. А. Жебелева «Древняя Греция». В этой книге автор определяет исторический источник как «фактический материал», который «заключает в себе совокупность данных, сохранившихся от прошлой жизни того народа, той страны, того государства, которые являются предметом изучения. Историческими источниками могут быть или сами факты непосредственно — памятники, или указания на факты — свидетельства»³³.

Работа С. А. Жебелева не имеет теоретического источниковедческого характера, касается специального вопроса, к ней нельзя предъявлять требований, которые мы вправе были поставить перед Л. П. Карсавиным. С. А. Жебелев, определяя источник как «фактический материал»³⁴, объединяет понятия исторического факта и исторического источника. С. А. Жебелев употребляет также термин «материал», мало пригодный для определения источника из-за своей генетической связи с понятием «материальный», под который не подходят такие источники, как нравы, обычаи, пережитки, а также живая речь и проч. Весьма спорно также определение памятников как непосредственных фактов, а свидетельств — как указания на факты; ведь любое свидетельство (или традиция) всегда само является историческим фактом. Разве летопись — это не факт истории?³⁵

³² Л. П. Карсавин. Введение в историю (теория истории). Пг., 1920, стр. 37—38.

³³ С. А. Жебелев. Древняя Греция, ч. I. Эллинизм. Пг., 1920, стр. 5.

³⁴ В более поздней своей работе «Введение в археологию, ч. II. Теория и практика археологического знания» (Пг., 1923) С. А. Жебелев употребляет главным образом термин «памятник».

³⁵ Появившиеся в начале 20-х годов новые определения источника в зарубежной историографии не могли оказать никакого влияния на русские труды по источниковедению этого времени. В трудные годы восстановительного периода эти зарубежные работы вообще не были известны в СССР. Таково «Введение в изучение истории» венского источниковеда В. Бауера, в котором дается следующее определение: «Историческим источником в широком смысле этого слова может быть все, что сужает нас материалом для мысленной реконструкции исторической

Работа О. А. Добиаш-Рождественской «Западная Европа в средние века», вышедшая десятым выпуском той же серии, содержит определение источника, восходящее к французскому источниковедению начала XX в.: исторические источники — это следы прошлого, прямые (остатки) или символические (письменные), «где за видимым знаком — начертанием — стоит символически высказавшееся духовное существо автора — писателя, который сам воспринял след проходящей мимо него истории»³⁶. Автор касается вопроса определения источника лишь попутно, тем не менее ее увлечения психологическими аспектами анализа источника говорят сами за себя. Определяя источник именно так, О. А. Добиаш-Рождественская ссылается при этом на одну из ранних работ Сеньобоса, в которой автор впервые коснулся понятия исторического источника³⁷.

В. И. Пичета в своей работе «Введение в русскую историю» дает определение источника, тесно связанное с определением С. Ф. Платонова, с одной стороны, и Сеньобоса, — с другой. К источникам, пишет автор, «следует причислить все те материалы, которые остались от прошлой жизни и в которых отражается какой-либо след старины»³⁸. Определение В. И. Пичеты не привносит ничего принципиально нового. Как уже говорилось, неудачен термин «материалы». Кроме того, источник не только отражает прошлое; источник всегда есть часть прошлого, а не просто след его³⁹.

жизни» (W. Bauer. Einführung in das Studium der Geschichte. Tübingen, 1921, S. 152). Определение Бауера — новый шаг вперед по пути, указанному еще Бехером и Майстером; оно достаточно широко и всеобъемлюще в своей первой части, но неудовлетворительно во второй, когда задачей истории как науки автор считает «реконструкцию исторической жизни». Что подразумевает автор под «исторической жизнью», остается неясным. В 1922 г. вышел третьим изданием известный обзор источников по Германии в средние века К. Якоба. Касаясь источниковедения, К. Якоб попутно дает и определение источника: «Термином „источник“ мы в исторической науке обозначаем сумму всех научно необходимых преданий, из которых мы на основе методического использования можем черпать исторические знания» (K. Jacob. Quellenkunde der deutschen Geschichte im Mittelalter (bis 1400), Bd. 1. Berlin und Leipzig, 1922, S. 5). Определение понятия «источник» как «суммы преданий» в свою очередь требует толкования, что под этим следует понимать. Об отличии источника от исследования, о многообразии источников говорит и К. Бранди в своей популярной работе о проблематике исторической науки (K. Brandi. Einführung in die Geschichtswissenschaft und ihre Probleme. — «Schule und Leben». Berlin, 1922, Heft 7, S. 9—19).

³⁶ О. А. Добиаш-Рождественская. Западная Европа в средние века. Пг., 1920, стр. 7.

³⁷ Ch. Seignobos. Les conditions psychologiques de la connaissance en histoire. — «Revue philosophique», 1887, v. XXIV, p. 1—32, 168—179.

³⁸ В. И. Пичета. Введение в русскую историю (источники и историография). М., 1923, стр. 5.

³⁹ В вышедших в том же году в Петрограде «Очерках истории русской культуры» (ч. 1) М. Н. Покровский, характеризуя культуру и культурные памятники, писал: «Все, что является результатом человеческой

В четвертом издании книги «Вспомогательные исторические дисциплины» А. М. Большаков повторяет уже известное нам определение источника: «Историческими источниками будет весь тот фактический материал, который, конечно, после надлежащей оценки и критики его служит историку базой для его научных построений». Далее А. М. Большаков пишет: «Историк же оперирует со всем тем, что говорит ему о минувшей жизни того народа (или страны, или государства), историю которого он изучает». В этом толковании А. М. Большаков гораздо ближе к истине, чем в своем центральном определении. Затем А. М. Большаков употребляет для определения источника термин «памятник» («о прошлых днях рассказывают памятники разного рода») ⁴⁰. Приведенные примеры свидетельствуют, что у автора, только отталкивавшегося от представлений современной ему науки, не было четкого представления о понятии «источник». Это и привело его к употреблению самых разнородных терминов для определения этого понятия ⁴¹.

Важное место в истории становления советского источниковедения занимает статья Н. Авдеева «О научной разработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции», прочитанная вначале как доклад на всесоюзном совещании комиссий по истории Октябрьской революции и РКП(б) весной 1924 г. Однако в вопросе определения источника Н. Авдеев не пошел дальше уже известных нам терминов. Он пишет в примечании к своей работе: «В исторической науке материал, из которого она черпает те или другие сведения, принято называть „источником“. Поэтому в дальнейшем слово „источник“ употребляется как синоним „материала“. См. об источниковеде-

работы в широком смысле, может быть причислено к культуре» (стр. 9). Из дальнейшего анализа его книги можно сделать вывод, что это определение М. Н. Покровский распространял и на исторические источники, хотя определения им он и не дал.

⁴⁰ А. М. Большаков. Вспомогательные исторические дисциплины. Изд. 4-е. Л., 1924, стр. 292. В предшествующих изданиях этой работы А. М. Большаков совсем не дает определения источника. В его же книге «Лекции по русской истории. Введение в изучение истории» (М.—Пг., 1923) исторические источники определяются как «любой остаток старины», а в узком смысле слова — как «печатный или письменный остаток старины» (стр. 150—151).

⁴¹ В 1924 г. вышел в свет третьим изданием «Учебник исторического метода» профессора философско-теологической кафедры в Валькенбурге А. Федера, попытавшегося в вопросах определения источника протащить идеи апологетики и теологии. Идеалистическая сущность определения А. Федера особенно явно выступает там, где он божественные источники приравнивает к историческим и «божественное откровение» считает равнозначным объектом научного исследования. Понятно, что ни первое издание, вышедшее в 1919 г., ни этот учебник не могли оказать влияния на поиски нового определения источника в советской исторической науке (А. Feder. Lehrbuch der geschichtlichen Methode. Regensburg, 1924).

нии в книге Берпгейма «Введение в историческую науку» ⁴². Несмотря на употребление Н. Авдеевым термина «материал» как равнозначного источнику, необходимо отметить совершенно верное понимание автором самой сущности источника, введение им в научный оборот новых источников историко-партийного характера, правильный классовый анализ источников.

В своей небольшой брошюре А. В. Шестаков определяет источник как «различного рода памятники материальной культуры и в их числе памятники литературного порядка» ⁴³. Определение А. В. Шестакова неполно, оно не учитывает большого круга этнографических источников, которые зачастую не бывают памятниками материальной культуры (обычай, нравы, поверья и т. д.), а также источники фольклорные и лингвистические.

Работа А. В. Шестакова включает собой первый период в освещении понятия источника советской исторической наукой. В это время историки, касавшиеся данной проблемы, в соответствии с давней традицией русской историографии в качестве определения понятия «исторический источник» предложили термины «материалы», «фактические материалы», «остатки», «следы прошлого», «памятники».

Новое, более широкое понятие источника мы находим в работе Г. П. Саара «Источники и методы исторического исследования»: «Материалы, по которым мы можем изучать прошлое человеческого общества, называются историческими источниками». Термин «материалы» употреблен здесь Г. П. Сааром отнюдь не в смысле памятников материальной культуры только, а в более широком, обобщающем значении. В этом нас убеждает, в частности, и то разъяснение, которое дает Г. П. Саар своему определению: «Если говорить об исторических источниках вообще, то все, созданное человеческим обществом как в области материальной культуры, так и идеологии, является историческими источниками» ⁴⁴. Однако в дальнейшем Г. П. Саар склоняется к тому, чтобы включить в число исторических источников не только «все, созданное человеческим обществом», но также и географические условия, климат, почву, минеральные богатства, леса, воды, дожди, наводнения, а также строение человеческого тела и социальные болезни. Такое расширение понятия исторического источника практически приводит к утрате всех граней, отделяющих исторический источник от физического, биологического, химического и т. д. Географическая среда, биологические и физические факты,

⁴² Н. Авдеев. О научной разработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции. — «Пролетарская революция», 1925, № 1, стр. 150; см. также: «Пролетарская революция», 1924, № 8—9 (31—32), стр. 443—446.

⁴³ А. Шестаков. Методика исторического исследования (Из опыта для опытов). Воронеж, 1929, стр. 17.

⁴⁴ Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, стр. 12.

несомненно, оказывали влияние на исторический процесс, но они не были источником этого процесса, не ими он определялся, и не на основании таких данных этот процесс может быть восстановлен.

Попытку дать новое определение источнику сделал С. Н. Быковский в своей работе «Методика исторического исследования». С. Н. Быковский писал: «Историческим источником „вообще“ или историческим источником в широком смысле служит всякий памятник прошлой жизни... В более узком и специальном смысле историческим источником следует считать памятник прошлой жизни, независимо и хронологически впервые, по сравнению с другими дошедшими до нас памятниками, отражающий тот или иной исторический факт, событие или явление или же хотя бы какую-либо деталь исторического факта, события или явления»⁴⁵.

Понимая сам, что он необыкновенно сужает понятие источника, С. Н. Быковский оговаривается далее, что и памятники, повторно отражающие исторический факт, тоже будут источниками, ибо они всегда неизбежно что-то добавляют к первоисточнику.

Уточнение С. Н. Быковского имеет смысл для разграничения понятий «источник» и «пособие». В остальном же речь может идти лишь об источнике и первоисточнике, ибо даже если поздний памятник представляет собой *точную* копию раннего источника, то этот памятник не перестает из-за этого быть источником: самый факт появления поздней копии есть исторический факт, и поздний памятник может быть источником для своей эпохи, основанным на других первоисточниках. Введя подобное хронологическое уточнение, С. Н. Быковский определил источник термином «памятник», однако не в смысле «памятник материальной культуры», а в более широком обобщающем смысле. Попытка автора разграничить понятия источника и первоисточника, конечно, заслуживает внимания, но нельзя заменять понятие источника понятием первоисточника, первое всегда шире второго⁴⁶.

Из всего сказанного следует, что уже в 20-е годы советская историческая наука упорно искала новые пути к уточнению понятия исторического источника, стремилась дать ему новое определение, подчеркивая при этом способность исторического источника отобразить реальную историческую действительность (исторический факт, событие или явление).

В 30-е годы новым этапом в определении исторического источника явились лекции Б. Д. Грекова по русской истории, читанные им в 1934—1937 гг. в Вечернем институте красной профессуры и на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Б. Д. Греков склоняется к очень широкому определению: «Исторический источник в широком понимании термина — это буквально все, откуда мы можем почерпнуть сведения об интересующем нас предмете, т. е. все, что служит средством исторического познания. Будет ли это письменный документ или предание, или вещественный памятник, — все равно: раз он используется нами в качестве средства для изучения — это будет исторический источник»⁴⁷.

Однако мизерный тираж (от 100 до 800 экз.) стеклографированных лекций, изданных на правах рукописи для нужд слушателей, привел к тому, что это определение, представляющее собою шаг вперед и в терминологическом отношении (местоимение «все», более точно определяющее широту привлекаемого материала) и, что важнее, в гносеологическом плане («все, что служит средством познания»), не оказало непосредственного влияния на советское источниковедение того времени. В частности, в работах 40-х годов окончательно утверждается для определения источника термин «памятник» в широком, обобщающем смысле этого слова. Так, в известном курсе источниковедения истории СССР М. Н. Тихомирова находим такое определение источника: «Под историческим источником понимают всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества. Историческими источниками служат рукописи,

этом, что историку безразлично, создан ли источник специально как свидетельство о прошлом или нет, т. е. отложился сам собой в результате человеческой деятельности (E. Keyser. Die Geschichtswissenschaft. Aufbau und Aufgaben. München und Berlin, 1934, S. 47).

⁴⁷ Б. Д. Греков. Стенограммы I и II лекции по русской истории, читанные в Вечернем ИКП истории в 1934—35 гг. М., 1935, стр. 4. То же определение мы находим и в его же «Стенографическом курсе лекций по истории СССР» (Л., 1937, стр. 2) и в «Курсе лекций по истории СССР Б. Д. Грекова на секторе заочного обучения ЛГУ» (Л., 1937, стр. 3). Следует отметить также, что определение источника в первом издании Большой советской энциклопедии внесло социально-классовую оценку в его истолкование. Автор статьи определил источник как «любые остатки и памятники того или иного исторического периода, на основании которых можно дать заключения об общественном строе этого периода, об исторических событиях, о борьбе классов и т. д.» (БСЭ, изд. 1-е, т. 30, М., 1937, стр. 96). Необходимо заметить, что в зарубежном источниковедении этого времени внимание к вопросам определения источника ослабло. Представляет интерес лишь статья О. Штольца, посвященная вопросам систематизации источников. Он определяет источник как «свидетельство о прошлом», игнорируя, что источник — не только свидетельство о прошлом, он — часть самого прошлого (O. Stolz. Zur Systematik der Geschichtsquellen. — «Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung», Bd. 52, Heft 2—3. Innsbruck, 1938, S. 121).

⁴⁵ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. Л., 1934, стр. 29. Это же определение повторено у В. В. Бочкарева («Источниковедение. Программа-задание для заочных исторических отделений пединститутов». М., 1934, стр. 6).

⁴⁶ С. Н. Быковскому осталась неизвестной вышедшая в 1931 г. книга Э. Кайзера «Наука истории. Построение и задачи». В ней автор присоединяется к упомянутому выше определению А. Майстера, оговаривая при

печатные книги, здания, предметы обихода, древние обычаи, элементы древней речи, сохранившиеся в языке, и т. д. — одним словом, все остатки прошлой исторической жизни»⁴⁸. М. Н. Тихомиров понятие источника определяет сразу двумя терминами — «памятник» и «остаток», причем оба термина употребляются как равнозначные и оба — в широком смысле слова («памятники прошлого», «остаток прошлой жизни»). Такая многозначность едва ли улучшает это определение, в котором, однако, есть и рациональное зерно: не все то, что дошло от прошлой жизни, есть источник, а лишь то, что свидетельствует об истории человеческого общества.

Начавшаяся Великая Отечественная война надолго лишила советских историков возможности заниматься изучением теоретических проблем источниковедения. И в первые послевоенные годы не было даже попыток найти новый подход к определению источника⁴⁹. В источниковедении этого времени прочно утвердилось определение источника как «памятника прошлого». Например, в статье «Источники исторические» во втором издании БСЭ источники толкуются как «памятники прошлого, свидетельствующие об истории человеческого общества, используемые при исследовании процесса исторического развития общества»⁵⁰. Учебное

⁴⁸ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 6. Это же определение повторено М. Н. Тихомировым и во втором издании его книги (М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Выпуск первый. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М., 1962, стр. 6).

⁴⁹ Попытки по-новому определить источник в зарубежном источниковедении мы находим в это время у французского ученого М. Блока, который давал ему очень широкое толкование: «Все, что человек написал, создал, все, чего он касался, может и должно сообщить о нем» (M. Bloch. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. — «Cahiers des Annales». Paris, 1949, p. 27); см. также: М. Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, стр. 38, а также В. В. Иванов. К характеристике теоретико-методологических взглядов Марка Блока. — «Методологические и историографические вопросы исторической науки», вып. 3. Томск, 1965, стр. 95—107. Это определение полностью стирает разницу между источником, исследованием и географической средой. Несколько иное определение мы находим в монографии В. Эккермана «Новая историческая наука. Введение в ее изучение». Автор, приведя определения источника, данные Бернгеймом, Бауером и Майстером, пишет: «С точки зрения исторического материализма под историческим источником понимается все, что сохранило свидетельство о более ранних событиях и может быть использовано для познания исторического развития человечества» (W. Eckermann. Neue Geschichtswissenschaft. Eine Einführung in ihr Studium. Rudolfstadt, 1950, S. 134).

⁵⁰ БСЭ. Изд. 2-е, т. 19. М., 1953, стр. 39. В вышедшей в это время в Париже монографии Л. Февра дается довольно широкое определение источника: «все, что было у человека, зависело от человека, изобретено или обработано им, а также отмечает присутствие, вкусы и формы бытия человека» (L. Febvre. Combats pour l'histoire. Paris, 1953, p. 4—5; см. также О. М. Медушевская. Вопросы теории источниковедения в современной французской буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1964,

пособие А. Д. Люблинской «Источниковедение истории средних веков» также определяет источник как «всякий памятник прошлого, вещественный, письменный или устный, отражающий ту или иную сторону истории человеческого общества»⁵¹. Сомнение вызывает ограничение автором понятия источника лишь вещественными, письменными или устными источниками — автор, правда, далее говорит об использовании этнографических материалов, но в определении исторического источника в широком смысле этого слова они не вошли.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новые перспективы в развитии советского источниковедения; увеличилось количество статей, монографий и учебных пособий в этой области. Многие авторы касались и вопросов определения источника. Среди работ, появившихся в это время, следует выделить книгу А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта «Что такое археология». В ней дается такое определение источника: «Все, что может свидетельствовать о прошлом человечества, называемы историческими источниками»⁵². Авторы отказались от определения понятия «источник» каким-либо термином (например, «памятник»). Но целиком их толкование принять все же нельзя. Не выдерживает критики их разъяснение: «все, что может свидетельствовать (курсив мой. — Л. П.)», точнее сказать «отображать»; такое определение слишком кратко — оно требует детализации; наконец, оно не дает возможности отличить источник от исследования — ведь последнее тоже свидетельствует о прошлом человечества!

Несмотря на эти критические замечания, определение А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта следует рассматривать как шаг вперед. И это тем более важно, что в области теоретического источниковедения вообще и определения источника в частности сильнее всего сказалась косность исторического мышления. Как правило, речь шла лишь об уточнении понятия. Вот несколько примеров.

Обращение к понятию исторического источника В. И. Стрельским мы впервые находим в вышедшем на украинском языке учебном пособии по источниковедению истории СССР периода империализма, где автор определяет их как «памятники того или иного исторического периода, остатки прошлой жизни, так или

№ 8, стр. 78—79). Как и определение М. Блока, эта формулировка чрезмерно расплывчатая, приводит к полному стиранию граней между источником и близкими к нему явлениями. Л. Февр, безусловно, прав, когда говорит, что историк должен уметь использовать все, вплоть до экспертизы камня геологом и анализа металла сабли химиком, но из-за этого геологические и химические явления не становятся историческими источниками.

⁵¹ А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 5.

⁵² А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. Что такое археология. М., 1957, стр. 34; изд. 2-е. М., 1959, стр. 35.

иначе фиксирующие историю человеческого общества, отражающие реальные явления общественной жизни»⁵³.

Понятие источника у В. И. Стрельского определяется двумя терминами сразу («памятники» и «остатки»), причем остается неясным, какова зависимость и соотношение между памятниками и остатками. Излишним в определении является разъяснение, что источники «отражают реальные явления общественной жизни»: раз источник «фиксирует историю человеческого общества», то тем самым он отражает и явления общественной жизни. В более позднем переводе на русский язык своего учебного пособия автор отказался от употребления термина «остатки» и определил источники как «памятники, возникшие в конкретных условиях общественного развития, органически связанные со своим временем, в которых так или иначе фиксируются, отражаются реальные явления и факты действительности»⁵⁴. И в этом определении лишним является уточнение, что историческими источниками являются лишь те памятники, которые возникли в «конкретных условиях общественного развития», как будто есть такие памятники, которые возникли не в конкретных условиях общественного развития!

В отличие от пространного определения В. И. Стрельского определение И. Л. Шермана очень кратко: «Исторические источники — это памятники прошлого»⁵⁵. Определение неполно, ибо отнюдь не все, что дошло до наших дней от прошлого, является источником, а лишь то, что непосредственно отобразило реальную историческую действительность и тем самым дает возможность ее изучить.

В статье В. П. Данилова и С. И. Якубовской «Источниковедение и изучение истории советского общества» авторы так опре-

⁵³ В. И. Стрельский. Джерелознавство історії СРСР. Період імперіалізму. Київ, 1958, стор. 11. То же определение источника см. в его книге «Основные принципы научной критики источников по истории СССР» (Київ, 1961, стр. 6), а также в кн.: А. Введенский, В. Дядиченко, В. Стрельский. Допоміжні історичні дисципліни. Київ, 1963, стор. 10.

⁵⁴ В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.—1917 г. М., 1962, стр. 10. Без изменения это определение вошло и в работу автора: В. И. Стрельский. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968, стр. 17. В немецком источниковедении в это время появилось такое определение источника: «Исторические источники — это непосредственные свидетели прошлого, которые дают конкретные показания и доставляют тем самым историкам возможность реконструкции прошлого» (W. Eckermann. Einführung in das Studium der Geschichte. Potsdam, 1959, S. 77). Это определение не оказало никакого влияния на советскую историографию.

⁵⁵ И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, стр. 3. В вышедшем в это время в Париже обобщающем труде французских ученых «История и ее методы» редактор Ш. Самараи сохранил традиционное для французского источниковедения определение исторического источника как «документа», однако употребил слово «документ» в самом широком смысле: документы письменные, вещественные, переданные посредством звука, изображения или другим способом («L'Histoire et ses méthodes». Paris, 1961, p. XII).

деляют источник: «Источником для исторического исследования является всякий памятник прошлого, освещающий какую-либо сторону человеческой деятельности». Приведя это определение, авторы, правда, тут же оговариваются, что оно не раскрывает внутреннего содержания понятия «источник», и считают необходимым далее подчеркнуть, что «исторический источник — это такой памятник человеческого прошлого, который несет на себе печать своего времени, который отражает действительность через призму социально-экономических, политических, эстетических и других представлений, через призму жизненных интересов людей, создавших этот памятник. Он сам — историческое явление, занимающее определенное место в историческом процессе, и только как явление может быть правильно понято и истолковано»⁵⁶.

Вопроса определения источника коснулись в своей интересной и глубокой по замыслу статье С. М. Каптанов и А. А. Курносов, однако преимущественно в критическом плане. Разбирая определение источника, данное В. И. Стрельским, авторы, присоединившись к нему («в целом определение автором исторического источника не вызывает возражений»), потребовали расшифровать его, уточнить, входит ли «живая история» в состав «остатков прошлой жизни», является ли историческим источником ге-

⁵⁶ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества. — «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 5, 6. С. И. Якубовская коснулась вопроса определения источника в советской историографии, однако больше в критическом, чем в позитивном плане. Присоединившись к определению М. Н. Тихомирова, она присовокупила, что «необходимо ввести деление источников на источники, современные событиям, и источники вторичного происхождения», однако своего развернутого определения источника не дала (С. И. Якубовская. Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период. — «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. Сборник статей по материалам сессии научного совета». М., 1962, стр. 195).

Близкое этому определение («исторический источник — памятник прошлого, современник событий; он отражает те исторические условия, в которых возник») мы находим в статье: З. В. Ждановская, А. Г. Макарова, А. И. Широков, А. Г. Шпынов. О предмете источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 90. В несомненной связи с определением В. П. Данилова и С. И. Якубовской стоит определение М. К. Макарова в статье «К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР» (стр. 5—6). М. К. Макаров попытался вернуться к точке зрения А. С. Лаппо-Данилевского, несколько расширив и изменив его формулировку за счет определения В. П. Данилова и С. И. Якубовской: «Культурно-историческим памятником мы называем всякий реализованный продукт материальной и духовной деятельности человека, несущий на себе печать своего времени и отражающий действительность через призму социально-экономических, политических, эстетических и прочих воззрений своего создателя» (там же, стр. 6). Несмотря на кажущуюся полноту, это определение не учитывает важнейшей стороны источника — свойства давать возможность изучать прошлое человеческого общества. Отнюдь не всё, что сохранилось от прошлого, является источником — эта мысль четко выражена уже в учебнике М. Н. Тихомирова.

ографическая среда и т. д. Однако, поставив эти вопросы, авторы своего определения источника не дали⁵⁷.

Определение понятия «исторический источник» было затронуто и в дискуссии по источниковедению истории КПСС, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1962—1963 гг. Так, М. А. Варшавчик считал, что определение источника, данное В. П. Даниловым и С. И. Якубовской, неполно, ибо не показывает отличия источника от исторического исследования; это отличие автор видит в том, что источник отражает явления исторического процесса непосредственно, а исследование отражает их посредством источников⁵⁸. С критикой М. А. Варшавчика не согласились И. С. Смирнов и М. Н. Черноморский⁵⁹. Возражая им, М. А. Варшавчик еще раз подчеркнул важность указания на то, что источник непосредственно отражает явления объективного исторического процесса, в то время как исследования создаются на базе источников, причем непосредственно отражают события как остатки, так и повествовательные источники (традиция) вплоть до мемуаров⁶⁰. Эта мысль была принята и редколлегией журнала, которая, подводя итоги обсуждения, подчеркнула, что «источником для изучения истории КПСС являются все материалы, непосредственно отражающие то или иное событие, явление в жизни партии, помогающие понять его сущность, причину и следствие»⁶¹. Это определение, конечно, относится лишь к историко-партийным источникам, которые, как правильно отметил В. И. Злобин, являются частью исторических источников⁶².

За последнее время делаются все новые попытки найти более точную формулировку, выражающую главное в данном понятии.

⁵⁷ С. М. Каштанов, А. А. Курноев. Некоторые вопросы теории источниковедения. — «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 17. С. М. Каштанов в своей более ранней работе — главе из второго тома «Очерков истории исторической науки в СССР», критикуя определение источника В. О. Ключевским, отмечал его односторонность, «ибо в нем совершенно обходился вопрос о происхождении источников, создававшихся людьми в целях сохранения, упрочения или изменения существовавших между ними реальных отношений» («Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 594—595). Эта критика наводит на мысль, что С. М. Каштанов предполагает в определение источника положить принцип его происхождения.

⁵⁸ М. А. Варшавчик. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 166—167.

⁵⁹ И. С. Смирнов. Большое и нужное дело. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 181—184; М. Н. Черноморский. О преподавании источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, стр. 165.

⁶⁰ М. А. Варшавчик. Некоторые уточнения. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 2, стр. 104—105.

⁶¹ К итогам обсуждения некоторых вопросов источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 5, стр. 101.

⁶² В. И. Злобин. О понятии источника истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 1, стр. 98—99.

С. О. Шмидт, например, предложил такое определение — это «все те явления прошлого и настоящего, которые могут быть привлечены для познания истории человеческого общества»⁶³. В этом определении привлекает попытка автора дать возможно более широкий охват различных источников. С. О. Шмидт правильно указывает и на необходимость изучения явлений не только прошлого, но и настоящего. Однако его определение не дает возможности отличить, с одной стороны, источник от исследования, а с другой — источник от сопредельных с ним понятий — географической среды, биологических и прочих данных.

Редколлегия журнала «Новая и новейшая история», подводя итоги обсуждения вопросов источниковедения новой и новейшей истории, писала: «Назрела, видимо, необходимость снова продумать научное определение самого понятия „исторический источник“, дабы избежать и узости его истолкования, и беспредельного расширения, ведущего к смазыванию граней и расплывчатости»⁶⁴. Призыв редколлегии журнала, естественно, не мог привести к немедленному пересмотру сложившихся определений, хотя некоторые попытки в этом отношении и были предприняты. Так, интересно определение, данное А. П. Пронштейном и А. Г. Задёрой: «Историческим источником является всякий памятник прошлого, отражающий реальные явления общественной жизни»⁶⁵. Но и оно, во-первых, не дает основания к разделению источника и исследования (ибо последнее тоже отражает реальные явления общественной жизни) и, во-вторых, выясняется, что авторы исключили из своего перечня такие источники, как фото-, кино- и фотодокументы. Правда, авторы далее специально подчеркивают, что нельзя смешивать источник с исследованием, но из их определения источника этого вывода сделать нельзя.

Стремление более точно и определенно разграничить близкие друг другу понятия источника и исследования мы находим в ме-

⁶³ С. О. Шмидт. Вопросы преподавания источниковедения. — «Новая и новейшая история», 1962, № 4, стр. 115. Ближайшее к этому определение мы находим в монографии Ванды Мощенской: W. Moszczenka. Metodologii historii zarys krytyczny. Warszawa, 1968, str. 65. К определению С. О. Шмидта присоединился также и Г. А. Антипов («Исторический источник и его функции в историческом исследовании». — «Научные труды Новосибирского государственного университета. Философская серия», 1970, вып. 3, стр. 203).

⁶⁴ «Об источниковедении новой и новейшей истории (к итогам обсуждения)». — «Новая и новейшая история», 1963, № 4, стр. 125.

⁶⁵ А. П. Пронштейн, А. Г. Задёра. Практикум по истории СССР. Учебное пособие для студентов-заочников исторических отделений университетов и пединститутов. Ростов-на-Дону, 1964, стр. 415. Несколько уточненное определение мы встречаем в другой брошюре этих же авторов: «Историческим источником является всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества и отражающий реальные явления общественной жизни» (А. П. Пронштейн, А. Г. Задёра. Методика работы над историческими источниками. Методическое пособие для студентов заочных и вечерних отделений исторических факультетов государственных университетов. М., 1964, стр. 4).

тодических указаниях И. В. Григорьевой. Она пишет: «Памятники, в которых определенные события или явления либо запечатлены непосредственно в момент, когда они имели место, либо осмыслены и обобщены, хотя бы и спустя известное время, их современниками или очевидцами, служат историку источниками для изучения соответствующей эпохи»⁶⁶. Автор правильно подчеркнула непосредственный характер отображения действительности в источнике, однако напрасно ограничила процесс отображения лишь современниками и очевидцами. Так, в летописи мы находим отображение событий, которые произошли за много поколений до летописца; подобное же явление мы можем найти в акте и договоре, в сказке и былинке, пословице и топониме и т. д.

Много интересных мыслей относительно свойств и качеств источника и его отличия от исследования мы находим в работе М. А. Варшавчика: «Исторический источник — это памятник прошлого, возникший как продукт определенных общественных отношений, несущий на себе их следы и непосредственно отразивший ту или иную сторону человеческой деятельности»⁶⁷. В этом первом своем определении помимо неудачного применения термина «памятник» вызывает возражение стремление автора отнести к числу источников только факты прошлого, в то время как такие типы источников, как данные языка, фольклор, некоторые из этнографических явлений всегда бывают не только фактом прошлого, но и явлением настоящего.

М. А. Варшавчик далее справедливо указывает, что историческое исследование в ряде случаев можно и должно использовать как источник, что исследование всегда является источником для истории общественного сознания своего времени.

В другой своей работе М. А. Варшавчик совершенно справедливо ставит на первое место свойство источника отображать реальную действительность и, исходя из этого, дает второе свое определение: «Исторический источник есть абстрагированное в определенной форме (письменной, вещественной, устной и др.), непосредственное отражение явлений реального исторического

процесса»; несколько ниже автор вновь подчеркивает значение фактора непосредственности, констатируя, что «исторические источники — это памятники прошлого, непосредственно отражающие явления реального исторического процесса, через призму общественных отношений и взглядов людей, выступающих авторами источников»⁶⁸.

Разберемся в этих определениях подробнее и обстоятельнее, так как высказанные автором суждения требуют весьма внимательного анализа. Прежде всего отметим, что в его втором определении привлекает к себе обобщенность термина, употребленного М. А. Варшавчиком, акцентирование внимания на процессе отображения действительности, однако принять его в том виде, как предложил автор, мешают существенные обстоятельства.

Представляется неудачным считать источник абстрагированным в определенной форме отражением действительности. Как раз наоборот: любой источник отображает реальную действительность в сугубо конкретной форме, и именно эта конкретность и устойчивость формы и придает источнику определенность, позволяет ему полно отображать и устойчиво воплощать в себе историческую действительность.

Стилистически плохо выражена мысль автора, что источник есть отражение действительности. Лучше было бы сказать, что источник есть результат этого процесса, есть объект, созданный человеком на основе личных, субъективных образов объективного мира.

И, наконец, вызывает сомнение понимание деления источников на письменные, вещественные, устные и т. д. как определенной формы отображения. Не случайно автор ограничился здесь этими тремя примерами — а как бы он определил, например, форму этнографических источников? Топонима, фотографии, киноплёнки, фонограммы? Какая здесь форма отображения? Первое определение (показательно, что именно его ввел автор в свое учебное пособие 1973 г.!) вызывает меньше возражений, хотя, конечно, остаются в силе высказанные ранее сомнения в правомерности употребления термина «памятники прошлого» для определения исторического источника в целом. В то же время следует полностью согласиться с автором в том, что источник есть непосредственное отображение действительности, равно как и в том, что любое исследование одновременно является и источником.

Вышедшие в 1970—1971 гг. учебные пособия по различным разделам источниковедения касаются определения исторического источника попутно, не занимаясь этим вопросом специально. Так, И. А. Федосов во введении к учебному пособию «Источниковеде-

⁶⁶ И. В. Григорьева. Источниковедение истории нового и новейшего времени. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов. М., 1966, стр. 4.

⁶⁷ М. А. Варшавчик. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС (Введение в историко-партийное источниковедение). М., 1967, стр. 13—14. Это же определение повторено и в его последней работе: М. А. Варшавчик. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, стр. 21. О том, что источник бывает не только частью прошлого, но и фактом настоящего, хорошо сказано в статье К. Керстен «Историк создает источники», посвященной работе социолога: К. Kersten. Historyk tworci źródeł. — «Kwartalnik historyczny», R. 78, N 2. Warszawa, 1974, str. 313—330. См. также: В. В. Иванов. Проблема соотношения истории и современности в марксистско-ленинской методологии исторического исследования. Автореферат докт. диссертации. М., 1971.

⁶⁸ М. А. Варшавчик. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. — «Вопросы истории», 1968, № 10, стр. 82; он же. Введение в курс истории Коммунистической партии Советского Союза. Киев, 1970, стр. 24.

ние истории СССР XIX—начала XX в.» определяет источник сразу тремя терминами: памятники, остатки человеческой деятельности и «результат деятельности людей в различных сферах общественной жизни»⁶⁹. Определение это не выдерживает критики уже в силу множественности терминов. Автор сужает понятие источника, выбрасывая за границы определения все, что явилось отображением и воплощением личной жизни людей. Определение И. А. Федосова не касается категории непосредственности отображения действительности.

Определение Р. С. Мнухиной («историческими источниками являются все памятники, отражающие факты и события реальной действительности каждой исторической эпохи») ⁷⁰ повторяет бывшие ранее формулировки, не оценивая появившиеся за последнее время новые определения исторического источника.

В монографии А. П. Пронштейна имеются два определения исторического источника. Автор вначале говорит, что источник — это «форма, в которой дошли до нас конкретные факты прошлого», а затем дает ему развернутую характеристику: «историческими источниками можно считать все продукты деятельности людей, содержащие в себе факты, которые непосредственно отражают реальные явления общественной жизни и свидетельствуют о закономерном процессе развития человеческого общества»⁷¹. Назвать источник «формой факта» неверно уже потому, что сам источник всегда является историческим фактом и только как таковой и может быть правильно понят и оценен. Термин «продукты», как и «результаты», был подвергнут критике еще А. С. Лаппо-Данилевским; в самом деле, как назвать язык или обычай, поверье и т. д. — «продуктом деятельности людей»? В то же время следует отметить, что автор совершенно справедливо ввел в определение источника понятие непосредственности в отображении реальных явлений, хотя лучше было бы сказать

⁶⁹ «Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в.». М., 1970, стр. 3.
⁷⁰ Р. С. Мнухина. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970, стр. 3. Не привносит ничего нового и определение источника термином «памятник» в работе: М. А. Варшавчик. Основы источниковедения истории партии. — «Политическое самообразование», 1971, № 12, стр. 29.

⁷¹ А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971, стр. 16, 18. Это определение было использовано В. Т. Логиным для характеристики военно-исторических источников — «это продукты деятельности людей в военной области в конкретно-исторических условиях, непосредственно отразившие реальные события и факты и дающие возможность изучать военное прошлое» («Марксистско-ленинская методология военной истории». Под ред. П. А. Жилина. М., 1973, стр. 265). В более ранней брошюре В. Т. Логин дал такое определение: «Военно-исторический источник есть след (памятник) реальных событий, явлений и процессов военной истории, их непосредственное отражение, есть продукт деятельности людей, преследовавших определенные цели в конкретно-исторических условиях» (В. Т. Логин. Военно-исторические источники, их классификация и принципы исследования. М., 1971, стр. 96).

«действительности», и не только «общественной жизни» — этим автор сужает понятие исторического источника.

Таким образом, все рассмотренные нами работы делятся на три историографических периода. В первый из них (1917—1929 гг.) авторы работ, опубликованных в это время, или целиком стояли еще на буржуазных методологических позициях и потому лишь повторяли известные ранее определения (Л. П. Карсавин, С. А. Жебелев, О. А. Добиня-Рождественская и др.), или же стремились стать на марксистские диалектические позиции, но не смогли применить их к вопросу определения источника (Н. Н. Авдеев, А. В. Шестаков). Как правильно отметил Я. С. Лурье, «первая задача, которую ставили перед собой историки-марксисты, заключалась в пересмотре общих исторических схем дворянской и буржуазной историографии»⁷². Но если в области методологических проблем истории этот пересмотр дал значительные результаты, то в поисках определения понятия исторического источника советские источниковеды не нашли еще нужных путей.

Второй период (1930—1956 гг.) характеризуется попытками дать иное толкование источника (Г. П. Саар, С. Н. Быковский, Б. Д. Греков) утверждением в советском источниковедении термина «памятник прошлого» для определения понятия источника (М. Н. Тихомиров).

Третий период в историографии этого вопроса начинается с XX съезда КПСС. Он характеризуется повышенным вниманием к источниковедческим проблемам, особенно к источниковедению нового и новейшего времени, стремлением уточнить понятие источника, указать на его отличие и сходство с историческим исследованием, подчеркнуть связь источника с породившей его эпохой, указать на специфику отображения действительности в источнике и т. д. В настоящее время вопросы определения источника, равно как и многие другие проблемы источниковедения, теснейшим образом смыкаются с социологическими проблемами, с вопросами логики исторического исследования.

Исторический источник и смежные с ним понятия

Проведенный выше историографический обзор дает полное основание сделать вывод, что прежде чем предлагать какое-то решение данного вопроса, целесообразно установить, что означают в русском языке те термины, которыми определялся источник, — «материал», «остаток», «памятник», «след прошлого».

Все они многозначны. В исторических и источниковедческих трудах слово «материал» употребляется чаще всего в его обоб-

⁷² Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность известия. — «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 122.

щающем значении — «различного рода сведения, пособия, служащие источником, основой для чего-либо, доказательством чего-либо»⁷³. Слово происходит от латинского *materialis* — вещественный, однако в переносном смысле употребляется и для обозначения нематериальных предметов, например «языковые материалы», «юридические материалы» и т. д. Тесная генетическая связь этого термина с определением «материальный» делает употребление его для обозначения источника нежелательным, так как среди исторических источников имеется большая категория источников нематериальных, например язык, некоторые разновидности этнографических источников (обычай, нравы, суеверия и т. д.), фольклор и проч.

Термин «остаток» был введен в источниковедение в конце XIX в. немецкими историками в качестве противопоставления так называемой «традиции». Под остатками в источниковедении первоначально подразумевалось лишь то, что непосредственно осталось от прошлого, а не было создано для того, чтобы сохранить это прошлое в памяти потомков (традиция). Исходя из этой точки зрения любой акт является остатком, а любая летопись — традицией. Однако в результате критики этой точки зрения источниковеды пришли к мысли об искусственности такого толкования: конечно, любой исторический источник является остатком прошлого, будь это летопись, хроника, мемуары (т. е. традиции) или акт, делопроизводственный документ, археологический памятник (т. е. остаток). Термин «остаток» лучше передает сущность источника: преобладающее количество источников, конечно, является остатками прошлого, но отнюдь не все. Термином «остаток» нельзя определить современный живой язык, такие источники, как устный сказ (например, сказы рабочих), живое бытующее народное творчество (частушка, песня, анекдот и проч.), личные наблюдения историка и этнографа над исторической действительностью настоящего, необходимые для изучения прошлого, и т. д. Следует отметить близость терминов «остаток» и «след»: остатки — это следы существования прошлого.

Термин «памятник» — наиболее многозначный из всех, применяемых для определения источника. Его первоначальное значение — это «архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь какого-либо лица или события»⁷⁴; однако в источниковедении этот термин употребляется в его расширительном значении — что-либо сохранившееся от прошлого (остаток). Так говорят о памятниках прошлого в самом широком смысле, включая сюда архитектурные сооружения, произведения искусства, литературы и т. д. Не случайно две большие серии

публикаций древнерусских произведений так и названы «Памятники древнерусской литературы» и «Памятники древней письменности и искусства». Широко известна публикация наших дней «Памятники русского права». Широкое употребление этого термина в его прямом и первоначальном значении затрудняет, безусловно, применение его для обозначения *всех* исторических источников. Все те возражения, которые были сделаны относительно термина «остаток», относятся и к этому термину: подаром Д. Н. Ушаков определяет памятник как «остаток материальной культуры далекого прошлого»⁷⁵. В то же время употребление этого термина для обозначения некоторых *разновидностей* исторических источников вполне оправданно (например, летописные, археологические, эпиграфические памятники и т. д.).

Термин «след прошлого» употребляется в источниковедении в двух смыслах: или как «сохранившаяся, уцелевшая часть чего-либо, остаток чего-либо»⁷⁶, или как то, что, оставшись от прошлого, является его признаком, свидетельствует о нем. В этом смысле большая часть источников, безусловно, является следом прошлого, но отнюдь не все: фольклор и язык, например, это не только следы прошлого, но и живое, постоянно меняющееся и развивающееся настоящее.

Итак, терминологический анализ убеждает нас в справедливости суждения Энгельса, высказанного им в «Анти-Дюринге»: «Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность». Означает ли это, однако, что нам следует отказаться совсем от попытки найти более или менее полное определение источника? Можно ли вообще обойтись без определения в нашей повседневной работе над источниками? Ответ на эти вопросы мы также находим у Энгельса: «... Для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их неизбежных недостатков»⁷⁷. Более подробно этого вопроса Энгельс касается в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу». Он пишет: «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция. Для того чтобы выяснить и показать, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи. Но для *обыденного употребления* краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может

⁷⁵ «Толковый словарь русского языка». Под ред. Д. Н. Ушакова, т. III. М., 1939, стб. 28.

⁷⁶ «Словарь современного русского литературного языка», т. 13. М., 1962, стб. 1168.

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 84.

⁷³ «Словарь современного русского литературного языка», т. 6. М.—Л., 1957, стб. 692.

⁷⁴ Там же, т. 9. М.—Л., 1959, стб. 86.

вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить»⁷⁸.

Специфические особенности определения отметил В. И. Ленин в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма». Давая известное определение империализма («империализм есть монополистическая стадия капитализма»), отмечая то самое главное, что дает это определение, В. И. Ленин пишет: «... Слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо вывести весьма существенные черты того явления, которое надо определить». Поэтому, говорит В. И. Ленин, не следует забывать «условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии»⁷⁹.

Это особенно относится к таким объектам, которые представляют собой сложные общественные явления, а именно таким объектом и является исторический источник. Он обладает многообразными свойствами, принимает самые различные формы — от древней хатейпой надписи до отправленного на Луну вымпела, допускает различные переходные состояния. Исторический источник находится в постоянном развитии, движении, изменении: вместе с изменениями исторической действительности меняются и источники. Легче поэтому дать определение устойчивым, сложившимся, относительно неизменным разновидностям исторических источников, таким, например, как акты, летописи, дневники и т. д., чем историческому источнику вообще.

Поэтому представляется гораздо более плодотворным такое определение исторического источника, которое главным, решающим считало бы свойство источника отображать реальную историческую действительность и тем самым содержать в себе информацию о прошлом — вне зависимости от того, в какой форме эта информация дошла до нас, были ли источники созданы в свое время человеком сознательно или сохранились случайно в результате его личной или общественной деятельности и т. д. В связи с этим представляется нежелательным употребление терминов «памятник», «материалы», «остатки», «следы» и т. д. как многозначных и требующих объяснения, в каком именно значении эти термины употребляются.

Исходя из этого в краткой характеристике исторического источника в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ) было принято следующее определение: «Исторические источники — всё, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. всё, созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятни-

ков письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка»⁸⁰. Такое определение охватывает все многообразие источников. Оно включает в себя и известные нам источники и те новые, которые возникают на наших глазах и которые находятся еще в стадии становления (например, дневники бригад коммунистического труда, летописи воинской славы в воинских частях и т. д.).

В чем преимущества данного определения? В том, что исторический источник в нем характеризуется не каким-нибудь термином, в свою очередь требующим истолкования («памятник», «след», «остаток», «материал» и проч.); ему дается такое определение, которое позволяет максимально широко привлекать для анализа все, созданное ранее человеческим обществом — лишь бы оно отображало реальную действительность с той или иной степенью непосредственности.

Категория непосредственности означает, что между реальной действительностью и историческим источником находится только сознание автора, создателя этого источника. Иными словами, источник и реальная действительность находятся между собой в двучленной связи: прошлое — источник. Понятие непосредственности — относительное. Оно может быть прямым — когда автор источника сам, лично наблюдает действительность и отображает ее в своем творчестве (донесение, письмо, дневник и т. д.). Автор может наблюдать действительное событие сам, непосредственно, но сообщать о нем спустя долгое время (мемуары); в этом случае непосредственность становится относительной, так как на сознание автора источника влияет весь опыт последующей после совершения события жизни. Наконец, автор может рассказывать о событии на основе слухов, рассказов очевидцев и даже предшествующих источников — непосредственность отображения в этом случае становится еще более относительной, но источник не перестает от этого быть источником, мы по-прежнему можем черпать из него интересующие нас факты, усложняется лишь источниковедческий анализ, методика добытия и проверки этих фактов. Несмотря на разную степень непосредственности, действительность отображается в таких источниках лишь через сознание автора, создателя этого источника.

Конечно, реальная действительность отображается не только в источнике, но и в построенном на его анализе исследовании, однако степень этого отображения принципиально, качественно иная: это отображение опосредствовано не только многими источниками, в которых данная реальная действительность отобразилась непосредственно, через сознание автора источника, но и развитием всей исторической и философской мысли, сумевшей за прошедшее время творчески освоить и осмыслить событие, дать ему истолкование, раскрыть его смысл, его значение, место

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 634—635.

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 386.

⁸⁰ Л. Н. Пушкарев. Источники исторические. — СИЭ, т. 6. М., 1965, стб. 591.

в историческом процессе. Факт-событие превратился (на основе изучения факта-источника) в факт-знание о событии.

Столь подробное объяснение, в каком именно смысле употребляется в данном определении понятие «непосредственности», вызвано, конечно, тем, что его применение в значительной степени условно: мы говорим, что источник — это все, непосредственно отображающее действительность, и в то же время сознаем, что автор источника отображает эту действительность посредством своего сознания. Но и сознавая всю условность подобного употребления, мы все-таки именно так определяем источник, ибо это определение подчеркивает: в основе источника лежит реальная историческая действительность, именно она порождает источник, и поэтому любой источник несет в себе часть этой реальной действительности, информацию о реально существовавшем прошлом; следовательно, источник дает нам в руки возможность познать это реально существовавшее прошлое, источник есть средство познания исторического процесса⁸¹.

Предложенное определение не включает в себя человеческие останки как исторический источник. Мне представляется более правильным рассматривать их как источник антропологический, находящийся на стыке биологических и исторических наук. История как наука пользуется данными антропологии, равно как и других наук — географии, геологии, физики и т. д., однако анализ костных и иных останков человека — задача специалиста-антрополога. У нас есть историки, владеющие методикой антропологического анализа, но это не дает нам право на безоговорочное включение останков человека в число исторических источников.

Энциклопедическое определение исторического источника — не ново. Отдельные элементы этого определения мы встречаем у Б. Д. Грекова, А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта, С. О. Шмидта, М. А. Варшавчика и других источниковедов. Зарубежное источниковедение давно уже шло по пути создания подобного определения (работы Бехера, Майстера, Бауэра, Кайзера). В наши дни к подобной точке зрения присоединился и В. Эккерман. В этом определении дана попытка указать на главное, основное, что выделяем мы в историческом источнике, — тесную связь с породившим его историческим процессом, что и дает тем самым возможность объективного изучения исторического прошлого.

Конечно, и это определение указывает лишь на самое существенное в источнике, а не охватывает всех сторон его. Для того чтобы всесторонне рассмотреть источник, необходимо выяснить и определить его отличие от исследования и его сходство с ним,

⁸¹ О непосредственности отображения действительности как важнейшем качестве источника см.: М. А. Варшавчик. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник, стр. 82—84; Г. М. Иванов. Исторический источник и историческое познание, стр. 169—179.

показать специфику отображения в нем действительности, показать источник как философское понятие (раскрыть его объективность, независимость от сознания историка-истолкователя и в то же время выяснить опосредованность источника), дать классификацию источников и т. д. Вполне естественно, что ответы на такие вопросы в одном определении не могут быть даны, полная характеристика источника в целом — задача специального исследования. Поэтому следующим этапом на пути изучения данной проблемы и должен стать вопрос о сходстве и различии исторического источника и исторического исследования.

Исторический источник и историческое исследование

Русское источниковедение не сразу пришло к мысли о различии двух этих понятий. Первоначально русские историки, как и западноевропейские⁸², рассматривали исторические исследования в качестве одной из обычных разновидностей исторического источника⁸³. Впервые об отличии исследования от источника сказал Н. Г. Устрялов: «Далее показываю средства к основательному изучению отечественной истории, разделяя их на два разряда, на источники и на критические исследования»⁸⁴, однако о том, что лежит в основе этого различия, он не сказал. Противопоставление источника исследованию мы находим и у К. Н. Бестужева-Рюмина, вначале в литографированном курсе его лекций⁸⁵, а затем и в известном его учебнике по русской истории⁸⁶.

⁸² W. Walchs. Kritische Nachricht von den Quellen der Kirchengeschichte, S. 98—100; W. Wachsmuth. Entwurf einer Theorie der Geschichte, S. 105—113; F. Rehm. Lehrbuch der historischen Propädeutik und Grundriß der allgemeinen Geschichte. Marburg, 1830, S. 64—65; S. Becher. Handbuch zur Vorbereitung für das historische Gesamtstudium und Literatur desselben, S. 96.

⁸³ См., например: Н. А. Полевой. История русского народа, стр. LXXXI.

⁸⁴ Н. Г. Устрялов. О системе прагматической русской истории, стр. 50. В курсе русской истории Н. Г. Устрялов рассматривал исследование как один из видов источника (Н. Г. Устрялов. Русская история, ч. 1, 862—1462, стр. 4).

⁸⁵ К. Н. Бестужев-Рюмин. Лекции по русской истории за 1867—1868 гг. Литографированный курс. СПб., 1868, стр. 17—21.

⁸⁶ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, стр. 10. Интересные мысли не только об отличии, но и о сходстве источника с исследованием были высказаны в это время И. Г. Дройзеном в курсе источниковедения, читанном в 1862—1879 гг., но опубликованном в полном виде гораздо позднее. Характеризуя так называемые прагматические источники. Дройзен выделяет среди них такие, которые не ограничиваются простым пересказом фактов, а пытаются установить некоторую взаимосвязь между фактами, указать на их значение для истории и т. д. По мысли автора, такие сложные по своему составу и замыслу источники по сути дела не отличаются от обычного исторического исследования, которое также стремится установить взаимосвязь исторических фактов и указать на их значение для истории. Хронист, ведущий летопись событий окружающей его жизни, и историк, пишущий историю

В 80-е годы XIX в. вышли новые источниковедческие труды французских и английских историков⁸⁷. Русские рецензенты этих трудов приняли точку зрения западноевропейских авторов об отличии так называемых первоначальных источников от трудов предшественников, хотя и не высказались по поводу того, что лежит в основе этого противопоставления⁸⁸. А между тем в 1893 г. в России вышел перевод труда Э. Фримана, посвятившего этому вопросу специальную главу в издании своих лекций и озаглавившего ее: «Оригинальные источники». Под оригинальным источником Э. Фриман понимает такой повествовательный исторический источник, проверить указания которого мы можем, обратившись к источникам подобного же рода. Это отличает данный оригинальный источник от исторического исследования. Оригинальные источники, в свою очередь, делятся на первичные источники и вторичные. Поясняя мысль Э. Фримана, можно сказать, что, например, актовый материал — это первичный оригинальный источник; летопись, использовавшая акты, есть вторичный оригинальный источник, а труд А. А. Шахматова о летописи является историческим исследованием, которое тоже может быть источником для последующих историков, однако это исследование нельзя назвать «оригинальным источником»⁸⁹.

Нет смысла в дальнейшем перечислять все случаи противопоставления источника историческому исследованию⁹⁰. Русское

прошлой жизни, выполняют одну и ту же работу. При этом, указывает Дройзен, ни один, даже самый осведомленный хронист не знает о современной ему жизни столько, сколько знает опытный историк (Дройзен приводит в пример Нибура и Ранке) об изучаемой им эпохе. С этой точки зрения исследование, по мысли Дройзена, является гораздо более полным и верным источником, чем современные событиям хроники, мемуары, дневники. Отличие источника от исследования, полагает Дройзен, лежит в том, что исследователь подвержен влиянию идей, появившихся уже после него. И чем дальше от нас прошлое, которое мы пытаемся изучить, тем меньше мы в состоянии его непосредственно и прямо увидеть и понять. Труды историков — и в этом их отличие от источников — дают нам не первое, не непосредственное восприятие жизни (I. G. Droysen. *Historik*. München und Berlin, 1937, S. 81—84).

⁸⁷ P. Ch. de Smidt. *Principes de la critique historique*, Paris, 1883; *Ad. Tardif. Notions élémentaires de critique historique*, Paris, 1883; E. A. Freeman. *The Methods of Historical Study*. London, 1886.

⁸⁸ Ф. Я. Фортинский. Опыты систематической обработки исторической критики, стр. 10.

⁸⁹ Э. Фриман. Методы изучения истории. М., 1893, стр. 99—118. Точку зрения Э. Фримана поддержал и К. Н. Бестужев-Рюмин в своей рецензии на эту книгу (ЖМНП, 1887, № 2, стр. 310—313).

⁹⁰ См., например: С. Ф. Платонов. Обзор источников русской истории летописного типа, стр. 1; Н. И. Кареев. Теория исторического знания, стр. 90—91 (изд. 2-е: Н. И. Кареев. *Историка*. Изд., 1916, стр. 47—48); А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. II, стр. 378; В. И. Бузескул. Введение в историю Греции, стр. 2 и др. В западном

буржуазное источниковедение по вопросу о соотношении понятий «исторический источник» и «историческое исследование» пришло к противопоставлению источника исследованию. Исследование лишь в одном случае приравнивалось к источнику — когда сам источник исчез, а исследование, на нем основанное, сохранилось⁹¹.

В 20-е годы нашего века начало обнаруживаться гораздо более глубокое понимание связи источника с исследованием. Источниковеды приходят к мысли, что «в смысле непосредственного отражения действительности источником должен быть назван всякий исторический труд»⁹². Близость источника к исследованию особенно ярко прослеживается на примере некоторых разновидностей источников по античной истории. Труды Фукидида и Тацита, например, представляют собой и источник и исследование одновременно. Разбирая подобные явления с источниковедческой точки зрения, правильнее было бы дошедшие до нас труды античных историков считать фактами историографии, ставшими источником лишь в силу того, что *только* в них сохранились наиболее близкие к историческим фактам сообщения об этих фактах; открытие же новых исторических источников, содержащих более близкие к фактам сообщения о них или же являющихся остатком от самого факта, неизбежно превращает источник подобного рода в обычное исследование⁹³.

Источниковедении этого времени два историка пытались рассмотреть это явление с новых точек зрения. Так, Моно в своей работе «Метод в истории» не отделяет исторические пособия от исторического источника; разделяя все источники на три группы (монументы, акты и сочинения), он к сочинениям относит генеалогии, хроники, анналы, мемуары, автобиографии, поэмы, письма, а также исследовательские труды литературного, исторического, философского, теологического, юридического, экономического и т. д. характера (G. Monod. *La methode en histoire*. — «Revue bleue», 1908, 11—18 april, p. 451—452). Этой же точки зрения придерживается и немецкий источниковед Г. Вольф, правда лишь в отношении новой истории. В своем солидном труде «Введение в изучение новой истории» он среди источников, относимых к «письменной традиции», перечисляет исторические исследования, газеты, мемуары, автобиографии, а также энциклопедии, словари, учебники и справочники (G. Wolf, *Einführung in das Studium der neueren Geschichte*. Berlin, 1910). Оба эти исследователя, приравняв историческое исследование к источнику, ничем свою точку зрения не аргументировали.

⁹¹ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. II, стр. 378.

⁹² Л. И. Карсавин. Введение в историю (теория истории), стр. 43.

⁹³ О единстве мифа, саги и истории в некоторых греческих трудах (например, у Геспода), а также о превращении исторического исследования в художественное произведение у греческих авторов говорит в это время и В. Байер (W. Bauer. *Einführung in das Studium der Geschichte*, S. 268). Он не отрицает значения историографических трудов как исторического источника, однако указывает, что современное источниковедение все больше и больше отодвигает историографию на задний план. Исследования могут привлекаться в качестве источника лишь для воссоздания истории исторической науки и общественно-политической мысли. Их источниковедческий анализ ведется теми же методами, что и при ана-

В. И. Пичета пошел еще дальше и определил историческое исследование как одну из разновидностей письменных исторических источников наряду с летописями, актами и т. д., хотя вся его книга четко делится на две части: источниковедение и историография. Видимо, автор назвал «исторические печатные историко-литературные издания и сборники» источниками в том смысле, что в этих изданиях опубликованы те или иные письменные памятники⁹⁴.

Г. П. Саар, по-видимому, рассматривал исторические исследования как одну из разновидностей исторического источника. Идеология отдельных классов, по словам Г. П. Саара, исследуется на основе философских, научных и беллетристических произведений⁹⁵.

Не следует думать, однако, что советское источниковедение совершенно отказалось от традиционного противопоставления исторического источника и исследования. Так, четко разграничивал эти понятия С. Н. Быковский⁹⁶, но и он отмечал, что в ряде случаев нельзя провести точной границы между историческими источниками и историческими пособиями⁹⁷. Эта

лизе повествовательных исторических источников (Ibidem, S. 268—271; Auflage 2, Tübingen, 1928, S. 283—286).

⁹⁴ В. И. Пичета. Введение в русскую историю (источники и историография), стр. 5. В вышедшем в это же время «Учебнике исторического метода» А. Федер исторические исследования рассматриваются как разновидность источников чисто исторического характера наряду с надписями, генеалогиями, хрониками, календарями, биографиями, мемуарами и т. д. А. Федер к числу подобных источников причисляет и «особенно исторические повествования, так называемые исторические труды всех видов, которые возникли во времена высшего развития исторического мышления и которые подчиняют временную последовательность большей частью объективным точкам зрения» (A. Feder. Lehrbuch der geschichtlichen Methode, S. 93).

⁹⁵ Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования, стр. 15.

⁹⁶ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования, стр. 30—32. В своей весьма широкой, построенной по отвлеченной логической схеме классификации исторических источников Э. Кайзер отнес к числу исторических источников всю печатную продукцию человечества, без выделения исследований в особую группу (E. Keyser. Die Geschichtswissenschaft. Aufbau und Aufgaben, S. 57—61). В вышедшей тоже в 1931 г. монографии Ф. Шнабеля «Немецкие исторические источники и исследования в новое время» исторические труды эпохи Реформации (1500—1550 гг.) рассматриваются автором наряду с актами, письмами, хрониками, произведениями гуманистов и т. д. Шнабель отмечает своеобразие исследования по сравнению с историческим источником, но еще больше подчеркивает сходство между ними, рассматривая историографию вообще как часть источниковедения (F. Schnabel. Deutschlandsgeschichtliche Quellen und Darstellungen in der Neuzeit. T. 1. Das Zeitalter der Reformation. 1500—1550. Leipzig und Berlin, 1931, S. 238). Отто Штольц считает источником лишь те исследования, которые основаны на утраченных позднее документах (O. Stolz. Zur Systematik der Geschichtsquellen, S. 125).

⁹⁷ Эту же мысль, но лишь в иной форме высказал и М. Н. Тихомиров («Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.», стр. 6—7).

точка зрения надолго укрепилась в советском источниковедении⁹⁸.

Однако в последнее время советские источниковеды все чаще стали склоняться к тому, что деление исторического материала на источники и исследования весьма условно. Более глубокое изучение некоторых источников привело исследователей к мысли, что в ряде случаев в источнике выявляются черты, свойственные исследованию, а в исследовании есть такие качества, которые присущи источнику. Наиболее отчетливо эту мысль высказал М. Н. Тихомиров во втором издании своего учебника по источниковедению: «Один и тот же памятник может являться и пособием и источником»⁹⁹.

Разберем этот вопрос подробнее и остановимся, с одной стороны, на таких письменных источниках, как мемуары и так называемые ведомственные издания, а с другой, — на самом понятии историографического источника.

Мемуары издавна рассматривались источниковедами как один из распространенных видов исторических источников. Специфика мемуаров как источника заключается в том, что автор их воспроизводит факты, события и явления в том виде, в каком они сохранились в памяти их участника, «нередко с привлечением документов, чтобы дополнить недостающие звенья»¹⁰⁰, и в этом плане мемуарист сближается с историком-исследователем. Стремясь к возможно большей точности и документальности повествования, современные мемуаристы создают труды, которые нельзя уже назвать мемуарами в обычном понимании этого слова; недаром и критики рассматривают их как «сплав мемуаров и документов»¹⁰¹.

Если учесть при этом, что мемуары очень близки к художественной литературе, более того, — составляют один из видных разделов ее¹⁰², тесно соприкасаются с публицистикой, то можно

⁹⁸ См., например: И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв., стр. 3—4; В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, стр. 16—17; он же. Джерелознавство історії СРСР. Період імперіалізму, стор. 13; он же. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.—1917 г., стр. 12; он же. Теория и методика источниковедения истории СССР, стр. 48—50; М. К. Рожкова. Мой опыт работы с историческими источниками. — «История СССР», 1961, № 6, стр. 166—167 и другие работы.

⁹⁹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М., 1962, стр. 7.

¹⁰⁰ М. Н. Черноморский. Работа над мемуарами при изучении истории КПСС. Изд. 2-е. М., 1965, стр. 11; он же. Мемуары как исторический источник. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1959, стр. 7.

¹⁰¹ См., например: В. Пельт. Семь незабываемых лет. — «Литературная газета», 30 марта 1965 г. (рецензия на воспоминания И. Шкапы «Семь лет с Горьким»).

¹⁰² В. Кардин. Сегодня о вчерашнем. Мемуары и современность. М., 1961, стр. 58—84; ср. М. Новикова. Мемуары и жизнь. Художественно-мемуарная литература о партийном подполье в годы Великой Отечественной войны. Критический очерк. Симферополь, 1957.

прийти ко вполне обоснованному выводу, что мемуары нередко стоят на грани научного исследования и исторического источника. Зачастую это и источник и исследование одновременно, причем в разное время и у разных авторов в мемуарах преобладала то его чисто источниковедческая сторона, то, наоборот, автор-исследователь затмевал собою мемуариста; передки и такие случаи, когда литературный талант автора-мемуариста открывал пути к превращению мемуаров в художественное произведение — таковы известные мемуарные трилогии С. Т. Аксакова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького и других писателей. Мемуары находятся как бы на стыке источника с исследованием и литературным произведением.

Но это не лишает мемуары значения и смысла исторического источника, а лишь усложняет работу источниковеда. Ему предстоит сначала установить, что относится к области художественного вымысла или к области научного творчества, а затем то, что составляет собственно воспроизведение в памяти автора таких сторон фактов, событий и явлений, которые не могут найти свое отображение ни в каких других источниках, т. е. показать источниковедческое значение мемуаров как исторического источника¹⁰³. В то же время некоторые мемуары справедливо рассматриваются историографами как важнейший историографический источник и анализируются ими наряду с собственно историческими исследованиями. В качестве образца можно привести «Былое и думы» А. И. Герцена¹⁰⁴, не говоря уже о древнерусских мемуарах.

Примером источников, находящихся на грани источника и исследования, являются и так называемые ведомственные издания. Вопросы об их источниковедческом значении и важности их использования освещены в двух статьях И. Ф. Гиндина и Л. Е. Шепелева¹⁰⁵. Авторы отмечают, что некоторые ведомственные издания представляют собой исследования, издававшиеся как

авторские работы, некоторые приближаются к продолжающимся изданиям, другие являются делопроизводственной документацией, изданной типографским способом; одни из этих изданий предназначались для служебного пользования, другие были рассчитаны на более широкие слои читательской публики и т. д.

Историки, использовавшие подобные ведомственные издания в своей работе, рассматривали их главным образом как источники¹⁰⁶. И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев абсолютно правы, когда раскрывают большое источниковедческое их значение, а в ряде случаев и несомненное преимущество перед архивным делопроизводственным источником (например, степень обобщенности данных) и т. д. В то же время авторы не отрицают и тесных связей этого источника с исследованием. Авторы не имели возможности в рамках статьи — да они и не ставили перед собой такой задачи — показать специфику источниковедческого анализа подобных источников¹⁰⁷. Особенное значение в этом анализе займет, конечно, выявление первоисточников ведомственных изданий, перекрестное сопоставление с другими сохранившимися историческими источниками; установление пределов редакторского вмешательства издателей и как итоговый вывод — установление полноты и достоверности этих источников. Анализируя эти же ведомственные издания с целью историографического изучения, исследователь обратит главное внимание на такие факты, как влияние издания подобных источников на состояние исторической науки в данное время, влияние их на уровень знания об изучаемых событиях или явлениях; он должен будет установить место ведомственных изданий в общем кругу источников по той или иной теме и, сопоставив с исследованиями, определить, насколько они близки к другим источникам и к исследовательским трудам.

Нельзя, конечно, преувеличивать черты, роднящие их с исследованием. Ведомственные издания как чисто историографический факт — это чаще всего исключение, а не правило. Подобные издания и их содержание обычно синхронны событиям или периодам, которые они отражают, — они редко сознательно ставят перед собой исследовательские цели, чаще они возникают из чисто оперативных, тактических задач. Поэтому и эти издания в ка-

¹⁰³ А. А. Курносков. О мемуарах участников партизанского движения (1941—1945 гг.). — «Источниковедение истории советского общества». М., 1964, стр. 310—319; он же. Мемуары участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник (опыт анализа мемуаров по истории Первой Бобруйской партизанской бригады). — «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961, стр. 49—54; В. Голубцов. О научном издании литературного наследия Н. К. Крупской. — «Новый мир», 1965, № 10, стр. 276—278; он же. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970.

¹⁰⁴ В. Е. Илларицкий. Исторические взгляды А. И. Герцена. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, стр. 391—393, 398—408 и др.

¹⁰⁵ И. Ф. Гиндин, Л. Е. Шепелев. Против не критического и произвольного использования архивных документов. — «История СССР», 1964, № 5, стр. 74—91; они же. О некоторых недостатках использования архивных документов в исследованиях по истории СССР XIX—начала XX века. — «Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда, 4—6 февраля 1964 г.», Л., 1964, стр. 263—282.

¹⁰⁶ В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. — 1917 г., стр. 177—382; И. Ф. Гиндин. К истории концерта бр. Рябушинских. — «Материалы по истории СССР», вып. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959, стр. 603—640; И. М. Пушкарёва. Статистические материалы как источник по изучению численного состава и социально-экономического положения различных категорий железнодорожников. — «Тезисы докладов научной сессии, посвященной истории рабочего класса России в период капитализма». Ростов-на-Дону, 1963, стр. 206—211.

¹⁰⁷ Л. П. Пушкарёв. Новое в отечественном источниковедении. — «Вопросы истории», 1965, № 10, стр. 142.

кой-то своей части непосредственно отображают реальную действительность, что и дает нам право рассматривать их как источник.

Другая их сторона (использование первичной деловой документации, отбор и интерпретация фактов, исследовательский метод в разработке истории вопроса и многое другое) теснейшим образом связана с исследованием как таковым; не случайно поэтому значительная часть подобных работ хранится не в архивах, а в библиотеках наряду с обычными книгами.

Не следует думать, что только этими двумя примерами и ограничиваются случаи близости с исследованием. Русская историография давно уже установила, что такие исторические источники, как летописи, хронографы, некоторые разновидности исторических повестей и т. д., представляют собой не что иное, как историческое исследование о прошлом нашей Родины. Ученые выяснили и методы работы составителей и «справщиков» летописей и приемы создания художественных произведений об историческом прошлом, установили те первоисточники, которыми они пользовались, и т. д.

Одним словом, многие разновидности письменных источников давно уже рассматриваются русской историографией не только как исторические, но и как историографические факты.

С другой стороны, нельзя забывать и того, что любой историографический факт — начиная с самой первой попытки осмыслить прошлое и кончая разнообразными историческими трудами наших дней — является одновременно и источником, характеризующим научную или общественно-политическую жизнь своего времени. Иными словами, исторические исследования есть источник не только для историографии, но и для истории вообще. Историю общественной мысли начала XIX в. нельзя, например, написать без характеристики «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; бесспорно, что труды Г. В. Плеханова и М. Н. Покровского являются важнейшим историческим источником по истории становления марксистско-ленинского мировоззрения в России конца XIX—начала XX в.

Уже одно это, следовательно, не дает нам права резко противопоставлять источник исследованию. Подобное противопоставление так же алогично, как и деление исторического материала на остатки и традицию: как любая традиция является остатком от своей эпохи, так и любое исследование является одновременно источником для характеристики общественной мысли той эпохи, в которую оно возникло. Как и любой источник, исследование отображает в своем содержании и форме исторический процесс и дает возможность изучать прошлое человеческого общества. Следовательно, с этой точки зрения исследование мало чем отличается от повествовательного (нарративного) источника, который традиционно рассматривается наукой как один из важнейших родов письменных источников. И в этом отношении М. Н. Тихо-

миров совершенно правильно причисляет исторические труды к повествовательным источникам.

Отличие же исторического исследования от источника особенно отчетливо выступает при сопоставлении первоисточников и исторических исследований. Но чтобы полнее раскрыть эту мысль, нужно предварительно точно установить, что мы понимаем под первоисточником.

Полнее и подробнее всего этот вопрос разработан С. П. Быковским, который отличительной чертой первоисточника правильно считал то, что он независимо (т. е. самостоятельно) и хронологически впервые, по сравнению с другими дошедшими до нас источниками, отразил тот или иной исторический факт, событие или явление или же хотя бы какую-нибудь деталь исторического факта, события, явления. Из этого определения следует вывод, что многие источники, а тем более исторические труды, в свою очередь основаны на других, ранее возникших источниках. Задача источниковедческого анализа в том и состоит, чтобы, определяя происхождение и состав источника, выявить те первоисточники, на которых источник основан, и заново их проанализировать, чтобы убедиться, не внес ли исследуемый вторичный источник в использованный им первоисточник какие-либо искажения, добавления, изменения.

Само собой разумеется, что и историографический анализ в качестве неперменного и обязательного этапа включает в себя выявление и анализ историографических источников того или иного исследования, ибо все еще нередки случаи, когда историк неправильно использует труды своих предшественников, искажает (в лучшем случае — неумышленно) их точки зрения, ложно трактует делаемые ими выводы и тем самым создает неверную картину историографического процесса. Задачи источниковеда и историографа в этом отношении почти идентичны: важно найти такой первоисточник, который самостоятельно, независимо от других и при данном состоянии науки хронологически впервые по сравнению с другими источниками непосредственно отобразил в своем содержании интересующий нас факт, явление, событие и т. д.

Соотношение источника и исследования имеет значение не только для теоретического источниковедения, оно еще раз ставит вопрос о технике и об этике научного труда и использовании ранее выпущенной литературы. Вопрос этот, поднятый в недавнее время в работах М. К. Рожковой, И. Ф. Гиндина и Л. Е. Шепелева, приобретает особое значение.

Источниковедческий анализ исследования — необходимая и обязательная фаза работы каждого исследователя. Только установив различные источники исторического труда и выявив первоисточники исследования, можно определить, что нового внес исследователь в разрешение той или иной проблемы, верно ли он интерпретировал исходные первоисточники, какие новые задачи

стоят перед тем, кто вновь принимается за решение тех же или близких проблем. И в том случае, когда источниковед определит истинную долю участия предшествовавших ученых в анализе и интерпретации первоисточников, долг и этика научного работника требуют ссылаться на труды своих предшественников, а не на архивные первоисточники, давно уже ставшие достоянием науки¹⁰⁸. Только такое жесткое требование поднимет на должную высоту историографию как науку, полнее и явственнее выделит то новое, что вносится каждым исследователем в решение той или иной проблемы. А новизна и самостоятельность исследования заключаются не только в привлечении новых архивных первоисточников, но и в принципиально ином подходе к уже известным источникам, фактам, событиям, явлениям, процессам, в остроте источниковедческого анализа, в широте и самостоятельности обобщения, в глубине и оригинальности раскрытия в источнике отображения и воплощения объективной исторической действительности.

При всем сходстве, при всей близости источника и исследования они принципиально отличаются друг от друга тем, как отображают они исторический процесс. Исследование само основано на источнике, оно имеет иные цели создания, иную систему отображения исторического процесса по сравнению с источниками. Исследование не может быть источником для изучения исторического процесса, предшествовавшего во времени самому исследованию. Историю Киевской Руси нельзя изучать только по трудам Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова и др. Мы должны привлечь для этого первоисточники. Поэтому проблеме соотношения источника и исследования мы должны рассматривать в диалектическом единстве двух этих понятий и в диалектической их противоположности: исследование — это одна из разновидностей повествовательного источника, однако настолько своеобразная и особая, настолько отличающаяся от всех других разновидностей источников, что, определяя источниковедческую ценность исследования, историк должен обратить особое внимание на выявление и анализ его первоисточников. Само собой разумеется, что для историографии исследование всегда является главным и основным источником.

Географическая среда и исторический источник

Широкое определение источника, данное выше, на первый взгляд дает основание для включения в число исторических источников также и биологических и географических данных, тем более что тесная связь истории с географией была присуща обоим наукам с самого начала их возникновения. В. К. Яценский справедливо писал, что Геродота мы можем назвать не

¹⁰⁸ Л. Е. Шенелев. Работа исследователя с архивными документами. М.—Л., 1966, стр. 109—110.

только «отцом истории», но и «отцом географии»¹⁰⁹. Начиная с периода античности, ученые всех стран и народов рассматривали исторический процесс в связи с той территорией, на которой он совершался, а характеристику географической среды старались давать не изолированно от того населения, которое проживало на данной местности. Э. А. Араб-Оглы правильно отметил эту своеобразную взаимосвязь: «Недаром географию иногда называют историей в пространстве, а историю — географией во времени»¹¹⁰. Историческое развитие общества совершается не имманентно, оно обусловлено рядом объективных материальных факторов, роль и значение которых в достаточной степени установлены историческим материализмом. Одной из составных частей материальных условий жизни общества и является географическая среда. Мы понимаем под ней совокупность природных условий (климат, рельеф, воды, почвенный покров, животный и растительный мир и т. д.), вовлеченных в историческую практику человека и оказывающих влияние на ход исторического развития, но не являющихся определяющей причиной этого развития¹¹¹.

О влиянии природных условий на человеческое общество и его историю писали и пишут философы, историки, географы, социологи от Гиппократа и Платона вплоть до наших дней. Историография этого вопроса за XIV—XVIII вв. достаточно полно освещена в упомянутой работе В. К. Яценского и в других исследованиях на эту тему. Философская сторона вопроса также довольно подробно разработана¹¹².

Исторический материализм признает большое значение географической среды для развития общества. К. Маркс и Ф. Энгельс так писали в «Немецкой идеологии» о значении природных условий — геологических, оро-гидрографических, климатических: «Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»¹¹³. В то же время исторический материализм подчеркивает, что географическая среда влияет на характер общественного строя лишь опосредованно, через способ производства материальных благ общества; географическая среда является не причиной общественного развития, а лишь одним из его условий.

Русское теоретическое источниковедение на ранних этапах своего становления рассматривало географическую среду через

¹⁰⁹ В. К. Яценский. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках. М., 1955, стр. 21.

¹¹⁰ Э. А. Араб-Оглы. Социология и география (рецензия на книгу А. М. Восканяна «О роли географической среды в развитии общества». Ереван, 1956). — «Вопросы философии», 1956, № 4, стр. 205.

¹¹¹ И. С. Кон. Географическая среда. — СИЭ, т. 6, стр. 218.

¹¹² А. М. Восканян. О роли географической среды в развитии общества. Ереван, 1956.

¹¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 19.

призму западноевропейских исследований в этой области, среди которых необходимо упомянуть «О духе законов» Ш. Л. Монтескье и особенно работу И. Г. Гердера, которая частично была переведена на русский язык и вызвала отклики в русской печати начала XIX в.¹¹⁴ В работе Гердера история человечества рассматривается как непосредственное продолжение истории природы, причем именно климатом объясняет автор характер психики и уровень культуры народов. Гердер стремился построить физико-географическую историю происхождения и изменения человеческого рода соответственно природной обстановке и времени; однако задуманного не осуществил¹¹⁵.

Можно было бы не останавливаться так подробно на вопросе о зависимости исторического процесса от географической среды, тем более что все эти проблемы, давно интересовавшие и историков и философов, получили уже достаточно полную и правильную оценку в современной литературе, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что некоторые историки и источниковеды вслед за признанием влияния географической среды на историю человечества сделали следующий шаг и начали рассматривать географическую среду как исторический источник¹¹⁶.

Впервые в русском источниковедении эту мысль высказал литературный критик, историк и этнограф Н. И. Надеждин в известной статье, посвященной исторической истине и досто-

верности. Разбирая исторические источники, он разделил их «на два главных рода — на естественные или физические (физико-географические) и искусственные или собственно исторические. К первым относятся следы великих физических переворотов земного шара, имевших более или менее близкую связь с судьбою рода человеческого, которая есть главный предмет исторического исследования и знания. Таковы геологические признаки шестидневного образования вселенной и потопа, существование Мертвого моря на месте проклятого Пятиградия в древней Палестине, толстый, оплодотворенный веками слой первородной лавы Везувия, под которым погребены были окрестности Неаполя в царствование Тита, и прочая»¹¹⁷. Из этой большой цитаты легко установить, что Н. И. Надеждин не только счел возможным привлечь данные геологии для восстановления прошлого человеческого общества, но и пытался найти в них доказательства библейским историям о шести днях творения, всемирном потопе и т. д.¹¹⁸

Н. И. Надеждин не уточняет, какие именно исторические факты можно извлечь из апализа географических данных, он лишь говорит, что необходимо сверить с географическими данными исторические предания, пополнить эти предания и исправить, если нужно, а в некоторых случаях признать географические факты причиной исторических событий. Трактровка Н. И. Надеждина близка к теориям западноевропейских философов, также признавшим причинную зависимость между историческими событиями и географическими фактами. Недаром в другой статье, имеющей большое значение для исторической географии, Н. И. Надеждин особо подчеркивает значение географической карты не как вспомогательного средства, а как источника¹¹⁹. Правда, в этой статье Н. И. Надеждин осторожнее говорит о географических фактах: не отрицая их значения как источника, он явное предпочтение отдает тем изменениям, которые люди оставляют на местности, и в первую очередь топонимическим данным. Здесь автор пытается привлечь топонимические данные для подтверждения и научного обоснования библейских легенд.

Спустя 10 лет после появления работ Н. И. Надеждина его точка зрения была поддержана натуралистом академиком К. М. Бэр: «Ход всемирной истории, конечно, более определяется внешними физическими условиями... Когда земная ось по-

¹¹⁴ «Мысли, относящиеся к философской истории человечества, по разумению и начертанию Гердера». СПб., 1829; рецензию см.: «Московский телеграф», 1829, ч. 29, № 7, стр. 89—91; см. также отклик на эту рецензию: «Разбор рецензии на книгу под заглавием «Мысли, относящиеся к философской истории человечества И. Гердера». СПб., 1830.

¹¹⁵ Оценку историко-географической теории Гердера и литературу по этому вопросу см.: В. К. Яценский. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках, стр. 295—307. См. также: И. Г. Гердер. Избранные сочинения. М.—Л., 1959; А. В. Гулыга. Гердер. М., 1963; D. W. Jöns. Begriff und Problem der historischen Zeit bei I. G. Herder. Göteborg, 1956; G. A. Wells. Herders two Philosophies of History. — «Journal of the History of Ideas», 1960, N 4. Не утратила до сих пор своего значения и работа В. Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм» (М.—Л., 1933), во второй главе которой автор анализирует натуралистический историзм в философии истории Гердера (стр. 18—31).

¹¹⁶ Одним из первых эту мысль высказал известный немецкий историк начала XIX в. В. Вахсмут. Разбирая свидетельства и факты человеческого познания, на первое место среди них он поставил саму природу, «поскольку она обуславливает человеческие поступки и является пространственным окружением для фактов. Она может быть свидетельством на вопрос „как“ и позволяет видеть результаты действия, но не может передать самих фактов (действий); в то же время природа является одним из важнейших средств к познанию. Именно поэтому древние историки путешествовали, чтобы самостоятельным осмотром познать местную жизнь; именно поэтому описание альпийского похода Ганнибала у Полибия лучше, чем у Ливия: первый видел, второй читал и слышал» (W. Wachsmuth. Entwurf einer Theorie der Geschichte, S. 86).

¹¹⁷ Н. И. Надеждин. Об исторической истине и достоверности. — «Библиотека для чтения», 1837, т. XX, раздел III, стр. 142. Оценку Н. И. Надеждина как историка и этнографа см.: А. Н. Пытин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 231—275; Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 19, 144, 215, 222, 361, 362; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, стр. 416, 417, 545—548, 569, 570.

¹¹⁸ Об этом см.: Л. Н. Пушкирев. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв. — «История СССР», 1963, № 5, стр. 83.

¹¹⁹ Н. И. Надеждин. Опыт исторической географии русского мира. Статья первая. — «Библиотека для чтения», 1837, т. XXII, раздел III, стр. 27.

лучила свое падение, вода отделилась от суши, поднялись хребты гор и отделили друг от друга страны, судьба человеческого рода была определена уже наперед... всемирная история есть не что иное, как осуществление этой предопределенной участи»¹²⁰. Эти мысли были весьма сочувственно встречены русским историком и общественным деятелем Т. Н. Грановским, который подчеркнул зависимость исторического процесса от географической среды. И хотя некоторые свои утверждения он высказывал в предположительной форме («нам еще далеко не известны все таинственные пути, привязывающие народ к земле, на которой он вырос и из которой заимствует не только средства физического существования, но значительную часть своих нравственных свойств»), тем не менее он весьма определенно критиковал современных ему историков за то, что «углубляясь в изучение письменных и словесных памятников прошедшего, они не решаются приступить к источникам другого рода»¹²¹, т. е. естественноисторическим.

П. В. Павлов также склонялся к мысли считать географические данные историческим источником. Определив понятие

¹²⁰ К. М. Бэр. О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества. — «Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемая от Русского географического общества». СПб., 1848, стр. 231—232. Ср. также стр. 210: «Судьба народов определяется наперед и как бы неизбежно природою занимаемой ими местности» и др. См. последнюю обобщающую работу о К. М. Бэре и список его трудов: В. Е. Райков. Карл Бэр. Его жизнь и труды. М.—Л., 1961.

¹²¹ Т. Н. Грановский. О современном состоянии и значении всеобщей истории. — ЖМНП, 1852, № 4, отд. II, стр. 14, 20 и отд. отт. С критикой взглядов Т. Н. Грановского выступил П. Н. Кудрявцев («Отечественные записки», 1853, № 4, отд. IV, стр. 44—47). Не отрицая влияния географической среды на развитие общества, П. Н. Кудрявцев тем не менее правильно указал на то, что не всё в историческом процессе может быть объяснено географическими условиями, что не всегда влияние географической среды является преобладающим, наоборот — по мере развития общества оно все более и более теряет свое значение. Вопросы о том, является ли географическая среда историческим источником, П. Н. Кудрявцев не коснулся совсем. Правильную оценку роли географической среды в истории развития общества и невозможность объяснения многих явлений общественной жизни через анализ географической среды мы находим и в работах П. Л. Лаврова: «...Едва ли было бы научно искать объяснение разницы и сходства мифов Греции и Полинезии в географических условиях этих стран или распределения католицизма, протестантизма разных толков и православия в климатических условиях, где установилось господство того или другого из этих исповеданий» (С. С. Арнольди [П. Л. Лавров]. Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. М., 1898, стр. 139). О преувеличении роли географической среды в развитии общества в трудах С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и других историков и критику их взглядов, а также литературу по этому вопросу см. в комментариях В. Т. Пашуто к первому тому «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (М., 1959, стр. 746—747).

исторической науки, он в число ее источников включил и географические данные («т. е. естественные внешние условия — положение, величина стран, их очертание, почва и т. д.»), добавив при этом, что изучение подобных источников должно производиться особым географическим методом «по естественным внешним условиям данной страны, рассматриваемым в их влиянии на минувшую жизнь народа»¹²². Как и предыдущие историки, П. В. Павлов не объясняет, почему он включает географические данные в число источников и какие исторические факты может извлечь исследователь из анализа географических данных¹²³.

Конец XIX—начало XX в. принесли с собой новую точку зрения на этот вопрос. Его коснулся в своем учебнике по методологии истории А. С. Лаппо-Данилевский. Он весьма критически отнесся к попыткам некоторых «мыслителей-историков» отнести географическую среду к числу исторических источников: «Явления природы... — пишет он, — могут служить источниками для научного знания естествоведа, но не историка... историк лишь пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности»¹²⁴. К такому четкому и верному в своей основе выводу А. С. Лаппо-Данилевский пришел, однако, защищая свое идеалистическое определение исторического источника как реализованного продукта человеческой психики. Определив объект исторического знания как всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы получить знание о другом объекте, т. е. об историческом факте, и страшился упреков в слишком объективном, не зависящем от исследователя определении исторического источника, А. С. Лаппо-Данилевский и привел в пример географическую среду, как явно не зависящую от человека объективную реальность, которая, без-

¹²² П. В. Павлов. Опыт введения в историю. — «Отечественные записки», 1874, № 5—6, стр. 237—388.

¹²³ В зарубежной историографии конца 70-х—начала 80-х годов XIX в. продолжают появляться работы, в которых географическая среда считается одной из разновидностей исторического источника. Так, немецкий философ-идеалист В. Вундт в работе «Логика», анализируя всевозможные формы мышления, пытался изложить методы различных наук, в том числе и истории. Характеризуя исторические источники, он выделил среди них источники «чисто физического вида... К этой категории принадлежат физические остатки от людей, домашних животных, культурных растений, географические и климатические условия или же физические следы бывших ранее состояний» (W. Wundt. Logik, Bd. II. Stuttgart, 1883, S. 535). Философские взгляды Вундта были подвергнуты сокружительной критике В. И. Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 57—59, 66—67 и др.). Выводы Вундта были позднее использованы А. Федером, который к числу «остатков в узком смысле этого слова» отнес, наряду с останками человека, домашних животных и культурных растений, также и «физические следы климатических или географических влияний на человеческую жизнь» (A. Feder. Lehrbuch der geschichtlichen Methode, S. 90).

¹²⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. II, стр. 368—369.

условно, не подходит под определение исторического источника именно в силу своей объективности, независимости от человеческого сознания. Верный в своем конечном итоге вывод А. С. Лаппо-Данилевского явился, таким образом, результатом его ошибочных идеалистических в своей основе представлений об историческом источнике.

Гораздо более точную оценку географической среды как источника мы находим в «Очерке истории русской культуры» М. Н. Покровского. Автор пишет: «И в истории культуры приходится говорить о „явлениях природы“ — таких, как климат, почва, устройство поверхности и т. д., — но не как о фактах культуры, а как о ее необходимых условиях»¹²⁵. Далее автор показывает, что историку в своей работе приходится учитывать и некоторые чисто физиологические данные, например, чувство голода или половой инстинкт, однако они не являются историческим источником.

Казалось бы, эту проблему можно было бы считать и решенной, но уже в послеоктябрьскую эпоху в трудах некоторых источниковедов, как советских, так и зарубежных, географическая среда вновь стала рассматриваться как исторический источник¹²⁶.

Г. П. Саар, например, несколько не сомневался в том, что и географическая среда и данные биологии и медицины являются самыми настоящими историческими источниками, ибо географические условия «ставят рамки деятельности человеческого общества на данной территории при определенном уровне техники... а строение человеческого тела и социальные болезни... являются результатами общественных отношений и поэтому также являются историческими источниками»¹²⁷. Доводы Г. П. Саара не могут быть признаны убедительными. Рамки для деятельности человеческого общества ставит не только географи-

ческая среда, но и, скажем, такие физические данные, как скорость света, земное притяжение, магнетизм, космическая радиация и многое другое, однако все это не превращает физические данные в исторический источник. Результатом общественных отношений являются все научные открытия, но из этого не следует, что открытые человечеством химические элементы или же физические и биологические данные — исторические источники. Болезни существовали на земле и до появления человека (например, яшур), и их наличие в настоящее время едва ли свидетельствует о превращении их в исторический источник¹²⁸.

¹²⁸ Развернутую мотивировку необходимости привлечения географической среды в качестве исторического источника мы находим в работе Э. Кайзера. Вот его доводы: «Природа — это основа всего живого, в том числе и жизни истории. Все исторические события разыгрывались на местности, причем человечество и животный мир принимались в расчет в качестве субъекта или объекта исторической деятельности. Записывать жизнь природы и ее продуктами — это, конечно, задача естествознания; но современная историческая наука должна, опираясь на выводы естествознания, использовать его достижения в качестве исторического источника. Историку необходимо понимание основополагающих представлений и познание географии и геологии, ботаники, зоологии и антропологии. Они являются незаменимыми вспомогательными науками для истории. История поселений не может быть раскрыта без учета образующих сил на земной поверхности и сущности ландшафта. Нельзя обойти вниманием остатки от растений при обработке находок в болотах. Кости животных как отбросы человеческого питания и как предметы человеческого рукоделия и художественного творчества являются превосходным источником для истории животноводства, техники и искусства. Биологию и распространение животного мира должны учитывать аграрные историки и историки народонаселения, ибо именно животные способствовали объяснению условий жизни в далекие времена и передвижений человеческих групп. Историю населения земного шара нельзя понять, если не принять во внимание также и телосложение и духовную жизнь обитающих на земле людей; следовательно, надо учесть также данные анатомии, физиологии и психологии, равно как и современного учения о группах крови. Историки доисторических времен и народного искусства давно уже используют природу как исторический источник; необходимо и современной истории воспользоваться их опытом. Каждый историк должен уметь пользоваться камнями, остатками растений, костями животных и человека так же, как вещами, монетами, книгами и документами. По старому обычаю в этом случае говорят о «документах земли». Существенной задачей естественных музеев является сохранение подобных групп источников и использование их для изучения (E. Keyser. Die Geschichtswissenschaft. Aufbau und Aufgaben, S. 54—55).

Доказательства Э. Кайзера не могут быть признаны достаточными и обоснованными. Он правильно пишет, что современная историческая наука должна учитывать данные географии и естествознания, но ведь это не является доказательством того, что сама географическая среда есть исторический источник! Выводы географии как науки (как и выводы, законы любой науки), безусловно, являются историческим источником, но ведь выводы географического характера — это же не сама географическая среда как таковая. Мы можем анализировать достижения географии источниковедческим методом (например, анализ географических карт, исторических атласов и т. д.), но мы не можем извлечь что-либо из географической среды при помощи этого метода.

¹²⁵ М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I. М., 1915, стр. 1.

¹²⁶ Так, например, профессор Венского университета В. Бауэр, разбирая исторические источники в широком смысле этого слова, причисляет к ним как географические факторы (климат, положение), так и телесные данные (строение тела, сопротивляемость организма), ничем это не мотивируя. Работы русских источниковедов, стоявших на иной точке зрения, видимо, автору не были знакомы, во всяком случае в перечне использованной литературы они отсутствуют (W. Bauer. Einführung in das Studium der Geschichte, S. 154). Общую оценку книги Бауэра см. в обзоре С. Н. Валка «Из „Введений в историю“» («Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 225). Без объяснений относит к числу исторических источников географическую среду также и датский ученый К. Ерслев: к числу остатков он причисляет «остатки от самих людей прошлого и остатки природы, которая их окружала» (K. Erslev. Historische Technik. Die historische Untersuchung in ihren Grundzügen dargestellt. Aus dem Dänischen übersetzt von Elba Brandt. München und Berlin, 1928, S. 7).

¹²⁷ Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования, стр. 14.

Точка зрения Г. П. Саара не получила в последующее время признания и поддержки. «Большая советская энциклопедия», подытоживая развитие исторической науки, в статье «Источниковедение» отметила, что историки лишь используют в своей работе материалы, доставляемые геологией, физической географией и другими подобными науками¹²⁹.

Источниковедческие труды 30—50-х годов нашего века также ограничивали круг источников преимущественно произведениями человека, постоянно подчеркивая, что источник связан своим происхождением с различными формами человеческой деятельности, что источник — это одновременно и исторический факт и лишь как таковой и может быть правильно понят и истолкован.

Однако в последнее время вновь начал подниматься вопрос о значении географической среды как исторического источника. Этот вопрос был поставлен при обсуждении проблем источниковедения истории КПСС. Начиная это обсуждение, И. С. Смирнов писал, что «в распоряжении историков партии имеются два вида источников: вещественные и письменные. Вещественными источниками истории КПСС могут быть: предметы партийной техники (подпольные типографии и т. п.), личные вещи участников революционного движения, места исторических событий (курсив мой. — Л. П.) и другие»¹³⁰. И. С. Смирнов, однако, не разъяснил, каким образом местность, на которой развевалось историческое событие (например, сходка в лесу), может служить источником для воссоздания того или иного исторического факта.

Критикуя точку зрения И. С. Смирнова, З. В. Ждановская и ее соавторы прежде всего отметили, что круг источников истории КПСС отличается от круга источников других исторических наук. Они категорически отрицают включение в круг источников по истории КПСС вообще всех вещественных памятников, в том числе, следовательно, и мест исторических событий¹³¹. Против этой точки зрения выступил М. А. Варшавчик, включивший, как и И. С. Смирнов, места исторических событий в число вещест-

Кости животных лишь тогда становятся историческим источником, когда они используются человеком, и нас интересуют при этом не сами кости как таковые, а лишь степень их использованности — раздроблены ли они при употреблении в пищу и каким орудием, как применялись они первобытными художниками или мастерами и т. д., т. е. внимание исследователя обращено на человека как активную силу, воздействующую на географическую среду.

¹²⁹ БСЭ, изд. 1-е, т. 30. М., 1937, стр. 98. О. Штольц в своей работе, посвященной классификации исторических источников, причисляет к ним не саму географическую среду, а лишь те изменения в ней, которые происходят под воздействием человека (*O. Stolz. Zur Systematik der Geschichtsquellen*, S. 125—127).

¹³⁰ И. С. Смирнов. Об источниковедении истории КПСС. — «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 195.

¹³¹ З. В. Ждановская, А. Т. Маслова, А. И. Широков, А. Г. Шпынов. О предмете источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 92—93.

венных источников, хотя и отметил подчиненное значение этих источников. Он, в частности, заметил, что «любому историку, пишущему, например, о рабочих демонстрациях, о конкретном ходе революционных боев, очень полезно непосредственное знакомство с местностью, где происходили события»¹³². Правда, автор не объясняет ни здесь, ни в другой своей статье, опубликованной в ходе развернувшейся дискуссии, какие же именно исторические факты может извлечь историк из знакомства с географической местностью исторического события.

Ввиду того что изложенная выше точка зрения до сих пор не оценена в источниковедческой литературе¹³³, требуется более детальный ее разбор.

Прежде всего следует решительно не согласиться с М. А. Варшавчиком, что «указание на то, что источник создается людьми, бесполезно ввиду абсолютной очевидности»¹³⁴. Если бы это было так, то ни он сам, ни И. С. Смирнов не отнесли бы понятие «местность» к числу источников. Ведь местность людьми не создается, она ими преобразуется, используется; местность — это то условие, в котором совершается определенное действие, «какое-либо определенное пространство на земной поверхности»¹³⁵ и только. Конечно, местность может хранить на себе следы человеческой деятельности. Каналы, плотины, дороги, лесные посадки, пахотная земля и многое другое — все это изменение местности под влиянием трудовой деятельности человека, но ведь в этом случае источником является не сама местность, а те изменения на ней, которые человеком совершены. Местность же (или место, что равнозначно¹³⁶) как таковая источником быть не может.

Это не означает, что среду, в которой происходило то или иное историческое событие, изучать не нужно: можно вполне согласиться с М. А. Варшавчиком, что историку очень полезно непосредственное знакомство с местностью, где происходили события, но тогда зачем же ограничивать себя только местностью? Разве не важно знать, например, метеорологические условия во время события? Разве не влияет погода, например, на ход битвы, на массовость демонстрации, на успешность той или иной операции? Но из этого не следует, что дождь, ветер, град и т. д. входят в число исторических источников.

¹³² М. А. Варшавчик. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС, стр. 167. Без изменений эта же мысль высказана и в последней его работе: М. А. Варшавчик. Предмет и задачи..., стр. 17—18.

¹³³ Правда, в ходе дискуссии некоторые историки подчеркивали, что «источник истории КПСС — это такой исторический памятник, который является продуктом деятельности людей» (М. А. Пережогин, И. Ф. Угаров. О курсе источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 156).

¹³⁴ М. А. Варшавчик. Некоторые уточнения, стр. 104.

¹³⁵ «Словарь современного русского литературного языка», т. 6, стб. 883.

¹³⁶ Там же, стб. 884 («пространство земной поверхности»).

Даже вода (реки, озера, моря), столь существенно влияющая на исторический процесс, к числу исторических источников отпесена быть не может: это лишь условие, но не причина исторического события.

В те же годы, когда развернулась дискуссия по источниковедению истории КПСС, вышла книга А. С. Амальрика и А. Л. Монгайт, в которой географическая среда определялась как одна из групп исторических источников. Рассматривая так называемые природные источники, авторы полагали, что к ним относятся: «1) костные остатки человека, 2) костные остатки животных, одомашненных и диких, ставших добычей охотников, остатки культурных растений, некоторые почвы, подвергшиеся культивации, скотский навоз и т. п., 3) вся окружающая человека среда — это климат, фауна, флора, геологические отложения и т. п.»¹³⁷ Правда, авторы указывают, что многие из этих источников изучаются не историками, а палеоантропологами, палеозоологами, палеоботаниками, геологами и т. д. Основное внимание авторы уделили, естественно, не «природным источникам», а источникам, созданным человеком. В другой книге, вышедшей в эти же годы, А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт географическую среду в перечень источников не включили¹³⁸.

В более поздней книге одного из авторов данные географической среды рассматриваются лишь как условие человеческой деятельности, но не в качестве исторического источника¹³⁹.

Приведем еще один довод, до сих пор не учитывавшийся в источниковедении. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе» дали широко известное определение истории: «История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»¹⁴⁰. Но раз так, то и историческим источником может быть только то, что было в свое время создано человеком или человеческим обществом. Что же касается географической среды, то источниковедение рассматривает ее как условие исторического развития. Поэтому историки используют данные географических наук для характеристики тех изменений, которые произошли в природе в результате действия общественных отношений. На изменение природы человеком особое внимание обратил, как известно, Энгельс в «Диалектике природы»¹⁴¹.

Историк использует в своей работе данные и многих других наук, особенно естественных. Это и понятно: человек является

не только творцом истории; он является одновременно и биологическим видом, тесно связанным в своем эволюционном развитии с фауной и флорой Земли. Не случайно поэтому среди исторических источников есть такие, которые занимают промежуточное место между естествознанием и историей, — это так называемые антропологические источники¹⁴².

Приведенные выше доказательства позволяют сделать вывод о том, что географическая среда не может быть безоговорочно причислена к историческим источникам, но она не может быть, бесспорно, и оторвана от них, ибо природа — земля, воды, недра, климатические условия — это место и сфера трудовой и общественной деятельности человека; вместе с тем природа — это и предмет человеческого труда, и (на первоначальных этапах развития человека) источник средств его труда, и даже первичная кладовая продуктов его питания. Природа теснейшим образом связана с человеком, с его общественно-трудовой деятельностью¹⁴³. Человеческое общество — высшее порождение природы, но это отнюдь не означает, что общество можно отождествить с природой: человек не только существует в условиях географической среды, он трудится, он производит материальные условия своей жизни, он изменяет окружающую его природу.

Географическая среда — это не природа вообще, но это и не только природа, вовлеченная в процесс общественного производства. В географической среде естественное и социальное взаимно проникают друг в друга, она одновременно является и естественным и социальным понятием¹⁴⁴. Исходя из этого, географическую среду в источниковедческом плане следует рассматривать как явление, стоящее на грани исторических и естественно-физических наук. Конечно, географическая среда — это не «объект, созданный человеком на основе субъективных образов объективного мира», но эти созданные людьми объекты постоянно присутствуют в географической среде как органическая ее часть. Не только земля и вода, но и климат оказывают известное влияние на жизнь общества¹⁴⁵. Деятельность человека в природе изменяет географическую среду, и эта измененная среда в свою очередь воздействует на человека.

¹⁴² Об использовании антропологических данных в качестве источника см.: М. В. Витов. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера. — «История СССР», 1964, № 6, стр. 81—109.

¹⁴³ Связь между природой и обществом убедительно раскрыта в «Капитале» Маркса. Он писал: «Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 195).

¹⁴⁴ Об этом более подробно см.: Ю. К. Плетников. О взаимодействии природы и общества. — «Проблемы философии». М., 1966, стр. 129—150.

¹⁴⁵ Л. Н. Гумилев. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. — «История СССР», 1967, № 1, стр. 53—66. Отклики Б. А. Андрианова и Б. Н. Семевского на эту статью см.: «История СССР», 1968, № 1, стр. 233—235.

¹³⁷ А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1959, стр. 142. Во втором издании книги авторы, сохранив сам термин «природные источники», географическую среду в их число не включили (изд. 2-е. М., 1966, стр. 137).

¹³⁸ А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. Что такое археология. М., 1957, стр. 34.

¹³⁹ А. Л. Монгайт. Археология и современность. М., 1963, стр. 57—64.

¹⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102.

¹⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 357, 545—546.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА
ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

*

Вопрос о сущности географической среды относится к числу дискуссионных¹⁴⁶. Сами географы еще далеки от его окончательного разрешения. Споры о том, что такое географическая среда, идут и у нас и за границей¹⁴⁷. Но эти споры не мешают историкам привлекать географические данные при написании исторических исследований. За последнее время появилось много работ исторического характера, в которых географические данные оказали существенную помощь исследователю в чисто исторических вопросах¹⁴⁸. Но, конечно, все эти данные получают свое значение лишь во взаимосвязи исторических и физико-географических закономерностей.

Статья «Исторический источник и географическая среда», опубликованная на украинском языке в 1966 г., заканчивается категорическим утверждением, что географическая среда не является историческим источником¹⁴⁹. Труды русских и зарубежных исследователей, вышедших за последние годы¹⁵⁰, убедительно доказали, что для подобной категоричности суждения нет достаточного основания. Конечно, географическая среда по может быть приравнена к историческим источникам в точном смысле этого слова, но она содержит такие данные, которые часто бывают необходимы историку и без которых он нередко не может обойтись. Поэтому более точным будет рассматривать географическую среду как явление, стоящее на грани естественно-физического и исторического источника одновременно. Само собой разумеется, что все изменения, совершенные человеком в географической среде, являются самым настоящим историческим источником, ибо они созданы людьми, обществом.

Вопрос о том, как именно источник связан с породившей его реальной действительностью, имеет несколько аспектов решения. Важнейшие из них относятся скорее к области методологии истории, чем к источниковедению. Это такие проблемы, как «исторический источник и исторический факт», «полнота и точность отображения действительности в источнике», «познаваемо ли прошлое на основе анализа источника?» и т. д. Связь источника с действительностью важна и для выяснения содержания и формы источника, что имеет важное методологическое и методическое значение. К. Горанов начинает свою монографию таким афоризмом: «Определить форму и содержание данного явления — значит исследовать его»¹. Для теоретического источниковедения особенно важно определить форму источника, являющуюся той основой, на которой строятся многие системы классификации источников.

Содержание и форма исторического источника — это такие понятия, которые тесно связаны с философскими категориями содержания и формы и представляют собой частный случай более общей закономерности, распространяющейся на все явления природы и общества. Но вместе с тем определение содержания и формы исторического источника имеет и свою специфику, присущую лишь данному вопросу, свойственную лишь исторической науке и отличную, например, от определения содержания и формы в литературе, искусстве, точных и естественных науках и т. д.

Определение и сущность философских категорий содержания и формы достаточно подробно изучены диалектическим материализмом². Что же касается рассмотрения этой проблемы в источ-

¹⁴⁶ В. А. Анучин. О сущности географической среды и проявлении индетерминизма в советской географии. — «Вопросы географии», т. 41. М., 1957, стр. 47—64; А. Е. Фурман. О взаимосвязи природных и общественных закономерностей. — «География и хозяйство», т. II. М., 1961, стр. 92—95.

¹⁴⁷ См., например: G. Narweleit, N. Neef, N. Strenz. Bemerkungen zum Wesen und Inhalt des geographischen Milieus. — «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», 1967, № 1, S. 209—240.

¹⁴⁸ См., например: Л. В. Алексеев. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966.

¹⁴⁹ Л. М. Пушкарьов. Географичне середовище та історичне джерело. — «Український історичний журнал», 1966, № 7, стор. 15—21.

¹⁵⁰ Помимо цитированных выше работ см. также: Б. А. Андрианов. Некоторые аспекты проблемы взаимодействия природы и общества (на примере истории освоения низовьев Амур в XVIII—XIX вв.). — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 98, вып. 2. М., 1966, стр. 148—156; М. И. Альбрет. Ошибочность идеи «люди — часть географической среды» в свете освоения космоса человечеством. — «Известия ВГО», т. 100, вып. 6, 1968, стр. 542—547; В. С. Лямин. О соотношении природных и общественных закономерностей в географической среде. М., 1967; А. Я. Шведленко. Природный фактор и европейское общество V—X ввек. — «Вопросы истории», 1969, № 10, стр. 87—105.

¹ К. Горанов. Содержание и форма в искусстве. М., 1962, стр. 39.

² А. А. Чунеева. Категории материалистической диалектики. Л., 1965, стр. 108; Л. В. Воробьев, В. М. Казанов, А. Е. Фурман. Основные категории и законы материалистической диалектики. М., 1962; А. М. Минасян. Категории содержания и формы. Ростов-на-Дону, 1962; Ф. И. Гарковенко. Диалектика формы и содержания. — «Вопросы диалектического материализма. Элементы диалектики». М., 1960, стр. 256—285 и другие более ранние работы, имеющие в настоящее время историографическое значение.

никоведческом плане, то известна лишь одна работа, специально посвященная этому вопросу и разбирающая его с теоретической точки зрения, — это статья А. Т. Николаевой³.

Отображение и воплощение действительности в источнике. Содержание исторического источника

Первый и самый основной вопрос — что мы должны подразумевать под содержанием источника? А. Т. Николаева так отвечает на него: «Содержанием письменного источника является отражение в нем конкретных событий, фактов, явлений из истории общественного развития. Например, в документе может говориться о крестьянской войне под руководством Степана Разина или Емельяна Пугачева, о положении крепостного крестьянина в XVII веке, о работе колхоза, промышленного предприятия, районного Совета и т. д. Это — материальная сторона источника»⁴. Определение это, на наш взгляд, сужает подлинное содержание источника. В системе, в совокупности источников отображаются не только конкретные события, факты и явления, но и более общие исторические процессы. Например, труды В. И. Ленина, посвященные русскому империализму, отображали не только конкретную историю борьбы большевистской партии за правильное понимание сущности империализма, они отображали и самый процесс становления империализма как высшей стадии капитализма. В трудах русских революционных демократов помимо отображения многих частных, конкретных фактов революционно-демократического лагеря с консерваторами и либералами мы видим также и косвенное отображение более общего процесса формирования революционно-демократической идеологии. Не только большая часть повествовательных источников, как правило, содержит богатый материал по истории общественно-политической мысли, духовной культуры вообще; мы найдем обильный материал по истории, например, централизации Русского государства в различных грамотах и актах того времени, в делопроизводственной документации и т. д. Архивы монополий и банков дают нам возможность раскрыть не только конкретную историю того или иного концерна, но и такую общую проблему, как срастание банковского капитала с правящей верхушкой Романовской монархии, и т. д. Одним словом, в источнике находят отображение не только конкретные события, факты и явления

***

действительности, но и — косвенно, конечно, — более общие процессы и законы общественного развития⁵.

Рассмотрим вторую часть ее определения — то, что источник отобразил в себе конкретные события, факты и явления *из истории общественного развития* (курсив мой. — Л. П.). Конечно, громадная, можно сказать, преобладающая часть источников отображает историю общественного развития. Но нельзя только этим ограничивать содержание источника. А личная жизнь человека? Разве она не находит отображения в источнике? А ведь многие разновидности документов личного происхождения — письма, дневники, мемуары, автобиографии и т. д. — порой именно тем и ценны, что сохранили сведения из личной жизни их авторов, и историковедам при анализе подобного рода документов постоянно приходится делать поправку на личные вкусы, интересы, симпатии автора. Показательно в этом отношении наследие И. Г. Прыжова — трудно найти публициста, более субъективного в своих оценках. Все творчество последних лет его жизни окрашено такими глубоко личными оценками, характеристиками, высказываниями, что и не может быть правильно понято, если исследователь не учтет этой сугубо личной стороны его творчества. Прочитайте его автобиографию. Она начинается с горькой фразы: «Вся жизнь моя была собачья» — и эта горечь неудачника в жизни и быту придает всем его очеркам, исследованиям и заметкам желчный привкус озлобленности затравленного волка, кусающего без разбора всех, кого он встретит на пути, — и правого, и виноватого, и за дело, и без всякого повода.

Рассматривая именно таким образом вопрос о личной жизни автора, отобразившейся в источнике, вовсе не надо противопоставлять личную и общественную жизнь. Жизнь общества есть бесконечное переплетение личных жизней — но не все, что входит в понятие личной жизни, составляет в сумме своей понятие жизни общественной. У каждого человека есть такие глубоко личные переживания, события, факты и т. д., которые при всех условиях остаются достоянием его личной жизни. Бывают, конечно, случаи, когда эти сугубо личные переживания становятся достоянием общества, однако это несколько не умаляет их специфики, их особенности. Под общественным развитием мы обычно понимаем развитие общества, т. е. целостного социального организма, высшей ступени развития живых систем, которая проявляется

³ Сказанное не означает, что вопросы содержания и формы источников не были затронуты в русском и советском источниковедении. Отдельные замечания, касающиеся различных сторон этой проблемы, в довольно большом количестве рассеяны по трудам как русских, так и зарубежных источниковедов.

⁴ А. Т. Николаева. О некоторых вопросах содержания и формы письменных исторических источников. — «Труды МГИИ», т. 7. М., 1954, стр. 9.

⁵ Из этого не следует, что абсолютно в каждом источнике эти общие процессы находят свое отображение. Каждый историк-исследователь может указать источники, имеющие ограниченное значение и отобразившие отдельные, конкретные факты действительности. Однако, во-первых, это лишь частный случай более общей закономерности, а наша задача — дать определение содержания источника в целом как понятия. Во-вторых, известно немало случаев, когда, например, археологи или историки древнего мира на основе частного, случайно дошедшего до нас источника с конкретным содержанием восстанавливают гораздо более общие закономерности развития общества.

в функционировании и развитии социальных организаций, институтов, групп, движений и проч. Конечно, общественная жизнь отдельного человека — главное, определяющее в его характеристике, но эта общественная жизнь не поглощает целиком его личной, субъективной жизни, а лишь дополняет ее. Личное и общественное — это две равноправные стороны деятельности и жизни человека, и обе они находят свое отражение в источниках.

И, наконец, вызывает возражение конечный вывод А. Т. Николаевой, что отображение в источнике конкретных событий и фактов есть «материальная сторона источника». Как отображение может быть чем-то материальным? Какие материальные формы имеет, например, феодализм? Процесс перехода от феодализма к капитализму? (А ведь факты и сведения именно об этих и подобных им закономерностях и процессах мы стараемся извлечь из источника!)

При определении содержания источника, на наш взгляд, следует исходить из того, что историческое прошлое, реально существовавшая и существующая в настоящее время объективная действительность не только отображаются, но и воплощаются в историческом источнике.

Под отображением действительности в источнике следует понимать возникновение в сознании его автора различных образов и создание на их основе всевозможных объектов (вещей, рукописей, фольклорных памятников, обрядов, топонимов и проч.), которые хранят в своем содержании эти образы, т. е. которые тем самым отображают (в иной, конечно, форме) реальную действительность. Действительность может отображаться в источнике не только в момент ее свершения, но и спустя долгое время после того, как произошло то или иное событие: сознание человека способно воспроизводить — более или менее адекватно — различные образы действительности и после ее совершения. Отображение реальной действительности в источнике, следовательно, это не бездушный механический процесс, а сложное явление, связанное с психической деятельностью человека — автора источника, но определяющееся, конечно, не этой психикой, а наличием и реальной объективной действительности, и способного к ее отображению человека.

Гениальная мысль В. И. Ленина, что вся материя обладает свойством отражения⁶, имеет важное методологическое значение, предполагая и требуя конкретных исследований в самых различных областях о путях и формах этого отражения материи⁷. Ото-

бражение действительности в источнике бывает различным по форме и сложности, что зависит, конечно, от того, насколько высока и сложна структура той действительности, которая отображается в источнике. Довольно просто, например, установить, как именно отобразился в источнике простой факт, и гораздо сложнее выяснить, как отобразился в источнике сложный исторический процесс, действующий на протяжении целых столетий. Нельзя не отметить также, что особенности отображаемой действительности могут быть воспроизведены в источнике в различных формах в зависимости от того, в каком именно историческом источнике отобразилась реальная действительность и в какой форме это отображение произошло.

Конечно, между отображением действительности в источнике и отображением как одним из основных свойств материи нельзя поставить знака равенства. Однако наблюдения над закономерностями отображения действительности в источнике приводят нас к мысли о том, что и этот процесс не выпадает из общепhilософских законов отражения. Надо иметь в виду при этом одно весьма важное обстоятельство: любой источник, отображая в своем содержании с большей или меньшей полнотой историческую действительность, сам всегда является неотъемлемой частью действительности. Следовательно, реальная действительность не только отображается в историческом источнике, она всегда как бы воплощается в нем. Под воплощением действительности в источнике следует понимать тот факт, что любой исторический источник есть часть действительности. Мы можем познать историческую действительность на основе изучения источника, в частности, и потому, что этот источник, помимо того что он содержит образы действительности (действительность в нем отображается!), сам является частью этой упрежденной от нас действительности, т. е. она в нем воплощается, и частица этой «плоти» дошла до наших дней и служит для нас объектом изучения. Следовательно, нет и не может быть источника вне времени и пространства; источник есть часть прошлого, по которой мы восстанавливаем навсегда от нас упрежденное целое.

Исторический источник не только содержит в себе сведения о фактах, извлекаемые из него источниковедом; он сам всегда является одновременно историческим фактом, и лишь как таковой и может быть правильно понят и оценен. Только учитывая сложное диалектическое единство отображения и воплощения действительности в источнике, и можно определить источниковедческую ценность источника. Перед нами две стороны одного и того же явления: во-первых, отображение в источнике тех фактов, событий и т. д., которые совершались до возникновения источника, и, во-вторых, воплощение тех фактов, явлений, событий и т. д., которые происходили, действовали, проявлялись в момент возникновения или создания исторического источника. Поясним это на нескольких примерах.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 91.

⁷ Т. Павлов. Теория отражения. М., 1949, стр. 34; А. Н. Рякин. Об отражении как общем свойстве всей материи. — «Ученые записки Калужского государственного пединститута», вып. 6. Калуга, 1958; А. В. Востриков. Теория познания диалектического материализма. М., 1965, стр. 120—179.

Летописи — этот важнейший письменный источник периода феодализма — дошли до наших дней в виде рассказа о давно прошедших временах, причем иногда этот рассказ оканчивается на событиях, имевших место до создания того или иного списка, а иногда этот рассказ доводится до современных списку событий, и переписчик становится сам летописцем, продолжая и дополняя завещанное предками повествование. Казалось бы, в первом случае следует говорить об отображении действительности в источнике, а во втором не только об отображении, но и об известном воплощении ее. На самом же деле в обоих случаях мы вправе говорить и об отображении и о воплощении реальной действительности прошлого в летописи, ибо даже если переписчик точно копирует более ранний оригинал, ничего не прибавляя в текст от себя (явление сравнительно редкое), то и в этом случае самый факт появления поздней копии интересен и важен для истории. Появление нового списка летописи отображает ту потребность в познании исторического прошлого, которая вызывает к жизни подобный заказ и воплощается в этом новом списке.

Преобладающей же тенденцией в летописании является не простое копирование возникших ранее редакций, а творческое их переосмысление, сокращение и расширение текста, изменение социальной, классовой оценки, новое осмысление господствовавших ранее концепций и т. д. В этом случае интересующий нас список явится не только отображением прошлой для данного списка исторической действительности, но и воплощением современной для списка реальной действительности, властно вторгающейся в текст и существенно влияющей на изображение прошлого в рукописи. «Рукой летописца, — образно писал А. А. Шахматов, — управляли политические страсти и мирские интересы»⁸.

Конечно, не только летописи могут служить примером подобного отображения и одновременно воплощения действительности в источнике. Советские историки давно уже установили, что акты и законодательные материалы также могут служить источником подобного двойного значения. Ранее созданные акты использовались в политической борьбе более позднего времени, на них ссылались, их по-разному интерпретировали, и пометы позднейшего происхождения неопровержимо свидетельствуют о том, как именно в актовых документах воплощались и практика государственного строительства и борьба за централизацию. Особенно показательны в этом отношении многочисленные копийные книги, которые составлялись для нужд текущих государственных дел. Каждая копия акта — это не только отображение прошлой исторической действительности, но и в первую очередь воплощение

современной копии действительности, свидетельство интереса к прошлому и использования этого прошлого в пущах настоящего⁹.

Нет смысла анализировать акты более позднего периода, ибо это не внесет ничего принципиально нового в решение данного вопроса. И в более поздних актовых и законодательных источниках, вплоть до возникающих на наших глазах, мы найдем как отображение различных явлений и событий прошлой для источника исторической действительности, так и воплощение в них конкретных фактов реальной жизни времени возникновения источника.

Итак, любой источник включает в себя не только отображение, но и воплощение реально существовавшей действительности; при этом они находятся в глубокой взаимосвязи и взаимодействии. Любой источник есть нерасторжимое единство воплощения и отображения действительности. Отображая реальное бытие, источник всегда является сам частью реального бытия, частным, конкретным случаем его проявления, воплощения.

Итак, в любом историческом источнике мы всегда можем найти отображение и одновременное воплощение в нем как конкретных, так и более общих фактов, явлений и событий, совершившихся до возникновения источника и в нем — через психику автора (авторов) источника — отобразившихся или действующих в момент создания источника и в нем — независимо от воли автора (авторов) источника — воплощающихся, причем оба эти процесса (отображения и воплощения) взаимосвязаны и взаимопроникаемы.

Следовательно, положение, что содержанием источника и является отображение в нем реальной действительности, не верно. Ведь и отображение, и воплощение действительности — это процесс. В современном русском литературном языке под процессом понимается «протекание, ход какого-либо явления»¹⁰, что, несомненно, связано и с его латинским оригиналом (*processus* — движение вперед). В результате воздействия этих процессов (отображения и воплощения) в историческом источнике и возникают особенности отображаемой реальной действительности, которые усваиваются и перерабатываются в дальнейшем исследователем путем сопоставления, обобщения и т. д. с целью воссоздания исторической действительности.

⁹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I. М.—Л., 1948, стр. 6—7. О взглядах немецких историков на отображение реальной действительности в письменных источниках см.: О. М. Медушевская. О понятиях «источниковедение» и «источниковедческая критика». — «Вопросы истории», 1974, № 4, стр. 189.

¹⁰ «Словарь современного русского литературного языка», т. 11. М.—Л., 1961, стб. 1533 (оставляем в стороне другие, более частные значения этого термина, например, активное развитие болезни или разбор судебного дела).

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. XVI. А. А. Шахматов не был одинок в подобной оценке, до него сходные мысли мы находим, например, у Н. Г. Чернышевского и у ряда других более поздних исследователей.

В современной философской науке все чаще высказывается мысль о тесной связи понятия информации с теорией отражения¹¹. И хотя в само понятие информации различные исследователи вкладывают порой разный смысл и по-разному его определяют¹², тем не менее данные источниковедения дают все основания, чтобы рассматривать информацию как «содержание отражения (особенности отображаемого объекта) плюс передача этого содержания по каналу связи плюс переработка содержания отражения в процессе управления путем сопоставления, обобщения и т. д.»¹³. Не сами процессы отображения и воплощения действительности составляют содержание источника. «Отображение объектов реальной действительности в мозгу человека происходит в виде идеальных по своей природе чувственных и понятийных образов, имеющих сходство с отображаемыми явлениями. Материальной оболочкой, формой выражения понятийных образов выступает знак, слово, не имеющие никакого сходства с отображаемым явлением»¹⁴. В сумме все эти слова и знаки являются материальными носителями человеческой информации, и вне деятельности человека в природе нет знаков, есть только признаки.

Итак, мы приходим к выводу, что содержание источника зависит от той информации, которая неразрывно связана с присущей человеку идеальной формой отображения действительности. Человек осознает эту информацию, кодируя ее в словах и знаках. Человек может не только сам вырабатывать информацию, отображая в своем сознании окружающую действительность, но и воспринимать информацию, выработанную другими людьми, а также фиксировать эту информацию при помощи слов, знаков, действий, вещей и т. д.

Под содержанием исторического источника, следовательно, мы понимаем не отображение и воплощение реальной действительности в источнике, а результат этих процессов, а именно ту информацию, которую выработал человек, отображающий реальную действительность, и закодировал ее в тех или иных знаках, словах, сигналах и т. д.

Человеческая информация, содержащаяся в любом источнике, сложна и многогранна. В нее входят не только знания о прошлом, но и чувства, эмоции, настроения. Вот почему для исследователя, изучающего источник, особенно источники устные, фольклорные, этнографические, лингвистические, важно не только то, что сказано, но и то, как, каким тоном, с каким чувством, в какой обстановке и т. д. это сказано.

Человек, благодаря свойственному ему абстрактному мышлению, способен вырабатывать и закреплять в источнике информацию о явлениях, не связанных непосредственно с конкретной ситуацией. Это явление особенно присуще историческим исследованиям, и в нем выражается относительная самостоятельность сознания, возможность научного предвидения — то, что называется опережающим отражением у человека. Однако в историческом источнике — и в этом, в частности, его отличие от исследования! — опережающего отражения не наблюдается. Источник отображает лишь то, что было и что есть, и доносит до нас информацию о прошлом, извлекая которую из источника, исследователь и восстанавливает исторические факты.

Информация, хранящаяся в источнике, может быть разделена на две большие категории. Первую их них составит информация как мысленное отображение действительности человеком, сознательно внесенная им в источник и закодированная с помощью различных образов, слов и знаков. Эта категория информации связана с отображением действительности автором источника. Но исследователь, пользуясь различными приемами, выработанными вспомогательными историческими дисциплинами, нередко извлекает из источника такую информацию, о которой и не мыслил автор (создатель) источника и которая внесена им в источник бессознательно и явилась в ряде случаев результатом воплощения действительности в источнике.

Наконец, информация, хранящаяся в источнике, может содержать элементы заблуждения и быть в этом смысле не информа-

¹¹ Б. С. Украинцев. Информация и отражение. — «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 26—38; А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. Гносеологический анализ понятия «информация». — «Методологические проблемы современной науки». Сб. статей. М., 1964, стр. 143—160; С. Г. Ивнов. Некоторые гносеологические аспекты теории информации. — «Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда», вып. 7. «Философские и социологические исследования». Л., 1965, стр. 55—69; И. И. Гришкин. О философском значении понятия информации. — «Вестник Ленинградского университета», № 23. Серия экономики, философии и права, 1962, № 4, стр. 124—130; Д. Н. Меницкий. Понятие информации в свете ленинской теории отражения. — «Вестник Академии медицинских наук СССР», 1967, № 8, стр. 65—73 и др.

¹² Об этом см.: В. Ю. А. Методологические проблемы теории информации (обзор литературы). — «Вопросы философии», 1968, № 10, стр. 136—149; И. С. Нарский. Соотношение отражения, информации и значения. — «Ученые записки Томского государственного университета», 1965, № 61.

¹³ Б. С. Украинцев. Информация и отражение. — «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 36. О том, что информация — это содержание отражения, говорит также и Н. И. Жуков («Информация в свете ленинской теории отражения». — «Вопросы философии», 1963, № 11, стр. 159); см. также: В. С. Тюхтин. Сущность отражения и теория информации. — «Кибернетика, мышление, жизнь». Сб. статей. М., 1964, стр. 309—317; А. Д. Урсун. Природа информации. М., 1968, стр. 217. См. также интересный сборник статей «Информация в научных исследованиях». Киев, 1969.

¹⁴ Н. И. Жуков. Информация (философский анализ информации — центрального понятия кибернетики). Минск, 1966, стр. 88. Критику взглядов Н. И. Жукова см.: Д. А. Гущин. Категория информации и некоторые проблемы познания. — «Сборник научных трудов Эстонской сельскохозяйственной академии. Труды по философии». Тарту, 1967, № 54, стр. 53—66. См. также: К. Е. Морозов. Философские проблемы теории информации. — «Философия естествознания», вып. 1. М., 1966, стр. 85—95.

цией, а дезинформацией, причем эта последняя может быть как сознательной (умышленный подлог источника), так и бессознательной, ненамеренной, но тем не менее дезинформацией.

В задачи настоящей работы не входит, естественно, детальное рассмотрение всех проблем извлечения, обработки и оценки хранящейся в источнике информации. Это тема особой работы, нужной и важной¹⁵. В настоящем же исследовании понятие информации важно для определения содержания действительности в историческом источнике вообще и письменном источнике в частности.

Само собой разумеется, что отображение действительности в различных исторических источниках различно, хотя это и не снимает того общего, что для них характерно. Общим является то, что в каждом источнике содержится отображение и воплощение действительности, каждый содержит в себе ту или иную информацию о действительно бывшем событии. Возьмем в качестве примера источники, содержащие информацию о Бородинской битве 1812 г. Это могут быть письменные источники документального или повествовательного характера (донесения с поля боя, отчеты, реляции, листовки, мемуары), фольклорные памятники (песни и устные рассказы о битве), вещественные источники (знамена, остатки оружия, снарядов, флеш, редуты и проч.), лингвистические (изменения в языке под влиянием нашествия Наполеона — слова типа «шерамыжник», «шантрапа» и т. д.) и многие, многие др. При всем их отличии друг от друга, они объединяются самим фактом различного отображения и воплощения действительности, хотя способы кодирования содержащейся в этих источниках информации, конечно, отличаются друг от друга.

Все то, что было сказано об отображении действительности в письменном историческом источнике, относится и к устным (фольклорным) историческим источникам с той только разницей, что в них отличие процессов отображения и воплощения действительности приобретает особенно яркий характер, а само отображение осложняется тем, что оно всегда носит характер художественного осмысления действительности. В самом деле, какую бы разновидность устного источника мы ни взяли — героическую былинку, волшебную традиционную сказку, современную заборную частушку или забавную детскую считалку, — мы в любом из фольклорных жанров сможем выделить те конкретные события, явления, факты, которые в нем в художественной форме отображались, а также более общие взгляды, идеи, которые в нем оказались воплощены, причем и в данном случае эти идеи, взгляды,

строения, чувства воплощались в особой фольклорной форме. Принципиального отличия между письменными и устными источниками и в вопросе отображения и воплощения действительности не наблюдается; более того, одно и то же содержание, одна и та же действительность могут быть отображены и воплощены как в письменных, так и в устных источниках. Процесс централизации Русского государства в XV—XVI вв. отобразился в летописях, актах, художественных произведениях, а также в былинах и исторических песнях; формирование революционного сознания пролетариата в конце XIX—начале XX в. воплощено в политической литературе РСДРП, листовках, прокламациях и т. д., а также в массовой рабочей песне XX в., в антирелигиозных сказках и народных пословицах. Подобных примеров можно привести очень много.

Фольклор, по образному высказыванию Ю. М. Соколова, — это не только «отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего»¹⁶. Специфика фольклора как устного исторического источника в том, в частности, и заключается, что даже рассказывая о делах и событиях вековой давности, фольклорное произведение одновременно является и произведением современности. Марфа Крюкова могла, например, в совершенстве зная былинки киевского цикла, воссоздать топографию древнего былинного Киева, и в то же время ее «новины» и былинки являются важнейшим источником для характеристики процессов, совершавшихся в русском народном творчестве в 30-х годах XX в. Волшебная сказка сохраняет в своем содержании отражение древних анимистических воззрений наших предков и одновременно воплощает, например, отдельные черты жизни русского крестьянина Вятской губернии конца XIX в. В песнях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на равных правах сосуществуют образы и мотивы империалистической войны 1914—1917 гг., революции и гражданской войны 1917—1921 гг., событий 1941—1945 гг. Отображение событий, фактов, явлений прошлого в фольклоре теснейшим образом переплетается с воплощением идей, взглядов, оценок настоящего, и требуется все мастерство специалиста-фольклориста, вооруженного особой методикой фольклорного анализа, чтобы выделить эти напластования и указать на источниковедческое значение данного произведения. Наконец, как говорилось уже выше, не следует сбрасывать со счетов и того, что фольклорное произведение — это всегда художественное отображение действительности, художественное воплощение различных идей, взглядов, оценок.

Художественное отображение действительности предполагает создание таких образов на основе воздействия реальных фактов жизни, толкование которых может быть многозначным. Каждый, сталкивающийся с подобным образом, воспринимает и объясняет

¹⁶ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 14.

¹⁵ О. П. Пронштейн. Про роль спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін у розкритті інформаційного значення історичних джерел. — «Український історичний журнал», 1970, № 8, стор. 21—28; *оп. же.* Истолкование исторических источников. — «Вопросы истории», 1969, № 10.

его по-своему. В этом, в источниковедческом плане, и заключается отличие устного (фольклорного) источника от письменного в плане отображения действительности. За многовековую пору своего существования фольклор выработал устойчивую систему художественных образов, своеобразно и неповторимо отображающих реальную жизнь. В этой системе заключена эмоциональная оценка действительности, которая порой больше дает исследователю для характеристики взглядов и чувств народа, чем точные фактические данные, заключенные в письменных источниках.

Художественный фольклорный образ, кроме того, дает возможность историку и фольклористу сочувствовать и сопереживать описываемое явление, ощутить психологическую близость с автором и носителем фольклора, раскрыть внутренние душевные причины именно такого отклика на факты реальной жизни.

Если учесть также давнее бытование фольклорных жанров в народе, отрыв от первоначального автора и, наоборот, творческое участие коллектива в создании фольклорного произведения, то становится понятным все своеобразие отображения действительности в фольклорных источниках, которые за последнее время все чаще и чаще начинают использоваться историками наравне с письменными, например в книге Б. А. Рыбакова «Древняя Русь».

Вполне правомерно сравнить отображение и воплощение реальной исторической действительности в письменных источниках с вещественными источниками, так как реальная действительность отображается и воплощается в них не менее ярко и полно, чем в письменных источниках. Примерами отображения в вещественном источнике событий, фактов, явлений и т. д., совершившихся до его возникновения, могут служить изображения на вещественных источниках — обнаруженные при раскопках фрески с историческим сюжетом, надгробные плиты, рассказывающие о жизни захороненных под ними деятелей, греческие вазы с изображением различных сцен из греческой мифологии и многое др. Однако самое главное, что характеризует вещественный источник, — это то, что он всегда является непосредственным свидетелем материального или духовного состояния культуры данной эпохи, сохранившейся и дошедшей до наших дней частью самой реальной жизни того времени.

Эта жизнь, реальная действительность и воплощалась в тех предметах труда и быта, в оружии, в остатках пищи, жилища, одежды и т. д., которые донесли до нас облик жизни наших далеких предков, раскрыли их вкусы, запросы, интересы, показали их общественный и частный быт, дали возможность восстановить древнейший дописьменный период истории человечества. Воплощение действительности в вещественных источниках достигает нередко гораздо большей степени выразительности, экспрессии и силы, чем в письменных источниках. «Что знали бы мы о внешнем быте великокняжеской Руси, если бы не имели русских кла-

дов той эпохи?»¹⁷ Вещественные источники не только расширяют и контролируют наши представления о прошлом, созданные на основе письменных источников, но и нередко меняют все наши представления и знания, как случилось, например, после находки и раскопок берестяных грамот в Новгороде, когда наши взгляды о распространении грамотности на Руси XI—XV вв. оказались совершенно пересмотренными.

Выявление всех особенностей содержания вещественного источника, детальное рассмотрение того, как именно отображается и воплощается в вещи, в вещественном источнике реальная действительность, под силу лишь археологу и историку, владеющему всей совокупностью новейших приемов и методов археологического анализа¹⁸. Историку, занимающемуся вопросами теоретического источниковедения, приходится в этом случае (как и во многих других) опираться на результаты, добытые специалистами-археологами. Для настоящей работы самым главным выводом является то, что и данные вещественных источников подтверждают высказанную выше мысль: и в вещественном источнике также отображается и воплощается реальная историческая действительность, хотя самый этот процесс, в силу специфики этих источников, имеет свои особенности, вскрыть и объяснить которые — задача археологического метода исследования.

Вопрос об отображении и воплощении реальной действительности в этнографических источниках принадлежит к числу весьма сложных и во всех деталях окончательно еще не решен. Объясняется это, в первую очередь, специфичностью этнографического материала, а также тем, что в сохранении и передаче этнографических фактов прошлого решающая роль принадлежит человеческой памяти, — субъективное восприятие, человеческая психика налагают особый отпечаток на весь этнографический материал. Правда, следует сразу же оговориться, что вся область материальной культуры, изучаемая этнографией (пища, жилище, одежда, орудия труда и т. д.), опирающаяся на вещественные источники (ископаемые, музейные или непосредственно наблюдаемые), ничем (в вопросе отображения и воплощения действительности в источник, конечно!) не отличается от археологии. Археологи и этнографы очень часто изучают одни и те же или весьма близкие друг к другу по типу, назначению и происхождению источники, и отличие между ними заключается не в привлекаемых к анализу исторических источниках, а в иных целях и задачах исследова-

¹⁷ С. А. Жебелев. Введение в археологию, ч. II. Теория и практика археологического знания. Пг., 1923, стр. 11.

¹⁸ Об этом см.: Д. В. Кипарисов. Вещь — исторический источник. — «Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра» («Известия Государственной академии истории материальной культуры», вып. 100. М.—Л., 1933, стр. 3—22); «Новые методы в археологических исследованиях». Сб. статей. М.—Л., 1963.

ния, а в связи с этим — в различной методике изучения, в различных приемах и способах анализа¹⁹.

Однако есть такая область духовной культуры, которая изучается только этнографами. Это — всевозможные пережитки прошлого, сохраняемые в сознании людей, поверья, обряды, верования, обычаи, приметы и т. д., являющиеся специфическим историческим источником. Особенность его заключается в том, что отображение (в памяти и сознании человека, семьи, рода, племени и т. д.) ранее бывших фактов, событий, явлений теснейшим образом связано с воплощением реальной действительности сегодняшнего дня, составляя его неотъемлемую часть. Поясню это на нескольких примерах. Этнограф наблюдает, например, современный свадебный обряд в одном из колхозов. Весь этот обряд представляет собой часть реальной действительности нашего времени, которая воплощена в нем бесчисленным количеством фактов и явлений, бесспорно привязывающих этот обряд к настоящему, к нашим дням. И в то же время в этом же современном свадебном обряде как его неотъемлемая часть находятся элементы старого свадебного обряда, восходящие не только к эпохе феодализма, но и доклассового общества²⁰. Самый простой, широко распространенный повсеместно обычай ношения кольца после вступления в брак несет в себе черты магического обряда, отображая тем самым древние этапы развития человеческого сознания. Конечно, в наши дни магический смысл этого обряда давным-давно утерян, обряд перешел в обычай, но задача этнографа как раз в том и состоит, чтобы вскрыть этот утраченный смысл и показать причину живучести того или иного обычая или восстановить по сохранившемуся факту утраченную ныне реальность.

Еще большее количество древних ритуальных элементов, входящих еще к родовому обществу, сохранилось в похоронном обряде. Многие из современных обычаев (завешивание зеркала, вынос покойника вперед ногами и др.) имели когда-то магический смысл, давно и основательно утерянный, но сами обычаи продолжают оставаться неизменными в современных похоронах.

Примеров подобного рода можно привести великое множество, но все они свидетельствуют об одном: в этнографическом источнике элементы прошлого органически вливаются в факты настоящего, составляя неразрывное единство, и необходимо глубокое освоение этнографической методики наблюдения и анализа, чтобы выделить из современного обряда то, что отображает явления далекого прошлого, и отделить от того, что воплощает жизнь настоя-

щего. Но одновременно с этим изучение этнографического материала убеждает нас в том, что он, больше чем вещественные и письменные исторические источники, принадлежит одновременно двум эпохам — прошлому и настоящему. Этнографический источник, как и фольклорный, всегда несет нам информацию не только о том, что произошло, но и о том, что происходит в момент наблюдения этнографического явления.

Сложность отображения и воплощения действительности в этнографических источниках, объясняемая участием мышления и памяти в сохранении и передаче фактов прошлого, еще более усиливается, когда мы обращаемся к данным языка как историческому источнику. Все дело в том, что действительность отображается и воплощается в языке, как и в некоторых других источниках, не непосредственно, а через мышление: именно наше мышление отображает реальную действительность, а язык является в свою очередь одной из форм выражения мышления. Следовательно, содержанием языка является объективный мир, отображенный в сознании²¹. Специальные исследования советских языковедов и философов, посвященные проблеме содержания и формы в языке, соотношению языка с мышлением и специфике отображения действительности в языке, носят дискуссионный характер и далеки еще от окончательного решения этой сложной проблемы. Тем не менее и среди этих работ встречаются такие, которые рассматривают язык как сложное диалектическое единство отображения и воплощения действительности²². В последних работах советских лингвистов язык рассматривается как относительно самостоятельное явление, обладающее собственной логи-

²¹ Е. М. Галкина-Федорук. О форме и содержании в языке. — «Мышление и язык». Сб. статей. М., 1957, стр. 355. Мысль о том, что лексическая и грамматическая семантика языка является отражением действительности, особо подчеркнута в рецензии С. Я. Когана на этот сборник («Вопросы философии», 1959, № 4, стр. 144—145). См. также коллективную рецензию кафедры философии Ивановского педагогического института («Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1959, № 2, стр. 203—204), а также рецензию А. А. Зиновьева и И. И. Ревзина («Вопросы языкознания», 1958, № 2, стр. 141—145), в которых критикуется отсутствие точных определений понятий содержания и формы в языке. Критику идеалистических концепций в вопросе содержания и формы в языке см.: В. Н. Ярцева. Проблема формы и содержания синтаксических единиц в трактовке дескриптивистов и «менталистов». — «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». Сб. статей. М., 1961, стр. 90—105. Из более ранних работ необходимо отметить статью И. И. Мещанинова «Материальная культура и мышление» («Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокапятилетию научной деятельности Н. Я. Марра»). — «Известия Государственной академии истории материальной культуры», вып. 100, стр. 23—33).

²² См., например: Г. П. Щедровицкий. «Языковое мышление» и его анализ. — «Вопросы языкознания», 1957, № 1, стр. 64—68; «Проблема соотношения языка и мышления». — «Вопросы языкознания», 1958, № 5, стр. 105—111; С. Л. Рубинштейн. К вопросу о языке, речи и мышлении. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 42—48.

¹⁹ См., например: А. В. Шмидт. Об использовании этнографических материалов в работах по истории материального производства. — «Сообщения Государственной академии истории материальной культуры», 1932, № 1—2, стр. 12—17.

²⁰ См., например: В. Я. Каллис. Современная свадьба на острове Кяхну. — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 77. М., 1962, стр. 122, 124, 126 и др.

кой и собственными внутренними законами развития²³. Возникая «лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»²⁴, язык отображает в своем содержании все многообразие реальной действительности, все сложные взаимосвязи, возникающие и при общении людей друг с другом и при познании объективного мира человеком. Изменения в действительности четко и последовательно фиксируются в языке, который отображает и закрепляет их в живой речи, а позднее и в письме. Вместе с тем язык, являющийся специфической особенностью человека и играющий важнейшую роль в жизни общества, непрерывно изменяется вместе и в зависимости от перемен в жизни общества, которые воплощаются, в частности, в языке, что и дает возможность использовать его как исторический источник, не только отображающий, но и воплощающий в себе реальную объективную действительность.

Специфика речевого и языкового материала такова, что историк, не владеющий специальным лингвистическим методом, не в состоянии сам анализировать и толковать данные языка без боязни впасть в вольную или невольную ошибку. Как правило, историк использует в своих построениях те данные, которые уже открыты и объяснены лингвистами. Но в принципе использование данных языка как источника ничем не отличается от использования других исторических источников, ибо в языке тоже отображается и воплощается действительность, но эти процессы протекают в языке настолько своеобразно, особо, что именно этой специфичностью и объясняется сложность использования данных языка в качестве источника.

Нельзя не учесть и того, что данные языка входят как составная неотъемлемая часть и в письменные, и в устные (фольклорные), и в этнографические источники, не говоря уже о фонодокументах. Значение всех этих источников в полной мере может быть выяснено лишь в том случае, если будет произведен и необходимый лингвистический анализ памятников, который нередко много определяет в характеристике времени и места происхождения источника, его авторства и т. д.

Отображение и воплощение действительности в кинофотодокументах во многом отличаются от этих же процессов в письменных источниках. Фотография и киноплёнка дают максимально точный зрительный образ исторического факта, явления, события, предмета и т. д. Фотография и документальное кино всегда конкретны — на них запечатлен данный предмет в данное время и в данной местности, — но это не означает, что они не могут в себе

содержать сведений для выяснения более общих закономерностей и процессов.

Специфика отображения и воплощения действительности в кинофотодокументах состоит также и в том, что это отображение всегда образное. Это не рассказ (письменный или устный) о событии, не воспоминание или песня о нем, не вещь, оставшаяся от него, а такие зрительные следы, закрепленные определенными техническими средствами, которые дают возможность человеческому сознанию воссоздать более или менее точный образ факта, события, явления. Фотография, несмотря на всю свою точность и близость к фотографируемому объекту, дает не полный его образ, а лишь плоскую его проекцию, которую человек дополняет до образа в своем сознании²⁵.

Образное отображение действительности встречается и в других источниках (миниатюры в рукописях, книжные иллюстрации, картины и проч.). Однако по сравнению с ними фотография более точна; кроме того, фиксация действительности на фотошленке (или пластинке) длится очень короткий промежуток времени, что дает нам возможность получить образ действительности за данную краткую единицу времени, а не за более или менее продолжительный период. Поясню это на примере. Портрет человека, созданный даже очень опытным рисовальщиком, дает образ позирующего ему человека за тот промежуток времени, когда он ему позирует — даже если этот промежуток времени исчисляется несколькими минутами. Фотография практически мгновенна, и за несколько минут мы не можем получить очень большое количество самостоятельных снимков, отображающих изменение действительности за данный отрезок времени. Портрет всегда представляет собой личное творчество художника. Фотография точнее и объективнее в передаче внешнего облика предмета, хотя и не лишена, конечно, субъективного момента в выборе объекта, времени и места съемки. Это не избавляет нас, конечно, от анализа достоверности фотографий: нам известно немало случаев подделки фото документов²⁶, но это уже особый и совершенно сознательный случай умышленной фальсификации источника.

Для кинодокументов, как и для фотографий, тоже характерны прежде всего «оперативность в отображении явлений и фактов окружающей действительности, т. е. полное совпадение во времени момента события и момента его фиксации на киноплёнке»²⁷.

²³ Б. С. Грязнов, Э. И. Тюкавкина. К вопросу о форме и содержании в языке. — «Сборник рефератов докладов научной конференции (24—27 февраля 1959 г.) Читинского государственного педагогического института». Чита, 1959, стр. 59—61.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

²⁵ Об этом более подробно см.: Б. С. Украинцев. О сущности элементарного отображения. — «Вопросы философии», 1960, № 2, стр. 70.

²⁶ Н. Н. Гуляев. Фальшивая книга. — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 5, стр. 152—154 (о книге Н. А. Малахова «Хопер в огне». М., 1956, автор которой подделал ряд фотодокументов, чтобы придать видимость правдоподобия своим фальшивым мемуарам).

²⁷ Л. Н. Кривошеин, Н. С. Фесуненко. Об использовании кинофото документов. — «Вопросы архивоведения», 1963, № 1, стр. 29. Термин «оперативность» не вполне удачен из-за своей многозначности, но из-за отсут-

Такое редкое для письменных источников совпадение во времени исторического факта с его фиксацией дополняется еще одной особенностью кинодокументов: значительно большей точностью отображения действительности на киноплёнке, чем в письменном источнике; мы на собственном примере знаем, как отличается документальный фильм от рассказа о том же событии и насколько киноплёнка точнее воспроизводит последовательность в развитии события по сравнению с письменной записью о нем, сделанной спустя какое-то время после самого события.

Все сказанное о точности воспроизведения действительности на киноплёнке не снимает, естественно, вопроса о необходимости детального источниковедческого анализа для определения достоверности изображенных событий. Нам известны так называемые «документальные» фашистские фильмы, представляющие собою ловкий монтаж отдельных кадров, фальсифицирующие реальную историческую действительность. Однако подобные факты не могут поколебать главного — точности отображения действительности на киноплёнке.

Если учесть при этом, что во многих случаях только кинодокументы являются единственным источником для изучения исторического факта²⁸, то следует признать большое их источниковедческое значение и особые качества отображения и воплощения в них действительности, особенно в динамике развития событий, в передаче деталей быта.

В чем же отличие отображения и воплощения действительности в кинодокументах по сравнению с фотографией? Это отличие заключается в том, что фотография статична по своей природе, в то время как кинодокумент динамичен. Исторически кино возникло как движущаяся фотография, проецируемая на экран. Кинодокументы отображают жизнь, реальную действительность в движении. Реальная действительность отображается на киноплёнке не только с той же точностью, что и на фотографии, но и обогащается при этом передачей движения, которое фотография воплощает лишь статично. Фотография может дать ряд последовательных снимков движущегося объекта, но они никогда не отобразят действительность с той же точностью в передаче дви-

ствия в современном источниковедении более приемлемого приходится им пользоваться. Говоря об «оперативности» кинодокументов, необходимо также подчеркнуть, что они дают нередко точное, адекватное отображение действительности, т. е. действительное содержание отображаемого прошлого искажается в кинодокументах меньше, чем в других источниках. Об адекватности отображения, с философской точки зрения, см.: Б. С. Украинцев. О сущности элементарного отображения. — «Вопросы философии», 1960, № 2, стр. 65.

²⁸ Об этом см., например: И. Н. Кунтиков. Кинофотофонодокументы в научных исследованиях. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 2, стр. 56—59; В. Листов. Кадры под лупой. — «Искусство кино», 1964, № 11, стр. 7—9; Л. П. Маркитан. Кинофотодокументы як історичне джерело. — «Історичні джерела та їх використання», вип. 6. Київ, 1971, стор. 60—67.

жения, как кинодокумент. Действительность воплощается в фотографиях и кинодокументах в таком громадном количестве мельчайших деталей, описать и передать которые не под силу ни одному письменному источнику. Нельзя не отметить также и тесной связи фотографий и кинодокументов с техникой: они воплощают в себе все новейшие достижения техники и непрерывно совершенствуются сами в процессе роста технических достижений. Документальные фильмы начала XX в. несравнимы, например, с кадрами кинохроники 70-х годов XX в. В последних точнее, полнее, совершеннее отображается на плёнке современная нам действительность.

Как можно проследить воплощение действительности на примере фотографий и кинодокументов? Она воплощается в громадном количестве тех технических средств, которые обеспечивают фиксацию изображения на плёнке: в самой плёнке, в эмульсии, покрывающей ее, в формате, наконец, в аппаратуре, обеспечивающей съемку и экспонирование плёнки.

Если мы обратимся далее к фонодокументам, то и в них можно наблюдать отображение и воплощение действительности. Документальные фильмы и фотография всегда рассказывают нам о том, что случилось в момент съемки. Запись звуковая имеет двойную функцию: рассказчик-мемуарист может повествовать о событиях, совершившихся до момента записи (таковы, например, воспоминания старых революционеров, записанные на плёнку или пластинку). Такая запись ничем, по сути, кроме формы воспроизведения, не отличается от письменного повествовательного источника. Однако главным, решающим для фонодокументов является, безусловно, такое отображение и воплощение действительности на звукозаписывающем устройстве, когда событие и его звуковое отображение максимально совпадают во времени, что значительно повышает точность и достоверность отображения и воплощения в них действительности. Известно немало записей рассказов о прошлых событиях, представляющих собой или мемуарные заметки о виденном и пережитом, или рассказы очевидцев. Фольклорные записи доносят до нас отображение действительности в народном сознании. Этнографические записи позволяют многократно воспроизводить звуковую сторону обряда, обычая и т. д. Лингвистические записи дают возможность детального изучения языка. Однако главным для источниковеда являются такие фонозаписи, которые сохранили для нас звуковые образы исторического факта в момент его совершения. Таковы, например, фонограммы заседаний, сессий, собраний, выступлений на митингах, когда реальная действительность отображается в неисчислимом многообразии звуков — и все они бережно сохраняются для нас фонодокументом. Ни один другой источник не передает звуковую сторону исторического факта с такой полнотой и точностью, как это делает фонодокумент. Реальная действительность воплощается в фонодокументах в таких его технических средствах, ко-

торые обеспечивают фиксацию звука на валике, пластинке, пленке, проволоке и т. д. Это реально можно проследить при сопоставлении различных средств записи на протяжении последнего полувека — техническая мысль в своем развитии последовательно воплощается, в частности, во все большей точности записи звуков, в более совершенных технических способах фиксации и воспроизведения звука, в объединении в единое целое записи звука и записи изображения — см., например, звуковые кинофильмы.

Итак, какой бы источник мы ни взяли, всегда, анализируя его содержание, обнаружим в нем отображение и воплощение реально существовавшей действительности. Это неотъемлемое, органически ему присущее свойство приобретает немаловажное значение при разграничении исторического источника от близких, сопутствующих ему явлений, например, от географической среды. Известно, что некоторые явления географической среды могут принимать отдельные свойства исторического источника. Так, на ранних ступенях своего развития человечеству было свойственно обожествление отдельных явлений природы, солнца, воды, земли и т. д., а также использование в качестве объектов поклонения диких камней, причудливых деревьев, необычной формы скал и проч., которые возникли в результате действия природных сил, а не участия человека. Встает вопрос: является ли историческим источником обломок скалы, необычно источенный ветром или водой и в силу этого поразивший воображение полудикого человека настолько, что он стал приносить ему жертвы, молиться перед ним, украшать его и т. д.? Понятно, что сама скала никак не отображает и не воплощает в себе исторической действительности, она является реальным остатком, воплощением естественной истории, результатом природных явлений; к истории человеческого общества она сама никакого отношения не имеет. Подобных ей прихотливо оформленных скал на земном шаре можно при желании обнаружить бесчисленное количество. Однако в силу ряда причин в данной конкретной области и в данное время тот или иной обломок скалы стал предметом поклонения человека, и этот факт поклонения, если он обнаружен, истолкован и описан, является, безусловно, историческим источником. Едва ли кто будет сомневаться в том, что сама земля не есть исторический источник, в то время как образ Матери-сырой земли, созданный в ряде произведений фольклора многих народов земного шара, является, конечно, историческим источником. Он отобразил в себе конкретные этапы формирования анимистического представления; он воплощает в себе определенную ступень познания человеческим обществом окружающего его мира, давно уже пройденную большей частью человечества, в то время как земля, как таковая, мало в чем изменилась по сравнению с теми ранними этапами развития человеческого общества, когда подобный образ мог зародиться в сознании человека.

Конечно, отображение и воплощение действительности в источнике есть важнейший, решающий момент в определении его содержания, а именно, той информации, которую выработал человек, отображающий реальную действительность. Однако нельзя при этом забывать, что содержащаяся в источнике информация неразрывно связана с формой ее кодирования, причем эта форма в разных источниках бывает нередко различной. Вопрос о форме источника заслуживает поэтому специального рассмотрения.

Внешняя и внутренняя форма источника

Содержание источника немислимо без формы, равно как нет и не может быть формы, лишенной какого бы то ни было содержания. Всем известна краткая, но необыкновенно емкая, всеохватывающая мысль В. И. Ленина, так записавшего в «Философских тетрадах» о взаимоотношении формы и содержания: «Форма существенна. Сущность формирована»²⁹.

Для того чтобы выяснить все разнообразные связи, соотношения формы и содержания в источнике, необходимо прежде всего определить, что мы должны понимать под формой исторического источника.

Выше было уже сказано, что содержание источника может быть выражено в самых разнообразных формах. Довольно легко привести любое количество примеров, когда одно и то же историческое событие оказалось отображенным в необыкновенно различных с точки зрения формы источниках. В самом деле, как разительно отличаются друг от друга по форме народная пословица и подлинный боевой штандарт — военный трофей русской армии! Можно ли говорить об общем понятии формы для таких различных источников, как этнографический обряд и берестяная грамота! Можно ли вообще ставить вопрос о форме источника как понятия, когда эти источники так внешне отличны друг от друга?

Прежде всего, однако, следует иметь в виду, что форма источника отнюдь не исчерпывается этими внешними данными, действительно резко отличающимися друг от друга, например кинопленка и данные языка, археологический памятник и народный обряд и т. д. Философская мысль давно уже установила, что помимо внешней формы явления, факта, предмета и т. д. существует еще и форма внутренняя³⁰. Обращаясь к источнику, следует признать, что под внешней формой источника следует понимать чувственно воспринимаемый облик источника, его внешнее оформление, а под внутренней формой его должен подразумеваться внутренний способ связи отображенной и воплощенной

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 129.

³⁰ В. И. Свидерский, М. Т. Батырмурзаев. О понятии формы в материалистической диалектике. — «Ученые записки ЛГУ. Серия философских наук», 1956, вып. 7, № 196, стр. 43; ср. Гегель. Соч., т. I. М.—Л., 1929, стр. 224.

в источнике реальной действительности, структура источника. Если и определение и анализ внешней формы не вызывают особых трудностей (ибо внешние данные источника более доступны непосредственному наблюдению и чувственному восприятию, многие источники можно разглядеть, взвесить, ощупать, измерить и т. д.), то не только детальный анализ внутренней формы источника, его структуры требует глубоких специальных познаний, но даже выявление и определение этой внутренней формы в некоторых источниках порой представляет определенные трудности. В то же время именно структура источника является тем главным, что определяет форму источника вообще, а отнюдь не его внешние данные. Последние хотя и играют определенную роль в воплощении содержания, тем не менее не являются решающими, главными.

Понятие «структура» довольно широко с давних пор употребляется в исторической науке в смысле «состав», «строение», «построение». Так, мы часто говорим о социальной структуре государства, общества в целом или отдельных его частей, об экономической структуре общества³¹ и т. д. Однако философское осмысление понятия «структура» привело к тому, что такое одностороннее употребление этого понятия уже исчерпало себя³². В настоящее время под структурой разумеется не только состав того или иного явления или процесса, не только строение того или иного объекта, факта и т. д., но и закон, способ, характер связи образующих его элементов³³. Понятие структуры приобретает категориальное значение. Н. Ф. Овчинников справедливо говорит о том, что «нет ни одной области современной науки, где так или иначе не работало бы понятие структуры»³⁴.

³¹ О. С. Зелькина. О понятии структуры. — «Некоторые философские вопросы современного естествознания». Саратов, 1959, стр. 8; она же. Система, элемент, структура. Саратов, 1968, стр. 18; Р. А. Зобов. Некоторые вопросы теории структур и понятие целого. — «Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда», вып. VI. Л., 1965, стр. 44.

³² Р. А. Зобов. Некоторые аспекты категорий отношения, целого, структуры, функции и их значение для научного исследования. — «Некоторые вопросы методологии научного исследования», вып. 2. Л., 1968, стр. 17.

³³ Более подробно об этом см.: Л. И. Розова. Категории «элемент» и «структура» и их соотношение с другими категориями диалектического материализма. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 13; она же. Понятия «элемент», «структура», «структурный уровень материи». — «Вестник МГУ. Серия VIII. Философия», 1967, № 3, стр. 59—68; В. И. Сви́деский. О диалектике элементов и структуры. М., 1962, стр. 11; И. С. Алексеев. О связи категории структуры с категориями целого и части. — «Вестник МГУ. Серия экономика и философия», 1963, № 2, стр. 60; М. Х. Хасанов. Соотношение категорий структуры и функции с другими категориями диалектики. — «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент, 1968, № 2, стр. 25—31.

³⁴ Н. Ф. Овчинников. Категория структуры в науках о природе. — «Структура и формы материи». М., 1967, стр. 41. О значении понятия «структура» для исторических наук см.: Т. К. Никольская. К вопросу о структуре научных понятий. — «Проблемы структуры в научном познании». Сб. статей. Саратов, 1965, стр. 125—126; она же. Диалектика элементов и структуры в развитии понятий. — «Проблемы ленинской концепции развития». Сб. статей. Саратов, 1967, стр. 122—138.

Для источниковедения особенно важны те философские работы, в которых понятие структуры анализируется в связи с трактовкой категорий «содержание» и «форма»³⁵, что, конечно, не означает маловажности изучения понятия структуры в иных планах и аспектах³⁶.

Попытаемся охарактеризовать структуру (а тем самым и определить внутреннюю форму) различных источников для того, чтобы установить, есть ли что-либо общее во внутренней форме отдельных источников или она так же различна, как и форма внешняя.

Анализируя с точки зрения формы письменный источник, мы отнесем к его внешней форме чувственно воспринимаемый нами внешний облик источника — материал, на котором он написан (бумага, пергамент, папирус и т. д.), внешний облик рукописи (столбец, книга и проч.), ее почерк (устав, полуустав, скоропись и т. п.), наличие печатей, штампов; изменения в почерке или чернилах, сохранность (ветхая, целая) и проч., т. е. все то, что входит традиционно в так называемое внешнее описание рукописи. Однако ясно, что одними этими данными форма письменного источника не ограничивается, ибо на одном и том же материале (например, на бумаге), в одном и том же внешнем облике (книге), написанные одним и тем же почерком (скорописью XVII в.), одними и теми же чернилами и т. д. до нас могут прийти и список летописи, и одна из редакций хронографа, и копия книги актов, и многие другие письменные источники.

Следовательно, внешние данные рукописи не исчерпывают собой понятия формы источника. Гораздо более важной является та внутренняя структура источника, которая и определяет собой отличие одного вида письменного источника от другого. Так, если в одном источнике рассказ о событиях будет изложен в виде погодных записей, в другом — в виде целостного исторического повествования, в третьем — в виде дневниковых впечатлений от увиденного и пережитого, в четвертом — в виде воспоминаний о прошлом и т. д., то это и даст возможность определить,

тура» для исторических наук см.: Т. К. Никольская. К вопросу о структуре научных понятий. — «Проблемы структуры в научном познании». Сб. статей. Саратов, 1965, стр. 125—126; она же. Диалектика элементов и структуры в развитии понятий. — «Проблемы ленинской концепции развития». Сб. статей. Саратов, 1967, стр. 122—138.

³⁵ В. С. Тютин. Системно-структурный подход и специфика философского знания. — «Вопросы философии», 1968, № 11, стр. 57—58; Р. А. Зобов. О разработке некоторых новых категорий материалистической диалектики в советский период. — «Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право», 1968, вып. 1, № 5, стр. 50—51.

³⁶ В. В. Агудов. Количество, качество, структура. — «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 59—68; А. А. Егоров. Причинно-следственное отношение и структура. — «Некоторые вопросы методологии научного исследования», вып. 2. Л., 1968, стр. 47—58; В. В. Агудов. Место и роль структуры и структурных изменений в законе перехода количественных изменений в качественные. Автореферат канд. дисс. Горький, 1967.

что перед нами — летопись, историческая повесть, дневник, мемуары и т. п. Эта внутренняя структура источника и предопределяет собой отдельные элементы внешней формы, которая, таким образом, есть выражение, с одной стороны, содержания документа, а с другой — внутренней структуры.

В советской историографии встречается такое определение формы письменного источника, в котором наряду с внутренней структурой к форме причисляются также стиль и язык. Стиль — понятие многозначное, включающее в себя и совокупность признаков искусства (готический стиль), и метод работы (бюрократический стиль), и способ летоисчисления (старый и новый стиль), и манеру вести себя, одеваться (костюм в английском стиле), и, наконец, совокупность особенностей в построении речи и словопотреблении, манеру словесного изложения (летописный, газетный, эпистолярный стиль). Стиль, следовательно, настолько тесно связан с языком исторического источника, что представляет собой лишь «совокупность приемов использования средств языка, характерную для какого-либо писателя, литературного произведения, направления, жанра»³⁷, вида или разновидности исторического источника вообще. Следовательно, речь может идти лишь о том, является или нет язык характерным признаком формы источника наряду с его внутренней структурой. Действительно, в нашей литературе встречается утверждение, что язык есть внутренняя форма содержания³⁸, однако представляется более правильной другая точка зрения, согласно которой язык не может быть признан формой, соотносящейся с содержанием любого произведения. Действительно, сфера действия языка практически безгранична; язык как форма мышления связан почти со всеми областями человеческой деятельности, он общ для громадного количества письменных памятников одного и того же времени. Так, на одном и том же русском литературном языке написаны произведения русских писателей конца XIX — начала XX в., политические статьи и книги Ленина, прокламации и листовки РСДРП, докладные записки III Отделения царю и т. д. Язык — это средство, в котором проявляется внутренняя структура источника, но сам язык внутренней формой письменных памятников не является³⁹.

В различных письменных источниках внутренняя структура проявляется различно. В частности, особая внутренняя структура присуща художественным литературным произведениям, являющимся, несомненно, одной из разновидностей письменных источников⁴⁰. Однако при всей специфике художественной литературы

как источника, связанной с образным восприятием действительности, с образным осмыслением жизни⁴¹, нельзя не заметить, что и в данном случае речь идет о внутренней структуре литературного произведения, о тех внутренних связях, которые и определяют собой жанр произведения, его художественную форму.

Форма устных (фольклорных) исторических источников — явление сложное, постоянно развивающееся и изменяющееся. Правда, для жанров традиционного русского фольклора — таких, как пословица, былина, традиционная сказка, крестьянская лирическая песня и т. д., эта форма давно уже стабилизировалась, и ее выделение облегчается наличием установившихся внешних признаков этой формы — постоянных эпитетов (рука белая, солнце красное, душа-девица и т. д.), специфического фольклорного стиха, зачинов типа «В некотором царстве, в некотором государстве...» и т. д. Для жанра современного народного творчества вопросы выявления и определения фольклорной формы усложняются, во-первых, сильным влиянием литературной традиции, самодеятельных театров, эстрады, во-вторых, тем, что народное творчество постоянно меняется и со стороны содержания и со стороны формы, в-третьих, на форму современного народного творчества оказывает сильное влияние грамотность его исполнителей, сравнительно высокая образованность авторов современных песен, пословиц, частушек, письменная форма бытования фольклорных жанров и многое другое.

Оставляя на долю специалистов-фольклористов анализ фольклорной формы с чисто филологической точки зрения, отметим, что и в фольклорных источниках мы можем выделить форму внешнюю и внутреннюю. К внешней форме мы отнесем все те чувственно воспринимаемые текстуальные признаки фольклорного произведения, которые традиционно оказались связанными с устным народным творчеством: установившиеся зачины и концовки, троичность в развитии действия, былинный стих, постоянные эпитеты, традиционные сравнения, частушечный ритм и др., что с чисто внешней, звуковой точки зрения определяет собой фольклорное произведение.

Совершенно ясно, однако, что одни эти внешние признаки фольклорной формы не исчерпывают еще всего понятия формы фольклорного произведения. Нам известно немалое количество литературных произведений, написанных в фольклорной форме, — вспомним «Песню про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, сказки А. С. Пушкина, сказы В. И. Даля и Н. С. Лескова и др. Как бы ни было органично для этих произведений использование внешних признаков фольклорной формы, они от этого не теряют своего основного качества авторского литературного произведения.

⁴¹ М. С. Григорьев. Форма и содержание литературно-художественного произведения. М., 1929; Ф. М. Калашин. Содержание и форма в произведениях искусства. М.—Л., 1953; И. И. Виноградов. Проблемы содержания и формы литературного произведения. М., 1953.

³⁷ «Словарь современного русского литературного языка», т. 14. М.—Л., 1963, стб. 876—879.

³⁸ «Основы марксистской философии». Учебник. Изд. 2-е, М., 1962, стр. 230.

³⁹ А. М. Минасян. Категории содержания и формы, стр. 103—104.

⁴⁰ С. О. Шмидт. Вопросы преподавания источниковедения. — «Новая и новейшая история», 1962, № 4, стр. 117—119.

Понятие фольклорной формы неизбежно включает в себя внутреннюю фольклорную форму как специфический вид внутренней структуры, отличной от структуры авторского литературного произведения, с одной стороны, и от структуры делового письменного источника, с другой. Часть таких внутренних связей характерна для всего фольклора в целом — это такие его внутренние качества, как единство индивидуального и коллективного, т. е. то, что каждое произведение фольклора — одновременно результат индивидуального и коллективного творчества. Другим таким качеством, отличающим фольклорный памятник от других источников, является устность исполнения и бытования, накладывающая специфический отпечаток на форму фольклорного произведения⁴².

Среди явлений внутренней структуры фольклорного произведения мы найдем и такие факты, которые характерны для нескольких жанров фольклора (например, прием параллелизма как способ создания образа⁴³), однако чаще всего эти явления внутренней структуры оказываются тем главным и решающим, что лежит в основе деления фольклора на жанры и виды. Таковы некоторые композиционные моменты, определяющие собой лирическую песню, волшебную сказку, предание, а также фабульно-композиционные особенности фольклорного жанра, связывающие с традиционной поэтикой⁴⁴. Именно эти явления внутренней структуры фольклорного произведения в совокупности с внешней формой его, со всеми разнообразными *loci communes*, столь характерными для произведений фольклора⁴⁵, и позволяют говорить об особой форме фольклорных произведений, отграничивающей их от литературы и от памятников письменности вообще⁴⁶.

⁴² Э. В. Померанцева. Выступление по докладу А. Мелихерчика на IV Международном съезде славистов. — «Русский фольклор». Материалы и исследования, т. V. М.—Л., 1960, стр. 296—297; П. М. Попов. Про деякі питання теорії народно-поетичної творчості. — «Наукові записки Київського державного університету», т. XIV, вип. 1. Збірник філологічного факультету, № 7. Київ, 1955, стор. 145—198; В. Е. Гусев. Проблемы теории фольклора. — «Всесоюзное совещание фольклористов (1958 г. Проблемы современной фольклористики. Авторефераты докладов)». Л., 1958, стр. 5.

⁴³ А. М. Кинько. Выступление по докладу А. Мелихерчика на IV Международном съезде славистов. — «Русский фольклор», т. V, стр. 304—306.

⁴⁴ С. Г. Лазутин. Выступление по докладу А. Мелихерчика на IV Международном съезде славистов. — Там же, стр. 300—301; он же. К вопросу о специфике содержания фольклорных произведений. — «Подъем» (Воронеж), 1958, № 6, стр. 25—29; П. Г. Богатырев. Выступление по докладу А. Мелихерчика на IV Международном съезде славистов. — «Русский фольклор», т. V, стр. 302—303; В. П. Аникин. Об антиисторизме в изучении традиционного фольклора. — Там же, т. VI, стр. 58—60.

⁴⁵ П. Д. Ухов. О типических местах (*loci communes*) в русских народных традиционных песнях. — «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия», 1957, № 1, стр. 94—103.

⁴⁶ О форме народной поэзии см.: Б. Н. Путилов. Об основных признаках народного поэтического творчества. — «Ученые записки Грозненского государственного пединститута. Серия филологическая», вып. 4. Гроз-

Итак, и в устных (фольклорных) источниках мы можем выделить такие специфические особенности их композиции, приемов построения и типизации, которые позволяют видеть в них элементы внутренней структуры фольклорного произведения, во многом определяющие и отбор и специфику внешних проявлений фольклорной формы.

Источниковедение в вопросе о внешней и внутренней форме данных языка как исторического источника использует достижения и результаты, достигнутые языкознанием. Лингвистика давно, еще со времен Гумбольдта, поставила проблему внутренней формы слова, однако в его работах, как это выяснил М. С. Григорьев, равно как в трудах А. А. Потебни и Г. Г. Шпета, вопрос этот решался с идеалистической точки зрения⁴⁷. В настоящее время в философии высказана гораздо более обоснованная и мотивированная точка зрения, согласно которой под внутренней формой языка понимается его грамматический строй, его внутренняя структура, внутренние связи, играющие решающую роль в оформлении того или иного языка, в выделении его из общей группы или семейства языков. В то же время чувственно воспринимаемая нами звуковая сторона языка рассматривается как его внешняя форма, зависящая в первую очередь от формы внутренней — от грамматического строя данного языка. Не только философы, но и лингвисты постоянно подчеркивают, что именно внутренняя форма лежит в основе всякой внешней формы языка, именно внутренняя форма является поводом для образования формы внешней. Такая постановка вопроса не снимает важности изучения внешних формальных особенностей языка — в лингвистике изучение внешней формы языка имеет громадное значение⁴⁸.

Для теоретического источниковедения важно следующее: в языке, данные которого являются важным источником, как и в других источниках, наблюдаются две формы — внешняя и внутренняя, причем внутренняя форма языка представляет собой комплекс внутренних связей, внутренней структуры этого сложного явления, проявляющегося в своеобразной языковой форме.

ный, 1952, стр. 67; В. Я. Пропп. Специфика фольклора. — «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ, 1819—1944. Секция филологических наук». Л., 1946, стр. 138—151.

⁴⁷ М. С. Григорьев. Внутренняя форма слова. — «Литература и марксизм», 1928, № 6, стр. 3—42; он же. Форма и содержание литературно-художественного произведения. М., 1929, стр. 36—42; Г. Г. Шпет. Внутренняя форма слова. М., 1927.

⁴⁸ А. И. Белич. Внутренняя и внешняя языковая форма. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. V, вып. 3. М., 1946, стр. 179—182; Е. М. Федорук-Галкина. Понятие формы слова. — «Труды Московского института истории, философии и литературы им. Чернышевского», т. IX. М., 1941, стр. 97—139; В. В. Виноградов. О форме слова. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. III, вып. 1. М., 1944, стр. 31—44.

Если в лингвистике понятие внутренней формы давно уже стало предметом специального изучения и историк вправе воспользоваться для своих выводов достаточно уже исследованным материалом и какими-то более широкими обобщениями, то в археологии нет пока работ, посвященных специально вопросам внешней и внутренней формы вещественных источников. Это не означает, конечно, что форма археологических памятников не изучалась; скорее наоборот, именно формальная сторона в археологии больше всего изучена, форма памятников нередко кладется в основу классификации археологических источников и т. д. Однако, детально анализируя форму вещественного источника, археологи не обратили достаточного внимания на различие внутренней и внешней формы археологического памятника, хотя некоторые (правда, самые общие) суждения по этому вопросу и были, конечно, высказаны.

Анализируя внешнюю и внутреннюю форму вещественных источников, следует прежде всего иметь в виду, что значительную группу среди них составляют произведения искусства, извлеченные археологами из земли, — статуи, фрески, остатки архитектурных памятников и др. Естественно, что анализ внешней и внутренней формы этих вещественных источников ничем по сути не отличается от анализа формы произведений искусства вообще. Богиня Фемиды, воплощающая идею правосудия и справедливости (например, в виде женщины с завязанными глазами, с весами в одной руке и мечом — в другой), может быть изваяна в самой различной чувственно воспринимаемой нами внешней форме (сидя, стоя, большая, маленькая и т. д.), из разного материала (мрамор, дерево, металл и проч.), эта скульптура может быть выкопана из-под земли, она может лежать на дне моря и быть извлечена оттуда, может находиться в музее или быть высеченной в скале и проч., но сущность ее внутренней формы от этого не изменится. Конечно, для археолога зачастую важна не сама вещь, а условия ее находки — ее окружение, характеристика культурного слоя и т. д. Но все это никак не может повлиять на анализ внутренней формы источника.

В понятие внутренней формы вещественного памятника должна войти та внутренняя его структура, которая отличает, например, построение буддийского храма от греческого или христианского, ветровой заслон дикаря от курной избы земледельца и царского дворца, палеолитическую пещеру с магической стеной живописью от ритуальных сооружений каменных святилищ. Выявление этой внутренней структуры памятника, установление внутренних связей, предопределяющих собой внешнюю форму вещественного памятника, — задача специалиста-археолога, владеющего археологическим методом исследования. Историк-источниковед обычно пользуется этими результатами, сопоставляя археологические источники с письменными документами. Для источниковедения важно то, что и в вещественных памятниках

можно выявить и проанализировать внутреннюю форму, причем и в них она включает в себя внутренние связи, хотя они и имеют специфическую внешнюю форму, отличную от письменных источников.

Заканчивая рассмотрение с этой точки зрения вещественных источников, нельзя не отметить надписей, которые стоят на грани письменных и вещественных источников. Разбирая надписи с точки зрения их содержания и формы, легко впасть в ошибку, упрощенно понимая надпись просто как особую форму письменного источника. Действительно, нередко источниковеды попросту причисляли эпиграфические памятники к письменным источникам⁴⁹. На самом деле, не все ли равно, сделана надпись о победах царя на бумаге, выбита на камне или выгравирована на металле? Здесь ведь различается только внешняя форма, содержание же остается неизменным.

Дело, однако, обстоит сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Действительно, содержание письма не изменяется от того, дойдет ли оно до нас на бумаге, пергаменте или на бересте. Однако для анализа письма, выцарапанного на бересте, одних приемов, выработанных для письменных источников, уже недостаточно. В частности, палеографическая датировка берестяных грамот будет неполна без привлечения археологической методики в определении даты. Дело осложняется, если перед нами надписи, сделанные на вещах, гробницах, орудиях труда и т. д. В этом случае палеографический и источниковедческий анализ надписи неизбежно должен проводиться совместно с археологическим анализом той вещи, на которой эта надпись была сделана. И совершенно не случаен тот факт, что анализ берестяных грамот проводится совместно археологами, источниковедами и лингвистами. Эпиграфический материал в равной степени принадлежит и археологии и истории, он стоит на грани вещественных и письменных источников.

Разбирая внутреннюю и внешнюю форму этнографических источников, мы прежде всего должны сказать, что определение формы вещественных памятников, изучаемых этнографами и хранящихся обычно в музеях (пища, жилище, одежда, орудия труда и проч.), не отличается в принципе от определений и анализа формы археологических памятников подобного рода. И этнографы и археологи нередко пользуются одними и теми же источниками, только анализируют их с различных точек зрения. Передки и такие случаи, когда исследователь объединяет в одном лице и археолога и этнографа, например Б. А. Рыбаков, С. П. Толстов, Н. Н. Воронин и др. Гораздо сложнее обстоит дело с выявлением и анализом внешней и внутренней формы таких явлений, которые изучаются только этнографами. Речь идет о так называемых пере-

⁴⁹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940, стр. 11.

житках — верованиях, поверьях, суевериях, некоторых обрядах и обычаях и т. д., которые хранятся человеческим сознанием, передаются из рода в род, из поколения в поколение, меняются вместе с изменением общественных отношений, быта, уклада жизни, но приспосабливаются к новым условиям и продолжают существовать, нередко вызывая к жизни новые обычаи, обряды, приметы.

Внешняя форма этих явлений бывает самой разнообразной; она зависит как от содержания рассматриваемого явления, так и от условий бытования его в прошлом и настоящем. Возьмем в качестве примера широко изученный этнографами свадебный обряд. Его внешние формы бывают различны в зависимости от национальной принадлежности, времени и места бытования, влияния сопредельных народностей, проникновения религии в обряд и проч.⁵⁰ Однако не эти внешние отличия являлись решающими: они могли быть, могли и отсутствовать. Нередко внешние формы обряда значительно упростились (в бедняцких семьях, например, или при «тайных» свадьбах — «самокрутках»). Особенно это характерно для настоящего времени, когда по старому ритуалу свадьба справляется редко. Однако гораздо более живучей оказалась та внутренняя структура обряда, которая прочно удерживается в народном сознании. Именно эти внутренние связи и превращают сельскую свадьбу в торжественный и сложный церемониал, в котором участвуют не только две брачующиеся семьи, а и целая община, ибо заключение индивидуального брака составляет дело всей общины. Важную роль в свадебном обряде играли магические и символические действия, которые должны были подчеркнуть некоторые моменты перехода невесты и жениха в новое состояние, имели целью обеспечить благополучие новой семьи и материальное изобилие. Внешнее проявление этих магических действий у разных народов было разным (изготовление «каравая» и «вилыца» в украинской свадьбе, «посад» жениха и невесты на «дзержу», т. е. кадку, в которой замешивают тесто, — в белорусской, обрядовое мытье невесты в бане — в великорусской и т. д.), но их внутренняя связь с обрядом оставалась неизменной.

Все, что было сказано о свадебном обряде, относится и ко всем другим обрядам — родинным, похоронным обычаям, семейно-родовым верованиям и т. д. В каждом этнографическом явлении мы можем выделить как внешнюю чувственно воспринимаемую нами форму его, так и более глубокую внутреннюю форму, которая предопределяет собой эти внешние различия; не-

редко внешние отличия меняются, а внутренняя форма обряда сохраняется (ср. традиционную крестьянскую свадьбу и современную колхозную или комсомольскую свадьбу на заводе; родинные обычаи прошлого и новые советские обычаи, связанные с рождением ребенка, и т. д.). Многие обряды давно уже утратили свое магическое или символическое значение (осыпание зерном молодых как символ их многодетности), они превратились в обычаи, потеряли многие внешние формы (публичный показ ночной рубашки невесты как доказательство ее доброго целомудрия), но их внутренняя структура, внутренняя форма оказалась гораздо более стойкой и постоянной.

Анализ внутренней формы любого этнографического явления и представляет собой важнейшую задачу этнографического исследования, ибо нельзя ограничиться лишь описанием внешних обрядовых форм без тщательного анализа функций этнографического явления, без выявления смысла и внутренней структуры обряда, обычая, поверья и т. д.

Внешняя форма фонодокументов довольно сильно меняется вместе с развитием техники записи звука. Звуковые валики, граммофонные и патефонные пластинки, изготовленные из различного материала, обычные и долгоиграющие, магнитофонные пленки и проволоки различной системы и скорости записи и другие, более специальные формы звуковой записи — вот с какими чувственно воспринимаемыми нами внешними формами фонодокументов приходится иметь дело историку. Однако не эти внешние особенности отличают один фонодокумент от другого, а содержание записи, с одной стороны, и внутренняя организация ее, с другой, без которых немыслимо существование звуковой записи как фонодокумента. Записать можно все, что угодно, — от набора самых различных шумов до бессмысленной речи душевнобольного. Каждая такая запись может быть источником для инженера-фонотехника, например, или для врача-психиатра. Историческим источником эта запись становится лишь тогда, когда она бывает связана с определенным историческим фактом, когда она в особой форме отобразит и воплотит реальную действительность. Внутренняя форма фонодокумента и складывается из таких внутренних свойств, которые отличают фонодокумент от письменного памятника.

Возьмем в качестве сравнения протокол, стенограмму и магнитофонную запись какого-либо собрания — в чем будет отличие этих источников друг от друга? Протокол дает нам краткую справку об историческом факте, составленную после совершения факта одним или несколькими лицами, причем историк никогда не гарантирован от большего или меньшего искажения факта в протоколе — его автор мог что-либо опустить, забыть, литературно подправить текст, умышленно или неумышленно исказить его и т. д. Стенограмма полнее и точнее протокола, но и в этом случае стенографистка могла допустить искажения, пропуски; она

⁵⁰ «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики». — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LXXVII. М., 1962, стр. 15—17, 57—60 и др.; Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков по материалам конца XIX—начала XX века. — Там же, т. XLIV. М.—Л., 1959, стр. 74—230; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина. Быт колхозников киргизских селений Даржан и Чычкап. — Там же, т. XXXVII. М., 1958, стр. 240—248 и т. д.

могла не понять смысла, неумышленно «пригладить» речь выступавших и проч.

Звуковая запись — не только самая точная фиксация звуковой стороны исторического факта, но и более полная: помимо точного воспроизведения сказанного фонозапись доносит до нас ритмику речи, ее внутреннюю звуковую и смысловую организацию, убежденность оратора, его качества трибуна и вождя. «Слово — полководец человеческой силы», — сказал В. Маяковский, и фонозапись доносит до историка эту звучащую, взрывную силу слова. И для нас не столь важно, сделана эта запись на пленке, пластинке или валике, механическим или электромагнитическим способом, гораздо важнее та внутренняя ее структура, которая продолжает и много лет спустя после совершения исторического факта воспроизводить его звуковую сторону. Мы многое знаем о Ленине-ораторе, Ленине-трибуне из воспоминаний, мемуаров, дневников; одни писали об этом подробно, другие — кратко, одни — образно и художественно, другие — протокольно-сухо, по все это — лишь впечатление, лишь рассказ, только более или менее полно передающий чувства его слушателей. И совсем другое дело — живая, звучащая речь Ленина, которую слышат в просмотровом зале посетители Центрального музея В. И. Ленина. Звукозапись доносит до нас все неповторимое своеобразие звучания его речи, которое никакими, самыми точными описаниями передать нельзя. Звучащее слово Ленина — важнейший источник для исследователей, воссоздающих историю тех дней. Возможно, мы полнее воспринимали бы, например, историю Великой французской революции, если бы до нас дошли в звукозаписи пламенные речи Марата, Робеспьера, Дантона, Сен-Жюста...

По своим внешним данным фотодокументы бывают самыми различными. Они могут быть изготовлены разными способами фотосъемки — от дагерротипа до микроснимка, отпечатаны на бумаге, картоне, пленке, керамике, иметь различные размеры, сняты при различном освещении, с разной степенью увеличения и т. д. Однако все эти чувственно воспринимаемые нами внешние формальные особенности не исчерпывают всего понятия формы фотодокумента. Фотография есть одна из форм отражения действительности, приобретающая за последнее время все большее значение в науке, культуре, искусстве; не будь фотографии, мы бы не имели сейчас атласа обратной стороны Луны, лунной круговой панорамы, т. е. тех достижений, которыми по праву гордится советская наука. Фотография документальна по своей природе: прямое документирование событий, фактов — важнейшее достоинство фотографии как источника. Фотография точнее и полнее, чем письменный источник, передает зрительную сторону факта, сохраняя для потомков мельчайшие детали, которые легко могут ускользнуть от самого внимательного наблюдателя.

Казалось бы, все говорит за то, что фотография — это технический способ фиксации зрительной стороны факта, исключаящий

даже возможность его искажения. Это, конечно, не так. За объективом фотоаппарата стоит человек; это ему принадлежит выбор объекта съемки, освещение его, ракурс съемки, композиция кадра, крупность плана и многое, многое другое. Свойства, особенности фотографии таковы, что можно точно снять объект и в то же время исказить его. Недаром один из крупных советских мастеров-фотографов так образно сказал об этом качестве фотографии: «Не знаю другого способа, которым можно было бы так сильно исказить предмет, как посредством фотоаппарата!»⁵¹

Итак, фотография — это не простое зеркальное отражение действительности; при всей точности и полноте воспроизведения зрительной стороны факта она может быть и пристрастной, и субъективной. Форма отображения действительности в фотографии и включает поэтому, помимо внешней формы отображения, ту внутреннюю структуру фотоснимка, в которую входит и выбор объекта, и точка съемки, и освещение его, и ракурс, и выбор плана съемки, и многое другое, что вносит с собой человек в безличную технику светонисы. Целевое назначение снимка, отбор из многих явлений жизни для фотографирования наиболее важных, наиболее существенных, отражающих типичное в жизни, способы внутреннего построения фотографического изображения — вот что относится к внутренней форме фотодокумента. Само собой разумеется, что в том случае, когда фотодокумент одновременно становится и произведением искусства, его внутренняя форма осложняется еще больше; она должна рассматриваться как одно из проявлений внутренней формы в искусстве вообще. Художественная фотография, оставаясь документальной, сохраняя достоверность изображения, имея исходным материалом реально существующий объект съемки, подчиняется в то же время общим законам искусства как образного отображения действительности⁵².

Все сказанное о внутренней и внешней форме фото- и фотодокументов даст основание утверждать, что и в кинодокументах мы вправе отнести к внешней форме материал, из которого сделана кинопленка, ее размеры, степень сохранности, колоритность (черно-белая или цветная) и т. д. В кино, как и в фотографии, главную роль играет человек-оператор. При всей документальности фильма, при всей подлинности живого факта, запечатленного на пленке, нельзя не видеть, что именно человек решает выбор объектов съемки и тем самым определяет источниковедческое значение кинодокументов.

Растущие с каждым днем технические возможности кино заставляют историка все строже и строже относиться к кинодоку-

⁵¹ М. С. Нанпильбаум. От ремесла к искусству. Искусство фотопортрета М., 1958, стр. 51.

⁵² Л. П. Дыко, А. Д. Головня. Фотокомпозиция. М., 1955, стр. 13—31; Изд. 2-е. М., 1962, стр. 15—32.

менту как источнику, ибо современные так называемые художественно-документальные фильмы на самом деле представляют собой в большей степени факт художественного, чем документального, отображения действительности. Некоторые критики⁵³ утверждают даже правомерность инсценированных, актерских сцен в кинопублицистике, в то время как ее ценность с точки зрения историка и кинодокументалиста лежит как раз в художественной правде документа, в запечатленном киноаппаратом подлинном историческом факте действительности⁵⁴. Но даже и в тех фильмах, в которых оператор старается сам быть предельно документально точным, все равно он, независимо от своего желания, внутренне организует фильм и отбором объектов, и выбором точки съемки, и, безусловно, последующим монтажом, который в значительной степени является личным его творчеством. Поэтому к внутренней форме документального кино мы и отнесем его внутреннюю структуру, монтаж кадров, планировку и организацию фильма, в результате которой фильм и приобретает сильнейшие качества агитационного документа, воздействующего на зрителя жизненной достоверностью изображаемого материала, суровой правдой жизни⁵⁵.

Итак, определив и проанализировав внутреннюю форму различных источников, можно сделать вывод, что под ней следует понимать внутреннюю структуру источника, те внутренние связи, которые организуют отображенные и воплощенные в источнике факты, явления, события прошлого. В разных источниках этот способ соотношения, взаимосвязи, взаимозависимости отображенных фактов прошлого выявляется, конечно, в различных чувственно воспринимаемых нами внешних формах; однако эти внешние формы существуют и определяются, с одной стороны, той внутренней формой, которая их организует, и тем содержанием, которое их определяет, — с другой.

Само собой разумеется, что и внешняя и внутренняя форма источника так тесно взаимосвязаны, что они друг без друга не существуют, равно как форма и содержание источника вообще! Внутреннюю форму можно отделить от внешней лишь в абстракции, ибо в действительности они существуют друг в друге. Ведь нет и не может быть структуры источника самой по себе, без внешних выразительных форм. Однако умение находить, выявлять, выделять структуру источника, умение абстрагироваться от внешних формальных особенностей источника и составляет одно из специфических требований источниковедческой методики

в том ее разделе, который условно называется «внутренней критикой» источника. Определение и анализ внешней и внутренней формы источника и составляют вместе с определением и анализом содержания источника задачу «внешней» и «внутренней» критики источника.

Некоторые вопросы взаимодействия содержания и формы в источнике

Вопросы взаимодействия содержания и формы в источнике, важные и пугающие сами по себе, к теме настоящей монографии имеют лишь косвенное отношение. Недостаточно еще изученные и обобщенные в теоретическом плане, вопросы противоречия содержания и формы, ведущей роли содержания в источнике, устойчивости формы источника и воздействия ее на содержание должны стать предметом специального исследования. Для разработки вопросов классификации источников можно ограничиться лишь самыми общими замечаниями по всем этим проблемам, остановившись более подробно только на устойчивости формы источника.

Едва ли есть необходимость специально оговаривать то, что при анализе источников важно учитывать, в каком соотношении друг с другом находятся форма и содержание источника. Мало определить, как, с какой степенью полноты и достоверности источник отобразил и воплотил в себе реальную действительность; не менее важно выяснить, насколько та или иная форма источника соответствует его содержанию. Каждый источник, взятый в отдельности или в его типовой, родовой, видовой и т. д. совокупности, представляет собой единство формы и содержания, однако это не означает, что между его содержанием и формой не бывает противоречий. Наоборот, само единство двух этих сторон источника по сути своей глубоко противоречиво. В процессе своего развития содержание и форма источника меняются с разной степенью интенсивности, и в процессе этого изменения противоречие между формой и содержанием источника еще больше обостряется. Оно отражает общую закономерность, присущую всем явлениям объективного мира и довольно подробно уже освещенную в философской литературе⁵⁶. Однако историческому источнику присущи такие противоречия содержания и формы, которые не являются типичными, например для органического мира. В то же время именно эти специфические противоречия содержания и формы особенно важны для источникововеда, так как их анализ помогает глубже понять сущность и специфику отображения и воплощения действительности в источнике.

⁵³ См., например: *С. Марвич*. Факт и право на домысел. — «Звезда», 1958, № 9, стр. 231—234.

⁵⁴ *В. Соловьев, Е. Учитель, А. Богоров*. Жизнь, а не домыслы. — «Искусство кино», 1959, № 3, стр. 150.

⁵⁵ *А. Г. Никифоров*. Очерк в кино. М., 1962, стр. 32—62; *С. В. Дробашенко*. Экран и жизнь. О художественном образе в документальном фильме. М., 1962, стр. 44—61.

⁵⁶ См., например: *А. М. Минасян*. К вопросу о противоречии между формой и содержанием. — «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 173—182.

Наиболее простым и сравнительно часто встречающимся примером противоречия содержания и формы в источнике является явно выраженное несоответствие формы источника его содержанию.

Примеры подобного несоответствия в письменных источниках довольно часты. Можно сказать, что почти каждому исследователю, какой бы проблемой или каким бы периодом он ни занимался, нередко приходится сталкиваться с подобным явлением. Особенно наглядно это можно проследить на смене одного вида источников другим. Так, изначальной формой исторического повествования у нас на Руси и в ряде стран Западной Европы были летописи (анналы); которые в форме погодного изложения событий сохранили для нас важнейшие сведения по истории Руси и сопредельных с ней стран. Летописи безраздельно господствовали как в период Киевской Руси, так и в эпоху феодальной раздробленности. Однако вместе с формированием Русского централизованного государства, когда мысль русских книжников все больше стала обращаться ко всемирной истории, когда затеплилась надежда на всемирное признание Москвы — третьего Рима, ведущее место в русской историографии начинает занимать не летопись, а хронограф как сводный обзор событий всеобщей истории, в котором Русское государство занимало свое определенное место. Начиная с XV в. хронографические приемы повествования проникают в летопись, а летописные, соответственно, в хронограф, т. е. оба эти вида источников сосуществуют параллельно в течение многих веков. Постепенно летописная форма повествования исчезает, «сбрасывается» изменившимся содержанием исторического процесса, ибо она оказывается не в состоянии воплотить во всей полноте новое содержание⁵⁷. Однако и сам хронограф недолго удержался на исторической арене: уже в конце XVII в. в связи с формированием русской исторической науки на смену ему приходит сначала синопис, а вслед за ним первые обобщающие научные труды XVIII — начала XIX в. — от «Истории Российской» В. Н. Татищева и до «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В истории исторической науки мы также часто наблюдаем историю смены форм исторического повествования под влиянием тех новых идей, которые последовательно сменяют друг друга и в ходе борьбы которых вырабатывается новая форма исторического исследования.

Можно привести много примеров несоответствия формы и содержания не только в нарративных, но и в делопроизводственных источниках, особенно таких, которые существовали на протяжении длительного отрезка времени (юридические акты, всевозможные грамоты, делопроизводственная переписка и т. д.). Особенно ярко это проявляется тогда, когда в результате революции

новый, коренным образом изменившийся исторический процесс первое время находит свое выражение в старых формах, не соответствующих новому содержанию.

Исторический процесс всегда находится в движении, в изменении, в развитии. Непрестанно изменяющаяся действительность отображается и воплощается в самых разнообразных источниках. Каждый источник как бы аккумулирует, конденсирует, воплощает в себе, в своем устойчивом состоянии постоянно изменяющийся исторический процесс и тем самым доносит до нас через годы и века информацию о давно прошедших событиях. Не будь этого свойства источника отображать и устойчиво воплощать историческую действительность, мы ничего не знали бы ни о своем прошлом, ни о том, как, когда и в каком направлении оно изменялось.

Постоянно развиваясь и изменяясь, исторический процесс вызывает и изменение формы источников, однако это изменение формы всегда отстает от изменения содержания. Если бы этого не происходило, если бы изменение содержания не предшествовало изменению формы, если бы форма изменялась равномерно с изменением содержания, то в руках историка не имелось бы никаких устойчивых качественных определенностей, на основании которых он мог воссоздавать исторический процесс. Объективно форма источника изменяется медленнее, чем отображаемая и воплощаемая им историческая действительность, и это отставание в изменении формы тем сильнее, чем активнее и быстрее идет развитие исторической действительности. Решающей причиной возникновения новых видов источников и исчезновения старых является, таким образом, постоянное развитие исторического процесса, которое предопределяет собой и тенденцию в развитии источников. Непрерывные, медленные, незаметные на первый взгляд количественные изменения в историческом процессе рано или поздно, на определенном этапе и в определенных условиях непременно приводят к коренным качественным изменениям в форме источника. Иногда эти изменения следуют вскоре за изменением содержания, иногда этот процесс растягивается на многие годы и десятилетия, но действие закона о переходе количества в качество неизменно распространяется на смену одних форм источников другими.

При этом, однако, следует иметь в виду, что выводить появление новых источников непосредственно и прямо из развития исторического процесса нельзя. Исторический источник в своем развитии обладает относительной самостоятельностью. Конечно, он отображает и устойчиво воплощает в себе действительность и в конечном итоге определяется ею: не было бы истории как процесса, не было бы и источников. Но вместе с тем источники имеют и свою внутреннюю логику, развиваются по своим собственным законам, обладают относительной самостоятельностью развития. В развитии многих источников, особенно идеологиче-

⁵⁷ Об этом более подробно см.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 331—354.

ского характера, наблюдаемая своеобразная преемственность, зависимость возникновения и развития одного источника от других. Эта преемственность в развитии еще более подчеркивает их относительную самостоятельность по отношению к исторической действительности. Хорошо сказал об относительной самостоятельности идеологии Ф. Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»: «...Раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке»⁵⁸. Каждый новый источник возникает не на голом месте, а отмирающие источники не исчезают бесследно. Обратимся еще раз к примеру с летописями и хронографами. На определенном этапе развития в результате изменения исторического процесса летописи сходят со сцены, перестают развиваться; однако они не исчезают бесследно. Летописный стиль повествования усваивается и переделывается хронографом и исторической повестью. Так было, например, с «Повестью о зачатии Москвы». Новые источники, следовательно, начинают свое существование не с исходного момента исторического сознания; они не проходят тех же этапов развития, которые прошли предшествующие виды источников; они воплощают в себе весь предшествующий опыт развития, подвергая его дальнейшей переработке. Без этого не было бы никакого развития вообще.

В отличие от идеологии в целом, которая, развиваясь на основе всей совокупности накопленных в той или иной области представлений, по мере своего развития все больше обособляется, удаляясь от своего материального источника, а ее относительная самостоятельность все больше усиливается, — исторический источник всегда бывает тесно связан с действительностью, ею порождается и ею определяется. И если мы можем говорить об относительной самостоятельности развития источника, то должны при этом иметь в виду, что главным для историка является, во-первых, установление того, что именно и как именно отобразилось в историческом источнике, а, во-вторых, каковы те имманентные закономерности развития того или иного вида источника, которые повлияли на форму отображения и на полноту и достоверность отображенных в источнике фактов, явлений, событий, процессов.

Зависимость изменения формы источника от изменения его содержания может быть прослежена на самых различных источниках. Так, письменные источники за многовековую путь своего развития сильно изменились в своей внешней форме. Если сравнить, например, частное письмо XIII—XIV вв., нацарапанное на бересте, с надушенной запиской французской маркизы XVIII в. или письмо революционера, пересланное тайком из тюрьмы, с обычным частным письмом наших дней, мы не можем не отме-

тить разницы внешней формы этих источников. Все это будут письма, они поддаются анализу при помощи одних и тех же методических приемов, их внутренняя форма изменилась незначительно. Чем же вызвано такое резкое изменение внешней формы? Несомненно, изменением той реальной действительности, которую эти письма отображают и которая устойчиво воплощается в них. Наличие постоянных обращений (типа «Милостивый государь!» или «Любезная маменька!») и заключений (например, «С совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, готовым к услугам» и т. д.), устойчивые формулы, приобретающие характер зачина (например, «Во первых строках моего письма...») или концовки (типа «Жду ответа, как соловей лета») — все это и многое другое отображает реально существовавший стиль переписки, господствовавший в тот или иной период.

Устойчивое воплощение в частных и особенно деловых письмах языковых и канцелярских норм того времени позволяет использовать это явление, с одной стороны, для датировки письма, а с другой, — для воссоздания эпистолярного стиля эпохи, исходя из анализа дошедших до нас писем. Выводы эти, конечно, относятся к эпистолярным источникам массового масштаба; они будут достоверны и реальны лишь в том случае, когда опираются на большой и разнообразный материал. Известно, что нигде так не проявляется индивидуальность автора, как в его частных письмах. Мы знаем о многих случаях, когда частная переписка носит сугубо индивидуальный характер и резко отличается от рядовых, обычных писем эпохи. Например, письма В. Маяковского к Л. Брик⁵⁹. Ясно, что составить представление об эпистолярном стиле Советской России 20-х годов XX в., исходя только из анализа этой группы писем, нельзя, но их нельзя и совсем сбрасывать со счетов при характеристике эпохи, ибо и в них она отобразилась с не меньшей, а нередко и с гораздо большей силой и экспрессией.

Частное письмо сопровождает человека на всем пути его развития — от момента зарождения письма вплоть до наших дней. Письмо как разновидность письменного источника остается неизменным, что объясняется, в первую очередь, его устойчивой внутренней формой, своеобразно отображающей историческую действительность через призму личного восприятия автора письма. Но эта видовая устойчивость эпистолярных источников отнюдь не исключает необыкновенного разнообразия внешней формы отдельных разновидностей. Письма одного и того же автора к матери, возлюбленной, другу, сотруднику, ребенку и т. д., письмо деловое и письмо-шутка, письмо-раздумье и письмо-информация — это все эпистолярные источники. Они могут быть

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 313.

⁵⁹ «Письма Маяковского к Л. Ю. Брик (1917—1930)». — «Литературное наследство», т. 65. М., 1958, стр. 101—174.

вызваны к жизни одним и тем же событием, но, адресованные разным лицам, по-разному отобразят его. С другой стороны, изменение действительности вызывает изменение эпистолярного жанра вообще. Особенно это наглядно видно при сопоставлении крупных хронологических отрезков времени. Известно, что для XIX в. письма имеют громадное источниковедческое значение, они нередко являлись единственным и неповторимым свидетельством о случившемся. Но в наши дни развитие различных современных видов связи резко снизило источниковедческое значение писем. Люди стали реже и суше писать друг другу, телефонные разговоры и телеграммы заменяют постепенно перо и чернила и вытесняют их... но едва ли уничтожат письмо совсем. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. вновь возродила к жизни этот традиционный способ общения людей между собой, и треугольники солдатских писем той эпохи являются важным историческим источником⁶⁰.

Приведенные выше примеры достаточно наглядно показывают, как важно в источниковедении умение за формальными изменениями источника видеть перемены в его содержании. Основная задача источниковеда — не только установить и выделить изменения формы источника, но и выяснить причины этого изменения и то новое в содержании источника, что выражает его изменившаяся форма. Формальные изменения в источнике важны для историка главным образом (но не всегда, конечно!) потому, что перемены в форме дают ему возможность установить и определить изменения в самом историческом процессе.

Второй важный вывод заключается в том, что любое изменение формы источника не должно быть оставлено исследователем без внимания. Нет и не может быть источников, абсолютно схожих друг с другом. Найти изменение формы двух или нескольких очень близких, схожих друг с другом источников, объяснить причину этих изменений и на основе их анализа попытаться выявить перемены в историческом процессе — вот задача источниковеда!

И, наконец, последнее: новые источники появлялись и появляются на наших глазах. Причина этого лежит как в изменении исторического процесса, порождающего новые источники, так и во внутренней логике развития источника, сбрасывать которую со счетов, конечно, нельзя. Найти элементы старой формы в новом источнике, показать, как в старую форму вливается новое содержание и как на определенном этапе, в определенных условиях эта старая форма сбрасывается содержанием, переделывается

им, как возникает новая форма, полное и совершенное воплощающая новое содержание, — вот к чему, в частности, должен стремиться исследователь при анализе источника. Изменения в форме источника могут быть незначительны в количественном отношении, однако именно они приводят к качественным переменам.

Противоречия между содержанием и формой источника бывают различными. Они зависят как от характера источника, так и от условий его развития. Эти противоречия проявляются по-разному в различных источниках и с разной степенью интенсивности — от еле заметных фактов противоречия до полного несоответствия формы и содержания. Поэтому при анализе любого источника необходимо не только выявить, как именно проявляется в нем противоречие между формой и содержанием, но и определить причину, условия возникновения противоречия, раскрыть его характер, его природу, попытаться установить пути его развития и разрешения. Сложность этих проблем говорит сама за себя, и основное, что необходимо иметь в виду, это то, что нельзя навязывать одну абстрактную схему анализа для разных источников. Общее, присущее всем источникам противоречие между формой и содержанием преломляется и существует в каждом источнике специфически, по-особому.

Все сказанное выше не исчерпывает, конечно, всего многообразия сложных аспектов взаимоотношения содержания и формы в источнике. Крайне важно для источниковедения изучить устойчивость формы источника.

Марксистско-ленинская философия рассматривает устойчивость формы как условие эволюции действительности, формирующее содержание и выражающее его. Форма устойчиво воплощает содержание, удерживая его непрерывные изменения в рамках определенных границ, однако это воплощение, безусловно, не абсолютно, а относительно.

Конечно, устойчивость формы, наблюдаемая всегда и повсюду как одно из самых общих свойств ее, не означает отсутствия в форме каких-либо изменений. В явлении, как мы знаем, меняется все — и его содержание, и его форма. Однако изменения содержания и изменения формы — явления разного порядка. Как уже говорилось выше, содержание и форма источника изменяются неравномерно, изменения содержания опережают изменения формы; форма источника, как правило, отстает в своих изменениях от содержания именно в силу своей устойчивости, что и сообщает источнику определенность и стабильность.

Устойчивость формы письменного источника особенно наглядно можно проследить на актовом материале (форма которого обладает особой устойчивостью и мало меняется во времени) на многих разновидностях делопроизводственной документации и т. д. Можно взять в качестве примера правые грамоты XV—XVI вв. Известно, что судебный процесс к этому времени сильно

⁶⁰ См., например: С. Кирсанов. Письма с фронта. Казань, 1943; «Письма с фронта». Тамбов, 1943; Ашхабад, 1946; Ташкент, 1949; Ташкент, 1965; «Солдатские письма». М., 1965; «Строки, опаленные войной». Сб. писем и документов. Новосибирск, 1965; «Солдатский треугольник». Благовещенск, 1975 и др.

изменился, усложнился и усовершенствовался⁶¹. И в то же время во многих правовых грамотах XVI в. мы найдем формулу о поединке «на поле битися», которая и для XV в. была анахронизмом и ни в какой степени не отражала подлинного хода судебного разбирательства. Судебный процесс изменялся постоянно и непрерывно, но изменения его содержания не привели автоматически к созданию новой формы правовой грамоты. Наоборот, до поры до времени определенные изменения судебного разбирательства воплощаются в старой, иногда веками существующей форме, которая, в свою очередь, продолжает соответствовать изменяющемуся содержанию (в какой-то степени, конечно, относительно, а не абсолютно!). Богатый сравнительный материал по этому вопросу находится в комментариях к «Памятникам русского права»: почти в каждом томе этого капитального издания мы найдем примеры, подтверждающие господство традиционных форм изложения, которые были анахронизмом в условиях изменившейся практики судопроизводства⁶².

Устойчивость формы источника проявляется не только в том, что старая традиционная форма продолжает жить в новых изменившихся условиях, выражая новое содержание. Отдельные стороны формы нередко сильно меняются не только в количественном, но и в качественном отношении; в то же время вся форма целиком от этого не меняется. Подобные изменения (до известной степени, конечно!) не нарушают определенность данной формы, ибо не затрагивают ее сущности. Это наглядно можно проследить на примере устных (фольклорных) источников.

Фольклористы давно уже отметили необыкновенную устойчивость фольклорной формы, ее способность многократно варьироваться и изменяться, не теряя, однако, своей видовой определенности. Возьмем в качестве примера песню — один из самых продуктивных видов народного творчества. Каких только песен не знает фольклористика: лирические, трудовые, сатирические, бытовые, обрядовые (календарные и семейные), исторические, игровые, хороводные и многие другие — все они неотступно и своеобразно сопутствуют человеческому обществу на всем его многовековом пути развития. Меняется исторический процесс — изменяются и народные песни: появляются песни разбойничьи, рекрутские, солдатские, фабрично-заводские, городские, романсы, революционные песни, песни литературного происхождения и т. д.

После Великой Октябрьской социалистической революции появились новые песни, насыщенные новыми идеями, созданные на новые темы, имеющие иную систему образов. Советская народная

песня — качественно иной этап развития этого вида народного творчества. Существенно изменилась функция песни, которую заняли миллионы, ее место в общей системе жанров фольклора, но качественная определенность формы песни, ее видовая определенность сохранились без перемен.

Качественно изменились лишь отдельные моменты данной формы, но по отношению к данной форме в целом (к форме песни в нашем случае) эти изменения остались количественными, они не привели к качественному изменению всей формы, к сбрасыванию старой формы, к появлению совершенно новой формы.

Еще один убедительный пример подобной устойчивости формы дают былины. Былины — устные эпические песни русского народа о своем прошлом, отразившие в художественных образах историческую действительность преимущественно XI—XVII вв. и раскрывающие взгляд народа на историю в целом. Они дают массу интереснейших сведений, ибо отражают систему социальных отношений, показывают быт древней Руси. Их важнейшее источниковедческое значение заключается в том, что они сохранили народную оценку исторических событий и поэтому являются важнейшим источником по истории народного мировоззрения, по истории культуры и общественно-политической мысли трудового народа периода феодализма⁶³. Уже в 30-х годах XX в. сказительница былин М. С. Крюкова, не без влияния работавших с ней фольклористов, начала создавать новые былины, в которых современная тематика сочеталась с архаическими формами традиционного эпоса (былины, исторической песни, отчасти причитания). Свои новые произведения М. С. Крюкова, в противовес традиционному эпосу (былинам или старинам), назвала «новинами». Эти «новины» были подхвачены некоторыми советскими литературоведами и фольклористами, увидевшими в них якобы образцы народного эпоса эпохи социализма. Однако жизнь рассудила по-иному. Механическое перенесение в «новины» архаических форм поэтики и языка былин нарушало единство формы и содержания, ослабляло, а чаще всего попросту уничтожало художественную ценность произведения. Устойчивая форма былевого эпоса не смогла вместить в себя нового социалистического содержания, и «новины» так и не превратились в новый вид народного творчества, а остались свидетельством антихудожественной компиляции.

Поразительную устойчивость формы отдельных элементов вещественных источников можно проследить на ряде примеров. Богатейший материал для подобных выводов дает книга Б. А. Ры-

⁶¹ Об этом см. комментарии к судебникам 1497, 1550 и 1589 гг. — «Судебники XV—XVI веков». М.—Л., 1952.

⁶² Ср., например, упоминание о кровной мести в статье I Русской Правды Пространной редакции. — «Памятники русского права», вып. 1. М., 1952, стр. 137—138.

⁶³ Об этом см.: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963; Л. Н. Пушкирев. Былины как исторический источник. — «Советская историческая энциклопедия», т. 2. М., 1962, стб. 884—885; А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966 (Здесь же указана и более ранняя литература вопроса).

бакова «Ремесло древней Руси». Какое бы ремесло мы ни взяли, мы в любом из них найдем массу случаев устойчивого сохранения формы вещественного источника в самых различных общественно-исторических условиях, в разное время и на различной территории. Устойчивое сохранение формы ювелирных изделий дает, например, в некоторых случаях основание для датировки археологического материала. Старые домонгольские литейные формы (энколионы), изготовлявшиеся в Киеве в начале XIII в., продолжали использоваться мастерами и после татарского нашествия; русские литейщики XIV в. копировали старые формы, не утруждая себя изготовлением новых моделей, а зачастую лишь исправляя и заменяя стершиеся от долгого употребления надписи. Наблюдения археологов дают возможность установить, что старые домонгольские навыки продолжали существовать у местных деревенских ювелиров и в первые века после монгольского нашествия; типы вещей, бытовавшие в XI—XIII вв., продолжали существовать, изменяясь и эволюционируя, до XIV—XV вв. Все эти неизбежные изменения не разрушали общего облика вещи (трехбусенные или семилощастные височные кольца, зигаговые перстни, пластинчатые загнуго-конечные браслеты и т. д.). Большое впечатление производит сделанное Б. А. Рыбаковым сопоставление археологического и этнографического материала. Так, в начале XX в. археологи были поражены сходством современных горшков кустарной выделки с курганными находками. Археологи изучили технику кустарной промышленности северо-восточных губерний. Оказалось, что кустари-гончары работали на ручных кругах чрезвычайно архаичного типа; таким же архаичным был и способ обжига готовых изделий. Б. А. Рыбаков делает вывод: «Деревенская керамика XIX—XX вв. сохранила почти в полной неприкосновенности характерные черты деревенской керамики XI—XII вв.»⁶⁴

Устойчивость формы вещественных источников неоднократно отмечалась и этнографами на музейном материале, а также на примерах непосредственно наблюдаемой ими действительности. Можно привести много фактов устойчивости формы и таких этнографических источников, как пережитки. Форма различных верований, обрядов, поверий, обычаев и т. д. так устойчива, стабильна и в то же время так гибка, обладает такой высокой степенью приспособляемости, что одни и те же обряды, поверья и т. д. существуют в разное время и в различных общественных условиях. Возьмем в качестве образца веру в заговоры — магиче-

ские формы, посредством которых человечество на ранних ступенях своего развития пыталось воздействовать на окружающий мир, изменять его. Заговоры — один из наиболее древних видов устного народного творчества, сохраняющий до наших дней ценнейший материал для изучения древнейших народных верований. Заговоры были типичны для дохристианских верований; это было активное требование у окружающей человека природы. Путем заговора человек силой слова и действия стремился вызвать желаемый результат (убить зверя, поймать рыбу, излечиться от болезни, защититься от раны и т. д.). В этом принципиальное отличие заговора от молитвы, в которой всегда лишь смиренно испрашивается милость бога и святых. Казалось бы, заговоры и вера в них должны были исчезнуть вместе с исчезновением ашмистических представлений у человека, но этого не произошло. Принятие христианства внесло изменения в форму заговора (появилось введение в заговор, представляющее собой отголосок христианской молитвы, например: «Во имя отца и сына...», заключение или зааминивание, упоминание определенных святых в тексте заговора и т. д.). Отдельные христианские молитвы теснейшим образом переплелись с древними заклинательными формулами, но заговор не исчез.

Мы находим близкие по форме заговору клятвы даже в договорах русских с греками; много заговоров сохранили для нас рукописные лечебники, травники, зелейники⁶⁵. Нам известны в настоящее время заговоры от болезней, сглаза, «любовной присухи», заговоры-заклинания при земледельческих работах, в быту, заговоры от пули и раны, заговоры от лихого человека, от недруга, от немилостивых властей, от строгого судьи и т. д. В различных социально-экономических условиях, в разной среде продолжали в течение веков жить заговоры. Их отголоски продолжают звучать и в наши дни в детском фольклоре в качестве игры, забавы, например детские игры-приговоры типа: «Дождик, дождик, пуще, дам тебе гущи, дам тебе ложку, хлебай понемножку». Широкое бытование заговоров было отмечено фольклористами в годы первой мировой войны.

Однако то, чего не могло добиться христианство, сделала грамотность, книга, просвещение: практически в наши дни заговоры исчезли. Последние записи их свидетельствуют о полном распадении формы заговора.

Можно привести еще много примеров, свидетельствующих об устойчивости формы пережитков. Отдельные элементы свадебного обряда (обручение кольцом, украшение невесты цветами и т. д.) сохранились до наших дней и бытуют сейчас повсеместно. Устойчивость формы этих этнографических явлений в значительной степени объясняет, почему они оказались такими живучими в тех

⁶⁵ Об этом см.: Л. Н. Пушкарёв. Лечебники Древней Руси. — «Неделя», 1962, № 48, стр. 20.

⁶⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 550; см. также: Ф. И. Королёв. Гончарный промысел в Вятской, Пермской и нек[оторых] др[угих] губ[ерниях]. — «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», т. III. СПб., 1895, стр. 79—90; Н. Смирнов. Живая старина. — «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. VII, вып. 1. СПб., 1905, стр. 94—95.

условиях, которые, казалось бы, полностью исключают даже самую вероятность существования подобных явлений.

Трудно переоценить для источниковедения значение этой устойчивости формы источника. Она позволяет установить общие приемы и способы анализа близких друг другу по форме источников, но значительно отстоящих друг от друга по времени⁶⁶. Не обладай источник такой устойчивой формой, мы вообще не могли бы дать ему достаточно устойчивого определения, ибо оно в значительной степени основывается на формальных его признаках.

Устойчивость формы источника сама по себе должна всегда настораживать исследователя: ведь крайне важно бывает определить, не повлияла ли эта косность формы на содержание источника, не помешала ли она более полному и адекватному отображению в источнике реальной действительности, насколько форма источника содействовала глубине и истинности воплощения в источнике мельчайших оттенков и подробностей исторического процесса и т. д. Не менее важен анализ устойчивости формы источника для определения силы традиции в источнике, когда он в изменившихся исторических условиях продолжает культивировать такие формы отображения и воплощения действительности, которые давно уже стали достоянием прошлого и не типичны для изменившегося настоящего.

Все это приводит к мысли о том, что, хотя форма источника и определяется его содержанием, тем не менее ей нельзя отказать в известной, хотя и относительной, самостоятельности. Раз возникнув, форма источника начинает развиваться и совершенствоваться не только в зависимости от развития содержания источника, но и исходя из внутренних, имманентных законов развития данной формы.

Отличительной чертой источников как раз и является то, что в процессе своего развития форма источника на определенном этапе и в определенных условиях не только способствует устойчивому отображению и воплощению в источнике реальной действительности, но и сама активно воздействует на содержание источника, нередко определяя собой возможность источника полно отобразить и адекватно воплотить в себе исторический процесс. Тем самым, следовательно, форма источника активно участвует в самом процессе отображения и воплощения действительности в источнике. Поэтому источниковедческую ценность документа можно определить лишь при совместном анализе как его содержания, так и его формы.

⁶⁶ Сравни близкие друг другу приемы источниковедческого анализа, употребленные А. А. Зиминим при анализе договорных грамот XIII в. и духовных и договорных грамот XIV—XV вв. (А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956, стр. 300—327; *он же*. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — Там же, вып. VI. М., 1958, стр. 275—324).

Воздействие формы письменного источника на его содержание наблюдается в тех случаях, когда эта форма в результате своего развития настолько определилась и стабилизировалась, что она не только способствует устойчивому отображению и воплощению в источнике исторического процесса, но и активно влияет на содержание документа, определяя нередко формы отображения реальной действительности в нем. Явление это можно встретить в разные исторические эпохи и среди различных письменных источников. Таковы, например, всевозможные документы, связанные с различными юбилеями, — адреса, приветствия, альбомы и так называемые подносные или поздравительные экземпляры и проч., в которых сама форма юбилейного документа предопределяет собой и манеру изложения, и отбор фактов, освещаемых в документе, и эмоциональную их оценку. Приподнятый, торжественный стиль, явные преувеличения, гиперболизирование заслуг и замалчивание недостатков юбиляра — все это следствие воздействия формы источника на его содержание.

Нередки случаи воздействия формы письменного источника на его содержание и в тех случаях, когда перед нами сложившийся формуляр акта или делопроизводственного документа, предопределяющий и форму и полноту отображения действительности. Историку, изучающему актовый материал, всегда бывает чрезвычайно важно установить, в каких случаях формуляр акта не адекватен реальной действительности, когда он настолько устарел, что уже не отображает объективно и беспристрастно историческую действительность.

Встречаются и такие делопроизводственные источники, которые с самого своего возникновения предопределяли выборочное, частичное отображение действительности. Таковы многие виды анкет, всей формой своей требующие однозначных ответов и тем самым ограничивающие адресата — автора, который, возможно, и хотел бы и мог бы сказать больше, чем требует анкета, но, стесненный ее узкими рамками, ограничивается лишь теми сведениями, которые интересовали составителя вопросника анкеты.

Итак, исследователю нередко приходится сталкиваться с известной, хотя и относительной, самостоятельностью формы, которая в результате своей устойчивости в некоторых случаях может в свою очередь воздействовать на содержание источника. Это воздействие в известных условиях приводит к тому, что под влиянием своей формы источник отображает историческую действительность неполно, искаженно, предвзято. Подобное явление чаще всего встречается в тех случаях, когда перед нами давно сложившаяся устойчивая форма источника, как бы окостеневшая в своих рамках и неспособная поэтому полно и адекватно выразить изменившееся новое содержание. Поэтому в источниковедческом плане очень важно учитывать подобное свойство формы, ибо оно в значительной степени предопределяет источниковедческое значение всего источника в целом. Следует особо подчерк-

путь, что подобное явление — не общая закономерность, а лишь частный случай, возникающий в особой среде и при особых обстоятельствах. Чаще всего форма источника способствует отображению и воплощению в источнике реальной действительности, и лишь в отдельных случаях ее воздействие на содержание источника неблагоприятно сказывается на источниковедческой ценности источника. Вопросы воздействия формы источника на его содержание относятся к числу наименее изученных как в общетеоретическом, так и в конкретно-историческом плане. Поэтому все изложенные выше наблюдения следует рассматривать лишь как первую попытку в изучении данной проблемы, нуждающуюся, видимо, в дальнейшей, более детальной и углубленной разработке.

Глава III

ДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

*

Исторические источники крайне многочисленны, необыкновенно разнообразны по содержанию и по форме и поэтому трудно обозримы. С самого начала становления исторической науки исследователи пытались как-то систематизировать выявленный материал, сгруппировать его, разделить на такие категории, которые обладают одним или несколькими общими свойствами. Назначение подобного деления — быть средством лучшего познания источников. Как об этом свидетельствует историография вопроса, на определенной ступени своего развития историческая наука эмпирически, если можно так сказать, наощупь выбирала те или иные системы группировки источников в соответствии с некоторым, порою довольно смутным представлением о том, какой именно принцип следует положить в основу подобной операции.

Поэтому представляется не только целесообразным, но и просто необходимым детально изучить историографию этого вопроса, ибо и русское и советское источниковедение специально занималось выработкой систем деления источников.

Деление источников в русской дворянской и буржуазной исторической науке XVIII—XX вв.

Вопросы деления источников по тому или иному признаку начали интересовать русских историков и источниковедов со второй четверти XIX в.¹ Весь предшествующий более чем вековой период развития русской исторической науки характеризовался накоплением и приведением в систему знаний об определенных источниках, выработкой основных источниковедческих понятий и терминов. Естественно, что попытки систематизации и деления

¹ См. обобщающие работы, касающиеся историографии источниковедения: А. Т. Николаева. Вопросы историографии русского источниковедения XVIII—XX веков. М., 1970; Л. Н. Пушкарев. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв. — «История СССР», 1963, № 5, стр. 79—93; Г. А. Антипов. Место источниковедения в системе историографического исследования. — «Научные труды Новосибирского государственного университета. Философская серия», 1970, вып. 3, стр. 214—255.

источников были тесно связаны с вопросами определения исторического источника и с общими теоретическими и философскими воззрениями историков, занимавшихся проблемой классификации. Прежде чем приступить к делению источников, русские историки должны были выявить основные категории источников и выяснить их источниковедческую ценность.

Уже первые обобщающие труды XVIII в. по русской истории дают перечень и краткую характеристику использованных источников, причем отбор источников в значительной степени определялся кругом интересов авторов. Так, В. Н. Татищев в «Предъизвещении» к своей «Истории Российской» указывает на «генеральные» (т. е. общие) источники (Повесть временных лет, Степенная книга, Хронограф и Синописи) и «топографии» (т. е. местные источники) — древнерусские сказания, жития, записки, чины венчания на царства и свадебные разряды. Перечень источников он заканчивает четьями-минями и прологами, замечая, что пользоваться ими надобно «с рассуждением». Привлек Татищев и новые источники — дипломатические бумаги и акты².

Те же источники выделяет и М. В. Ломоносов, добавляя к ним лингвистические источники и устные сказания³. В дальнейшем мы наблюдаем накопление знаний о различных источниках. Г. Ф. Миллер в статье «Опыт новейшей истории о России» выделяет летописи, хронографы, степенные книги, родословцы, разряды, архивные письма⁴.

Н. И. Повиков впервые обратил внимание на такие источники, как духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, синодики, посольские книги, картографические источники и т. д.⁵

А. Л. Шлецер расширяет круг источников, выделяя в особую группу археологический материал⁶.

В предисловии к первому тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин помещает специальную главу «Об источниках российской истории», но, следуя еще традиции XVIII в., ограничивается несколько расширенным перечнем источников без всякой попытки какого-либо их деления. Так, в одну группу он помещает монеты, медали, надписи, сказки, песни и пословицы, отметив при сем, что это «источник скудный, однако ж не совсем бесполезный»⁷.

Первым русским историком, предложившим продуманную систему деления источников, был Н. А. Полевой. Он разделил все источники на две группы: отечественные и иностранные, каждая из которых включала в себя следующие подразделения:

«I. Летописи или временники, то есть современные разным событиям записки или заметки людей о том, что они сами видели или слышали.

II. Памятники дипломатические, т. е. грамоты, договоры, записи, относящиеся к политическим сношениям между владетелями, областями, городами, народами.

III. Памятники палеографические. Сюда относятся все сохранившиеся от древних времен сочинения, прямо или косвенно объясняющие историю, веру, законы, нравы, обычаи, поверья народов; частные исторические записки, заметки и повествования.

IV. Памятники археографические, сохранившиеся в надписях на гробницах, зданиях, разных вещах; монеты, медали, изваяния, могущие передавать нам предания веков в безмолвных своих вещаниях.

ния и выделили, помимо этих двух частей, еще третью, куда включили хронографы, степенные книги, родословные книги, надписи, деньги, географические описания и т. д. (стр. 26). В третью группу источников, следовательно, вошли как письменные, так и вещественные памятники.

⁵ Об этом см.: Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957, стр. 287—288.

⁶ А. Л. Шлецер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлецером, ч. I. СПб., 1809, стр. 89—114. М. Т. Каченовский в статье «Об источниках для русской истории», как и предыдущие историки, ограничивается простым их перечнем (К. [М. Т. Каченовский]. Об источниках для русской истории. — Вестник Европы, 1809, № 3, стр. 193—210; № 15, стр. 209—218).

⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. Изд. 2-е. СПб., 1818, стр. XXXIV. Перечень Н. М. Карамзина полностью повторил А. З. Зинovieв в своей работе «О начале, ходе и успехах критической российской истории». М., 1827, стр. 9; рецензию М. Погодина на эту работу см.: Московский вестник, ч. 3. М., 1827, стр. 51—53.

² В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 41—43, 107—125. О В. Н. Татищеве см.: М. Н. Тихомиров. Труды В. Н. Татищева. — Очерки истории исторической науки в СССР (далее — «Очерки...»), т. I. М., 1955, стр. 188; Г. М. Дейч. В. Н. Татищев. Свердловск, 1962, стр. 59—68.

³ М. А. Алпатов и М. Н. Тихомиров. Труды М. В. Ломоносова. — «Очерки...», т. I, стр. 194; М. Н. Тихомиров. Исторические труды М. В. Ломоносова. — «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 70—72. Устные источники и летописи выделял и М. М. Щербатов (М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1901, предисловие). См. также: И. А. Федосов. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967, стр. 44—68.

⁴ «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1761, январь, стр. 8—20. О Г. Ф. Миллере см.: А. Т. Николаева. Краткий очерк развития источниковедения в России в XVIII веке. Учебное пособие. М., 1962, стр. 22—23 (ротапринт). В 1767 г. вышла в свет публикация русских летописей, подготовленная И. Таубертом и И. Барковым. В предисловии к ней издатели дают несистематизированный перечень источников русской истории: отечественные (летописи, хронографы, степенные книги, церковные книги, надписи в церквах, деньги, географические описания земли) и иноземные («Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен, ч. I. Летопись Несторова с продолжениями по Кенигсбергскому списку до 1206 года»). СПб., 1767, стр. 22—29). В предисловии имеется упоминание о том, что «домашние источники истории паки разделяются на две главные части, а именно, на грамоты и на летописи» (стр. 22). Однако в дальнейшем издатели не выдержали предложенного ими деле-

V. Памятники географические. Важное пособие для истории! Филологические изыскания о живых урочищах, сохранившихся в какой-либо стране в названиях земель, областей, народов, рек, гор, городов, разных мест, служат пояснениями для сведений о начале, распространении, движениях народов и для известий о политических и гражданских делах их.

VI. Предания, сказки, песни, пословицы, относясь к истории по основанию, которое служило для них поводом, и выражая дух времени, могут быть принимаемы в соображение при историческом обзоре»⁸.

Отвлекаясь от несовершенства терминологии, объясняемой неразработанностью вопроса, следует высоко оценить эту первую в русской науке систему деления источников. По уровню анализа источников Н. А. Полевой был, безусловно, ниже Н. М. Карамзина, но он правильно выделил в особые группы летописи, дипломатические документы, надписи на вещественных (по его терминологии «археографических») памятниках и устные источники. Наиболее уязвимой в его системе деления оказалась группа «палеографических» памятников. К ним он относил речи, духовные завещания, уставы князей, Правду Русскую, законы Ярослава, Поучение Мономаха, Слово о полку Игореве, прологи, жития святых, каталоги, монастырские легенды и разные сочинения.

«Географическими» источниками у Полевого названы топографические данные. Выделение их в особую группу — достижение историка. Н. А. Полевой весьма скептически оценил источниковедческое значение устных источников по сравнению с письменными, хотя и признал целесообразность их использования.

Итак, перед нами продуманная система деления источников с попыткой определить источниковедческую ценность их различных типов.

Более простая система группировки письменных источников была предложена историком-археографом П. М. Строевым. П. М. Строев писал: «Письменные памятники всех ветвей отечественной истории делятся на два разряда: I. Акты. II. Писания. Акты суть: а) государственные (договоры князей великих и удельных, сношения двора московского с иностранными государствами, грамоты, уставы, указы относительно внутреннего управления, судопроизводства и проч.); б) юридические (бумаги, обеспечивающие в свое время частные привилегии, собственность и проч.)... Писания: а) летописи разных форм, более или менее полные, общие и частные; б) повести и сказания (наиболее баснословные) о событиях, победах, осадах городов, аскетические о праведниках и проч.; в) послания владык к своим паствам,

переписки разных лиц, слова и отрывки разного содержания и проч., и проч.»⁹.

Следует сказать, во-первых, что П. М. Строев никак не мотивировал припущенный им принцип деления источников: судя по всему, он рассматривал его просто как средство упорядочения материала при собирании и описании источников. Во-вторых, в разряд «писаний» он отнес такие источники, которые имеют делопроизводственный характер (переписка разных лиц) или же из-за неопределенности содержания не могут быть точно отнесены к какому-либо разряду (отрывки разного содержания).

В 1837 г. со своей системой деления источников выступает Н. Г. Устрялов. В статье «Предположение об издании русских летописей и государственных актов» он делит письменные источники на три разряда, а именно:

I. Исторические сочинения в собственном смысле

1. Летописи
2. Степенные книги
3. Хронографы
4. Сказания об отдельных лицах и событиях
5. Дворцовые записки
6. Записки иностранцев о России

II. Акты государственные

1. Внутренние
  - а) памятники законодательства
  - б) временные распоряжения правительства и разных ведомств по делам общим государственным и по частным случаям (окружные грамоты, постановления, приговоры и проч.)
  - в) судебные акты по частным обыкновенным делам
  - г) разрядные книги
  - д) писцовые книги
  - е) родословные книги
2. Внешние
  - а) взаимные договоры великих и удельных князей

⁹ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева (далее — Н. П. Барсуков. Жизнь и труды...). СПб., 1878, стр. 277. Впервые на систему деления П. М. Строева указал В. С. Иконников («Опыт русской историографии» (далее — В. С. Иконников. Опыт...), т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. V). В немецком источниковедении мысль о делении письменных источников на два рода была впервые высказана Вахсмутом в его «Очерке теории истории»: «Исторические свидетельства, дошедшие до нас в письменном виде, делятся на а) документальные материалы, т. е. полностью объективные, свободные от индивидуализма писателей... и б) произведения исторических писателей..., непосредственных или опосредствованных свидетелей событий (W. Wachsmuth. Entwurf einer Theorie der Geschichte. Halle, 1820, S. 101—103). Вахсмут, несомненно, преувеличивает объективность актового материала, кроме того, вызывает сомнение правомерность выбора им объективности в качестве основания деления письменных источников.

⁸ Н. А. Полевой. История русского народа (далее — Н. А. Полевой. История...), т. I. М., 1829, стр. LIII—LIV.

- б) документы дипломатических отношений России с иностранными державами
- в) статейные списки

III. Памятники словесности

- 1. Памятники духовного красноречия
- 2. Догматические сочинения
- 3. Полемиические сочинения
- 4. Философские сочинения
- 5. Землеописания
- 6. Естественнонаучные сочинения
- 7. Медицинские сочинения
- 8. Описания путешествий¹⁰.

Как и П. М. Строев, Н. Г. Устрялов касается деления только письменных источников. Его схема гораздо более подробна и детальна, чем предшествовавшие. Устрялов пытается на конкретных примерах проиллюстрировать принятую им систему, хотя и не всегда добивается при этом нужного результата. В частности, он помещает в число исторических сочинений литературные труды («сказания») и дворцовые записки, являющиеся делопроизводственным документом, а не «сочинением». К актам Устрялов относит и такие документы, которые к ним никакого отношения не имеют (разрядные, писцовые, родословные книги); из памятников словесности выпали произведения древнерусской литературы и т. д.

Третий разряд, названный им «Памятники словесности», представляет собой смесь всего того, что не вошло в первые два разряда: здесь есть и повествовательные памятники, но без ярко выраженной исторической специфики — философские, церковные и научные сочинения; сюда входят и делопроизводственные материалы, например связанные с естественными и врачебными науками. Автор, видимо, и сам понимал несовершенство своей точки зрения, ибо высказался лишь по поводу издания летописей и актов, оставив в стороне вопросы издания «памятников словесности».

Но, несмотря на эти недостатки, схема деления источников Н. Г. Устрялова является шагом вперед. Он верно объединил сказания иностранцев в одну группу с русскими сказаниями, обратил внимание историков на землеописания, естественнонаучные и медицинские сочинения, на описания путешествий (так называемые хождения).

¹⁰ «Журнал Министерства народного просвещения», 1837, ч. XIII, № 2, стр. 337—343. Впервые на эту работу Н. Г. Устрялова указал В. С. Иконников («Опыт...», т. II, кн. 1, стр. VI—VII). Несколько иная, но близкая к делению Устрялова схема была предложена Фридрихом Ремом в его «Учебнике исторической пропедевтики и очерке всеобщей истории»: он предложил все письменные источники разделить на три главных «вида»: папиры, акты и памятники словесности (F. Rehm. Lehrbuch der historischen Propädeutik und Grundriß der allgemeinen Geschichte. Marburg, 1830, S. 58—65).

Н. Г. Устрялов дал и более широкую систему деления всех исторических источников во «Введении» к своему учебнику русской истории, разделив источники следующим образом:

I. Письменные

- 1. Сказания современников
  - а) летописи
  - б) дневники
  - в) записки, сказания
  - г) письма
- 2. Акты государственные
  - а) уставы гражданские, военные, церковные, торговые
  - б) грамоты и указы по частным случаям
  - в) дела следственные
  - г) договоры дипломатические
- 3. Памятники наук и изящной словесности

II. Неписьменные

- 1. Изустные предания
- 2. Остатки искусств, художеств и ремесел (здания, монументы, картины, монеты, одежда, оружие, домашняя утварь)¹¹.

¹¹ Н. Г. Устрялов. Русская история, ч. I. 862—1462 гг. СПб., 1837, стр. 5—8. Схематическое повторение этой же системы деления см.: Н. Г. Устрялов. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1839, стр. VIII. Это же двучленное деление всех источников мы встречаем и в более поздних гимназических учебниках (например: В. Шульгин. Курс истории древнего мира для воспитанниц женских институтов и воспитанников гимназий. Киев, 1859, стр. 2—3) и источниковедческих исследованиях. Так, например, обширный круг источников разделен П. В. Павловым, как и Н. Г. Устряловым, на две большие группы: письменные (акты, летописи, мемуары, биографии и т. п.) и неписьменные. Вторая группа, в свою очередь, делится на археологические (древние здания, утварь, произведения пластических искусств и пр.), этнографические (стародавние нравы, обычаи, верования, обряды и т. п.), географические (т. е. естественные внешние условия — положение, величина стран, их очертание, почва и т. д.), этнологические (все данные, представляемые современными народами) и палеонтолого-археологические (ископаемые остатки древнего человека, скелеты, орудия, сосуды и т. д.). Никакого обоснования принятой им системы деления автор не дает и не объясняет, чем отличаются, например, археологические источники от палеонтолого-археологических. Из схемы деления автора совсем выпали устные источники и данные языка (П. В. Павлов. Опыт введения в историю. — «Отечественные записки», 1874, № 5—6, стр. 287). П. М. Аландский в «Истории Греции», изданной посмертно в «Киевских университетских известиях» в 1885 г. и отдельным оттиском, также склоняется к делению всех источников на неписьменные (остатки искусства и промышленности) и письменные (все памятники греческой речи). В археологический материал он включает также и монеты, а письменные памятники делит на две группы: эпиграфические и литературные (стр. 36—48). Этой же системы деления придерживается и В. В. Болотов в своих «Лекциях по истории древней церкви. I. Введение в церковную историю». СПб., 1907 (приложение к «Христианскому чтению» за 1907 г.). О неписьменных источниках автор не говорит совсем, а письменные делит на монументальные и книжные (стр. 106). На материаль-

Обе системы деления появились почти одновременно в 1837 г. Деление письменных источников в статье более подробно и детализировано. Обращает на себя внимание термин «остатки», впервые в русской историографии употребленный Устряловым.

В том же 1837 г. профессор Московского университета литературный критик и этнограф Н. И. Надеждин, разбирая общетеоретический вопрос об исторической истине и достоверности, предложил свою схему деления источников:

- I. Естественные или физические (физико-географические)
  1. Следы великих физических переворотов земного шара, имевших более или менее близкую связь с судьбой рода человеческого
    - а) геологические признаки шестидневного образования вселенной и потопа
    - б) существование Мертвого моря на месте проклятого Пятиградия в древней Палестине
    - в) слой первородной лавы Везувия, под которым погребены были окрестности Неаполя в царствование Тита
- II. Искусственные или собственные исторические
  1. Безгласные
    - а) всякий остаток древности, носящий признаки человеческой работы, только без надписей, без всякого словесного знака (развалины городов, зданий, остатки укреплений, границ, кочевых привалов, оседлых хозяйственных работ, произведений изящных искусств, оружие, домашняя утварь). Это собственно должно называться памятниками
  2. Гласные или словесные
    - а) устные предания
    - б) надписи
    - в) письменные документы¹²

Н. И. Надеждин положил в основу деления «намеренность» или «безнамеренность» источников, т. е. предназначались ли они именно для потомства или просто, без ведома и участия людей-производителей остались вестниками их существования, изобличителями идей, нравов и вкуса. Поэтому, дав общую схему деле-

ния и словесные памятники делил все источники Д. Н. Егоров в своем курсе «Средние века. Историография и источниковедение», вып. 2. М., 1913, стр. 100—103; изд. 2-е, вып. 2. М., 1916, стр. 39—40.

¹² Н. И. Надеждин. Об исторической истине и достоверности. — «Библиотека для чтения», 1837, т. XX, раздел III, стр. 142—143. Принципы достоверности клал в основу деления и Вахлер в своем «Учебнике истории, предназначенном к употреблению в высших учебных заведениях». Он писал: «Достовернее всего случившееся засвидетельствовано в письменных памятниках, свидетельствах и преданиях, т. е. в надписях, актах и в одновременных или же после событий составленных и верно их сохранивших отчетах» (*L. Wachler. Lehrbuch der Geschichte zum Gebrauche in höheren Unterrichtsanstalten. Auflage 5. Breslau, 1828, S. 58*).

ния источников в широком смысле слова, он отказался совсем от более дробного разделения письменных источников. Он полагал, что в «безнамеренных» свидетельствах нет причин предполагать умышленный обман со стороны тех, кому они обязаны происхождением: тут нужно только открыть значение памятника, разобрать смысл текста. Напротив, в «намеренных» беспрестанно должно бояться влияния предубеждения, духа партии, секты, системы, страсти, одним словом, множества причин утаить или исказить истину. Автор не указал, какие именно источники он относит к «безнамеренным», а какие — к «намеренным», поэтому трудно что-либо сказать более определенное о его системе в целом.

Надеждин обратил внимание на необходимость привлечения физико-географических данных для исторического исследования, и в этом его заслуга. Но как раз в данной области и сказалась порочность его методологии, ибо при помощи геологических сведений он пытался доказать вымыслы библейской истории (шесть дней творения, потоп и т. д.). Четко отделил Надеждин вещественные памятники от словесных, объединив в одну группу и письменные и устные источники. Н. И. Надеждин высказал свою мысль о делении источников на два рода лишь попутно, исследуя вопрос об исторической истине и достоверности.

Система деления источников, предложенная доктором права профессором Московского университета П. Г. Редкиным, имеет для историка ограниченный интерес. Он разделил все источники на три рода: изустные предания, неписьменные памятники и письменные свидетельства. К изустным преданиям относятся мифы, саги, народные песни, сказки, пословицы, поговорки и т. д. Более дробного деления неписьменных и письменных источников П. Г. Редкин не дал. Несомненной его заслугой является выявление переходной группы между неписьменными памятниками и письменными свидетельствами; в нее он отнес гербы, печати, ордена, монеты, медали и надписи¹³.

Нельзя сказать, чтобы предложенные в 30-е годы XIX в. системы деления письменных источников были сразу же усвоены русской исторической наукой. Историография последующих десятилетий оставила этот вопрос без внимания и специально им не занималась, хотя попутно некоторые историки и высказывали свои суждения относительно подобного деления. Так, обращают на себя внимание «Размышления о современных задачах русской

¹³ П. Г. Редкин. Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Московского университета 15 июня 1846 г. М., 1846, стр. 56—64. Подробное же деление всех источников мы продолжаем встречать и в более позднее время, например, в литографированном курсе Е. Е. Замысловского («Записки по древней русской истории, составленные по лекциям, читанным проф. Е. Е. Замысловским. Курс 1881—1882 г.». СПб., 1882, стр. 2).

истории и древностей» И. Е. Забелина, в которых автор, хотя и не очень определенно, делит все письменные источники на два рода: «официальные сказания, повествования, разные государственные акты и документы, вообще, старая приказность» и «книжность, не выходящая и летописей в общем их характере»¹⁴. Однако мысль эта была высказана И. Е. Забелиным попутно, вскользь и никак не была им мотивирована и доказана.

Предложенное Дройзеном и поддержанное Бернгеймом¹⁵ деление источников на остатки и традицию надолго привлекло к себе внимание исследователей, хотя нельзя сказать, чтобы в русском источниковедении перестали разрабатываться иные принципы деления источников.

Так, в 1870 г. в «Отечественных записках» (№ 1—3) была помещена статья П. Л. Лаврова (без подписи автора) «До человека», написанная им в конце 1859 г. в период его ссылки в Вологодскую губернию. В этой статье П. Л. Лавров выделяет несколько самостоятельных категорий источников: 1) устные предания, 2) наблюдения, размышления и свидетельства современников, 3) остатки жизни прошлого времени, 4) язык, 5) антропологические данные. П. Л. Лавров проводит резкую грань между свидетельствами прошлого, намеренно переданными современниками потомству, и свидетельствами, невольно переданными в верованиях, предметах материальной жизни и т. д., отдавая явное предпочтение последним.

Автор не стремился в своей статье, имеющей общеполитический характер, дать разработанную схему деления источников, поэтому к нему и не могут быть предъявлены требования, обычные для источниковедческих разысканий. Нельзя не отметить, однако, что П. Л. Лавров вслед за Н. И. Надеждиным поставил вопрос о «намеренности» или «безнамеренности» источников как о принципе их деления¹⁶.

¹⁴ И. Е. Забелин. Размышления о современных задачах русской истории и древностей. — «Отечественные записки», 1860, № 11, стр. 114; перепечатано в книге: И. Е. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи, ч. II. М., 1873, стр. 1—71. Н. Н. Ардашев в своем историографическом труде о Забелине ошибочно приписывает ему деление источников на три рода: «государственные акты», «книжность» и «летописи»; на самом же деле И. Е. Забелин, как это видно из приведенной цитаты, включал летописи в разряд «книжности», отнюдь не выделяя их в нечто самостоятельное (Н. Н. Ардашев. И. Е. Забелин как теоретик археологии (от археологии до историософии). М., 1909, стр. 20). Отклик П. Л. Лаврова на статью И. Е. Забелина («Несколько слов о «Размышлениях» г. Забелина». — «Отечественные записки», 1860, № 12, отд. III, стр. 96—101) вопросов деления источников не затрагивает.

¹⁵ I. G. Droysen. Grundriß der Historik. Leipzig, 1868, S. 14—16; E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908, S. 255—259.

¹⁶ «До человека». — «Отечественные записки», 1870, № 1, стр. 119—123. См. также: П. Л. Лавров. Собрание сочинений. III серия, вып. 1. Статьи научного характера. Пг., 1917, стр. 1—9. В работе Н. Ф. Карпова «Кри-

В обширном введении к «Русской истории» К. Н. Бестужев-Рюмин дал подробный и тщательно выполненный источниковедческий анализ важнейших письменных источников. Правда, научно обоснованной системы деления источников Бестужев-Рюмин не дает, но самая последовательность анализа и изложение по главам и параграфам позволяют выделить следующие категории письменных источников:

1. Летописи
2. Отдельные сказания и жития святых
3. Записки (мемуары) и письма
4. Памятники юридические и акты государственные
5. Памятники словесности устной и письменной
6. Памятники вещественные
7. Сказания иностранцев¹⁷.

Следующий далее подробный источниковедческий обзор важнейших источников у Бестужева-Рюмина — заметное явление в источниковедении этого времени, хотя нельзя не заметить некоторой непоследовательности этого обзора. Так, К. Н. Бестужев-Рюмин относит книжные миниатюры к числу вещественных памятников, а сами рукописные книги — к числу письменных. Устные (фольклорные) источники он объединяет с письменной литературой, рассматривая их в целом как явление «словесности». Ничем не мотивировал автор выделения в особую группу «сказаний иностранцев» и т. д.

После работы Бестужева-Рюмина в русской исторической науке надолго устанавливается принятый им метод: не давая развернутой системы деления источников, излагать материал систематически, выделяя основные виды источников. Таковы работы М. О. Кояловича, Ф. Я. Фортинского, В. В. Абазы и других историков¹⁸.

тический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8/I—1654—30/V—1672 г.» (М., 1870) дается сравнительный анализ лишь актового и летописного материалов, остальных источников он не касается совсем.

¹⁷ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I. СПб., 1872, введение, стр. 18—208. Впервые его систему деления упомянул В. В. Иконников («Опыт...», т. II, кн. 1, стр. VIII). В отзыве М. О. Кояловича («ЖМНП», 1872, № 10, стр. 367—380) оценки принятой автором системы деления нет. Появившаяся в это же время система деления источников И. В. Лашинкова научного значения не имеет (И. В. Лашинков. Пособие к изучению русской истории критическим методом, вып. 2. Киев, 1874, отдел II, стр. 1—70; отд. отт. из «Киевских университетских известий» за 1873 г.).

¹⁸ М. О. Коялович дает лишь общий перечень источников, деля их на три большие группы и произвольно противопоставляя первую группу (первоисточники) второй и третьей (сказания иностранцев; первые опыты прагматического изложения событий). — М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям (далее — М. О. Коялович. История русского самосознания...). М., 1884, стр. 11—96. Ф. Я. Фортинский все источники делит на писанные, устные и вещественные. Устных источников он не касался совсем,

Еще в первой книге своего исследования «Опыт русской историографии» В. С. Иконников сослался на труды Дройзена и Бернгейма в определении остатков и традиций и присоединился к господствовавшей в то время в западноевропейской историографии точке зрения о делении источников на письменные, устные и вещественные, причем в письменных источниках он выделил официальные акты и частные произведения. В этой же книге В. С. Иконников в осторожной форме присоединился к точке зрения Бернгейма об объективности остатков и субъективности традиции¹⁹.

Однако целостную и разработанную систему деления источников В. С. Иконников дал лишь в первой книге второго тома своего труда. Он подробно изложил основные системы деления источников, принятые в то время в западноевропейской историографии (Дройзен, Бернгейм, Пертц, Эстерлей, Финкель) и в русской исторической литературе (Строев, Устрялов, Редкин, Бестужев-Рюмин, Коялович). Затем В. С. Иконников дал свою собственную систему деления источников: он разделил их на три большие группы:

1. Памятники, служащие выражением частной деятельности (летописи, литературные произведения).
2. Памятники, служащие выражением правительственной деятельности (акты дипломатические, памятники законодательства, акты юридические).

вещественные названы им правильно, а писанные он делит на официальные и частные. Однако, относя акты к первой группе, а летописи ко второй, он совершает очевидную ошибку (Ф. Я. Фортинский. Опыты систематической обработки исторической критики. Киев, 1884, стр. 18, 27; отд. отт. из «Киевских университетских известий», 1884, № 8). Ценность статьи Фортинского — в подробном изложении взглядов Смедта и Тардифа на источниковедение. В довольно распространенном в свое время учебнике «История России» В. В. Абаза в качестве введения к курсу повторяет изложение схемы К. Н. Бестужева-Рюмина, но в отличие от него включил в одну группу государственные бумаги иностранных архивов, фольклорные и литературные произведения, а «Историю князя великого Московского» А. Курбского причислил к мемуарам и пр. (В. В. Абаза. История России в трех частях. СПб., 1886, стр. 1—4). В 1882 г. вышел перевод на русский язык отрывков из «Логик общественных наук» А. Бэна, в котором излагались взгляды Д. К. Льюиса на деление источников (G. C. Lewis. A treatise on the methods of observation and reasoning in Politics. London, 1852). Льюис делил их на две группы: 1. Монумены, развалины, монеты и вообще всякие остатки древности и 2. Показания свидетелей («Логика общественных наук (из „логики“ Бэна)». М., 1882, стр. 41). Схематический перечень источников по новой истории (мемуары, описания, актовый материал, газеты и т. д.) см. у В. В. Бауера («Лекции по новой истории, читанные в С. Петербургском университете», т. I. СПб., 1886, стр. 39—42).

¹⁹ В. С. Иконников. Опыт..., т. I, кн. 1, стр. 2, 38—39, 49. В эти же годы весьма кратко коснулся вопроса деления источников Ф. И. Леонтович в своей «Истории русского права», повторив перечень источников К. Н. Бестужева-Рюмина (Ф. И. Леонтович. История русского права. Университетский курс, вып. 1. Одесса, 1892, стр. 45).

3. Материалы, сообщаемые вспомогательными знаниями (географические, этнографические данные и вещественные памятники).

При этом необходимо заметить, что первые две группы В. С. Иконников называет «историческими материалами», а третью группу — «вспомогательными источниками»²⁰.

Как видно, у Иконникова нет единого принципа деления исторического материала. Помещение тех или иных источников в разные группы мало оправдано. Например, летописи могут быть и частными и государственными, равно как и всевозможные актовые и делопроизводственные материалы. Заслуга В. И. Иконникова заключается, главным образом, в приведении в систему всех предшествовавших точек зрения по данному вопросу, в тщательном и точном изложении взглядов ученых на деление источников.

В 1893 г. вышли в свет на русском языке лекции английского источниковеда и историка Э. Фримана, в которых он, касаясь оригинальных источников, довольно явственно отделил повествовательные источники от документальных. Правда, в отличие от многих других источниковедов, Фриман отдал предпочтение не документальным, а повествовательным источникам за связность их изложения. Документальные источники, как бы ни были точны, всегда отрывочны и неполны; но ним одним нельзя написать историю страны, она пишется только по повествовательным источникам, а документальные — привлекаются для корректировки, дополнения, исправления и т. д. повествовательных источников, — так писал ученый. О том, что лежит в основе подобного деления, Фриман не сказал ни слова²¹.

²⁰ В. С. Иконников. Опыт..., т. II, кн. 1, стр. IV—IX. Выходившие в это время курсы по отдельным периодам истории зачастую содержали иные системы группировки источников. Так, П. Г. Виноградов разделил все источники по истории Греции на три группы: предания, археологический материал и этнографические источники (пережитки) (П. Г. Виноградов. История Греции. Литографированный курс 1894—1895 гг. М., 1895, стр. 28—31). В литографированном курсе 1900—1901 гг. (М., 1901, стр. 52—57) автор добавляет еще одну группу — данные языка.

²¹ Э. Фриман. Методы изучения истории. Восемь лекций 1884 года с приложением вступительной лекции об обязанностях профессора истории. Главные периоды европейской истории. Шесть лекций 1885 года с приложением статьи о греческих городах под римским управлением. М., 1893, стр. 99—108. Рецензию К. Н. Бестужева-Рюмина на книгу Э. Фримана «Методы исторических занятий» (Лондон, 1886) см.: К. Н. Бестужев-Рюмин. Методы исторических занятий. — «ЖМНП», 1887, № 2, стр. 311—312. В этой рецензии К. Н. Бестужев-Рюмин пересказал систему деления источников, принятую Э. Фриманом, в основном согласившись с ней. Известный польский библиограф Л. Финкель традиционно разделил письменные источники также на два обширных рода: 1) документы — акты, речи, донесения, письма и т. п. и 2) хроники — летописи, жизнеописания, мемуары, политические сочинения. Правда, в своем предисловии автор говорит, что лишь из-за недостатка средств он не выделял еще и третий отдел, в который должны были войти смешанные материалы — та-

Система деления источников в университетском курсе С. Ф. Платонова сложилась к 1894 г., когда вышло первое литографированное издание его лекций. Этот курс выдержал много изданий (последнее вышло в 1917 г.), но никаких изменений в эту часть лекций он не внес. Не касаясь принципа деления источников, С. Ф. Платонов характеризует их в следующем порядке:

1. Летописи
2. Хропографы
3. Литературные повести и сказания исторического и публицистического характера; сюда же входят мемуары, жития святых, сказания иностранцев
4. Памятники историко-юридического характера (акты, грамоты, договоры, законодательные памятники, судебные и судопроизводственные памятники, челобитья, приказные книги, разряды, дипломатические материалы)²².

С. Ф. Платонов сознательно классифицирует лишь древние источники до эпохи Петра I, полагая, что материал нового времени достаточно ясен и не нуждается в какой-либо системе деления. Он объединил повести, жития, сказания иностранцев, мемуары в одну группу источников историко-литературного характера. Другая большая группа актов и делопроизводственного материала названа им не совсем удачно «памятники историко-юридического характера». Под это определение не подходят, например, включенные им туда дипломатические материалы, некоторые челобитья, разрядные книги и т. д.

В. О. Ключевский в спецкурсе лекций по источниковедению 1894 г. дал определение исторических источников и систему их деления. Он делит источники на два главных разряда:

I. Памятники, т. е. остатки жизни и деятельности людей известного времени

1. Вещи

кие, как манифесты, брошюры, поэмы, панегирики, посвящения и т. д., которые не могут быть отнесены ни к документальным, ни к чисто повествовательным источникам (*L. Finkel. Bibliografia Historyi Polskiej*, ч. 1—3. Lwow—Krakow, 1891—1906). Французский ученый Фоме предложил делить письменные источники на три рода: документы, исторические описания, традиция, хотя и не разъяснил тех принципов, на основании которых он это сделал (*P. Vaucher. Questions de critique historique. — «Anzeiger für Schweizerische Geschichte», 1887, N 5, S. 116*).

²² С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Общий курс, ч. 1. СПб., 1894 (далее — С. Ф. Платонов. Лекции...), стр. 33—76. См. также: С. Ф. Платонов. Обзор источников русской истории летописного типа (далее — С. Ф. Платонов. Обзор...), СПб., 1905, стр. 1—3. Французский историк Морте практически отказался от деления письменных источников, отнеся их все в раздел «символических документов» (*Ch. Mortet. La science de l'histoire (extrait de la Grande Encyclopédie)*. Paris, 1894, p. 27). Сходной точки зрения придерживается и К. Вахсмут (*C. Wachsmuth. Einleitung in das Studium der alten Geschichte*. Leipzig, 1895, S. 241—279).

2. Произведения слова

- а) акты, деловые документы
- б) произведения мысли, словесности, чувства, воображения, выраженные в словесном или письменном виде (вся словесность)

II. Воспоминания — наблюдения современников, которые в письменном или устном слове передают явления и события времени

1. Летописи
2. Записки
3. Отдельные сказания о событиях или лицах
4. Повествовательные письма
5. Песни, пословицы, изречения, предания²³.

Недостатком системы деления источников В. О. Ключевского является трудность, а порой и невозможность отнесения того или иного источника в ту или иную группу. Так, всю литературу Ключевский отнес к числу остатков, а отдельные сказания о лицах и событиях — к числу традиции (воспоминания). Но где та грань, которая отделит сказание как воспоминание о чем-то от сказания как художественного произведения? «Слово о полку Игореве» — это «памятник» или «воспоминание»? Не ясен вообще

²³ В. О. Ключевский. Соч., т. VI. М., 1959, стр. 479. Общую характеристику Ключевского как историка и источниковеда см.: А. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. Несмотря на то что вопросы деления источников к концу XIX в. были сравнительно подробно разработаны, в это время продолжали появляться курсы, касавшиеся этой проблемы лишь попутно (*И. Н. Бороздин и С. М. Середонин. Русская история. Литографированный курс*, т. I. СПб., 1899, стр. 17—45, 140—176; *С. М. Середонин. Лекции по русской истории*. СПб., 1899, стр. 94—114). И. П. Лихачев все письменные источники делит на дипломатические и повествовательные. Все внимание он, естественно, уделяет первым и отмечает их «драгоценное качество» — подлинность и современность событиям, в то время как повествовательным памятникам присущи, по его мнению, лишь «пристрастность, односторонность, забывчивость, ненамеренное извращение событий под своим углом зрения, намеренный обман» (*И. П. Лихачев. Дипломатика*. СПб., 1901, стр. 7). Автор несомненно преувеличивает правдивость дипломатических документов и лживость повествовательных. Нельзя согласиться и с его мнением, что в основе подобного деления письменных источников лежит подлинность и современность событиям: и те и другие источники могут быть и подлинными и современными событиями. Мысли и доводы И. П. Лихачева были подхвачены и развиты дальше Н. Н. Ардашевым. Он еще более подчеркнул разноречивость сведений, неточность, неполноту и лживость повествовательных памятников, а с другой стороны, — достоверность, точность, разносторонность, беспристрастность, правдивость документальных источников. Важно также указание Н. Н. Ардашева, что документальный источник не только отражает исторический процесс, но и участвует в нем, например, приказ командующего на поле боя. Верно также его замечание, сделанное, однако, без ссылки на Надеждина, что документальные источники непреднамеренно относительно истории; в момент их зарождения они не претендуют быть историческими источниками (*И. Н. Ардашев. Дипломатика. Литографированный курс лекций 1907—1908 гг.* М., 1908, стр. 47—50).

принцип выделения «воспоминаний» в особую группу, потому что они, как и акты и деловые бумаги, тоже «произведения слова».

Значение источниковедческого курса Ключевского — в блестящем анализе отдельных источников, однако система их деления — наиболее уязвимая часть этого курса, который был фактически первым специальным курсом на эту тему, подводившим итоги предшествовавшей работы русской буржуазной историографии в этой области. Следует иметь также в виду, что В. О. Ключевский не закончил обработки своего курса, и нам приходится пользоваться незавершенными трудами для характеристики его взглядов на источники²⁴.

Интересные мысли о делении источников высказал историк права Н. П. Загоскин. Он предложил делить источники «по способу своего происхождения» на первоначальные и производные (к последним он отнес и исторические исследования). Правда, автор отметил условность этого деления и растяжимость этих понятий и в дальнейшем, исключив из своего обзора «литературу предмета», предложил следующие шесть рубрик деления:

1. Памятники вещественные
2. Летописи и хронографы
3. Памятники государственного и юридического быта
4. Памятники устной и письменной словесности
5. Записки (мемуары) и письма современников
6. Сказания иностранцев²⁵.

²⁴ В вышедшей на русском языке в 1899 г. известной работе Ланглюа и Сеньобоса «Введение в изучение истории» вопросам деления источников уделено очень мало внимания. Авторы делят документы на вещественные и письменные (*Ланглюа и Сеньобос*. Введение в изучение истории. СПб., 1899, стр. 50); *Ш. Сеньобос*. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902 (далее — *Ш. Сеньобос*. Исторический метод...), стр. 15. Их точка зрения была принята рядом русских источниковедов (см., например, вступительную лекцию В. К. Писковского «О предмете, методах и задачах науки всеобщей истории» (Казань, 1906, стр. 8—9). Краткий перечень источников без попытки хоть как-то сгруппировать их мы находим в статье П. В. Голубовского «Материалы русской истории и отношение к ним в разное время». — «Исторический вестник», 1902, № 12 (далее — *П. В. Голубовский*. Материалы...), стр. 1007—1011. Схему деления источников на истории древнего мира см. также: *В. П. Бузескул*. Введение в историю Греции. Харьков, 1903, стр. 2—295. Хотя она и встретила возражения рецензента этих лекций А. И. Покровского («Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Пекине», т. 21. Пекин, 1904, стр. 15—21), В. П. Бузескул в дальнейших изданиях книги свою схему не изменял. С. А. Жебелев, рецензируя второе издание, против этой схемы не возражал («Сборник отчетов о премиях и наградах за 1907 г. Премия имени графа Д. А. Толстого». СПб., 1908, стр. 159—167), а рецензент третьего издания В. Ф. Смолин прямо написал, что схема В. П. Бузескула «значительно целесообразнее, чем та, которая принята во многих немецких учебниках» («Вестник воспитания и образования». Казань, 1916, № 3—4, стр. 2).

²⁵ *Н. П. Загоскин*. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т. I. Введение. Наука истории русского права. Формация народа и государства. Казань, 1899, стр. 130—131.

Работа Н. П. Загоскина как бы завершает собою усилия историков XIX в. в области деления источников. Работы, появившиеся в начале XX в., существенно отличаются своим стремлением найти новые основания деления.

Н. И. Карсеев в работе «Теория исторического знания» приходит к выводу, что историческая наука до сих пор не выработала точного принципа разделения (*principium divisionis*), на основе которого можно было бы делить источники. Он оговаривается поэтому, что резких, непреходимых граней между различными группами источников нет.

Н. И. Карсеев присоединяется к точке зрения немецких источниковедов и делит источники на остатки и традицию (свидетельства). К первым он относит все вещественные источники, остатки зданий, сооружения и те из памятников письменности, которые создавались «для удовлетворения непосредственных жизненных нужд, для достижения чисто практических целей, а не ради увековечения в памяти любознательного потомства каких-либо событий». Это «деловые бумаги, акты, грамоты, документы, приказы, рапорты, протоколы, судебные приговоры, прошения, всякие податные списки, счета, описи, прихода-расходные книги, всякие письма к родным, к друзьям, к знакомым, всякие манифесты, прокламации, воззвания, программы политических партий, публицистические статьи, политические брошюры, всякие рекламы, объявления, театральные афиши, торговые вывески, товарные этикетки — все это и бесчисленное множество разных других памятников».

Н. И. Карсеев считает, что деление источников на остатки и традицию имеет большое значение для определения приемов изучения источников: для свидетельств о прошлых фактах (традиция) главный вопрос заключается в том, насколько они достоверны, для остатков же основной вопрос — насколько они подлинны.

Карсеев особо отмечает значение словесных источников для историка, как устных (рассказы, саги, сказания, анекдоты, пословицы, песни, т. е. вообще фольклор), так и письменных. Особые источники, не словесные, но и не совсем немые, — всякого рода изображения (статуи, бюсты, барельефы, картины, рисунки, чертежи, планы, карты и т. п.).

К традиции (или «свидетельствам») Н. И. Карсеев относит те источники, которые создавались с целью «служить сохранению в памяти и передаче потомству фактов прошлой жизни»²⁶. Это анналы (летописи), хроники, хронографы, мемуары, воспомина-

²⁶ *Н. И. Карсеев*. Теория исторического знания (далее — *Н. И. Карсеев*. Теория...), СПб., 1913, стр. 94—95, 99. См. также второе издание его работы, вышедшее в 1916 г. под названием «Историка»; о делении источников см. стр. 47—66 — текст по сравнению с первым изданием не изменен.

ния, автобиографии, дневники, жизнеописания, биографии, жития святых.

Предложенная Н. И. Кареевым система деления источников не отличается новизной. Он заимствовал ее у западноевропейских источниковедов. Его попытки наполнить схему живым содержанием на основе русского материала не всегда удачны. Сравни, например, большой перечень различных источников, подводимых им под понятие «остатков»! Само собой разумеется, что и к группе «традиция» не все разновидности источников безоговорочно могут быть отнесены: автобиографии и дневники, например, могли создаваться вовсе не с целью передачи потомству фактов прошлой жизни, а и для достижения чисто практических целей.

Отличительная черта работы Н. И. Кареева в ясности и простоте изложения вопроса, в живости подачи материала, в стремлении популяризировать изложение материала с целью большей его доступности²⁷.

Новый период в разработке деления источников в буржуазном источниковедении начинается с известного труда А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», в котором он дал наиболее продуманную и теоретически обоснованную систему деления источников. Не касаясь общей оценки его труда²⁸, остановимся более подробно на интересующем нас вопросе, которому автор посвятил целую главу книги.

А. С. Лаппо-Данилевский прежде всего подчеркнул, что можно делить источники с самых разных точек зрения, в зависимости от целей исследования. Самой общей такой целью он считает оценку исторических памятников с точки зрения их источниковедческой ценности. Такая их ценность, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, зависит от того, изображает источник исторический факт, т. е. рассказывает о нем, описывает и т. д., или же обозначает его, т. е. сам является частью исторического события или факта, остатком от него. Поэтому автор и делит все источники на две большие группы: изображающие источники и источники, обозначающие факт. В сущности, это деление, как

замечает и сам А. С. Лаппо-Данилевский, совпадает с делением источников на вещественные и письменные, хотя и имеет, как мы видим, совсем иное теоретическое обоснование. Устанавливая это общее деление, автор отмечает, что бывают, конечно, и такие источники, которые одновременно и обозначают исторический факт и изображают его.

Следовательно, с источниковедческой точки зрения, по степени близости историка к познанию исторического факта источники делятся на отражающие факт (остатки культуры) и изображающие факт (исторические предания). Один и тот же источник, по А. С. Лаппо-Данилевскому, может рассматриваться и как остаток и как предание, а целая группа источников, такие, как, например, прозвища царей и других лиц, монументы или медали в честь деятелей и событий, описания торжеств и т. д., являются источниками смешанными — и остатками и преданиями одновременно.

Понятно, что и остаток культуры, и историческое предание могут содержать в себе разное количество данных для характеристики исторического факта. Поэтому все остатки культуры А. С. Лаппо-Данилевский делит на: 1) воспроизведения, например, язык, нравы, обычаи, учреждения, т. е. все то, что было раньше и может в известной степени повторяться, воспроизводиться вновь, 2) пережитки, например, некоторые элементы языка, разные игры, обряды, нравы, учреждения, т. е. все то, что хотя и живет в настоящее время, но не соответствует в полной мере прошлому, и 3) произведения культуры, например, предметы древности, произведения литературы, документы и т. д.

Исторические предания А. С. Лаппо-Данилевский делит на: 1) чистые, т. е. основанные на личном восприятии — рисунки и рассказы очевидца, мемуары, надписи, отчасти былины, сказания и т. д. и 2) смешанные, т. е. основанные на опосредствованном восприятии — жития, биографии, сказания, летописи. Чистые предания, в свою очередь, делятся на описательные (анналы, дневники) и оценочные (мемуары, сказания). Смешанные предания делятся на производные и составные. Деление по форме изображения (устные, письменные, образные) автор считает излишним, так как источниковедческая сущность источника таким делением не подчеркивается и не выявляется.

А. С. Лаппо-Данилевский дает и другую возможную систему деления источников — по содержанию — и делит источники, исходя из этого принципа, на источники с фактическим и с нормативным содержанием. Первая группа состоит из источников с идейным содержанием (предметы культа, произведения прозаической и поэтической литературы) и с бытовым содержанием (предметы житейской техники, деловые бумаги и т. д.). Последние делятся на источники частного быта и государственного быта.

²⁷ Вышедшие в этом же году «Лекции по методологии и философии истории» М. М. Хвостова (Казань, 1913) в вопросе деления источников также целиком основываются на взглядах Бернгейма (стр. 94—96). Правда, в курсе, посвященном истории Греции, автор придерживается иной системы, и источники по греческой истории он делит на: I. Язык. II. Вещественные данные (1. Утварь, оружие, орудия, одежда. 2. Остатки построек. 3. Гробницы. 4. Монеты. 5. Памятники искусства). III. Переживания. IV. Народные предания, народная поэзия. V. Письменные источники (1. Надписи. 2. Папирусы. 3. Остраки. 4. Сочинения историков) (М. М. Хвостов. История Греции. Изд. 2-е. Казань, 1915 (на переплете книги: Казань, 1917), стр. 1—20).

²⁸ Об этом см.: Л. В. Черепнин. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — «Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 30—51; С. М. Каштанов. Источниковедение. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 576—577.

Источники с нормативным содержанием состоят из чисто нормативных (трактаты по логике, система законодательства, моральное учение) и утилитарно нормативных (правила техники, правила стихосложения, памятники обрядового характера, обычного права, юридические акты, памятники законодательства и т. д.)²⁹.

При выходе в свет книги А. С. Лаппо-Данилевского его система деления источников возражений не встретила³⁰. Впервые идеалистический смысл взглядов А. С. Лаппо-Данилевского и его принадлежность к неокантианской школе философов показал Л. В. Черепнин; он отметил, что критерием деления у Лаппо-Данилевского служит «фактор человеческой психики». Особенно порочна попытка А. С. Лаппо-Данилевского фетишизировать абстрактную «норму» как правило человеческого поведения и в связи с этим группу источников с нормативным содержанием. Кроме того, следует отметить большую условность всех группировок в схеме А. С. Лаппо-Данилевского и трудность, а зачастую и невозможность отнесения того или иного источника к той или иной группе. Как, например, отделить чисто нормативные источники от утилитарно нормативных? Где грань, отделяющая источники с идейным содержанием от источников с бытовым содержанием? Как отделить документы частного быта от быта государственного? Еще более сложно отделить «воспроизведения» от «пережитков», особенно в языке и в бытовых обычаях и правах, ибо даже у специалистов — этнографов и лингвистов — нет единства во взглядах, является ли то или иное явление пережитком или же оно бытует как живое, развивается и порождает себе подобные. Также условно деление исторических преданий на чистые и смешанные и т. д. Неокантианская философская система, лежащая в основе «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, не позволила ему найти верные критерии в вопросе деления источников³¹.

К каким же выводам можно прийти в результате изучения историографии данного вопроса в русской науке XIX—XX вв.?

Русская историческая наука уделяла значительное внимание

вопросу группировки и анализа источников. Первые системы деления источников появились в русской науке в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в.

В дальнейшем русские историки, творчески осваивая достижения зарубежного источниковедения, достигли серьезных результатов в изучении этого вопроса и оставили нам интересные образцы анализа отдельных источников.

Однако идеалистическая сущность русской буржуазной исторической науки вообще и источниковедения в особенности отрицательно сказалась на вопросах деления источников. Одна часть историков присоединилась к западноевропейским идеалистическим системам деления, другая отказалась вообще от теоретического решения этого вопроса, ограничившись разработкой систем деления в учебно-прикладных целях. Немногие оригинальные системы, например А. С. Лаппо-Данилевского, также были идеалистические в своей основе и не могли дать правильного решения этой сложной теоретической проблемы. Кроме А. С. Лаппо-Данилевского, никто из русских источниковедов не попытался поставить вопроса о выборе необходимого основания для деления источников.

Основной заслугой русского буржуазного источниковедения был подробный источниковедческий анализ важнейших разновидностей источников, особенно таких, как летописи, хронографы, законодательные памятники, жития, акты и т. д., их публикация, приведение в известность громадного разнообразия исторического материала. Русское буржуазное источниковедение поставило вопрос о системе деления источников, а также попыталось систематизировать исторический материал. Однако научное материалистическое решение данного вопроса принадлежит советскому источниковедению.

Деление источников в советской исторической науке (1917—1975 гг.)

Вопросы деления источников в советской исторической науке занимают видное место; они нашли свое отражение как в специальных источниковедческих трудах, так и в монографиях и общих курсах. Советская историческая наука не сразу нашла новые пути в решении этого вопроса. Работы, выпавшие в первые годы Советской власти, еще не были свободны от влияния буржуазной историографии. Об этом свидетельствуют первые труды по источниковедению, изданные после 1917 г. Таково «Введение в историю» Л. П. Карсавина³².

²⁹ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории (далее — А. С. Лаппо-Данилевский. Методология...), вып. II. СПб., 1913, стр. 380—404.
³⁰ П. Д. Кондратьев. Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского. — «Историческое обозрение», т. 20. СПб., 1915, стр. 115.
³¹ В непосредственной зависимости от взглядов А. С. Лаппо-Данилевского стоит система деления источников В. М. Хвостова (В. М. Хвостов. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций (далее — В. М. Хвостов. Теория...). Изд. 2-е. М., 1914, стр. 295—297). У автора нет четкого критерия для отнесения того или иного источника к традиции или остаткам, ряд источников, например надписи, он помещает и в ту и в другую группу, перечень отдельных видов исторических источников в различных группах неполон и в ряде случаев произволен и т. д. В первом издании (В. М. Хвостов. Теория исторического процесса. Курс лекций. М., 1910, стр. 237) о делении источников автор не говорит совсем, отсылая читателей к работам Бернгейма, Моно и Сеньобоса.

³² Оценку его труда см.: С. Н. Быковский. Методика исторического исследования (далее — С. Н. Быковский. Методика...), Л., 1931, стр. 4; В. И. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века (Материалы), ч. 2. Л., 1931, стр. 89.

Свои теоретические позиции он изложил с достаточной определенностью. История есть *психически-социальное* развитие человечества; изучение исторического процесса возможно только путем *сопереживания*, *вживания*, *интуиции* — таковы откровенно идеалистические взгляды автора, примыкающего к неокантианской школе историков³³. Л. П. Карсавин дважды подчеркнул принципиальную невозможность классификации. «Нельзя классифицировать конкретные источники, — пишет он, — а только данные источников». Эти данные он делит на: 1) непосредственные отражения прошлого, 2) заявления автора источника, например законодательные акты, манифесты, договоры и т. п.; 3) сообщения автора источника о его наблюдениях, 4) сообщения его о наблюдениях других людей; 5) сообщения из вторых и третьих рук о событиях, современных автору; 6) такие же сообщения о прошлом.

Предложив этот принцип деления, Л. П. Карсавин ничем его не обосновал и не разъяснил, какие именно источники следует отнести к той или иной группе³⁴.

В книге «Древняя Греция» С. А. Жебелев целиком присоединился к точке зрения Бернгейма и лишь попытался конкретизировать понятие письменных свидетельств, да и то ошибочно отделил от литературных памятников произведения, «отражающие в себе современность, — речи, памфлеты, брошюры и т. д.», как будто остальные литературные произведения современности не отражают!³⁵

О. А. Добиаш-Рождественская в книге «Западная Европа в средние века» также исходит из идеалистической оценки истории («психический момент составляет центральный интерес объекта истории»), во многом совпадающей с точкой зрения Сеньбоса. Исторический источник ее интересует лишь постольку, поскольку за ним «стоит символически высказавшееся духовное существо автора — писателя, который сам воспринял след проходящей мимо него истории, — в свою очередь отображающейся в мысли и в воображении, т. е. в душе историка». Исходя из этого своеобразного «тройного психизма истории (в объекте, в восприятии и в реконструкции)», автор и делит источники на две большие группы: I. Вещественные остатки (немые памятники). II. Письменные памятники (символические следы). Никаких оценок принятому делению автор не дает, равно как и не стремится наполнить конкретным содержанием принятую схему³⁶.

Н. И. Карсев в книге «Западная Европа в новое время» говорит о неисчислимости первоисточников новейшей истории и о невозможности их деления³⁷.

Специальная источниковедческая работа, впервые более подробно касающаяся вопроса деления источников, — «Введение в русскую историю» В. И. Пичеты³⁸. Автор, характеризуя источники и историографию Северо-Восточной Руси, Белоруссии и Украины, дал следующую схему деления источников: I. Вещественные (предметы археологических раскопок, вещественные остатки). II. Устные (былины, сказки, исторические песни, поговорки, пословицы, различные поверья, народные легенды, стихи, частушки). III. Письменные (летописи, хронографы, акты публичного и гражданского права, мемуары, письма, политические сочинения, жития святых, эпитафический материал, документы по внешней политике, исторические печатные историко-литературные издания и сборники, записки иностранцев и т. д.).

Особую группу письменных источников составляют источники историко-юридические и финансово-экономические³⁹.

В. И. Пичета не дает никаких обоснований принятому им принципу деления источников. В ряде случаев он смешивает

³⁷ Н. И. Карсев. Западная Европа в новое время. Революция и Наполеоновская эпоха (далее — Н. И. Карсев. Западная Европа...), Пг., 1922, стр. 19. Вышедшие на немецком языке работы этого времени предлагали иные системы деления источников. Так, профессор Венского университета В. Бауер предложил делить письменные источники на относящиеся к практической жизни, к духовной жизни и к сфере воли (W. Bauer. Einführung in das Studium der Geschichte. Tübingen, 1921, S. 155). К. Бранди, наоборот, считает вполне допустимым деление источников на документальные и повествовательные (K. Brandi. Einführung in die Geschichtswissenschaft und ihre Probleme. — «Schule und Leben». Berlin, 1922, N 7, S. 15—17). К. Якоб присоединяется к этому же делению, хотя и дает ему иное обоснование. Он делит источники на те, которые при их возникновении были предназначены каким-либо способом сообщить грядущим потомкам о наиболее значительных исторических событиях ближайшего или отдаленного прошлого, и на непосредственных свидетелей исторических событий, иными словами — на преднамеренные и непреднамеренные в отношении истории (K. Jacob. Quellenkunde der deutschen Geschichte in Mittelalter (bis 1407), Bd. I. Auflage 3. Berlin, 1922, S. 7).

³⁸ В статье Г. Д. Алексеевой «Возникновение советской исторической науки» («История СССР», 1960, № 1, стр. 92—105) работа В. И. Пичеты упомянута, но никак не оценена.

³⁹ В. И. Пичета. Введение в русскую историю. (Источники и историография). М., 1922, стр. 5—6. (Изд. 2-е, М., 1923). Немецкие источниковедческие работы этого времени делили письменные источники по происхождению, содержанию или источниковедческой ценности (A. Feder. Lehrbuch der geschichtlichen Methode. Regensburg, 1924, S. 103—105) либо связывали это деление с понятиями «остатков» (граммоты и акты) и «традиции» (повествовательные источники) (A. Meister. Grundzüge der historischen Methode — «Grundriß der Geschichtswissenschaft. Zur Einführung in das Studium der deutschen Geschichte des Mittelalters und der Neuzeit», Bd. I, Abt. 6. Leipzig und Berlin, 1923, S. 9—11. Характеристику книг Федера и Майстера см.: С. Н. Валк. Из «Введений в историю». — «Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 224—226.

³³ Л. П. Карсавин. Введение в историю (теория истории). Пг., 1920, стр. 12, 15, 29 и др.

³⁴ Там же, стр. 43—44. Критику идеалистических взглядов Л. П. Карсавина на источник см. также: О. Л. Вайнштейн. Становление советской исторической науки (20-е годы). — «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 35.

³⁵ С. А. Жебелев. Древняя Греция, ч. 1. Эллинизм. Пг., 1920, стр. 5—6.

³⁶ О. А. Добиаш-Рождественская. Западная Европа в средние века. Пг., 1920, стр. 7.

разные источники. Так, едва ли «различные поверья» можно отнести к устным источникам — это не фольклорный, а этнографический материал, вообще выпавший из поля зрения автора. Сомнительно помещение эпиграфического материала только в число письменных источников — он в равной степени относится и к источникам вещественным. Едва ли можно печатные историко-литературные труды и сборники приравнять к летописям, хронографам, актам и т. д. — это источники совершенно различного характера. Неясен принцип выделения в особую группу историко-юридических и финансово-экономических документов. Какие конкретно разновидности документов входят в эту группу?

Краткую систему деления источников, во многом напоминающую схему В. И. Пичеты, встречаем и в работе А. М. Большакова: I. Вещественные (памятники материальной культуры — орудия труда и пр., памятники духовной культуры — украшения, музыкальные инструменты и т. д.). II. Устные (произведения народной словесности — пословицы, сказки, поверья, былины и т. д.). III. Письменные (летописи, хронографы, документы из области права, жития святых, разного рода переписка, мемуары и пр.)⁴⁰. Как видно из этой схемы, А. М. Большаков повторил то, что было уже известно исторической науке⁴¹.

Учебником А. М. Большакова как бы завершается первый период в разработке проблемы деления источников в советской исторической науке⁴².

⁴⁰ А. М. Большаков. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924, стр. 292.

⁴¹ Нет системы деления источников и в обобщающем его труде по истории краеведения, хотя характеристика письменных источников там имеется: А. М. Большаков. Введение в краеведение. Л., 1929, стр. 61—108; он же. Лекции по русской истории. Введение в изучение истории. М.—Пг., 1923, стр. 150—187.

⁴² В статье С. Н. Валка «Об одной классификации историко-революционных документов» анализируется критерий достоверности как принцип деления письменных источников, а также рассматриваются теоретические вопросы деления архивных источников («Историко-революционный сборник», т. I. Л., 1924, стр. 237—247). В 20-е годы вышли работы В. А. Городцова, посвященные археологии в целом и специальному типологическому методу в археологии. В. А. Городцов — крупнейший специалист по «культурам эпохи бронзы в степной и лесной частях СССР; созданная им классификация культур и сейчас принята всеми учеными» (Д. Б. Шелов. В. А. Городцов. — СИЭ, т. 4. М., 1963, стр. 598). В. А. Городцов стремился создать систему деления вещественных источников на категории (по назначению вещей), группы (по их веществу), отделы (по формам, свойственным нескольким типам) и на типы (по форме, присущей одному типу) (В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период. М.—Л., 1923, стр. 21—30; он же. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927, стр. 6—9). С возражениями против стремления В. А. Городцова к типологической классификации выступил В. И. Равдоникс («За марксистскую историю материальной культуры». — Известия Государственной академии истории материальной культуры (далее — Известия ГАИМК), т. VII, вып. 3—4. Л., 1930, стр. 47—49). Однако о делении источников в целом в этих работах ничего не говорится.

На первом этапе (1917—1924 гг.) исследователи (Л. П. Карсавин, С. А. Жебелев, О. А. Добиаш-Рождественская, Н. И. Кареев, В. И. Пичета, А. М. Большаков) в вопросах деления исторических источников стояли еще на позициях русского буржуазного источниковедения. Авторы присоединились к системам деления, выработанным Бернгеймом или А. С. Лаппо-Данилевским; вопрос о принципах деления ими совсем не ставился.

В 1930 г. в Баку вышла в свет работа Г. П. Саара «Источники и методы исторического исследования», основанная на большом архивном материале и важнейших русских и зарубежных исследованиях. Автор четко и определенно признал принципиальную возможность деления источников по различным признакам — происхождению, содержанию, характеру, месту хранения и др. Г. П. Саар кратко, но точно охарактеризовал предшествовавшие схемы деления источников и дал их критическую оценку. В вопросе деления источников автор присоединился к точке зрения С. А. Жебелева, которая в свою очередь восходит к Бернгейму⁴³.

Г. П. Саар категорически отверг правомерность деления источников по месту хранения. Новым в его работе было стремление дать помимо деления также и тематическую группировку материала. Он сгруппировал письменные источники в три большие группы: 1) источники по истории государств и идеологий; 2) источники по истории экономического развития общества и 3) источники по истории революционного движения⁴⁴. Г. П. Саар хорошо почувствовал разнообразие источников в широком смысле этого слова, отнеся сюда данные археологии, языка, фольклора, этнографии и т. д., однако дать систему деления этих бесконечно многообразных источников он отказался.

С. Н. Быковский в своей книге «Методика исторического исследования» присоединяется к отделению от источников исторических исследований, хотя и признает, что резкой границы между ними нет. Все системы деления источников условны, говорит автор. Наиболее пригодной он считает деление источников на четыре группы: I. Устная традиция (легенда, сказание, предание, былина, сага, анекдот, пословица, заговор, прибаутка, сказка). II. Письменная традиция (летописи, хронографы, биографии, автобиографии, мемуары, дневники, политические сочинения, религиозные сочинения полемического характера, описания

⁴³ Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования (далее — Г. П. Саар. Источники...), Баку, 1930, стр. 21.

⁴⁴ Критику этой системы группировки материала см.: М. К. Макаров. О принципах классификации письменных источников. (Историкографический вопрос). — Труды Московского государственного историко-архивного института (далее — Труды МГИИ), т. 16. М., 1961, стр. 16—17. Репензент ошибочно полагает, что именно эту группировку материала Г. П. Саар и считал классификацией; на самом деле он ясно высказал свое согласие со схемой С. А. Жебелева (Г. П. Саар. Источники..., стр. 21).

путешествий, письма современников, жития святых, сказания иностранцев, юридические памятники, генеалогические таблицы, этнографический материал). III. Вещественные памятники (развалины городов, усыпальницы, дома, одежда, утварь и т. п.). IV. Пережитки (в обычаях, нравах, учреждениях и в живом разговорном языке)⁴⁵.

Дав более подробную систему деления юридических памятников, С. Н. Быковский оговорился, что каждая из групп может быть разбита на более мелкие и дробные группы, однако такое деление весьма условно и приблизительно.

Недостатки схемы С. Н. Быковского являются общими для всех работ того периода. Во-первых, он не дает теоретического обоснования принципа деления источников, заменяя его понятием «большей пригодности». Во-вторых, размещение различных источников в пределах одной группы дано им без всякой системы, выбор примеров случаен и исполон⁴⁶. Ряд источников (военные или финансово-экономические документы) бездоказательно отнесен им к группе юридических памятников.

С. Н. Быковский не сумел найти единого принципа и в делении письменных источников; наряду с группировкой по видам (летописи, хронографы, жития и т. д.), он применял группировку по содержанию (юридические памятники). Обращает на себя внимание отсутствие в схеме С. Н. Быковского лингвистического, нумизматического материала и памятников сфрагистики, некоторых разновидностей письменных источников и т. д.⁴⁷

⁴⁵ С. Н. Быковский. Методика..., стр. 32—42.

⁴⁶ Например, в перечне вещественных памятников наряду с усыпальницами помещены и надгробные плиты; есть одежда, утварь, но нет орудий труда и т. д.

⁴⁷ В своей статье «О предмете истории материальной культуры» С. Н. Быковский выступает против деления исторических наук по видам источников, полагая, что одни и те же типы, роды и виды источников могут служить различным целям исследования. О принципах деления самих источников автор не говорит совсем («Сообщения Государственной академии истории материальной культуры» (далее — «Сообщения ГАИМК»), 1932, № 1—2, стр. 3—6. О неприемлемости деления исторических наук по видам источников говорит С. Н. Быковский и в своей авторецензии на книгу «Методика исторического исследования» («Сообщения ГАИМК», 1931, № 11—12, стр. 72—80). В более поздней монографии С. Н. Быковский, однако, вновь склоняется к применявшемуся им делению источников на четыре «вида»: археологические вещественные памятники, этнографические материалы, лингвистические данные и письменные источники (С. Н. Быковский. Ленин и основные проблемы истории докалассового общества. М.—Л., 1935, стр. 163—165. Это же деление источников без какого-либо обоснования применяют Б. Д. Греков («Стенограммы I и II лекции по русской истории, читанные в вечернем ИКП истории в 1934—1935 гг.» М., 1935, стр. 4) и В. В. Бочкарев («Источниковедение». Программа — задания для заочных исторических отделений пединститутов. М., 1934, стр. 6); А. И. Гукоский, О. В. Трахтенберг. Очерк истории докапиталистического общества и происхождения капитализма. Под ред. П. И. Кушнера (Кнышева). М.—Л., 1931, стр. I—LXXIV.

После книг Г. П. Саара и С. Н. Быковского в 30-е годы не вышло серьезных исследовательских работ, затрагивающих вопросы деления источников. В 1939 г. был опубликован первый том учебника по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. под редакцией В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина, однако в вопрос деления источников этот учебник ничего нового не внес. Глава об источниках написана Ю. В. Готье. Он делит источники «по внешнему виду, содержанию и характеру». Ю. В. Готье не дает теоретического объяснения (и даже практического обоснования) принципу деления; в основу деления он одновременно кладет и форму источника («внешний вид»), и содержание, и расплывчатое понятие «характер». Весьма случаен перечень тех источников, которые составляют одну группу. При характеристике письменных источников Ю. В. Готье придерживается деления то по видам (летописи, хронографы), то по тематическим группам (источники по экономической истории)⁴⁸.

Итак, на втором историографическом этапе (1925—1940) советские историки, во-первых, высказались за возможность деления источников по разным признакам (Г. П. Саар), а во-вторых, начали применять тематическую группировку материала. Первые учебники по истории СССР для вузов ничего нового в деление источников не внесли.

В учебнике М. Н. Тихомирова источники делятся на: I. Вещественные (археологические, предметы быта, нумизматический материал, архитектурные памятники). II. Этнографические. III. Лингвистические (географическая номенклатура, разговорный и книжный язык). IV. Устные (устный рассказ, былины, песни, пословицы и т. д.). V. Письменные — 1. Памятники литературного характера (летописи, хроники, хронографы, жития, мемуары, памфлеты и т. д.); 2. Памятники актового характера (грамоты или акты, в широком смысле этого слова, законодательные па-

⁴⁸ «История СССР», т. I. М., 1939, стр. 15—18. Краткую схему деления источников мы находим и в учебнике В. И. Лебедева по истории СССР до XIX в. (М., 1939). Автор делит источники на вещественные, письменные и факты истории языка. В его системе деления отсутствует теоретическое обоснование деления, случаен и субъективен выбор примеров для конкретизации схемы; терминологически неверно устные источники называть «фактами истории языка» — под этим понимаются данные лингвистики, в то время как автором перечислены фольклорные жанры. А. В. Арциховский в своем курсе «Введение в археологию» (М., 1940) говорит о том, что «историческая наука имеет в своем распоряжении исторические источники двух родов: письменные и вещественные» (стр. 3). Из-за краткости высказывания трудно судить о причинах исключения устных, этнографических и т. д. памятников из числа источников. Вещественные и письменные источники упоминает И. Ф. Колесников в своей статье «Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы» (далее — И. Ф. Колесников. Вспомогательные исторические дисциплины...). — «Архивное дело», 1940, № 2, стр. 12.

мятники, письма, юридические документы и т. д.); к письменным источникам относятся и памятники эпиграфического характера⁴⁹.

Заслугой М. Н. Тихомирова является четкое деление источников в широком смысле этого слова. Правда, при группировке письменных источников им допущены неточности: вторая группа названа памятниками актового характера, хотя на самом деле речь идет о документальных источниках; ясно также, в чем различие законодательного памятника и юридического документа.

Безусловно важным является впервые примененный М. Н. Тихомировым хронологический принцип систематизации письменных источников. Он объединяет их в шесть больших групп — источники по древнейшей истории СССР, источники по истории Киевской Руси и т. д. Внутри этих хронологических групп источники систематизированы, но не по единому признаку, что снижает научное значение его системы. Так, в первом разделе дана систематизация источников по месту их происхождения (халдейские, греко-римские, византийские и т. д.), во втором — по разновидностям (летописи, Русская Правда и древнейшие грамоты, литературные памятники), в третьем — как по месту происхождения, так и по разновидностям и пр. Автор иногда искусственно выделяет отдельные группы документов, например, отделяет акты от юридических памятников. Спорным представляется выделение в особую разновидность архивов провинциальных учреждений и т. д.⁵⁰ Автор не дал теоретического обоснования принятого им принципа деления⁵¹.

⁴⁹ М. Н. Тихомиров. *Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.* Курс источниковедения истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 6—12. На эти же пять типов делит все источники и «Программа по источниковедению истории СССР для исторических факультетов государственных университетов», составленная Г. А. Повицким, А. М. Панфиловой и др. М., 1963, стр. 1; см. также: А. П. Пронштейн, А. Г. Задёра. Практикум по истории СССР. Учебное пособие для студентов-заочников исторических отделений университетов и пединститутов (далее — А. П. Пронштейн, А. Г. Задёра. Практикум...). Изд. 2-е. Ростов-на-Дону, 1964, стр. 415; *они же*. Методика работы над историческими источниками. Методическое пособие для студентов заочных и вечерних отделений исторических факультетов государственных университетов (далее — А. П. Пронштейн, А. Г. Задёра. Методика работы...). М., 1964, стр. 4; А. П. Игнатенко. Введение в историю БССР. Периодизация, источники, историография. Минск, 1965, стр. 6.

⁵⁰ О системе деления источников М. Н. Тихомирова см. в рецензиях В. И. Пичеты и К. В. Базилевича («Исторический журнал», 1941, № 4, стр. 123—127; «Политическая и социально-экономическая литература», 1941, № 7, стр. 36—42). См. также: В. И. Пичета. Необходимое дополнение к курсу истории. — «Учительская газета», 1941, № 15, стр. 2. Деления на литературные и административные письменные источники придерживается австрийский источниковед О. Штольц в своей статье, посвященной систематизации исторических источников (O. Stolz. Zur Systematik der Geschichtsquellen. — «Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung», Bd. 52, Heft 2—3. Innsbruck, 1938 (далее — O. Stolz. Zur Systematik...), S. 125—126).

⁵¹ Необходимо также иметь в виду, что автор не занимался проблемой деления источников специально, он создавал учебное пособие, был связан

Новые работы в области деления источников появились лишь после Великой Отечественной войны в связи с разработкой программы курса «Источниковедение истории СССР» для Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ). Кафедра вспомогательных исторических дисциплин этого института решила делить источники, основываясь только на их содержании, и разделила их на три группы: «источники, характеризующие: а) социально-экономическую историю, б) историю внутренней и внешней политики, в) историю общественно-политической мысли и культуры»⁵².

Если следовать этой системе, то источники сложные, комплексного характера — такие, как летописи, Русская Правда и т. д., должны быть помещены не в одной, а в нескольких рубриках, ибо в летописях, например, мы найдем материал и по социально-экономической истории, и по истории внутренней и внешней политики, и по истории общественно-политической мысли и культуры. Совершенно очевидно, что в прикладных, учебных целях эта система деления неприемлема, ибо одна из самых важных задач курса — обучить студента выявлять и анализировать основные виды источников — получала весьма слабое отражение⁵³.

Л. В. Черепнин, анализируя русские феодальные архивы XIV—XV вв., попытался рассматривать актовый материал вначале как источник по истории политических отношений (документы из княжеских архивов), а затем как источник по истории социально-экономических отношений (документы из церковных и частных архивов)⁵⁴, однако это деление актового материала было у него лишь формой систематизации источников в процессе их изучения и анализа. Сам Л. В. Черепнин подчеркивал большое значение грамот из княжеских архивов для изучения не только политических, но и социально-экономических отношений⁵⁵.

системой периодизации учебника по истории СССР, его работа была первым опытом в этой области. Не придерживается единого принципа в делении письменных источников и автор II тома курса источниковедения истории СССР С. А. Пикетин. Наряду с делением по разновидностям (мемуары, дневники, письма и т. д.) он выделяет такие группы документов, как «документы государственных и частных архивов», «памятники общественно-политической жизни» и пр. Схема деления источников М. Н. Тихомирова полностью воспроизведена в работе: В. В. Лангев. Введение в курс истории СССР (далее — В. В. Лангев. Введение...), Л., 1960, стр. 48—49.

⁵² Программа курса «Источниковедение истории СССР». М., 1950, стр. 1 (рукопись). Хранится на кафедре источниковедения МГИАИ.

⁵³ Критику этой классификации см. в статье В. К. Ягунского «К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР» («Труды МГИАИ», т. XI. М., 1958, стр. 133—139).

⁵⁴ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1—2. М., 1948—1951.

⁵⁵ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв.». Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1950, стр. 3.

Выведенная А. А. Зимин проблема деления источников по содержанию заключенных в них сведений осталась пока гипотезой. Для ее доказательства, видимо, требуются дополнительные исследования как в теоретическом плане, так и особенно в области практической, т. е. создание практической схемы деления по содержанию, которая удовлетворяла бы основным требованиям логики построения системы⁵⁶.

По-иному вопрос деления источников был рассмотрен в 1954 г. в другом проекте программы курса «Источниковедение истории СССР», составленном кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. Согласно этому проекту программы все источники делятся на шесть групп: письменные, вещественные, этнографические, устные, лингвистические, кинофотофонодокументы. Основное внимание проекта программы совершенно справедливо было уделено письменным источникам, которые делились по хронологическому признаку, а внутри — преимущественно по видовому. Авторы правильно выделили четыре эпохи (первобытнообщинный строй, феодализм, капитализм и советский период), эпоху феодализма разделили на пять периодов, капитализма — на два периода; количество групп внутри каждого периода различное в зависимости от количества и многообразия дошедших до нас источников.

Впервые в советском источниковедении была создана схема деления источников, которая наглядно показывала связь источника с породившей его эпохой, длительность существования отдельных видов документов, время их возникновения и исчезновения, изменяемость названия, место и значение тех или иных разновидностей в различные периоды истории и т. д.

Эта система деления источников не лишена и недостатков. Наряду с выделением по видовому признаку существует группировка по происхождению и тематическая группировка. Различные виды источников остались за рамками системы деления — жития святых, делопроизводственные материалы и проч. Произведения литературы как источник фигурируют только до XVII в. Разве «Былое и думы» Герцена, например, не исторический источник XIX в.? Не во всех частях система деления разработана одинаково подробно. Судя по ней, самый богатый источниками период рус-

ской истории — это XV—XVII вв. (15 видов), что, конечно, не соответствует действительности: известно, что количество источников в новое и особенно в новейшее время растет непрерывно и в количественном отношении и в терминологическом⁵⁷.

Третий историографический этап (1940—1956) ознаменовался выходом в свет первого учебника по источниковедению истории СССР, в котором было дано деление источников на пять типов, надолго вошедшее в практику преподавания источниковедения в вузах (М. Н. Тихомиров). Удачным следует признать хронологический принцип систематизации письменных источников, также впервые предложенный М. Н. Тихомировым. А. А. Зимин предложил новую систему деления источников, основанную на содержании заключенных в них сведений, однако эта система не встретила поддержки. Наконец, кафедра вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ опубликовала проект программы курса «Источниковедение истории СССР», в котором впервые предложили выделить в особый тип кинофотофонодокументы.

XX съезд нашей партии и последующее за ним время знаменуют новый период в развитии советской науки, когда начавшаяся перестройка в идеологической работе и преподавании общественных дисциплин самым благотворным образом отразилась и на развитии советского источниковедения. Не случайно уже в 1957 г. вышло второе издание программы курса источниковедения под ред. А. Т. Николаевой. Программа вышла с некоторыми дополнениями и изменениями: были уточнены название периода XV—XVII вв., хронологические рамки периода капитализма и империализма, наименования отдельных видов источников, в раздел «Источники советской эпохи» добавлены новые разновидности источников. Однако основные принципы деления источников остались прежними⁵⁸.

⁵⁷ В 1955 г. вышло пособие А. Д. Люблинской «Источниковедение истории средних веков» (Л., 1955), в котором автор кратко касается вопроса деления источников. Разделив все источники на пять больших групп, она не выдержала единого принципа деления внутри каждой группы, одни и те же виды источников оказались в разных группах, неполные перечни отдельных видов источников и т. д. В методических указаниях для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов все источники разделены на шесть основных типов (С. И. Антонова, А. В. Муравьев, А. М. Панфилова. Источниковедение истории СССР. М., 1965, стр. 3).

⁵⁸ О данном издании программы см.: М. К. Макаров. О принципах классификации письменных источников, стр. 25—28. Автор неточно излагает хронологический принцип классификации программы, не учитывая деления источников по эпохам, а внутри их — по периодам. В том же году вышла монография Л. Г. Бескровного «Очерки по источниковедению военной истории России» (М., 1957). Автор делит все военно-исторические источники на вещественные, устные и письменные, а письменные в свою очередь на акты и литературные памятники (стр. 3). Исследование Л. Г. Бескровного носит конкретно-источниковедческий характер; вопросы теоретического источниковедения им вообще не затронуты, что, несомненно, отразилось и на его системе деления источников. В статье

⁵⁶ Л. В. Черепнин в статье «Источниковедение» в БСЭ поддержал точку зрения А. А. Зимина. В целом Л. В. Черепнин присоединился к схеме деления источников М. Н. Тихомирова, однако отметил, что письменные и печатные источники различаются по происхождению, содержанию и назначению (БСЭ, изд. 2-е, т. 19, М., 1953, стр. 45). Предложение А. А. Зимина и Л. В. Черепнина о возможности классификации актов как отражающего развитие производительных сил, производственных отношений и надстроечных явлений А. А. Введенский назвал «очень интересным», добавив при этом, что «к сожалению, оба автора не предложили конкретных путей и методов решения вопроса» (А. А. Введенский. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963, стр. 215).

Принявший участие в разработке этой программы В. К. Яцунский в статье «К вопросу о классификации письменных исторических источников» высказал несколько новых ценных соображений по поводу системы деления источников. Прежде всего следует отметить, что это первая научная статья в советском источниковедении, специально посвященная вопросам деления письменных источников. Автор, присоединяясь к системе деления М. Н. Тихомирова, утверждает, что классификация источников является необходимым предварительным приемом при изучении источников и что в ее основе должен лежать единый принцип (или основание) классификации. В качестве такого основания он избирает особенности в приемах анализа источников и на этой основе делит источники на виды, относя к каждому виду источники, требующие одинаковых или очень близких приемов анализа. Кроме того, вслед за М. Н. Тихомировым он считает возможным принять хронологическую систематизацию материала и давать для каждого исторического периода свой перечень видов источников.

Из приведенных В. К. Яцунским примеров видно, что он, найдя единый принцип систематизации (по приемам анализа источника), не всегда последовательно его применял. Так, переписку, дневники и мемуары он поместил в одну группу, хотя приемы изучения этих источников различны; создавая группу «военно-оперативных документов» или «судебно-следственных материалов», он не раскрыл, в чем специфика их анализа⁵⁹.

А. Грылева к числу источников военно-исторической науки отнесены письменные памятники, свидетельства участников событий (А. Грылев. О некоторых вопросах методологии военно-исторического исследования. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 7, стр. 8). Автор ничем не доказывает свою точку зрения, причины отбора именно этих типов источников не объясняет, его терминология подчас неточна (например, свидетельства участников событий. Что именно здесь подразумевается? В 1957 г. появилась первая попытка классификации исторических источников, разработанная польским источниковедом Г. Я. Лябудой, который в статье «Попытка новой систематики и новой интерпретации исторических источников» дал критику взглядов буржуазных историков и предложил свою классификационную схему. Лябуда делит источники по преобладанию в их содержании элементов физических (эрготехнические источники); психологических (психотехнические источники) и социальных (социотехнические источники); кроме того, Лябуда выделяет четвертую группу традиционных источников, непосредственно отражающих в себе совокупность всех вышеперечисленных элементов (G. Labuda. Próba nowej systematyki i nowej interpretacji źródeł historycznych. — «Studia źródłoznawcze», T. 1, 1957, str. 3—52). Критические отклики на предложенную им систему деления исторических источников см.: «Studia metodologiczne», 1968, № 4, str. 17—62; «Studia źródłoznawcze», 1971, t. XVI, str. 257.

⁵⁹ В. К. Яцунский. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР. — «Труды МГИИИ», т. XI. М., 1958, стр. 133—139. Правда, автор не рассматривает принятую им систему как законченную, признавая, что она потребует уточнения и расширения, но выбор данного основания деления, как полагает В. К. Яцунский, не должен вызывать сомнений.

В 1958 г. вышло изданное на ротапринте и потому не получившее широкого распространения учебное пособие для студентов МГИИИ А. Ц. Мерзона «Основные задачи критики исторических источников». Автор придерживается традиционного деления письменных источников на две большие группы — документальные и литературные памятники. К первой группе он относит акты, публичные и частные, законодательные и статистические источники, ко второй — хроники, летописи, дневники и пр. Схема его неполна, в ней нет, в частности, периодической печати, весьма общей является характеристика актового материала и т. д.

Работа В. И. Стрельского, посвященная источниковедению истории СССР периода империализма, охватывает весьма узкий хронологический период и дает развернутую систему деления источников применительно к этому периоду. Автор присоединяется к делению исторического материала на источники и пособия. Самым общим принципом деления источников периода империализма он считает классовый принцип и делит все источники на две большие группы: 1) документы и материалы, исходящие от организаций и лиц, выражающих прогрессивные тенденции общественного развития, и 2) документы и материалы учреждений и идеологов реакционных, гибнущих классов. Кроме того, В. И. Стрельский считает правомочным систематизировать источники по происхождению, по технике воспроизведения, форме, подлинности и т. д. Признает автор правильным также и деление всех письменных источников на актовые и нарративные; но отрицает он и точки зрения А. А. Зимина о делении источников по их содержанию, хотя и добавляет при этом, что его система деления должна сочетаться с делением источников по форме, по видам и т. д.

Признавая равноправными и возможными все принципы систематизации, В. И. Стрельский сам присоединяется к делению источников по видам и делит источники периода империализма на: 1. Труды классиков марксизма-ленинизма и материалы Коммунистической партии. 2. Актовый и архивный делопроизводственный материал. 3. Социально-экономическую статистику. 4. Законодательные материалы. 5. Мемуарную и эпистолярную литературу. 6. Периодическую прессу. 7. Памятники художественной, публицистической и научной мысли. 8. Описания географических экспедиций и путешествий⁶⁰.

В предложенной В. И. Стрельским системе деления источников видовой принцип деления не соблюден, ибо акты являются частью делопроизводственных документов, а у автора они выглядят как разные виды источников. Много спорного есть и в понимании Стрельским художественной литературы как источника, которую он практически приравнивает к мемуарной литературе. Едва ли

⁶⁰ В. И. Стрельский. Джерелознавство історії СРСР. Період імперіалізму (далее — В. И. Стрельский. Джерелознавство...), Київ, 1958, стор. 109.

правомерно выделение описаний экспедиций и путешествий в особую группу и т. д.⁶¹

И. Л. Шерман в монографии «Русские исторические источники X—XVIII вв.» признает деление всех источников на пять групп. Однако, перечисляя источники, входящие в эти группы, И. Л. Шерман ошибочно относит фольклор к числу этнографических источников, не учитывает группы кинофотофонодокументов, теоретическое обоснование системы деления источников замечает понятием «удобство изучения». Основное внимание автор правильно уделяет письменным источникам. Он делит их на две группы: «Первая группа включает акты или документальные материалы. Актовыми материалами называются те источники, которые отложились в процессе деятельности различных учреждений, организаций и официальных лиц, т. е. грамоты, уставы, договоры, официальная переписка, протоколы, циркуляры, финансово-хозяйственные книги и акты, статистические данные, приказы, распоряжения, сводки, обзоры, отчеты, доклады и т. д. Вторая группа источников — это источники повествовательные, литературные или частного характера. К ним относятся летописи, хронографы, мемуары, дневники, письма, политические, литературные, экономи-

ческие и философские произведения, различные частные записки и т. д.»⁶²

Работа И. Л. Шермана, как это уже было отмечено в рецензии на эту книгу⁶³, страдает рядом неточностей и расплывчатостью формулировок. Это наглядно видно и из приведенной цитаты. Так, автор считает идентичными два понятия: «акты» и «документальные материалы», хотя на самом деле первое понятие уже второго. Определение актовых материалов дано И. Л. Шерманом не точно; в настоящее время понятие «акта» сформулировано гораздо определеннее⁶⁴. Вызывает недоумение то, что Шерман отнес к числу повествовательных источников «источники частного характера» — среди них могут быть как повествовательные, например, мемуары, так и документальные источники, например, частно-правовые грамоты. И. Л. Шерман смешал, следовательно, несколько принципов деления.

Рецензируя книгу И. Л. Шермана, А. Н. Мальцев категорически возразил против самой возможности деления письменных источников на документальные и повествовательные: «Стремление автора уложить в прокрустово ложе «двух основных групп» все многообразие источников не выдерживает критики. Куда же следует отнести «Русскую Правду», «Стоглав», «Домострой», писцовые и переписные книги, разрядные книги, географические и статистико-экономические описания, судебно-следственные материалы, прессу, картографические и другие источники? Ни в одну из названных групп они не подходят. Предложенное автором деление источников на две основные группы надуманно, не отражает всего многообразия источников и не может быть принято. В этом вопросе И. Л. Шерман некритически повторяет взгляды дореволюционной историографии»⁶⁵. Несмотря на правильность многих критических замечаний рецензента, нельзя не отметить, во-первых, что он сам не предложил никакого решения данного вопроса, ограничившись только критикой. Верно оценивая неточный и сумбурный перечень видов и разновидностей по обеим группам, который сделан И. Л. Шерманом, рецензент со своей стороны допускает ряд неточностей. Так, упоминаемые им писцовые, переписные, разрядные и другие книги и судебно-следственные материалы должны быть отнесены к числу делопроизводственных

⁶¹ В 1962 г. вышел перевод монографии В. И. Стрельского на русский язык, где автор уточняет некоторые формулировки и схемы, вводит деление источников на пять групп, отказывается от выделения путешествий в особую группу и т. д. (В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. — 1917 г. (далее — В. И. Стрельский. Источниковедение...). М., 1962). В коллективном учебном пособии «Вспомогательные исторические дисциплины» В. И. Стрельский повторил свои прежние высказывания о принципах деления источников. В связи с краткостью пособия автор не имел возможности конкретизировать или разъяснить свои высказывания (А. Введенский, В. Дядиченко, В. Стрельский. Допоміжні історичні дисципліни. Короткий курс. Київ, 1963, стор. 12). В вышедшей в это время в Париже коллективной монографии французских ученых «История и ее методы» хотя и употребляются термины «повествовательный источник» (sources narratives) и «документальный источник» (sources documentaire), тем не менее сама проблема подобного деления источников, равно как и на «намеренные» и «ненамеренные» или остатки и традиции, совершенно снимается. Авторы этой книги, особенно историк Р. Мариньяль в главе «Критика текстов», высказали много доводов против подобных принципов деления, однако взамен не предложили ничего («L'histoire et ses méthodes». Paris, 1961, p. 1351—1353). Отклики советских ученых на эту книгу см.: «Вопросы истории», 1964, № 7, стр. 159—162. См. также весьма обстоятельные и глубокие по критике статьи О. М. Медушевской: «Вопросы теории источниковедения в современной французской буржуазной историографии». — «Вопросы истории», 1964, № 8, стр. 77—88; «Вопросы источниковедения в издании «L'histoire et ses méthodes». — «Вопросы архивоведения», 1963, № 2, стр. 109—115; «Методика работы с историческим источником и современная французская историография». — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. II. М., 1965, стр. 137—147. См. также подробную, обстоятельную критическую рецензию французского историка Ш. Э. Перрена на этот коллективный труд в «Journal de savants», 1962, № 7—9, p. 142—155 и краткую хвалебную заметку в «American historical review», 1962, v. 67, N 3, p. 677.

⁶² И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, стр. 8. Классификация И. Л. Шермана была одобрена в рецензии Н. Павлюка «Ценное пособие по истории СССР», опубликованной в харьковской газете «Красное знамя» 11 ноября 1959 г.

⁶³ В. М. Кабузан, О. М. Медушевская, А. Т. Николаева. О новой книге по русскому источниковедению. (Итоги обсуждения на кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИИИ.) — «Исторический архив», 1961, № 1, стр. 158—161.

⁶⁴ С. М. Каштанов. Акты исторические. — СИЭ, т. I. М., 1961, стр. 313.

⁶⁵ А. Н. Мальцев. О книге И. Л. Шермана по русскому источниковедению периода феодализма. — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 3, стр. 205.

документов⁶⁶. По рецензент безусловно прав в том, что все-таки существуют письменные источники переходного характера, которые могут быть отнесены как к делопроизводственным, так и к повествовательным источникам. Однако наличие подобных источников еще не опорочивает самого принципа деления, ибо давно известно, что «чистых» источников нет. Возьмем летопись. Никто не сомневается в ее принадлежности к повествовательным источникам, но разве не связаны некоторые списки ее с деятельностью Посольского приказа? А какое количество повествовательного материала мы найдем в таком делопроизводственном источнике, как донесения русских послов!

Новое обоснование этому делению попытались дать в своей статье В. П. Данилов и С. И. Якубовская. Авторы присоединились к выработанному еще буржуазной наукой делению источников на остатки и традицию и причислили к остаткам «подлинные письменные документы, созданные непосредственно в процессе того исторического действия, которое исследуется историком (законодательные акты, ведомственные распоряжения и приказы, договоры, уставы, записи речей и выступлений, протоколы, переписка, различные хозяйственные акты и т. п.)», а к традиции — источники, передающие «историческое событие так, как оно отразилось в сознании современников. Это не сам факт, а его отражение в источнике (различного рода отчеты, корреспонденции в прессе, мемуары, книги и статьи публицистов, экономистов и т. п. в той мере, в какой они могут быть использованы как источник об описываемых в них фактах и т. д.)»⁶⁷. Авторы полагают, что в основе этого деления лежит «близость источника к отраженному в нем событию». Такая точка зрения неубедительна. Известны и летописи и дневники, которые велись буквально по следам описываемых в них событий.

Авторы отмечают, что к постоянному времени сложились две системы деления источников — по видам и по содержанию; однако обе вызывают у них возражение. Они считают, что нельзя создать систему деления, пригодную для всех случаев исторического исследования, необходимо лишь определить единые, основные принципы деления. Важным принципом они считают деление

источников на остатки и традицию, хотя и признают в полной мере всю условность этого разделения. Научная классификация источников, считают авторы, возможна только при одновременном учете их происхождения, содержания и формы⁶⁸.

Последняя точка зрения авторов вызывает самое решительное возражение, ибо деление по трем признакам одновременно противоречит прежде всего законам логики. Научная система деления, безусловно, должна строиться на одном принципе, и чем последовательнее и строже этот принцип будет проведен, тем точнее и определеннее будет сама система деления. Само собой разумеется, что последовательное деление по разным основаниям допустимо.

Авторы статьи касаются лишь попутно вопросов деления источников в связи с общими задачами источниковедения и изучения истории советского общества⁶⁹.

В 1961 г. вышло монографическое исследование В. И. Стрельского по теоретическому источниковедению. Автор делит все источники на пять традиционных типов; принципом такого деления он считает «способ передачи явлений прошлого», а целью — «удобство изучения». Переходя к делению письменных источников, автор прежде всего полагает, что нельзя отделять резкой гранью источник от пособия. Затем В. И. Стрельский кратко излагает свою точку зрения на деление источников периода империа-

⁶⁸ Деление источников на остатки и традицию Г. М. Иванов также определил как деление по степени близости источника к отраженному в нем событию; он признавал научное значение подобного деления, хотя вслед за В. П. Даниловым и С. И. Якубовской также подчеркнул его условность (Г. М. Иванов. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. — «Вопросы истории», 1962, № 12, стр. 28; *он же*. К вопросу о своеобразии исторического познания. — «Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева», т. 156. Серия историческая. Методологические и историографические вопросы исторической науки». Сб. статей. Томск, 1963, стр. 16).

⁶⁹ В октябре 1961 г. МГИИ и редакции журналов «Вопросы истории» и «Вопросы архивоведения» провели обсуждение этой статьи. В. П. Данилов во вступительном докладе снова подчеркнул, что ни один из существующих принципов деления источников неприемлем; Д. А. Чугаев счел возможным делить по видам и содержанию; В. А. Копдратьев — во видам и происхождению; А. Т. Николаева — по видам, а в пределах вида — по происхождению; О. М. Медушевская — по видам. Широкое обсуждение статьи с откликами четырех журналов свидетельствует о повышении интереса к вопросам деления источников, о попытках найти новое решение старых проблем («Обсуждение проблем советского источниковедения» — «Вопросы архивоведения», 1961, № 4, стр. 60—66; А. Т. Николаева. Совещание по вопросам источниковедения истории советского общества. — «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 162—164; Л. Б. Ястребов. Обсуждение проблем источниковедения истории СССР советского периода. — «История СССР», 1962, № 4, стр. 230—232; см. также: «Вопросы истории КПСС», 1961, № 6, стр. 231—232. Обстоятельный разбор некоторых положений этой статьи см.: М. П. Губенко, Б. Г. Литвак. Конкретное источниковедение истории советского общества. — «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 3—16).

⁶⁶ См. об этом, например, в работе В. И. Буганова «Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в.» М., 1962, стр. 3.

⁶⁷ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества. — «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 7. Этой же точки зрения придерживается и М. А. Варшавчик. Предмет и задачи источниковедения КПСС (Введение в историко-партийное источниковедение). М., 1967, стр. 12—13. В 1961 г. вышла в свет монография польского историка Е. Гедымина «Из логических проблем исторического анализа», в которой автор на конкретных примерах показал, как игнорирование логических и терминологических факторов отрицательно сказалось на классификационных схемах Бернгейма, Бауера, Лябуды и др. (J. Giedymin. Z. problemów logicznych analizy historycznej. — «Prace komisji filozoficznej», t. X, z. 3, Poznań, 1961, str. 6—27).

лизма, нашедшую свое выражение в уже разобранном выше его учебнике. Автор пишет: «Письменные источники делятся на: 1) актовый материал, исторические акты (исходящие из правительственных учреждений или от частных лиц), представляющие собой непосредственное свидетельство об историческом факте, событии, дате, т. е. являющиеся не рассказом, а выражением состояния известного факта, и 2) повествовательные, литературные памятники, являющиеся лишь опосредствованным отражением исторических фактов, событий, дат». Вслед за более подробным разъяснением относительно того, какие именно источники относятся к той или другой категории, автор добавляет: «Конечно, деление на подобные группы совершенно условно, так как, во-первых, различные вышеуказанные категории источников переплетаются между собой, а во-вторых, деление по этим признакам может уступить место делению материалов по содержанию, по отражению в них основных явлений общественной жизни: производительных сил и производственных отношений, истории общественной мысли и т. д.»⁷⁰

Собственно говоря, последняя оговорка автора лишает смысла вообще какое-либо деление письменных источников, раз оно произвольно может быть заменено другим. Но даже если признать, что деление источников на документальные и повествовательные и признается автором как одно из возможных, то и в этом случае вызывает возражение принятая им терминология. Неточно В. И. Стрельский обозначает первую группу как «актовый материал», ибо понятие «акта», как об этом говорилось уже выше, уже, чем «документ». Не все повествовательные памятники являются одновременно и литературными, что также не дает права употреблять эти термины как равнозначные. В то же время В. И. Стрельский совершенно справедливо указывает на то, что официальный характер документальных материалов отнюдь не гарантирует нас от неверной передачи факта, хотя и не отрицает большей субъективности отображения действительности в повествовательных источниках по сравнению с документальными.

Остается неясным, соглашается ли автор с делением по содержанию или он отвергает его. Излагая различные принципы деления, он не указывает ни на связь и соподчиненность между ними, ни на истинность или ложность исходных положений каждой схемы деления⁷¹.

⁷⁰ В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961, стр. 45—46. См. рецензию на эту книгу в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden, 1968, Heft 1, S. 150—151.

⁷¹ В рецензии В. А. Кондратьева на эту книгу правильно отмечается отсутствие в схеме деления В. И. Стрельского кинофотофонодокументов и картографических источников («Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 140). Критика схемы Стрельского дана в статье С. М. Каптанова и А. А. Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения» («Исторический архив», 1962, № 4, стр. 177—178).

Во втором издании своего учебного пособия М. Н. Тихомиров, развивая дальше вопросы деления письменных источников, попытался связать его с проблемой достоверности, в связи с чем весьма существенно изменил и саму терминологию. Так, сохраняя принятое им ранее деление на документальные и повествовательные источники, он пишет, что «подлинные акты, дошедшие до нашего времени (русские грамоты, украинские привилеи и т. д.), являются непосредственным отражением того или иного события, имея в силу этого особую достоверность»⁷². В связи с этим автор предложил документальные источники называть «историческими подлинниками», а повествовательные источники — «исторической традицией».

М. Н. Тихомиров прав, безусловно, в том, что это деление письменных источников связано с вопросом отражения действительности в источнике; однако сомнительным является его утверждение, что в силу этого документальные источники приобретают особую достоверность. Достоверность источника отнюдь не определяется его документальностью; мы знаем много случаев, когда повествовательные источники оказывались достовернее документальных. Весьма рискованно поэтому называть документальные источники «историческими подлинниками». В современном русском литературном языке слово «подлинник» употребляется в четырех значениях: 1) подлинная вещь, подлинное лицо, служащее образцом, натурой для воспроизведения, изображения; 2) первоначальная авторская рукопись произведения, документа в отличие от копии; 3) полный авторский текст произведения в отличие от перевода, изложения, переработки; 4) сборник образцовых рисунков или стандартных наставлений, которыми пользовались художники-иконописцы при изображении того или иного святого, религиозного сюжета и т. п.⁷³ В каком же значении употребляет этот термин М. Н. Тихомиров? Если документальные источники — это подлинники, то все повествовательные становятся копиями и переработками? Конечно, мы знаем случаи, когда летописи, мемуары, обзоры и т. д. перерабатывали документальные источники, но нет никакого сомнения в том, что во многих случаях повествовательные источники непосредственно отображали и воплотили в себе историческую действительность и являются подлинными историческими источниками.

⁷² М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М., 1962, стр. 7. В 1962 г. на украинском языке вышла в свет брошюра А. А. Введенского и Л. Г. Мельника «Предмет, метод и задачи исторической науки». Авторы, никак не мотивируя, делят источники на пять групп: вещественные, картографические, лингвистические, устные и письменные. Последние в свою очередь подразделяются по принципу происхождения и назначения (А. О. Введенский, Л. Г. Мельник. Предмет, метод и задания исторической науки. Київ, 1962, стор. 10).

⁷³ «Словарь современного русского литературного языка», т. 10, М.—Л., 1960, стб. 436—437.

Употребление термина «подлинник» всегда вызывает у историков представление о том, что существует еще и копия (в лучшем случае!), переработка и даже подделка, фальсификация. Да и есть ли такая необходимость осложнять привычное, традиционное употребление этого термина в источниковедении?⁷⁴

Что касается деления всех исторических источников, а не только письменных, то во втором издании учебника М. Н. Тихомиров к характеристике пяти основных «видов» источников, о которых он говорил еще в первом издании, добавляет, что развитие техники привело к появлению новых источников — кинофотофонодокументов. Сохраняя хронологический принцип систематизации, автор значительно его уточняет, однако не везде строго его придерживается. Внутри больших хронологических разделов, как и раньше, нет единого принципа систематизации. Преобладает видовой, но встречаются и группировки по месту хранения, содержанию, географическому признаку и т. д. Как и в первом издании, автор не дал теоретического обоснования избранной им системы деления источников.

Имеет значение для рассматриваемой нами темы и дискуссия, открывшаяся по статье Р. С. Мнухиной, посвященной источниковедению новой истории. Автор делится своим опытом преподавания курса источниковедения новой истории на истфаке ЛГУ в 1959/60 учебном году. Курс, как говорит автор, построен на принципе видового анализа источников. Автор выделяет следующие группы: 1. Труды классиков марксизма-ленинизма. 2. Архивные документы и материалы. 3. Публикация архивных документов как исторический источник. 4. Зарубежная статистика. 5. Периодическая печать. 6. Мемуары⁷⁵.

⁷⁴ М. К. Макаров, критикуя деление письменных памятников на литературные (повествовательные) и актовые (деловые, канцелярские), утверждает, что «трудно найти точную границу между этими двумя группами» (М. К. Макаров. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР. — «Труды МГИАИ», т. 17. М., 1963, стр. 7). Термин «исторический подлинник» он не употребляет; наоборот, он говорит, что, не проводя этой границы, «трудно утверждать, что повествовательные памятники менее достоверны, деловые (канцелярские, актовые) — более». Не употребляет этого термина и один из опытейших советских источниковедов А. А. Введенский в своих «Лекциях по документальному источниковедению истории СССР (дипломатика)». Киев, 1963. Правда, он не говорит прямо о делении письменных источников на документальные и повествовательные, однако, выделяя понятие «акта», говорит о «документах повествовательного типа» (стр. 4). Используя учебное пособие М. Н. Тихомирова, А. П. Пронштейн и А. Г. Задёра тем не менее не употребляют его терминологию, а продолжают говорить о «повествовательных и документальных материалах» (А. П. Пронштейн, А. Г. Задёра. Практикум..., стр. 415—427; они же. Методика работы, стр. 20—59). Деления на повествовательные и документальные материалы придерживается и С. И. Якубовская («Проблемы критического анализа источников советской эпохи и преодоление недостатков в области источниковедения». — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. I. М., 1963, стр. 147—148).

⁷⁵ Р. С. Мнухина. О преподавании источниковедения новой истории. —

В предложенной Р. С. Мнухиной схеме большое возражение вызывают вторая и третья группы (архивные документы, как неопубликованные, так и опубликованные), по сути дела лишь указывающие на местонахождение целого комплекса источников самых различных видов; следовательно, видовой принцип деления источников автором не соблюден.

В откликах на эту статью авторы предложили иные системы деления источников, хотя самый принцип деления никем оспорен не был. И. В. Григорьева, например, делит все источники на: 1. Труды классиков марксизма-ленинизма. 2. Статистико-экономические материалы. 3. Акты государственного законодательства. 4. Парламентские дебаты. 5. Делопроизводственные документы. 6. Документы по истории международных отношений. 7. Партийные документы. 8. Периодическая печать. 9. Прокламации, листовки, памфлеты. 10. Мемуары и переписка⁷⁶.

В схеме И. В. Григорьевой шестая группа также включает в себя самые различные документы, о чем говорит и сам автор.

В. А. Дунаевский, критикуя схему Р. С. Мнухиной, высказывается за систему деления, близкую к схеме И. В. Григорьевой, считая необходимым дополнить ее картографическими материалами, фонофотодокументами и предметами изобразительных искусств⁷⁷. В. А. Дунаевский, безусловно, прав в своем требова-

«Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 127—132. В своем учебном пособии Р. С. Мнухина делит все источники также на шесть «групп» (вещественные, этнографические, лингвистические, устные памятники, кинофотофонодокументы и письменные источники), а письменные источники делит по видовому принципу: 1. Произведения классиков марксизма-ленинизма. 2. Документы и материалы революционных партий, национальных и международных центров рабочего движения. 3. Парламентские документы. 4. Законодательные источники. 5. Статистические источники. 6. Дипломатические документы. 7. Периодическая печать. 8. Публицистические произведения, листовки, воззвания, обращения. 9. Мемуарная литература. 10. Произведения художественной литературы и искусства. Как видно из этого перечня, видовой принцип автором не соблюден, так как вторая, пятая и седьмая группы образованы не по видовому, а по тематическому принципу (Р. С. Мнухина. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970, стр. 5—10). Предложенная Р. С. Мнухиной система деления источников получила положительную оценку в рецензии И. М. Кривогуза («Вопросы истории», 1972, № 4, стр. 160—163).

⁷⁶ И. В. Григорьева. О преподавании источниковедения. — «Новая и новейшая история», 1961, № 5, стр. 163—166. Точку зрения И. В. Григорьевой поддержал В. А. Якубский («О последовательном соблюдении „видового“ принципа в построении курса источниковедения». — Там же, 1962, № 5, стр. 98—101).

⁷⁷ В. А. Дунаевский. Некоторые особенности чтения курса «Источниковедение новой и новейшей истории». — «Новая и новейшая история», 1961, № 6, стр. 122—124. Т. Г. Солтановская и И. Я. Биск в своих откликах на статью Р. С. Мнухиной присоединяются к ее системе деления (Т. Г. Солтановская. Об источниковедении новейшей истории и изучении источников по отдельным темам. — Там же, 1962, № 1, стр. 135—136; И. Я. Биск. Некоторые замечания о курсе источниковедения. — Там же, стр. 137—138).

нии, по необходимо уточнить, что все предложенные им источники должны составить три отдельные группы, а к фотофонодокументам надо присоединить и кинодокументы.

С. О. Шмидт считает нужным дополнить этот перечень этнографическими источниками и памятниками художественной литературы⁷⁸.

Присоединяясь к видовому принципу деления источников, К. Д. Антадзе предлагает следующую систему деления: 1. Статистико-экономические материалы. 2. Документы партийных, профсоюзных организаций и монополистических объединений. 3. Акты государственного законодательства. 4. Записи парламентских дебатов. 5. Материалы документоведения государственных учреждений. 6. Архивы и порядок публикации исторических источников. 7. Дипломатические документы. 8. Военно-учебные и военно-оперативные документы. 9. Прокламации, листовки, памфлеты. 10. Периодическая печать. 11. Мемуары, дневники, переписка. 12. Научная литература. 13. Произведения художественной литературы⁷⁹.

Автор признает, что шестая группа выпадает из принятой им системы. Следует иметь в виду, что вторая и восьмая группы также включают в себя самые различные источники: принятый автором принцип деления не выдержан.

Подводя итоги обсуждения, редколлегия журнала присоединилась к видовому принципу деления письменных источников⁸⁰. Оценивая эту дискуссию, необходимо помнить, что она имела не столько теоретический, сколько методический характер; авторы больше говорили о преподавании курса источниковедения, чем о теоретических проблемах его; именно поэтому вопросы обоснования принципов деления не были затронуты.

В статье С. М. Каштанова и А. А. Курносова сделана попытка теоретического обоснования нового принципа деления источников и дана критика иных систем деления. Рецензенты указали на слабые стороны деления по содержанию и высказались за единый признак деления, а именно за деление по происхождению на том основании, что вид документа — категория вторичная, производная от породивших его отношений. Первичным они считают деление по происхождению, понимая под ним «сумму признаков, определяющих место источников в общественной жизни: их целевое назначение, авторство, обстоятельства появления»⁸¹.

⁷⁸ С. О. Шмидт. Вопросы преподавания источниковедения. — «Новая и новейшая история», 1962, № 4, стр. 112—119.

⁷⁹ К. Д. Антадзе. Из опыта преподавания источниковедения. — «Новая и новейшая история», 1963, № 2, стр. 133—134.

⁸⁰ «Об источниковедении новой и новейшей истории (к итогам обсуждения)». — «Новая и новейшая история», 1963, № 4, стр. 121—125.

⁸¹ С. М. Каштанов, А. А. Курносое. Некоторые вопросы теории источниковедения, стр. 178. В более поздней работе один из авторов, согласившись с тем, что эта формулировка «способствовала смешению принципов происхождения и содержания», предложил «измененное определение принципа происхождения: под происхождением понимается сумма признаков,

Исходя из принятого ими принципа, авторы делят все письменные источники на три группы: источники, возникшие в сфере социально-экономических отношений; в сфере социально-политической борьбы, общественной мысли и культуры; источники семейно-личного происхождения. Но предложенная авторами схема не дает возможности отнести к какой-либо одной группе источники комплексного характера. Русская Правда, например, возникла одновременно в сфере социально-экономических отношений и социально-политической борьбы. Ошибочно также отрывать социально-политические явления от социально-экономической борьбы: это две неразрывно между собой связанные стороны одного процесса. Выделение третьей группы в качестве особого раздела вызывает возражение. Источники личного происхождения, например письма, также могут относиться к сфере социально-экономических отношений (например, переписка между собой крупных монополистов), к сфере социально-политической борьбы (письма декабристов), общественной мысли и культуры (переписка А. М. Горького с писателями). При обсуждении этой статьи в Институте истории АН СССР точка зрения авторов не была поддержана⁸².

Рассматривая вопросы деления источников в советском источниковедении, нельзя не коснуться и дискуссии по вопросам источниковедения истории КПСС, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории КПСС». О делении источников по истории КПСС говорилось еще в статье И. С. Смирнова в 1956 г., в которой он предложил, в частности, все источники по истории КПСС разделить на две группы — вещественные и письменные. Письменные источники являются основными и делятся на: 1. Тексты программы и устава партии. 2. Материалы партийных съездов, конференций, пленумов ЦК. 3. Документы центральных партийных органов. 4. Труды и выступления руководителей партии. 5. Партийная печать. 6. Документы местных партийных органов и первичных партийных организаций. 7. Документы коммунистических фракций и групп во внепартийных организациях и учреждениях. 8. Советские государственные документы. 9. Статистические материалы. 10. Переписка деятелей партии. 11. Воспоминания деятелей партии⁸³.

ципа происхождения: под происхождением понимается сумма признаков, характеризующих конкретные условия и причины создания источника» (С. М. Каштанов. Предмет, задачи и методы дипломатики. — «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы». М., 1969, стр. 155).

⁸² С. М. Каштанов согласился с тем, что предложенную ими схему «можно считать „условной“, не применимой в ее абсолютизированном виде к источникам всех эпох и формаций», хотя и прибавил при этом, что «трудности реализации принципа классификации по происхождению еще никак не опровергают сам принцип» (С. М. Каштанов. Предмет, задачи и методы дипломатики, стр. 157).

⁸³ И. С. Смирнов. Об источниковедении истории КПСС. — «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 195.

Дискутируя с И. С. Смирновым, группа авторов выступила со статьей «О предмете источниковедения истории КПСС», в которой опротестовала включение в число источников по истории КПСС вещественных и устных памятников, ограничив себя лишь письменными источниками, в которых они выделили следующие виды: 1. Произведения классиков марксизма-ленинизма. 2. Партийные документы. 3. Произведения руководителей партии. 4. Партийная печать. 5. Воспоминания. 6. Документы советских государственных органов и общественных организаций. 7. Документы русского и международного рабочего и коммунистического движения. 8. Судебно-следственные материалы охраны и документы идейных противников марксизма. Помимо деления авторы дали предварительный обзор этих источников, наметив направление их источниковедческого анализа⁸⁴.

Открывая новую дискуссию по вопросам источниковедения истории КПСС, М. А. Варшавчик не согласился с этой точкой зрения и высказал совсем иную мысль, что все типы источников представляют интерес для истории КПСС, а важнейшими среди них являются письменные источники. В дальнейшем М. А. Варшавчик предложил свою систему деления письменных источников по истории КПСС, в основу которой положил деление источников «по видам с учетом происхождения и авторства источника» и выделил следующие девять групп источников: 1. Произведения основоположников марксизма-ленинизма. 2. Документы партийных органов и партийных организаций. 3. Документы советских и хозяйственных органов, профсоюзных, комсомольских и других массовых организаций трудящихся. 4. Произведения деятелей партии, личные документы. 5. Печать. 6. Мемуары. 7. Документы международного рабочего и коммунистического движения. 8. Художественная литература, кинофотофонодокументы, произведения искусства. 9. Документы органов власти, организаций и представителей эксплуататорских классов⁸⁵.

Как видно из этой схемы, М. А. Варшавчик не придерживается единого принципа деления: наряду с делением по видам существует группировка по происхождению. Неоправданным кажется объединение памятников искусства с художественной литературой, а тем более включение в эту же группу кинофотофонодокументов, зачастую не имеющих прямого отношения к искусству.

М. А. Пережогин и И. Ф. Угаров согласились с системой деления М. А. Варшавчика, однако сочли более целесообразным систематизировать источники по двум большим периодам в истории КПСС — дооктябрьскому и послеоктябрьскому. Авторы критически отнеслись к разделу «художественная литература и произ-

ведения искусства», отказавшись внести их в число источников по истории КПСС⁸⁶.

И. С. Смирнов в своей новой статье сохранил прежний принцип деления, но предложил выделить в качестве самостоятельных такие источники, как труды К. Маркса и Ф. Энгельса, труды В. И. Ленина, Программу и Устав КПСС, материалы партийных съездов и конференций, листовки, статистические материалы и т. д.⁸⁷ Дальнейшее уточнение этой схемы можно найти в статьях М. Н. Черноморского, З. В. Ждановской, С. О. Шмидта. Подводя итоги обсуждения, редколлегия журнала не оспорила системы деления источников, предложенной М. А. Варшавчиком, хотя и признала нужным внести в нее ряд дополнений и изменений⁸⁸.

Новый принцип деления источников предложила С. И. Якубовская. Она пишет: «Необходимо ввести деление источников на источники, современные событиям, и источники вторичного происхождения. Такое деление, думается, будет способствовать поднятию научного уровня наших исследований»⁸⁹. Заметив далее, что у нас нет точной системы деления источников, автор, однако, не разъяснила, как же именно нужно применять предложенный ею принцип деления и как будет выглядеть вся система деления источников в результате его применения.

Более глубокое изучение принципов деления источников побудило к опубликованию историографических работ в этой области. Касаясь историографии вопроса, М. С. Селезнев, правда,

⁸⁶ М. А. Пережогин, И. Ф. Угаров. О курсе источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 156—159.

⁸⁷ И. С. Смирнов. Большое и нужное дело. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 160—166.

⁸⁸ М. Н. Черноморский. О преподавании источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, стр. 164—167; З. В. Ждановская. Искать пути, проверять опыт. — Там же, 1962, № 6, стр. 167—172; С. О. Шмидт. К вопросу о преподавании источниковедения истории КПСС. — Там же, 1963, № 2, стр. 101—104; «К итогам обсуждения некоторых вопросов источниковедения истории КПСС». — Там же, 1963, № 5, стр. 101—105. Необходимо заметить, что значение этой дискуссии для теоретического источниковедения вообще и для проблемы деления источников в частности велико потому, что ее участники касались источниковедения самого последнего периода истории, основываясь на источниках новейшей истории СССР и КПСС, в то время как источниковедение истории СССР обычно оперировало источниками по более ранним периодам истории.

⁸⁹ С. И. Якубовская. Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период. — «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. Сборник статей по материалам сессии научного совета», М., 1962, стр. 195. Интересные мысли об особенностях деления источников по истории советского общества высказал А. И. Гуковский. Он полагает, что обычно при делении не учитываются и не раскрываются все особенности эпохи. Автор, однако, своих позитивных предложений по этому вопросу не высказывает (А. И. Гуковский. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины. — «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 49—62).

⁸⁴ З. В. Ждановская, А. Г. Маслова, А. И. Широков, А. Г. Шнынов. О предмете источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 89—100.

⁸⁵ М. А. Варшавчик. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 172.

выборочно и недостаточно полно и точно охарактеризовал предшествовавшие ему работы. В основу деления письменных источников периода социализма автор кладет одновременно три принципа деления: принцип историзма (хронологический), принцип партийности и видовой принцип, что нарушает требования логики деления⁹⁰. В рецензиях на эту работу точка зрения автора была подвергнута критике⁹¹.

В 1966 г. вышло первое в СССР учебное пособие для исторических факультетов вузов по источниковедению истории СССР советского периода. Его автор М. Н. Черноморский критически относится к делению источников на остатки и традицию, хотя и отмечает, что это деление принято рядом историков. Сам он склоняется к делению источников по формам отражения происходящих общественных явлений и, хотя и сознает условность подобного деления, выделяет следующие группы источников: 1. Вещественные. 2. Лингвистические. 3. Фольклор. 4. Кинофотофонодокументы. 5. Письменные источники. Далее автор кратко характеризует эти группы, указывая, что письменные источники в свою очередь делятся по видам⁹².

Следует высоко оценить попытку автора сформулировать новый принцип деления источников, положив в его основу самое важное и самое общее свойство источника — отображение в нем реальной действительности. Правда, сама формулировка этого принципа деления не совсем точна. Избрав нужный принцип деления, автор, однако, не сумел применить его в полной мере: выделив пять типов (по его терминологии, групп) источников. М. Н. Черноморский исключил из числа источников так называемые пережитки. В результате неоправданного исключения громадная область личного, семейного и общественного быта человека, современные обряды, пережитки прошлого в сознании человека и т. д. оказались вне поля зрения источниковеда⁹³.

⁹⁰ М. С. Селезнев. О классификации исторических источников в связи с построением курса источниковедения в вузах. — «Источниковедение истории советского общества». М., 1964, стр. 320—342.

⁹¹ Л. Н. Пушкарёв. Новое в отечественном источниковедении. — «Вопросы истории», 1965, № 10, стр. 143—144; он же. Начало, лежащее в продолжении. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 2, стр. 118—121; В. И. Буганов. — «История СССР», 1966, № 1, стр. 165. Ответ М. С. Селезнева на критику в его адрес см.: «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 194—195. См. также последнюю монографию М. С. Селезнева, затрагивающую вопросы классификации источников: М. С. Селезнев. Теория и методика советской историографии. М., 1974.

⁹² М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР (Советский период). М., 1966, стр. 5—11.

⁹³ Рецензент этой работы также отмечает, что «предлагаемая автором классификация источников, конечно, не исчерпывает их полностью», правда, добавляя при этом, что она «стройная и четкая» (Н. В. Цыганов. Цепное пособие для учителей истории. — «Вечерняя средняя школа», 1967, № 4, стр. 93). Несовершенство классификации (не соблюдение единый принцип деления) отмечается и в рецензии Л. Е. Анкудиновой и М. П. Прошниковой («Вестник ЛГУ», 1967, № 11, стр. 158—160). Гораздо

Приняв деление письменных источников по видам, автор не выдержал принятого принципа и наряду с делением по видам, например мемуары, допускает группировки по происхождению (документы КПСС), содержанию (материалы планирования народного хозяйства СССР) и т. д.

Весьма интересные мысли, касающиеся общих принципов деления источников, высказал М. А. Варшавчик в своем учебном пособии — введении в историко-партийное источниковедение. Автор различает классификацию и систематизацию источников, именую последнюю термином «группировка». М. А. Варшавчик критикует принятые до сих пор системы деления (по содержанию, происхождению, близости к отражаемым событиям и т. д.). Критически относится автор и к типологической системе классификации. В результате он приходит к мысли, что не может быть выработано классификации, основанной на одном принципе деления; для разных источников характерны различные черты, качества, свойства, которые и являются для них определяющими. Поэтому источники надо классифицировать и по их классовой направленности, и по видам, и по происхождению, и по авторству. Таким образом, автор склоняется к точке зрения В. И. Стрельского, также допускавшего множественность принципов классификации. Правда, автор оговаривается, что все высказанные им мысли касаются только историко-партийных источников, а не источников вообще⁹⁴. Учебное пособие М. А. Варшавчика — обобщающая работа, не только затрагивающая вопросы деления источников, но и предлагающая свое решение этого вопроса.

Из более частных работ, так или иначе касающихся проблемы деления источников, следует в первую очередь указать на теоретическую статью О. М. Медушевской. Анализируя развитие теории советского источниковедения, она специально рассмотрела, как именно делились источники в советском источниковедении, причем отметила плодотворность деления источников по общественно-экономическим формациям, подчеркнув принципиальное отличие деления по формациям от формально хронологического деления источников. Этот принцип деления автор, видимо, считает первичным, главным. Вторичным признаком деления автор считает видовой; он наиболее распространенный и утвердившийся в советском источниковедении. О. М. Медушевская резко критикует деление источников на остатки и традицию, хотя и признает при этом, что подобное деление, «пусть одностороннее, затронуло сложнейшую проблему отражения действительности

более высоко классификацию М. Н. Черноморского оценил В. В. Иванов: «Критерии классификации, приводимые в книге М. Н. Черноморского, представляются обоснованными» («Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 172—175).

⁹⁴ М. А. Варшавчик. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС (Введение в историко-партийное источниковедение). М., 1967, стр. 36—132.

в историческом источнике»⁹⁵. Мысли, высказанные О. М. Медушевской, — лишнее доказательство актуальности и недостаточной изученности проблемы деления источников в советской исторической науке.

Появились в последнее время и новые программы по источниковедению, среди которых необходимо особо отметить программу, составленную И. А. Булыгиным на основе курса теоретического источниковедения, прочитанного автором в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы⁹⁶. Следует отметить четкость формулировок в программе, продуманность терминологии, стройность построения курса. Касаясь деления источников, программа, к сожалению, ничего не говорит о выборе основания деления, а просто сообщает, что основные типы источников — письменные, вещественные, устные, этнографические, данные языка, изобразительные (кинофотодокументы), фонодокументы. Отделение кинофотодокументов от фонодокументов, безусловно, может быть объяснено и оправдано, хотя термин для кинофотодокументов — «изобразительные» — является, на наш взгляд, неудачным. Под изобразительными источниками мы привыкли традиционно понимать и миниатюры, и картины, и рисунки, и даже скульптуру, а не только кинофотодокументы. Далее И. А. Булыгин излагает деление письменных источников по видам, содержанию и происхождению и критикует деление источников на остатки и предания (традицию)⁹⁷.

Книга В. И. Стрельского «Теория и методика источниковедения истории СССР» в значительной части основана на предшествовавшей монографии автора «Основные принципы научной критики источников по истории СССР», но отнюдь не повторяет ее. Вопросам классификации письменных источников автор посвятил целый раздел (стр. 6—25), ибо вопрос этот, как это уже видно из проведенного разбора, важный, спорный и требует вдумчивого рассмотрения.

Перечислив ряд признаков, по которым можно делить источники, В. И. Стрельский пишет: «Вопросы классификации источ-

ников, установления границ между отдельными группами и категориями источников решаются прежде всего на основе выяснения классового происхождения и направленности источников, применительно к определенной эпохе и истории определенного народа»⁹⁸. Но как быть с теми источниками, которые не несут в себе элементов классовости? Многие источники — вещественные, этнографические, фольклорные, данные языка — возникли до разделения общества на классы, и классовый признак деления к ним применен быть не может.

Подробно излагая различные системы деления источников, В. И. Стрельский так и не сказал, какой же принцип деления он считает правильным. Он лишь заметил, что «все предложенные принципы, так же, как и принципы, предложенные автором этой книги, не являются универсальными и идеальными»⁹⁹. Однако это утверждение при всей его самокритичности не продвигает вперед решение данного вопроса. Думается, настала пора от констатации факта, что в настоящее время утвердились три принципа деления — по содержанию, происхождению и видам, — перейти к попыткам разобраться в этой спорной проблеме и дать решение. Такая попытка была сделана автором настоящей работы в 1969 г. в опубликованном автореферате докт. диссертации¹⁰⁰, но, конечно,

⁹⁵ О. М. Медушевская. Развитие теории советского источниковедения. — «Труды МГИАИ», т. 24. «Вопросы источниковедения истории СССР», вып. 2. М., 1966, стр. 15.

⁹⁶ И. А. Булыгин. Программа курса источниковедения для специальности истории. М., 1966 (роптапнт). См. также типографское издание программы: «Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Учебные программы для специальности история. Историко-филологический факультет». М., 1966, стр. 147—149.

⁹⁷ Развернувшаяся за последнее время критика деления источников на остатки и традицию не означает, что подобное деление не пользуется никаким признанием в советском источниковедении. Так, одна из последних программ по источниковедению новой и новейшей истории продолжает придерживаться этого деления источников (И. В. Григорьева. Источниковедение истории нового и новейшего времени. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов. М., 1966, стр. 4, 25).

⁹⁸ В. И. Стрельский. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968, стр. 63. Рецензию на эту книгу см.: «Studia metodologiczne», Poznań, 1970, N 7, стр. 179—184.

⁹⁹ В. И. Стрельский. Теория и методика источниковедения истории СССР, стр. 74. Новые взгляды на деление исторических источников были высказаны в это время польскими источниковедами. В. Мощеньска предложила деление на «источники, содержащие информацию в виде источниковедческих сведений, или источники, оперирующие словесным знаком, и на источники, которые такой информации не несут, то есть на остатки в узком смысле» (W. Moszczeńska. Metodologii historii zarys krytyczny. Warszawa, 1968, str. 91—92). Перед нами, следовательно, то же деление на остатки и традицию, но с иным логическим обоснованием. Е. Топольский также склонился к двучленному (дихотомическому) делению источников, причем первое деление — это деление источников на непосредственные (остатки) и опосредствованные (традиция), а второе — на письменные и вещественные (неписьменные). Заслугой Е. Топольского следует признать то, что он дал графическое воплощение своей классификации (J. Topolski. Metodologia historii. Warszawa, 1968, str. 271). Разбор взглядов польских источниковедов см.: М. Н. Терешко. Философские вопросы источниковедения в современной польской методологии истории. Автореферат канд. дисс. Томск, 1971; В. А. Дьяков. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, стр. 127—128; О. М. Медушевская. Польский источниковедческий ежегодник «Studia źródłoznawcze» (1957—1971). — «Вопросы истории», 1972, № 2, стр. 185—191.

¹⁰⁰ Л. Н. Пушкарев. Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории. Автореферат докт. дисс. М., 1969. О значении типологических классификаций в источниковедении см.: Т. Pawłowski. Pojęcia typologiczne w naukach historycznych. — «Studia metodologiczne». Poznań, 1967, № 3, str. 4. В 1969 г. вышла книга бельгийского историка и философа П. Сальмона «История и критика», в которой он делит исторические источники «по их происхождению» на намеренные, которые «корректировались» людьми в процессе их создания,

труды советских источниковедов, вышедшие в это время, не могли еще учесть результатов проделанной автором работы.

Вопросов деления источников бегло коснулся И. А. Федосов — автор введения к учебному пособию по источниковедению, подготовленному кафедрой истории СССР (периода капитализма) истфака МГУ. Автор весьма критически оценивает саму проблему деления и делает вывод: «Единой универсальной классификации источников нет и, очевидно, быть не может. Однако можно выделить ряд принципов, которые должны лежать в основе группировки источников и из которых необходимо исходить при их анализе». Далее Федосов перечисляет эти принципы (принцип историзма, тематический принцип, т. е. группировка источников исходя из их содержания, видовой принцип), а затем предлагает деление письменных источников на такие виды: 1. Социально-экономическая статистика. 2. Материалы законодательной деятельности правительства, материалы делопроизводства учреждений, организаций, предприятий. 3. Источники по внешнеполитической деятельности государственных учреждений. 4. Судебно-следственные материалы. 5. Периодическая печать. 6. Источники мемуарного и эпистолярного характера¹⁰¹.

Обращает на себя внимание смещение автором понятий «классификация» и «группировка» (или систематизация) — при всей их близости между ними существует принципиальное отличие. Предложенная И. А. Федосовым схема деления письменных источников критики не выдерживает, ибо наряду с выделением видов он прибегает и к группировке по содержанию, по происхождению и т. д. Одним словом, в решении проблемы деления источников это учебное пособие не использовало всех достижений советской исторической науки, равно как и логики.

Вопросов деления специфической группы исторических источников — военно-исторических — коснулся в своей брошюре В. Т. Логин. В основание деления автор положил «способ фиксации исторической информации» и разделил военно-исторические источники на три «основных» класса («письменные материалы, кинофотофонодокументы и вещественные памятники») и один «самостоятельный» класс — «устные свидетельства очевидцев событий», которые, по его словам, «в устном виде сохраняются не продолжительное время и после выявления исследователем фиксируются в виде письменной или магнитофонной записи, то есть переходят в один из названных «основных классов»¹⁰².

и ненамеренные, т. е. «следы повседневной человеческой деятельности» (P. Salmon. Histoire et critique. Sociologie générale et philosophie sociale. Bruxelles, 1969, p. 39). См. об этой работе рецензию: Г. М. Иванов. — «Вопросы истории», 1971, № 10, стр. 189—192.

¹⁰¹ «Источниковедение истории СССР XIX—начала XX вв.». М., 1970, стр. 6—8.

¹⁰² В. Т. Логин. Военно-исторические источники, их классификация и принципы исследования. М., 1971, стр. 14 (ротапринт).

Предложенная В. Т. Логиним система деления источников прежде всего не полна. Отсутствуют устные (фольклорные) источники — один из важнейших типов источников для изучения мировоззрения и идеологии военнослужащих и всего народа в дни войны¹⁰³, причем, конечно, не только в наши дни, но и особенно для прошедших эпох¹⁰⁴. Напрасно автор исключил из поля зрения и этнографические источники¹⁰⁵, равно как и данные языка, которые помогают военным историкам проследить отражение боевых операций в языке той или иной эпохи. В. Т. Логин никак не оценил тот факт, что в советском источниковедении уже произошло разделение кинофотофонодокументов на два типа — кинофотодокументы и фонограммы, так как эти источники по-разному отображают реальную действительность.

Далее В. Т. Логин дал довольно подробное деление письменных источников по видовому признаку, однако последовательно этого признака не выдержал, допустив группировку по тематике (документы, относящиеся к организационной структуре войск), происхождению (документы политорганов, партийных и комсомольских организаций). Правда, автор оговорился, что приведенное им деление условно¹⁰⁶.

Заслугой В. Т. Логина является четкое разграничение задач классификации и систематизации (группировки) источников.

Гораздо более серьезно подошел к решению проблемы деления исторических источников А. П. Пронштейн в монографии «Методика исторического исследования», где он уделил вопросам классификации источников специальный параграф¹⁰⁷. Автор учел вышедшую до него литературу, в частности, согласился с тем, что из всех известных принципов деления задачам научной критики источников больше всего отвечает способ кодирования содержащейся в источнике информации как результат воплощения и отображения действительности. А. П. Пронштейн присоединился к тем источниковедцам, которые выделяют семь типов источников — письменные, вещественные, этнографические, устные (фольклорные), лингвистические, кинофотодокументы и фонодокументы.

¹⁰³ «Русский фольклор Великой Отечественной войны». М.—Л., 1964.

¹⁰⁴ См., например, Л. Н. Пушкирев. Солдатская песня — источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII — первой половины XIX в. — «Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков». М., 1969, стр. 422—432.

¹⁰⁵ См., например, Л. М. Пушкирев. Сталь формы историчного джерела. — «Історичні джерела та їх використання», вип. III. Київ, 1968, стор. 31—40. В этой работе показано, как прочно сохраняются в военном быту различные суеверия, приметы, заговоры и пр.

¹⁰⁶ В коллективной монографии, опубликованной позднее, текст В. Т. Логина остался без изменения («Марксистско-ленинская методология военной истории». Под ред. П. А. Жилина. М., 1973, стр. 265—268).

¹⁰⁷ А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971, стр. 23—32.

Учебник по источниковедению истории СССР под ред. И. Д. Ковальченко также касается деления источников. Автор главы «Предмет и задачи источниковедения» А. В. Муравьев принимает деление исторических источников «на семь основных групп», хотя и отмечает условность этого деления. О выборе основания деления автор ничего не говорит. Что касается письменных источников, то А. В. Муравьев, отмечая, что «принято классифицировать письменные источники по содержанию, по происхождению, по типам и видам» и что «на практике попытка следовать только одному из этих принципов создает большие трудности», тем не менее склоняется к выводу, что деление письменных источников по типам и видам наиболее распространено. Далее автор говорит об условности деления письменных источников на статьи и традицию и о невозможности провести четкую грань между историческими источниками и историческими исследованиями. В заключение автор говорит о том, что «в учебнике принята типологическая классификация источников»¹⁰⁸, причем в основу положен, как и в учебнике М. Н. Тихомирова, хронологический принцип деления по крупным историческим периодам.

Видовое деление письменных источников в учебнике дано непоследовательно: наряду с выделением видов (летописи, акты, мемуары и т. д.) дана группировка по содержанию («источники по истории народов СССР X—XVII вв.» или «материалы политических процессов»). При обсуждении этого учебника рецензенты справедливо указали на «недостаточно строгое употребление терминов и дефиниций»¹⁰⁹. Так, автор употребляет термины «группа», «тип» и «вид» для обозначения различных категорий (и все источники делятся «на семь основных групп», и письменные источники — «на две большие группы»), приравниваются по значению термины «классификация» и «группировка» и т. д. Справедлива также критика Е. П. Маматовой, что нельзя «излагать свою лишь точку зрения, без упоминания других, возможно, противоположных»¹¹⁰.

Выход в свет последних трудов по источниковедению свидетельствует о том, что типологическая классификация исторических источников постепенно утверждается в исторической науке¹¹¹.

После XX съезда КПСС источниковедение вообще и изучение проблемы деления источников в частности стало успешно разви-

ваться: были опубликованы программы МГИАИ, МГУ, Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, вышли исследовательские статьи и монографии В. К. Яценского, А. Ц. Мерзона, В. И. Стрельского, И. Л. Шермана. Всесоюзное совещание историков по-новому нацелило советских историков на решение кардинальных проблем источниковедения. Именно в условиях подъема советского источниковедения и надо рассматривать дискуссию в журналах «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», статьи В. П. Данилова и С. И. Якубовской, С. М. Каштанова и А. А. Курносова, монографию и учебное пособие В. И. Стрельского, второе издание учебника М. Н. Тихомирова, учебные пособия М. Н. Черноморского, Р. С. Мнухиной и М. А. Варшавчика, монографию А. П. Пронштейна, учебные пособия МГУ. Перед советским источниковедением продолжает стоять большая задача — детальная разработка такой методики исторического исследования, которая была бы тесно связана с другими методами конкретных социальных исследований в историческом разрезе, на широком историческом фоне.

Итак, историография данного вопроса свидетельствует о необходимости исследования следующих важнейших проблем, а именно:

1. Прежде чем приступать к классификации источников, необходимо в теоретическом плане рассмотреть само понятие исторического источника и те определения, которые ему давались в русской и советской исторической науке.

2. Необходимо решение проблемы классификации с общеметодологических позиций — показать принципиальную возможность и независимую от исследователя закономерность классификации, вытекающую из объективных, присущих самому источнику качеств и свойств. А для этого необходим анализ содержания и формы исторического источника в целом как понятия.

3. Следует рассмотреть проблему классификации источников с точки зрения логики и терминологии и внести ясность в понятийный аппарат проблемы, т. е. разъяснить понятия «тип», «род», и «вид» источника, «классификация» и «систематизация» исторических источников, показать их соотношение, указать историче-ские пути и возможные, допустимые принципы и формы этой систематизации и классификации исторических источников.

Важно выработать также и такую графическую форму классификации источников, которая с наибольшей наглядностью продемонстрировала бы основные принципы и особенности типологической классификации, что особенно важно с учебно-методической точки зрения. Это тем более необходимо, что до сих пор советское источниковедение мало обращало внимания на этот существенный для преподавания источниковедения вопрос, в то время как в зарубежном источниковедении уже были сделаны попытки дать графическую форму деления исторических источников.

¹⁰⁸ «Источниковедение истории СССР». Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973, стр. 5—6.

¹⁰⁹ А. А. Амосов, М. Ф. Шумейко. Обсуждение учебника по источниковедению истории СССР. — «Вестник МГУ. Серия 9. История», 1974, № 4, стр. 97.

¹¹⁰ Там же, стр. 99.

¹¹¹ Мысль о том, что признание типологической классификации — вопрос только времени, была высказана В. Т. Пашуго (Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. — «Источниковедение отечественной истории», вып. 1. М., 1973, стр. 76).

КЛАССИФИКАЦИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

*

Основные классификационные понятия (тип, род, вид)

Русское и советское источниковедение давно уже употребляет все эти понятия, однако им еще не было дано такое определение, которое в полной мере удовлетворяло бы исследователей. Выработанные эмпирически в ходе источниковедческих изысканий, эти термины стали употребляться по аналогии с другими науками, причем нередко были случаи, когда разные исследователи применяли различные термины для определения одного и того же понятия. С другой стороны, нередко встречался и такой случай, когда один и тот же термин употреблялся разными историками для определения различных понятий. Уже одно это заставляет подробнее разобрать этот вопрос с тем, чтобы по возможности избежать многозначности в употреблении этих терминов. Наконец, определение типа, рода и вида источника теснейшим образом связано с определением исторического источника в целом как понятия, представляя собой дальнейшую ступень в познании содержания и формы источника.

Понятие исторического источника тесно связано с пониманием истории как науки, с определением ее границ и установлением объектов ее изучения. Известно, что классики марксизма-ленинизма очень широко трактовали и самый термин «история», как всякий процесс развития, применяемый ко всем без исключения явлениям в жизни природы и человеческого общества, и историю как науку. Оставляя в стороне историю природы как особую отрасль науки, классики марксизма-ленинизма понимали под историей науку, изучающую развитие человеческого общества как единый, закономерный во всей своей громадной разносторонности и противоречивый процесс¹. Задачей истории как науки, по словам Ф. Энгельса, и является «открытие законов движения этого процесса»². Такое широкое понимание истории, естественно, требует и привлечения огромного круга источников. Обширность и

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 24. См. также статью «История» в «Советской исторической энциклопедии» (т. 6. М., 1965, стб. 577—590) и критические замечания на эту статью: А. Гуковский, А. Угрюмов, В. Кульбакин. По страницам «Советской исторической энциклопедии». — «Коммунист», 1968, № 4, стр. 107—114.

разнообразие источников, их резкое различие между собой по внешней форме, их способность отображать и воплощать в себе самое различное содержание — все это потребовало уже от первых русских исследователей хотя бы самого общего деления источников на такие первичные категории, которые дали бы возможность применить к ним общие методические приемы их изучения.

Типы исторических источников

Как об этом ясно свидетельствует историографический обзор, русской исторической наукой постепенно, эмпирически было выработано деление всего комплекса источников на несколько больших категорий. В разное время этим категориям присваивались различные наименования: роды³, виды⁴, типы⁵, группы⁶ и т. д. Конечно, вопрос о том, как именно назвать эти категории источников, — вопрос условный. Можно было бы только указать на этот разноречивый, если бы эти же самые термины (и особенно «вид») не употреблялись в совершенно противоположных смыслах⁷. Поэтому представляется бесспорным исключение из перечня возможных наименований для этих больших категорий источников термина «вид» как традиционно употребляемого для обозначения гораздо более компактных и четко очерченных категорий письменных источников — таких, как летописи, акты, мемуары и т. д.⁸

³ Н. И. Надеждин. Об исторической истине и достоверности. — «Библиотека для чтения», 1837, т. XX, раздел III, стр. 142; П. Г. Редкин. Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? М., 1846, стр. 56; К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история. СПб., 1872, стр. 10; Н. И. Кареев. Теория исторического знания. СПб., 1913, стр. 90; В. И. Стрельский. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968, стр. 20 и др.

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. II. СПб., 1913, стр. 380—404; «История СССР», т. I. М., 1939, стр. 15; В. В. Лангев. Введение в курс истории СССР. Л., 1960, стр. 48—49; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века, т. I. М., 1940, стр. 8; В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961, стр. 7 и др.

⁵ С. М. Кашинов, А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения. — «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 179; Е. В. Чистякова. Из опыта работы в семинаре по истории СССР на I курсе. — «История СССР», 1963, № 5, стр. 121 и др.

⁶ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. IV; С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. Л., 1931, стр. 33; М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР (Советский период). М., 1966, стр. 6; Е. В. Сизоненко. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Одесса, 1965, стр. 6; «Источниковедение истории СССР». М., 1973, стр. 6 и др.

⁷ Подробнее этот вопрос разобран в статье: М. К. Макаров. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР. — «Труды МГИИИ», т. 17. М., 1964, стр. 3—20.

⁸ Нельзя не учесть при этом, что и в других науках (логике, ботанике и т. д.) термин «вид» употребляется для обозначения первичных элементов классификации. См. также: В. И. Стрельский. Теория и методика источниковедения истории СССР, стр. 73.

Едва ли удачен и термин «группа». Им обычно называется совокупность различных предметов, объединяемых каким-то общим признаком, но не находящихся в генетической связи друг с другом, — группа людей, группа документов и т. д. Эта группа в свою очередь как-то должна быть названа, определена, только тогда она становится определенной, а не группой вообще, например «группа «Освобождение труда»» или «группа делопроизводственных документов» и проч.⁹

Термин «род» также неприменим к обозначению этих больших, крупных категорий: и в логике, и в других науках, применяющих систематизацию (ботаника, зоология и т. д.), «родом» называется ближайшая к виду категория. Поэтому наиболее удачным термином, полнее других отражающим по смыслу сущность этих наиболее крупных категорий источников, является, по нашему мнению, термин «тип». Нельзя не учесть при этом, что и в других науках — таких, как ботаника и зоология, тип — это высшая систематическая категория, допускающая в свою очередь деление на классы, роды, виды и т. д.¹⁰

Что же лежит в основе деления источников по типам, какие наиболее общие свойства определяют тот или иной тип? Разные историки по-разному понимали это. Большая часть источниковедов вообще не задумывалась над тем, по какому признаку проводится это деление, а попросту говорила: источники можно разделить на ... и т. д. Так, например, поступает С. Н. Быковский. Он пишет: «Обычно отмечают три группы или три категории разных исторических памятников: вещественные, письменные и устные»¹¹. Другие источниковеды полагали, что в основе деления источников на типы лежит «способ передачи явлений прошлого»¹². Едва ли

⁹ «Словарь современного русского литературного языка», т. 3. М.—Л., 1954, стб. 444—447.

¹⁰ О том, что именно термин «тип» более всего подходит для обозначения результатов подобного деления, говорит и М. А. Варшавчик («Предмет и задачи источниковедения истории КПСС». М., 1967, стр. 17, прим. 1). Допустимо обозначение этих типов источников и термином «категория», ибо в научной терминологии этим словом обозначается наиболее общий разряд явлений, предметов или их признаков («Словарь современного русского литературного языка», т. 5. М.—Л., 1956, стб. 870). Однако на практике в общественных науках под категориями чаще всего разумеются категории философские (материя, движение, время, пространство и т. д.). Конечно, каждая отдельная наука оперирует своими категориями, наиболее широкими в ее границах понятиями. Такими наиболее широкими для исторической науки, равно как и для исторического материализма, будут категории производительных сил, производственных отношений, общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки и т. д. (Об этом см.: В. П. Тугаринов. Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958). Едва ли поэтому есть смысл термин «категория», имеющий такое всеобъемлющее значение, применять в источниковедении для обозначения различных типов источников.

¹¹ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования, стр. 32.

¹² И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, стр. 4.

такое определение точно: пережитки, например, источники фольклорные и данные языка — это явление не только прошлого, но и настоящего. Кроме того, письменный способ передачи информации является общим для многих типов источников, идет ли речь о берестяных грамотах, надписях на ископаемых предметах (эпиграфические источники), записях обрядов и верований (этнографические источники), записях пародных говоров (лингвистические), фольклорных материалах, письменных документах и т. д. Нельзя не отметить еще одну неточность: источник не передает явления прошлого, а содержит в себе информацию об этих явлениях, а ведь это не одно и то же.

С. М. Каштанов и А. А. Курносов полагают, что в основе этого деления лежит «установившееся разделение предметов исследования некоторых гуманитарных наук», что здесь соединяются два принципа деления: по способу передачи явлений (вещественные, устные, письменные) и по объекту исследования разных наук (этнографические и лингвистические). Они полагают, что лингвистических источников как таковых нет, ибо они существуют только в форме источников письменных и устных, а этнографические состоят из источников вещественных, устных, письменных и пантомим¹³. Авторы смешивают внешнюю форму источника (вещественные, письменные, устные) со способом отображения действительности.

В настоящей работе под типами исторических источников подразумеваются такие наиболее широкие категории источников, которые отличаются друг от друга самим принципом хранения и кодирования информации, т. е. наиболее общим его свойством, предопределяющим его источниковедческую ценность. Таким наиболее общим, изначально присущим свойством источника является, как это было выяснено во второй главе, результат отображения и воплощения действительности в источнике — та информация, которую выработал человек. Как, в какой форме закодирована в источнике эта информация и какое это имеет источниковедческое значение, как это должно отражаться на методике изучения данного типа источника — вот какие вопросы возникают при определении различных типов источников. Следовательно, в основе деления источников на типы лежит способ кодирования заключенной в источнике информации. Выше уже говорилось, что в различных источниках процессы отображения и воплощения действительности проявляются различно. Информация, которую выработал человек, отображающий реальную действительность, может быть закодирована в различных условных знаках, вещественных образах, словах письменной и устной речи, звуках, танцах, обрядах, одним словом, в различных сигналах. Распознавая эти сигналы, позднейший исследователь и усваивает заключенную

¹³ С. М. Каштанов, А. А. Курносов. Некоторые вопросы теории источниковедения, стр. 177.

в источнике информацию, познавая тем самым отображенную и воплощенную в источнике реально существовавшую действительность¹⁴.

Рассмотрим в общих чертах основные типы исторических источников с точки зрения кодирования в них информации. При этом заметим, что подробная характеристика того или иного типа исторического источника — задача особого исследования ученого-специалиста в той или иной области — археолога, этнографа, языковеда, фольклориста и т. д.

Письменные исторические источники удачно и образно были определены М. Н. Тихомировым как фундамент исторических исследований. «Там, где они (т. е. письменные источники. — Л. П.) отсутствуют, историк бродит в потемках», — писал он¹⁵. Под письменным источником подразумевается рукописный или печатный (а также машинописный, размноженный на mimeографе, гектографе, ротапринте, шапирографе и т. д.) источник на бумаге, пергаменте, папирусе и т. д. К письменным источникам примыкают, но не составляют их часть, также и эпиграфические источники, т. е. надписи, сделанные на твердом материале — камне, глине, дереве, металле, кости, роге, берестяные грамоты, обнаруженные при раскопках в Новгороде¹⁶. Этот эпиграфический материал занимает промежуточное, переходное положение между письменными и вещественными источниками.

Отличительной особенностью письменных источников является то, что содержащаяся в них информация закодирована в виде письма — рукописного или печатного. Это не исключает, конечно, существования в письменном источнике условных знаков, чертежей, миниатюр и других иллюстраций. Однако все эти способы

кодирования информации занимают в письменном источнике подчиненное место, они могут там присутствовать, но их может и не быть. Изобразительный и графический материал в письменном источнике призваны проиллюстрировать его содержание, дополнить его, сделать более доходчивым, понятным и т. д.¹⁷ Встречающиеся в рукописях или книгах миниатюры, иллюстрации, рисунки, заставки, буквицы, концовки, чертежи, карты и т. д. входят в состав письменного источника как его неотъемлемая составная часть. Уже одно это не позволяет рассматривать их как особый тип источника — это всего лишь дополнительный способ хранения и кодирования информации. Истории письма давно известно так называемое пиктографическое письмо — изобразительный способ передачи необходимой информации на ранних этапах развития человечества. Одни письменные источники относятся только к глубокой древности, например летописи, хронографы; другие, например акты, делопроизводственные документы, сопровождали человечество на долгом пути его исторического развития и продолжают существовать и в наши дни; третьи возникают и развиваются на наших глазах, становятся историческим источником, непосредственно связывая настоящее с историческим исследованием о нем, социологию с историей. Нельзя не отметить, что и само письмо, письменные знаки, правила правописания тоже являются историческим источником переходного типа — между письменными и лингвистическими, ибо они порождены определенными общественными условиями и указывают на определенные изменения в общественной жизни. Пример этого — введение русского графического алфавита у ряда бесписьменных народов СССР, реформа правописания 1918 г. или обсуждение проекта новой реформы правописания в общественно-политической и специальной печати в 60-е годы XX в.

В XIX в. письменные источники часто называли «говорящими», «рассказывающими» в отличие от вещественных источников, которые назывались «немыми». Это обозначение, конечно, весьма условно. «Говорящие» источники — это, скорее, фонодокументы, чем письменные источники. Но в то же время нельзя не отметить, что письменные источники шире и разнообразнее по своему содержанию, чем, например, археологический памятник¹⁸.

¹⁷ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; С. О. Шмидт. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. — «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956, стр. 265—285; О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

¹⁸ Не случайно И. А. Бунин в своем стихотворении «Слово» (И. А. Бунин. Собр. соч., т. 1. М., 1965, стр. 369) так сказал об этом:

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.

¹⁴ В несколько иной форме эти же мысли были высказаны в книге В. И. Стрельского. Характеризуя различные типы (по его терминологии — роды) источников, он, в частности, отмечает: «Каждая из категорий источников отражает определенные стороны исторического процесса свойственными ей способами» (В. И. Стрельский. Теория и методика источниковедения истории СССР, стр. 19).

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. 1, стр. 11. В статье «Письменные и вещественные источники» американский источниковед У. Уолборн пытается приравнять вещественный источник к письменному по их источниковедческой ценности. Соглашаясь с точкой зрения автора, что вещественные памятники важны для изучения всех эпох и всех периодов, что они представляют собой не только музейный экспонат, но и важный исторический источник, тем не менее следует согласиться с М. Н. Тихомировым и другими историками, что для письменного периода истории письменные источники имеют несравненно большую источниковедческую ценность по сравнению со всеми остальными типами (W. E. Washburn. Manuscripts and Manufacts. — «The American Archivist», 1954, v. 27, N 2, p. 245—250). В то же время для дописьменного периода истории человечества вещественные источники, конечно, являются основными.

¹⁶ А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951—1961 гг.). М., 1953—1963; В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М., 1965; 2-е изд. М., 1975.

Надо добавить, что в настоящее время особое место среди письменных источников начинает занимать печать — важнейший источник идеологического характера, сохраняющий для истории живое дыхание общественной жизни, содержащий различные рода официальные и неофициальные документы, многие из которых были впоследствии утрачены. Печатный источник и в наши дни не заменяет собой рукописный, но существенно дополняет его¹⁹.

Значительную группу печатных источников составляет художественная литература²⁰, а также такая разновидность печатного издания, как листовка²¹.

Информация о реальной объективной действительности может быть закодирована и воплощена человеком в результате его трудовой деятельности не только в виде рукописи или книги, но и в форме той или иной вещи, вышедшей из-под его рук. Материальные объекты, созданные человеком, непосредственно воплотившие ту или иную сторону человеческой деятельности и являющиеся поэтому продуктом определенных общественных отношений, относятся к типу вещественных источников.

Вещественные исторические источники — один из самых разнообразных по форме и разновидностям типов источников. Большую и основную часть вещественных источников составляют так называемые археологические памятники — изготовленные человеком древние предметы, сооружения или погребения, сохранившиеся на поверхности земли, под землей или под водой. Археологические памятники особенно важны для изучения древнейшего бесписьменного периода истории человечества²². К числу основных археологических памятников относятся орудия труда, оружие, домашняя утварь, одежда, украшения; поселения, отдельные жилища, древние крепости; остатки древних гидротехнических сооружений; поля древнего земледелия; дороги; горные выработки и мастерские; древние могильники, различные надгробные и культовые сооружения; наскальные изображения; архитектурные памятники²³; затонувшие древние суда и их грузы; поселения,

оказавшиеся под водой²⁴. Основная методика изучения археологических памятников — стратиграфический, типологический, дендрохронологический и другие методы — постоянно совершенствуется и дополняется новыми способами и приемами изучения²⁵.

Значительная часть вещественных исторических источников сосредоточена в музеях и представляет собой предмет изучения вещеведения и музееведения²⁶. Это — археологические памятники и более поздние по происхождению вещественные (вещные) источники, относящиеся к письменному периоду истории человечества. Вещные источники в целом, естественно, не имеют решающего, определяющего значения для познания исторического прошлого письменного периода истории. Тем не менее отдельные вещественные источники могут оказаться весьма важными для исследователя или в силу их связи с выдающимся событием, например, вещи, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией, или в силу их принадлежности выдающемуся деятелю, например, вещи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Приемы изучения музейных подлинников²⁷ позволяют значительно расширить наши представления об источниковедческом значении этого важного рода вещественных источников.

Переходную группу источников, стоящих на грани вещественных и письменных, помимо источников эпиграфических, составляют также монеты, медали, гербы, печати, представляющие собой предмет изучения таких вспомогательных исторических наук, как эпиграфика, нумизматика, сфрагистика, геральдика²⁸.

К археологическим памятникам примыкает, но не является его частью, и палеоантропологический материал (ископаемые остатки человека), дающий возможность изучать физический тип чело-

²⁴ В. Д. Блаватский. Подводная археология и ее задачи. — «Вопросы истории», 1964, № 12.

²⁵ «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, В. А. Колчин, А. Л. Монгайт. Применение естественнонаучных методов в археологии. — «Вопросы истории», 1960, № 3.

²⁶ «Основы советского музееведения». М., 1955, стр. 26—33.

²⁷ «Методика музейной работы». — «Труды Музея Революции СССР», сб. 7. М., 1935; В. Н. Игнатова, С. Л. Марголин, Г. А. Новицкий. К вопросу методики изучения музейных фондов. М., 1959 (ротапринт).

²⁸ «Вспомогательные исторические дисциплины», сб. 1—6. Л., 1968—1974; «Историчні джерела та їх використання», вип. 1—7. Київ, 1964—1972; В. К. Лукомский. Герб как исторический источник. — «Краткие сообщения ИИМК», вып. 17. М.—Л., 1947, стр. 49—57; Н. Коробков и Б. Иванов. Русские печати. — «Архивное дело», 1939, № 3, стр. 31—57; А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. — «Ученые записки МГУ», вып. 93. История, кн. 1. М., 1946, стр. 43—67; «Вспомогательные исторические дисциплины». Сб. статей. М.—Л., 1937; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Л., 1962; Г. А. Федоров-Давыдов. Монеты рассказывают (нумизматика). М., 1963; А. О. Введенский и др. Допоміжні історичні дисципліни. Київ, 1963; В. А. Кондратьев, А. А. Новосельский. О развитии вспомогательных исторических дисциплин. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 4, стр. 21—33; Л. В. Черепнин. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет. — «Советские архивы», 1967, № 5, стр. 130—137.

¹⁹ М. Н. Черноморский. Периодическая печать. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1956; И. А. Миронова. Периодическая печать конца 50-х—начала 60-х годов. М., 1961; В. В. Фарсоби. Вопросы источниковедческого анализа центральных большевистских газет (март 1917 — февраль 1918 г.). — «Источниковедение истории советского общества», сб. 1. М., 1964, стр. 98—129.

²⁰ Л. Н. Гумилев. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? — «Русская литература», 1972, № 1, стр. 73—82.

²¹ Е. С. Петропавловский. Листовки как источник при изучении истории КПСС. М., 1966.

²² Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов. Археология и историческая наука. — «Вопросы истории», 1961, № 12, стр. 63—85.

²³ Н. Н. Воронин. Архитектурный памятник как исторический источник. — «Советская археология», т. 19, М., 1954, стр. 41—76.

века, начиная с древнейших стадий его эволюции и кончая человеком современного вида, образование наиболее древних расовых подразделений современного человечества. Антропологический материал — важный источник переходного типа, стоящий на грани исторических и естественных источников и дополняющий данные археологии, этнографии и языкознания²⁹.

Познавая и переделывая окружающий мир, человек отображает и воплощает реальную действительность не только в форме вещей и рукописей, но и в виде художественных образов, передаваемых изустно из поколения в поколение. Такой способ кодирования заключенной в источнике информации дает возможность каждому новому исполнителю завещанного предками рассказа, песни, сказки и т. д. вносить в него что-то свое, индивидуальное. В результате более или менее длительного бытования этого предания и возникает *устный (фольклорный) источник*, под которым мы подразумеваем художественный образ реальной действительности, характеризующийся устной формой передачи и коллективностью создания, исполнения или распространения. Произведение фольклора может быть записано от руки или на магнитофон, но и в этом случае оно не утратит своей специфики, не перестанет быть фольклором: запись — письменная или магнитофонная — в данном случае лишь способ фиксации.

Устные (фольклорные) источники имеют большое значение для историка. Нередко именно устная традиция является той изначальной формой, в которой дошли до нас исторические известия вообще. Задолго до возникновения письменности народ из уст в уста передавал и свои космогонические мифы, и первые сведения из истории своего рода, племени, семьи, и самые общие свои наблюдения о сущности семейных или родо-племенных отношений. Устная форма распространения известий наложила специфический отпечаток на этот тип источника: он утратил точные сведения о лицах, фактах, месте и времени события, но зато бережно сохранил и дошел до наших дней оценку и осмысление этого события народом. Коллективность создания, исполнения и распространения произведений устного поэтического творчества привела к необыкновенной живучести этого типа источника. Переходя из уст в уста, от одного поколения к другому, устные памятники непрерывно совершенствуют свою форму. Особенность этого типа источников заключается, по меткому определению Ю. М. Соколова, в том, что фольклор — это «отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего»³⁰.

²⁹ Г. Ф. Дебеч. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948; Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. — «Советская этнография», 1952, № 4, стр. 22—35; М. В. Витов. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера. — «История СССР», 1964, № 6, стр. 81—109.

³⁰ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 14.

Сложность привлечения фольклора в качестве источника как раз в том и состоит, что он сообщает нам сведения и о доисторических временах и о настоящем дне одновременно, причем порой трудно определить, для какого периода фольклор имеет большее источниковедческое значение. Отображая в художественной форме крупнейшие события, фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. И не случайно М. Горький говорил в своей речи на Первом съезде советских писателей: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества»³¹. Явления первобытнообщинного строя, факты этногенеза, образование Киевского государства и введение христианства, нашествие татар и феодальная раздробленность, возвышение Москвы и «грозный царь Иван Васильевич», борьба со шведской интервенцией начала XVII в. и героические подвиги Разина и Пугачева, Отечественная война 1812 г. и борьба декабристов, наконец Великая Октябрьская социалистическая революция, строительство социализма в нашей стране, невиданные подвиги народа в дни Великой Отечественной войны, борьба за мир, за построение коммунизма — все это находит образное отражение в фольклоре.

Фольклор — это важнейшая составная часть народной культуры и истории культуры вообще, это творчество трудящихся масс с ярко выраженным классовым характером, с собственной народной оценкой исторических событий. Творческое использование устных источников плодотворно не только в этнографических исследованиях, но и в исторических работах³².

В последнее время исследователям все чаще приходится сталкиваться с письменной формой бытования фольклора³³. Это свя-

³¹ М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, стр. 703.

³² К. В. Чистов. Фольклор и этнография. — «Советская этнография», 1968, № 5, стр. 3—12; В. К. Соколова. Фольклор как историко-этнографический источник. — Там же, 1960, № 4, стр. 11—16; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963; В. М. Мельник. Народ про свою історію. Київ, 1966; он же. Історична правдивість фольклору VI—XVIII ст. Львів, 1968; он же. Історія Закарпаття в усних народних переказах. Львів, 1970; он же. Український фольклор періода феодалізму як історичний джерело. Автореферат докт. дисс. М., 1973; Л. Н. Пушкарев. Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений. — «Исторические записки», т. 92. М., 1973, стр. 312—335. Следует сказать, что к устным (фольклорным) источникам примыкают, но не являются его составной частью, устные источники нефольклорного характера — слухи, молва и т. д. Эти источники также устны по своему происхождению и коллективны по созданию и бытованию, но они не несут в себе художественного образа и потому к фольклору причислены быть не могут (С. Н. Чернов. Слухи 1825—1826 г. (Фольклор и история). — В кн.: С. Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960, стр. 329—346).

³³ Л. Н. Пушкарев. Из наблюдений над творчеством фронтовиков. (Репертуар и вопросы бытования). — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XI, вып. 6. М., 1952, стр. 527—540; он же. Из воспоми-

зано с возрастающей культурой трудящихся. Однако наличие письменной формы бытования не изменяет самого существа фольклора как источника — он был, есть и остается отражением в народном сознании в художественной форме важнейших исторических событий.

Фольклористикой разработана довольно детальная методика изучения и использования фольклора в качестве источника. Исследователю приходится зачастую путем тщательного анализа вскрывать истинное ядро рассказа, освобождая его от наслоившейся за многовековое бытование шелухи, — всегда важно суметь отличить реальную действительность, давшую жизнь произведению, от фольклорной традиции, от ранее сложившихся сюжетов и образов. Не менее существенной спецификой фольклора, с характерными приемами народной поэтики. Раскрыть смысл отдельных образов, специфику поэтических представлений — дело фольклористов. Однако историки могут дать, исходя из других типов источников, материал, помогающий глубоко и правильно понять специфику фольклорных произведений, приурочить их хронологически, географически и этнически, оценить их значение среди других типов исторических источников.

Своеобразная отрасль исторической науки, изучающая быт и нравы народов земного шара преимущественно методом непосредственного наблюдения, — этнография — пользуется для изучения происхождения народов, истории формирования их социально-бытовых особенностей очень широким кругом источников³⁴. Вещественные источники, как ископаемые (археологические памятники), так и музейные, а также современные (орудия труда, одежда, пища, оружие, жилище и т. д.) широко используются этнографами в их работе. Важным источником этнографического изучения являются также и фольклорные источники. Естественно, что этнографы широко пользуются и теми письменными источниками, в которых отражены интересующие их этнические процессы, — такие, как культурно-исторические взаимоотношения, вопросы расселения народов, описания форм материальной культуры, социальных институтов, идеологии, народного искусства и проч. Данные языка также дают необходимые для этнографов сведения по этнической истории народа, ибо данные языка являются важнейшим этническим признаком, весьма существенным для этнографии. Этнографы используют в своей работе также и данные антропологии, особенно при изучении этногенеза, где обе эти науки тесно между собой переплетаются. Географические дан-

наний фольклориста-фронтовика. — «Русский фольклор Великой Отечественной войны». М.—Л., 1964, стр. 329—335; Б. П. Кирдан. Бытование русского фольклора Великой Отечественной войны. — Там же, стр. 267—292.

³⁴ См. наиболее полный перечень их в кн.: Н. Н. Харузин. Этнография, вып. 1—4. СПб., 1901—1905, а также: С. А. Токарев. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

ные широко используются этнографией при решении таких общих для двух наук вопросов, как размещение народов по земному шару, вопросы этнической статистики и этнической картографии.

Именно это разнообразие используемых этнографией источников и дало повод В. А. Кондратьеву в его рецензии на книгу В. И. Стрельского «Основные принципы научной критики источников по истории СССР» высказать такое мнение: «Не следует ... отделять, например, вещественные источники от этнографических. Те и другие в массе своей являются вещественными памятниками, и поэтому их лучше было бы рассматривать как один тип исторических источников с соответствующими разновидностями»³⁵. Этнография использует источники различных типов, но они не становятся от этого этнографическими, а как были, так и остаются вещественными, письменными, фольклорными и т. д. К этнографическим же источникам в узком смысле этого слова относятся явления культурной и общественной жизни, унаследованные человечеством от предыдущих эпох, сохраненные памятью и сознанием и продолжающие в новой форме активно жить в настоящем. Этнографические источники, как и фольклор, отображают и воплощают в себе всегда и прошлое и настоящее одновременно. Это непосредственно наблюдаемые и изучаемые народные суеверия, обряды, верования, обычаи, поверья и тому подобные пережитки³⁶, т. е. такие явления в современной жизни, которые возникли в предшествующие эпохи развития человечества, но продолжают частично сохраняться и в настоящем, хотя в значительной степени уже утратили свое первоначальное содержание и значение³⁷. Используя самые различные приемы изучения смежных дисциплин (археологии, истории, языкознания, фольклористики, географии и т. д.), этнографы неизменно дополняют и контролируют их приемом непосредственного, личного наблюдения и опроса³⁸. Широко пользуясь разработанной методикой полевой экспедиционной работы³⁹, этнографы изучают процессы раз-

³⁵ «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 140.

³⁶ Ю. Левада. Пережитки. — «Философская энциклопедия», т. 4. М., 1967, стр. 237.

³⁷ М. Г. Лесин. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник. (К методологии изучения истории бесписьменных народов). — «Советская этнография», 1961, № 1, стр. 20—28; В. Алексеев. Антропология и история. — «Наука и жизнь», 1964, № 9, стр. 27—30.

³⁸ С. П. Толстов. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии. — «Советская этнография», 1960, № 6, стр. 10—23.

³⁹ В. Ю. Крупянская. К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса. — «Вопросы истории», 1960, № 11, стр. 40—49; Т. А. Жданко, В. Ю. Крупянская, Л. Н. Терентьева. Об организации и методике полевых этнографических исследований. — «Советская этнография», 1956, № 3; Г. С. Чигая. Принципы и метод полевой этнографической работы. — «Советская этнография», 1957, № 4, стр. 24—30; С. П. Толстов. Основы этнографии. Предмет, метод и история этнографии. М., 1948 (ротапринт); В. Н. Харузина. Введение в этногра-

вития народов, сохраняющих многочисленные пережитки ранних этапов своей истории, исследуют национальный состав и национальные особенности культуры и быта населения земного шара, изучают современную жизнь, быт и культуру различных слоев общества⁴⁰.

Своеобразным типом исторических источников, стоящим несколько особняком, являются *данные языка*. С источниковедческой точки зрения язык — это важнейшее средство человеческого общения — представляет собой отображение реальной исторической действительности, воплощенное в речи. Историки давно уже обратили внимание на этот тип источника. Впервые на него указал еще М. В. Ломоносов⁴¹. В дальнейшем многие историки, перечисляя различные типы источников, неизменно указывали при этом и на данные языка, главным образом на данные топонимики и ономастики, причем давали этому типу источника различное наименование. Так, Н. А. Полевой назвал его «географическим памятником»⁴², М. Н. Тихомиров дал ему определение «лингвистический источник»⁴³, вслед за ним это определение повторили И. Л. Шерман, В. И. Стрельский и др.⁴⁴ Несмотря на широкое распространение именно такого определения, думается, что от него следует отказаться. Называя этот тип источника «лингвистическим», мы лишь подчеркиваем, что им занимается лингвистика. Языкознание же использует в качестве источников и письменные источники, и устные (фольклорные), и фонограммы, и эпиграфические памятники⁴⁵. Здесь вновь сталкиваемся с фактом, когда один и тот же источник изучается представителями разных наук с различных точек зрения и разными методами. Нельзя ведь отнести только к лингвистике рукопись XVII в., сохранившую следы южнорусского говора, или фольклорную песню, или берестяную грамоту? А ведь именно из таких источников языкознание и извлекает необходимые для него факты, толкует их и разъясняет, пользуясь широко разработанной методикой лингви-

стического анализа. Вот эти-то выявленные и истолкованные языкознанием факты и использует историк. Среди них на первое место следует поставить данные топонимики и ономастики⁴⁶. Устойчивые, живучие топонимические наименования являются древнейшими памятниками человеческой культуры. Данные топонимики дают богатый и интересный материал для определения территориальных границ проживания народностей, позволяют судить о расселении или перемещении племен и народов, помогают определить первоначальные занятия населения той или иной местности.

Данные языка могут служить источником для решения больших и малоизученных проблем — таких, как родство или взаимоотношения между целыми группами народов, давние границы расселения и передвижения народов на том этапе своего развития, когда у народов не было еще культуры письма, и о котором, естественно, письменная история умалчивает⁴⁷. Общеизвестно большое значение распространения отдельных слов, показывающих влияние одной национальности или культуры на другие, например, всемирное распространение таких слов, как «большевик», «Совет», «спутник» и т. д. Появление или широкое распространение отдельных слов или выражений в определенную эпоху, совокупность словарного состава языка как один из показателей культуры народа в тот или иной период, акцент, строение предложения, характер речи — все это является историческим источником, ибо вызвано к жизни общественными отношениями⁴⁸.

Особенностью использования данных языка как источника является сложная лингвистическая методика выявления и анализа этих данных. Методические приемы работы, выработанные и принятые в языковедении, требуют глубоких специальных знаний. Как правило, эта методика историка недоступна. Историк должен пользоваться достижениями языковедов, снабжая их, в свою очередь, необходимым материалом по происхождению и датировке тех географических названий, установить которые языковед без

фию. Описание и классификация народов земного шара. М., 1941, стр. 23—47; А. Л. Погодин. Заметки о методе этнографии. — «ЖМНП», 1902, № 11, стр. 131—159.

⁴⁰ «Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка». М., 1957, стр. 7—56.

⁴¹ М. Н. Тихомиров. Исторические труды М. В. Ломоносова. — «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 70—72.

⁴² Н. А. Полевой. История русского народа, т. I. М., 1829, стр. LIV—LV.

⁴³ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII в., стр. 8 (Впервые это определение было дано им в 1940 г. в первом издании курса).

⁴⁴ И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв., стр. 5; В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, стр. 7.

⁴⁵ Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 5—44; Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 46—52; В. М. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 13—22.

⁴⁶ М. В. Витов. Севернорусская топонимия XV—XVIII вв. (К постановке топонимического источниковедения). — «Вопросы языкознания», 1967, № 4, стр. 75—90; С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. — «Исторические записки», т. 17, М., 1945, стр. 24—52; Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XVII в., т. I. Материал и метод. М., 1915, стр. 446—503; П. Жуковский. Заметки о преподавании и изучении истории. История и слово. Воссоздание прошлого при помощи языкознания. Переяслав Полтавский, 1915.

⁴⁷ В. Н. Харузина. Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара, стр. 28—31.

⁴⁸ Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, стр. 12—13. См. также сборники статей: «Лингвистическое источниковедение». М., 1963; «Источниковедение и история русского языка». М., 1964; И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв., стр. 5; В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, стр. 9—15; А. П. Пронштейн, Ю. В. Коваленко, Л. А. Введенская. История и лингвистика. Ростов-на-Дону, 1970.

помощи историка не в состоянии. Только сочетание лингвистического и исторического методов исследования может дать плодотворные и точные научные результаты⁴⁹. Доморощенная же любительская лингвистика приводит, как правило, к произвольному толкованию терминов, ничего общего с наукой не имеющему. Особенно это относится к работам краеведческого характера, в которых «самобытное» толкование происхождения некоторых терминов часто бывает весьма далеким от истинного их смысла.

Кинофотодокументы — это такой тип источников, появление которого было обусловлено развитием прежде всего техники фотографии и кинематографии. В кинофотодокументах мы встречаемся с кодированием содержащейся в них информации способом фотохимического действия световых лучей на светочувствительный слой. Документальные фотографии и кинофильмы — источники большой силы воздействия и правдивости, один из важных типов источников по новейшей истории, существенно дополняющий показания письменных источников⁵⁰. В ряде случаев многие факты современности сохраняются только в виде фотодокументов. Фотография всегда точно фиксирует факты, явления, события реальной действительности; фотография всегда документальна. Но, конечно, точная передача явлений не исключает в искусстве фотографии возможностей обобщения, типизации, участия творческой фантазии⁵¹. Документальность фотографии — единственно возможная и необходимая форма отображения и воплощения действительности в этом типе источников. Современная фототехника дает возможность точно воспроизвести мельчайшие подробности зрительной стороны исторического факта⁵²; в этом — одно из преимуществ и достоинств фотодокумента перед другими типами источников.

Точность документальной фотографии давно уже и по заслугам оценена правовой наукой: документальная фотография неопровержима. Документальные снимки казни Зои Космодемьянской, преступлений фашистов в Майданеке и Освенциме и т. д. — это

подлинные фотообвинения, обладающие огромной силой⁵³. Ни один другой тип источника не в состоянии порой отобразить и воплотить в мельчайших подробностях зрительную сторону события так, как это делает фотодокумент⁵⁴.

Как и фотодокументы, кинодокументы отображают и воплощают факты, явления и события реальной жизни в виде изображения, полученного в результате фотохимического действия световых лучей на светочувствительный слой. Однако в отличие от статичной фотографии кинодокумент — это динамическое изображение действительности, как и кино — искусство движущихся изображений.

Кинодокументы становятся в наше время важнейшим источником, сохраняющим для потомства интереснейшие, неповторимые факты истории и современности⁵⁵. Документальное кино основывается на точных, реально существовавших фактах; в нем нет вымышленных героев, а сняты реальные люди в жизненно достоверной обстановке⁵⁶.

Во многих случаях кинофотодокументам свойственны такие качества, которых лишены, например, письменные источники. Такова их оперативность, или синхронность, т. е. полное совпадение по времени момента события или факта и момента его фиксации на кинофотоплёнке. Письменный источник редко рождается в ходе события; как правило, он создается после того события, к которому относится⁵⁷. Кроме того, письменный отчет о каком-либо заседании, чья-либо речь, опубликованная после произнесения, всегда отличается от произнесенного или принятого на заседании текста — она обработана, отредактирована самим автором или редактором. Кинофотодокументы фиксируют событие более адекватно, более точно, что придает им особое источниковедческое значение⁵⁸. Кинодокументы позволяют повторно воспроизводить, видеть, а в звуковом кино и слышать то, что уже произошло когда-то в прошлом⁵⁹.

⁴⁹ См., например: А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуманных вопросов средневековья в Тавриде. Одесса, 1914 (отд. отт. из 32-го тома «Записок имп. Одесского общества истории и древностей»).

⁵⁰ «Кинофотофонодокументы — ценный исторический источник». — «Вопросы архивоведения», 1962, № 2, стр. 54; И. Н. Кунтиков. Кинофотофонодокументы в научных исследованиях. — Там же, стр. 55—59; «Страницы живой истории. Очерк-путеводитель по Центральному государственному архиву кинофотофонодокументов СССР». М., 1961, стр. 3—11; В. Зубков. Значение фото-кино-архивных материалов и задачи организации их использования. — «Архивное дело», 1933, № 3—4 (32—33), стр. 55; А. А. Кузин. Кино-фото-фоноархивы. Учебное пособие. М., 1960.

⁵¹ А. Я. Зисс. О природе искусства фотографии. М., 1961, стр. 13—28; В. М. Магидов. Кинохроника Москинокомитета — фотокиноотдела Наркомпроса как исторический источник. Автореферат канд. дисс. М., 1973.

⁵² Л. Ф. Волков-Ланит. Современные задачи искусства фоторепортажа. М., 1962, стр. 15.

⁵³ Г. Ф. Волчек. Фотоиллюстрация в советской периодике. М., 1962, стр. 121—123.

⁵⁴ См., например: Г. Гольдштейн. В. И. Ленин на трибуне. — «Советское фото», 1941, № 1, стр. 2.

⁵⁵ В. Осмишин. От информации к художественному образу. — «Искусство кино», 1963, № 5, стр. 94—99.

⁵⁶ Л. Позожева. Кинопублицистика наших дней. — «Искусство кино», 1955, № 7, стр. 24—31.

⁵⁷ Л. Н. Кривошеин, И. С. Фесуненко. Об использовании кинофотофонодокументов. — «Вопросы архивоведения», 1963, № 1, стр. 29.

⁵⁸ «Кино и фотодокументы по истории Великого Октября». М., 1958.

⁵⁹ А. А. Кузин. Кино-фото-фоноархивы, стр. 7; ср. также: «Методические указания по организации использования кинофотофонодокументов, находящихся на хранении в государственных архивах СССР». М., 1962, стр. 5; Р. Григорьев. Некоторые творческие вопросы документального кино. — «Искусство кино», 1953, № 9, стр. 43—57; М. Поляковский. Мы видим Ильича. Рассказы о киносъемках. М., 1966.

Наконец, следует отметить синкретический характер отображения действительности в звуковом кино: этот тип источника сочетает в себе изображение со звуком, текст с музыкой и шумом; событие изображается в кино не статично, а в движении, в развитии. Все это существенно повышает источниковедческую ценность кинодокументов, которые сохраняют для историка явления, факты и события, точно запечатлевая их видимую, образную сторону. По детальности записи событий сегодняшнего дня кино не случайно сравнивают с летописью⁶⁰.

Исследователи и критики документального кино справедливо отмечают, что кинодокументы — необычайно богатый и разнообразный по информации материал, имеющий большую познавательную ценность и для современников и для потомков⁶¹. Конечно, и в документальном кино возможна откровенная фальсификация, как, например, в американском «документальном» фильме «Мы вас похороним!», где кадры, снятые в дни Великой Отечественной войны, приурочивались к событиям периода коллективизации⁶². Документальный фильм также требует доказательства достоверности запечатленных в нем событий, как и любой другой тип источника. Точность и правдивость кинодокументов, их документальное значение было юридически обосновано и доказано на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками: трибунал принял эти документы как вещественное доказательство. Киноплоскка, снятая любителем во время последней поездки президента США Джона Кеннеди, явилась важнейшим источником для расследования фактов убийства президента⁶³.

Кинофотодокументы постоянно совершенствуются вместе с развитием техники, улучшается качество отображения действительности, растет количество этого типа источников⁶⁴.

Методика изучения и анализа кинофотофонодокументов только еще создается⁶⁵, однако уже сейчас можно сказать, что перед

историками встают сложные вопросы совокупного изучения того или иного типа источника, когда все они относятся к одним и тем же событиям или фактам. Кинофотодокументы в массе своей не могут ни отменить, ни заменить письменных источников, но в каждом случае историк должен привлечь самые разнообразные источники, сравнивая между собой их показания.

Известен и еще один тип источников, принципиально отличающийся от других способом кодирования информации, — это *фонодокументы*. Они отображают и устойчиво воплощают звуковую сторону исторического факта и, с источниковедческой точки зрения, представляют собой фонограмму (механическую, оптическую, магнитную и т. д.) звуковой стороны факта, сделанную в момент совершения события. Это недоступно никакому другому типу источников. Так, разгон антифашистской демонстрации 7 июля 1960 г. в одном из городов Италии отобразился в письменных источниках (донесения полиции, корреспонденции в газетах и т. д.), фотодокументах (снимки разгона демонстрации), кинодокументах и т. д., но только звуковая запись этого события передает нам во всей полноте всю силу эмоций демонстрантов, весь накал массового сражения. Не случайно эта пластинка победила на конкурсе на лучшее сочинение о мире⁶⁶. Пластинки с записью голоса В. И. Ленина⁶⁷, фонозаписи работы съездов, конференций, митингов, запись переговоров Ю. Гагарина с Землей, «Интернационал», переданный советским спутником из космоса, и многое другое — вот какие события находят свое отображение в фонодокументах⁶⁸. При изучении устных источников особенно важны фонодокументы с записями фольклорных произведений, ибо только они дают возможность изучить и манеру исполнения произведения и реакцию слушателей на песню, сказку, частушку.

Уровень развития современной исторической науки таков, что при создании обобщающих исследований историк неизбежно сталкивается с необходимостью творчески изучать и осваивать различные типы источников. В последнее время все чаще появляются такие работы. В монографии Б. А. Рыбакова «Древняя Русь» в органическом единстве использованы вещественные, письменные и устные источники; в монографии Е. Н. Кушевой письменные (основные) источники существенно дополняются анали-

несмотря на все усилия архивистов, использование кинодокументов не вышло еще в массе своей за рамки иллюстративного материала к письменным источникам.

⁶⁰ Л. Ф. Волков-Ланит. Искусство запечатленного звука. Очерки из истории граммофона. М., 1964, стр. 56—57.

⁶¹ См. об этом подробнее: Н. Горон. Голос, сохраненный на века. — «Радио», 1960, № 4, стр. 7—9; Д. Галкин. Голос Ленина с нами. — «Радио», 1963, № 4, стр. 4—5.

⁶² Н. Губарев. Летопись запечатленных звуков. — «Наука и жизнь», 1965, № 3, стр. 76—82.

⁶⁰ Э. Шуб. Крупным планом. М., 1959, стр. 205.

⁶¹ И. Гунгер. Звуковой образ в документальном кино. — «Документальное кино сегодня». М., 1963, стр. 182—183.

⁶² Об этом см.: Р. Кармен. Благородные традиции. — «Документальное кино сегодня». М., 1963, стр. 11—12; см. также: И. П. Копалин. Советская документальная кинематография. М., 1950; «Искусство миллионов. Советское кино 1917—1957». М., 1958.

⁶³ Л. Н. Кривошеин, И. С. Фесуненко. Об использовании кинофотофонодокументов, стр. 30; Т. Бьюкенен. Заговор остался нераскрытым. — «За рубежом», 1964, № 45, стр. 24—29.

⁶⁴ Х. Я. Пихельчас. Фотодокументы и хроникальные кинофильмы и их использование. — «Известия АН Эстонской ССР, т. VII. Серия общественных наук», 1958, № 4, стр. 379—380; ср. также: Т. М. Левель. Материалы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях. М.—Л., 1954, стр. 3.

⁶⁵ И. С. Фесуненко. О комплектовании Государственного архивного фонда СССР кинодокументами и некоторых критериях их источниковедческого анализа. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 4, стр. 12—20. Однако,

зом вещественных памятников и данных этнографии⁶⁹. Выше приводились примеры использования в исторических трудах данных языка и кинофотофономатериалов. Значение вещественных источников для изучения новейшей истории и истории КПСС было подчеркнуто на последней дискуссии, посвященной преподаванию источниковедения истории КПСС⁷⁰. Все это свидетельствует о том, что изучение вопроса о типах источников и принципах их деления имеет не только узко источниковедческое значение. Использование историком различных типов источников определяется как темой и задачей его исследования, так и характером сохранившихся источников. Классики марксизма-ленинизма оставили блестящие образцы исследований, основанных не только на письменных источниках, но и использовавших фольклорные источники, например, пословицы, литературные памятники, этнографические материалы (работы Ф. Энгельса) и т. д. Знание различных типов источников необходимо каждому историку, равно как умение использовать те специальные приемы и способы анализа, которые разработаны в смежных с историей и источниковедением науках, т. е. методику изучения различных типов источников.

Роды письменных источников

Определив и кратко охарактеризовав типы источников, обратимся теперь к основному и главному для историка типу — к письменным источникам.

Историки и источниковеды, занимающиеся изучением преимущественно письменных источников, давно уже обратили внимание на то, что этот тип источников довольно явственно разделяется на две большие категории. К одной из них относятся те письменные источники, которые были созданы как связное повествование о прошлом или как рассказ о настоящем, предназначенный для современников или потомков. К другой категории исследователи относили те письменные источники, которые создавались человеком или обществом в процессе его личной и общественной жизни, для удовлетворения текущих потребностей, в результате его экономической, политической, культурной и т. п. деятельности.

Такое деление письменных источников не могло, естественно, возникнуть слишком рано. Как об этом свидетельствует проведенный выше историографический обзор, оно появилось в русской исторической науке на том этапе ее развития, когда в источниковедении прочно укрепились и само понятие источника и, естественно, и сам термин «источник».

⁶⁹ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI—30-е годы XVII в. М., 1963.

⁷⁰ М. А. Варшавчик. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 167.

Начиная с 30-х годов XIX в. русские источниковеды начинают делить письменные источники на эти две категории. В разное время этим категориям присваивались различные наименования: разряды⁷¹, группы⁷², категории⁷³ и т. д. Историки пытались определить, какие источники — документальные или повествовательные — более достоверны и потому имеют большее значение для исследователя. Вначале историки склонялись к тому, что наибольшее значение имеют летописи и вообще повествовательные источники. Со второй половины XIX в. все больше и больше голосов раздавался в защиту документальных источников. Этот спор шел довольно долгое время как среди западных, так и среди русских историков, причем ни те и ни другие не разясняли главного: на каком основании проводится это деление?

Во второй половине XIX в. лишь немногие русские историки продолжали высоко оценивать повествовательные источники. Так, вслед за Э. Фриманом П. В. Голубовский также отдает предпочтение повествовательным источникам, по его терминологии «литературным памятникам», перед документальными, хотя и не отрицает большого источниковедческого значения последних. Его деление письменных источников осложняется дополнительным выделением иностранных материалов о России: автор так определенно и не сказал, относятся ли все они к числу «литературных памятников». Если судить по приведенным им примерам, то так оно и есть; но как быть тогда с западноевропейскими документальными материалами, в которых также есть сведения о России? Автор об этом умалчивает⁷⁴.

Для историографии начала XX в. стало типичным, когда тот или другой историк присоединяется к подобному делению письменных источников, но не определяет, по какому принципу оно проводится. Одни историки и источниковеды проводят это деление более последовательно⁷⁵, другие — менее⁷⁶, одни присоединяются к существующей уже терминологии⁷⁷, другие предлага-

⁷¹ П. М. Строев. Отчет об археографической экспедиции. — В кн.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 277.

⁷² С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Общий курс. СПб., 1894, стр. 33.

⁷³ Н. И. Кареев. Западная Европа в новое время (Революция и Наполеоновская эпоха). Пг., 1922, стр. 19.

⁷⁴ П. В. Голубовский. Материалы русской истории и отношение к ним в разное время. — «Исторический вестник», 1902, № 12, стр. 1008—1011.

⁷⁵ С. Ф. Платонов. Обзор источников русской истории летописного типа. СПб., 1905.

⁷⁶ Так, Г. Моно часть писем (философского, теологического, политико-экономического содержания) относит к «сочинениям», а остальные письма — к «актам» (С. Monod. La méthode en histoire. — «Revue bleue». 11—18 April 1908, p. 451).

⁷⁷ G. Wolf. Einführung in das Studium der neueren Geschichte. Berlin, 1910, S. 17—21; E. Meyer. Geschichte des Altertums. Bd. I. Hälfte 1, 3 Auflage. Stuttgart und Berlin, 1910, S. 211—233.

гают свою⁷⁸, но сущность подобного деления от этого не меняется.

Среди исторических и источниковедческих работ начала XX в. в этом плане интересны литографированные общие курсы русского историка-медиевиста Д. Н. Егорова; его взгляды значительно изменялись в соответствии с общим развитием источниковедческой мысли в это время. Так, в курсе 1909—1910 гг. он поддерживает распространенное в то время деление источников на официальные и неофициальные⁷⁹, причем внутри этих двух категорий он дает более дробное деление, касаясь, главным образом, источников эпохи крестовых походов. Однако уже в курсе 1913 г. он отказывается от этого деления, дает развернутую и аргументированную его критику и склоняется к тому, чтобы делить письменные источники на памятники делового характера (грамоты, акты, договоры и т. д.) и памятники повествовательного характера⁸⁰.

В начале XX в. в русской исторической науке имелось несколько точек зрения. Преобладающей среди них было деление письменных источников на документальные и повествовательные, причем различные исследователи проводили это деление, исходя из разных принципов (например, преднамеренность в отношении к истории, современность событиям, подлинность и достоверность отображения действительности и т. д.). Небольшая группа ученых, опасаясь схематизации и упрощенчества, выделяла еще переходные по своему характеру источники. Предложенное деление письменных источников на официальные и неофициальные русской исторической наукой было отвергнуто.

Показательно, однако, что крупнейший представитель русского буржуазного источниковедения акад. А. С. Лаппо-Данилевский отказался от деления письменных источников на документальные и повествовательные. Причину этого надо искать, видимо, в том, что деление источников на документальные и повествовательные, как исходящее из свойств и особенностей самого источника и не зависящее от воли исследователя-источниковеда, оказалось неприемлемым для А. С. Лаппо-Данилевского, который, как правильно отметил С. М. Каштанов, клал в основу классификации не различие самих источников, а различие в точках зрения, с которых исторический источник изучается⁸¹. По существу отказ

от деления источников по объективным присущим им признакам был направлен против марксистского понимания объективного характера источников и, следовательно, объективных законов развития человеческого общества.

Работы, вышедшие в первое десятилетие советской власти, продолжали в основном придерживаться прежнего традиционного деления письменных источников на документальные и повествовательные, лишь незначительно варьируя терминологию. Были выражены и некоторые сомнения в целесообразности подобного деления. Так, Н. И. Кареев, отметив сложность и условность любого деления, пишет: «деля источники на документальные и нарративные, среди источников этой второй категории (т. е. среди повествовательных источников. — Л. П.) ... иногда трудно провести грань, которая определила бы, что мы имеем перед собою — сырой ли материал или уже известную его обработку»⁸². Как мы видим, самый принцип деления источников на документальные и повествовательные у автора не вызывает сомнения, он лишь затрудняется отделить повествовательный источник от исторического исследования, что вообще типично для источников новейшего времени⁸³.

Несколько иное деление письменных источников предложил А. В. Шестаков. Он делит их на исторические литературные источники (т. е. факты историографии, куда относятся книги, брошюры, статьи в журналах, сборниках, газетах) и на первоисточники, общую характеристику которых он дать затрудняется⁸⁴.

Традиционное, выработанное еще дореволюционной буржуазной историографией деление письменных источников на документальные и повествовательные было закреплено в советской исторической науке акад. М. Н. Тихомировым. В первом издании своего курса по источниковедению истории СССР он четко изложил это деление: «Виды письменных источников могут быть разделены на две большие группы: памятники литературного и памятники актового характера. К первой группе относятся летописи, хроники, хронографы, жития, мемуары, памфлеты и т. д.

⁷⁸ Н. И. Кареев. Теория исторического знания, стр. 93—97.

⁷⁹ Л. Н. Егоров. Всеобщая история. Эпоха крестовых походов. Литографированные записки слушателей Московского коммерческого института по лекциям Д. Н. Егорова, читанным в 1909/10 академическом году. М., 1910, стр. 7.

⁸⁰ Д. Н. Егоров. Средние века. Историография и источниковедение. Вып. II. Литографированные записки слушателей Историко-философского факультета Московских высших женских курсов. 1912/13 уч. год. М., 1913, стр. 102. См. также: Д. Н. Егоров. Введение в изучение средних веков (историография и источниковедение), ч. II, курс 1915/1916 уч. года. М., 1916, стр. 39—40.

⁸¹ С. М. Каштанов. Источниковедение. — В кн. «Очерки истории исторической науки», т. III. М., 1963, стр. 576.

⁸² Н. И. Кареев. Западная Европа в новое время, стр. 19.

⁸³ См. об этом более подробно: Л. М. Пушкарьов. Историчне джерело та історичне дослідження. — «Український історичний журнал», 1965, № 9, стор. 40—46.

⁸⁴ А. В. Шестаков. Методика исторического исследования. Воронеж, 1929, стр. 18—19. В это же время вышли работы, авторы которых сознательно отказываются от какого бы то ни было деления письменных источников (А. М. Богдашов. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924, стр. 292; К. Erslev. Historische Technik. Die historische Untersuchung in ihren Grundzügen dargestellt. Aus dem Dänischen übersetzt von Ebba Brandt. München und Berlin, 1928, S. 7—9; E. Keyser. Die Geschichtswissenschaft. Aufbau und Aufgaben. München und Berlin, 1931, S. 57—58; С. Н. Быковский. Методика исторического исследования, стр. 35—41.

Ко второй группе принадлежат все грамоты или акты в широком смысле этого слова, законодательные памятники, письма, юридические документы и т. д.»⁸⁵ Правда, М. Н. Тихомиров не сказал, по какому принципу следует производить это деление; не совсем удачна и принятая им терминология («памятники литературного и памятники актового характера»); не все из перечисленных им видов источников можно отнести к актам или к литературным произведениям.

Вышедшие в свет после книги М. Н. Тихомирова источниковедческие исследования, касавшиеся проблемы деления письменных источников, не принесли ничего принципиально нового в это деление. Большая часть авторов присоединилась к точке зрения акад. М. Н. Тихомирова.

За истекшие полвека советская историография неоднократно стремилась связать деление письменных источников на документальные и повествовательные с проблемами достоверности (М. Н. Тихомиров), близости источника к отраженным в нем событиям (В. П. Данилов и С. И. Якубовская) и т. д. Однако до сих пор в советской исторической науке не достигнуто единения мысли по вопросу: что же лежит в основе подобного деления? Чем именно отличаются документальные источники от повествовательных? Лежит ли это отличие в сущности самих источников, или же подобное деление — лишь один из приемов систематизации материала исследователем и поэтому он легко может быть заменен иным? Особо следует отметить точку зрения А. Н. Мальцева: он исходил из того, что не все письменные источники легко укладываются в эту схему, что есть такие памятники письменности, которые не могут быть бесспорно причислены ни к документальным, ни к повествовательным.

Нерешенность вопроса о принципе деления письменных источников привела и к упоминавшемуся уже выше терминологическому разнообразию. Утверждение в советском источниковедении термина «группы» (это произошло после выхода в свет первого издания учебного пособия М. Н. Тихомирова) привело к тому, что деление источников на документальные и повествовательные стали рассматривать как простую группировку материала, в лучшем случае — допустимую, но не обязательную.

Рассмотрим сначала те принципы, которые предлагалось положить в основу деления письменных источников.

1. Принцип преднамеренности источника, несмотря на кажущуюся его убедительность, не может быть положен в основу деления. Многие источниковеды пытались доказать, что документальные источники создавались без расчета на будущее, а повествовательные имели явную цель: «да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу». В связи с этим ста-

вилась и проблема достоверности непреднамеренных повествовательных источников. Однако мы знаем большое количество документальных источников, создаваемых с явным расчетом на будущее, т. е. преднамеренных. Таковы завещания, многие разновидности актов, некоторые разновидности законодательных источников и т. д. С другой стороны, даже в самых преднамеренных повествовательных источниках, созданных с явно выраженным и даже декларированным расчетом на будущее, опытный источниковед всегда найдет такие факты, явления, черты, которые были высказаны автором данного источника непреднамеренно, возможно, даже против его собственного желания, и именно эти факты, явления, черты и могут оказаться наиболее существенными и важными для историка⁸⁶.

2. Степень близости источника к отраженному в нем событию также не может быть положена в основу деления. Многие документальные источники создаются долгое время спустя после того, как совершатся те или иные факты и события, о которых говорится в источнике, однако от этого источник не перестает быть документальным. С другой стороны, многие повествовательные источники говорят не только о делах давно минувших дней, преданьях старины глубокой, но и о событиях настоящего — и не перестают от этого быть повествовательными. В связи с этим отпадает и возможность деления письменных источников на остатки и традицию как весьма условного и относительного, ибо каждый повествовательный источник есть остаток от своего времени, а многие документальные источники несут в себе элементы традиции, когда касаются событий, свершившихся до составления документа.

3. Форма изложения, столь отличная в документальных и повествовательных источниках, принципом деления также служить не может. Правда, многие источниковеды, называя повествовательные источники «литературными памятниками», как бы подчеркивали, что все дело здесь — в художественных образах, способствующих своеобразному отображению действительности в источнике. Однако, с одной стороны, отнюдь не все повествовательные источники можно отнести к числу художественных, литературных, а с другой стороны, художественные образы, художественная выразительность языка присуща не только повествовательным, но и документальным источникам⁸⁷.

Никаких других принципов деления письменных источников предложено не было, и в то же время преобладающее количество

⁸⁵ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII в., стр. 11.

⁸⁶ Весьма убедительную критику этого принципа деления см. у французского источниковеда Маршала: «L'histoire et ses méthodes». Paris, 1961, p. 1351—1353.

⁸⁷ См. об этом: В. В. Данилов. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века. — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. XI. М.—Л., 1955, стр. 209—217.

историков охотно употребляли понятия «документальные» и «повествовательные» источники. Одно это должно уже заставить историков задуматься над тем, что такое деление не случайно, что это — не прихоть историка, а внешнее выражение более глубоких внутренних различий, присущих самим источникам, а не привносимых в них исследователями.

С нашей точки зрения, внутренним признаком, отличающим документальные источники от повествовательных, является преобладание отображения или воплощения действительности в источнике. Различные письменные источники по-разному отображают и воплощают в себе реальные, объективные события жизни. В одних источниках отображается и далекое прошлое в виде рассказа, предания (устного или письменного) и живое настоящее, ибо любой источник есть одновременно и исторический факт, тысячами нитей связанный со средой, временем и местом своего создания. В других источниках гораздо меньше или совсем ничего не говорится о том прошлом, которое совершилось до создания самого источника, но зато гораздо больше различных фактов, сведений, черт и т. д., которые свидетельствуют о многообразном воплощении реальной исторической действительности в данном письменном источнике. В первом случае мы говорим о повествовательных источниках (рассказывающих о прошлом или настоящем), во втором — об источниках документальных (т. е. тех, которые сами по себе являются как бы документом, подтверждающим историческое настоящее — настоящее, конечно, по отношению ко времени создания документа!).

Что же отличает и что сближает между собою документальные и повествовательные источники? Прежде всего, пельзя понимать упрощенно: документальные источники воплощают в себе историческую действительность, а повествовательные — отображают ее через сознание их авторов. Вопрос обстоит куда сложнее. Любой источник и отображает, и воплощает в себе историческую действительность одновременно; он представляет собою диалектическое, неразрывное единство двух этих процессов. Все дело, следовательно, в том, какой из двух этих процессов — отображение или воплощение — преобладает в данном источнике. Если источник больше рассказывает о прошлом, совершившемся до возникновения самого источника, или повествует о настоящем в виде связного рассказа — перед нами источник повествовательный; если автор источника не ставит своей целью дать связный рассказ о событиях, а просто фиксирует происходящее, то мы имеем дело с документальным источником. Однако оба эти процесса всегда сосуществуют в любом историческом источнике. Возьмем для примера два удаленных друг от друга источника — Толстовский список Новгородской первой летописи середины XVIII в. и докладную записку А. Н. Насонова в дирекцию Института истории АН СССР от 28 сентября 1948 г. о необходимости и плане издания Новгородской первой летописи. Толстовский

список, как известно, представляет собою копию с Академического списка той же летописи, снятую в 50-х годах XVIII в., когда в Академическом списке было утеряно только 8 листов (сейчас в нем отсутствуют 55). В Толстовском списке рассказывается о событиях 854—1442 гг. Он, следовательно, отобразил в летописной, повествовательной форме все важнейшие события истории Древней Руси до середины XV в. Но в то же время реальная жизнь и культура XVIII в. воплощены непосредственно в самом списке — в бумаге, переплете, почерке, пометах, которые сделаны на рукописи, в водяных знаках, экслибрисе Ф. А. Толстого, именем которого и назван список, наконец, в описках, ошибках, перестановках и т. д. писца, копировавшего оригинал.

Докладная записка А. Н. Насонова кратко рассказывает об истории издания Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, доказывает целесообразность новой публикации, излагает план и методы издания и сообщает сведения о возможных сроках исполнения⁸⁸. Она, следовательно, отобразила в своем содержании историю издания самой летописи и ее изучения, начиная с XVIII в., но главным образом воплотила в себе реальную историческую действительность середины XX в., засвидетельствовав собою и интерес к этой тематике в Институте истории АН СССР, и уровень советской археографии в это время, и определенный этап в творческом пути этого выдающегося историка летописания, и т. д. Все это воплощено также и в форме документа (докладная записка), и в пометах директора Института акад. Б. Д. Грекова на нем и т. д.

Конечно, не во всех случаях источниковеду легко бывает определить — повествовательный или документальный источник находится перед ним. Бывают и такие случаи (а они нередки!), когда источник рассказывает не о прошлом, а о настоящем, — и в то же время это настоящее не только воплощается в источнике, но и своеобразно отображается в нем. Дело в данном случае не в форме изложения — документальная она или повествовательная. Возьмем в качестве примера «Домострой». Что это такое? В. И. Корецкий склонен видеть в нем источник скорее документального, чем повествовательного характера («свод правил поведения горожанина, которыми он должен руководствоваться в отношении к светским властям и церкви, семье и слугам»⁸⁹). Деловым памятником его считает и М. А. Соколова⁹⁰. Ряд исследователей относит этот памятник к числу не только повествовательных, но и даже литературных. Так, В. Г. Смолицкий

⁸⁸ В своих важнейших чертах докладная записка легла в основу предисловия к книге «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 3—12.

⁸⁹ В. И. Корецкий. Домострой. — «Советская историческая энциклопедия», т. 5. М., 1964, стб. 299.

⁹⁰ М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957.

пишет: «Домострой — памятник древнерусской литературы»⁹¹. Большая часть исследователей вообще отказывается от отнесения этого источника к тому или иному роду, давая ему описательные характеристики типа: «Домострой Сильвестра — один из памятников, рисующих нормы быта зажиточного горожанина»⁹². Объясняется это, конечно, тем, что данный источник не только отобразил в своем содержании развитие экономической и педагогической мысли к середине XVI в.; старые представления зажиточного горожанина еще очень сильны в этом источнике и явственно в нем проглядывают. Но одновременно этот же источник воплотил в себе и все то новое, что было характерно для его времени — и связь хозяйства с рынком, и добровольную службу бывших холопов и многое другое, вплоть до паставлений о приготовлении пицци, приеме гостей и свадебных обрядах того времени.

Пример с «Домостроем» не единичен. Среди письменных источников нового и новейшего времени мы находим много таких, которые стоят на грани документальных и повествовательных источников. Возьмем для примера отчет — он может быть и сугубо документальным (отчет об израсходованных за время командировки суммах), и носить в себе элементы повествования (отчет о проделанной работе за определенный промежуток времени), и быть попросту повествовательным источником (отчет об археографической экспедиции П. М. Строева или же регулярно публикуемые в Трудах ОДРЛ отчеты В. И. Малышева об археографических поездках и т. д.). В этом отношении прав был А. Н. Мальцев, говоривший о «прокрустовом ложе» двучленного деления письменных источников.

Однако наличие таких «переходных» от документальных к повествовательным источникам памятников вовсе не должно, на наш взгляд, поставить под сомнение саму идею деления источников. Процесс отображения и воплощения действительности в историческом источнике сложен и многогранен в своем диалектическом единстве. В определенное время и в определенных условиях он проявляется различными своими сторонами в разных исторических источниках. Диалектическое единство отображения и воплощения действительности как раз и приводит к тому, что обе эти стороны одного и того же процесса сосуществуют, взаимно переходят друг в друга, что не исключает, а наоборот, предопределяет наличие переходных письменных источников, в равной степени и отображающих, и воплощающих историческую действительность. Между документальными и повествовательными источниками нет непроходимой грани.

⁹¹ В. Г. Смолицкий. Домострой. — «Краткая литературная энциклопедия», т. 2. М., 1964, стб. 742.

⁹² А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958, стр. 69.

Но если грань между документальными и повествовательными источниками так зыбка и легко переходима, какой смысл имеет тогда само это деление? Нужно ли оно вообще, что оно дает источниковеду? Отвечая на этот вопрос, следует прежде всего подчеркнуть, что документальность (или повествовательность) источника — это его реальное, объективное свойство, с момента возникновения присущее источнику, а не приносимое в него исследователем. Источниковед может найти и выделить в документальном источнике его повествовательную часть (например, в акте так называемое *narratio*), он может выявить тесную зависимость повествовательного источника от делопроизводства того или иного учреждения, но он не может изменить по своему желанию характер источника и превратить деловую бумагу в повествование о прошлом. Следовательно, это деление вытекает из самой природы письменного источника, оно органично связано с процессом отображения и воплощения действительности в источнике.

Какова связь этого деления с проблемой достоверности? Прямой связи, конечно, нет. Ошибочно полагать, что один источник достовернее другого в силу только своего происхождения. Проблема достоверности — одна из важнейших проблем теоретического источниковедения, решение которой зависит от выяснения самых разнообразных сторон исторического источника (причин и цели возникновения, условий происхождения, влияния породившей среды, условий наблюдения действительности, возможностей и способностей автора источника и т. д.). Отображение и воплощение в источнике реальной действительности — лишь одна из составляющих проблему достоверности, но это такая составляющая, которая (при прочих равных условиях, конечно) иногда предопределяет собою вопрос о достоверности источника, о возможности его использования. Возьмем в качестве примера воспоминания очевидцев 9 января 1905 г., среди которых был и А. М. Горький. О своих впечатлениях, которые потрясли и ужаснули его, он в тот же день написал в письме к Е. П. Пешковой⁹³. Известно, что воспоминания очевидцев собирались и дошли до наших дней в фонде Д. Ф. Трепова⁹⁴. Помимо этих документальных источников до нас дошли и литературные произведения Горького на эту же тему, начиная с очерка «9-е января», написанного в декабре 1906 г., и кончая романом «Жизнь Клима Самгина»⁹⁵. При всей несомненной искренности и правдивости Горького как писателя и как политического деятеля, при всей точности и образности его характеристик, при всей глубине

⁹³ А. М. Горький. Собр. соч., т. 28. М., 1954, стр. 346—349.

⁹⁴ Очевидцы о 9 января 1905 г. в Петербурге. — «Исторический архив», 1955, № 1, стр. 73—90.

⁹⁵ А. Я. Тарарев. Тема Девятого января в творчестве А. М. Горького. — «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. Материалы, воспоминания, исследования». М., 1957, стр. 170—182.

его поэтического и политического прозрения, все его художественные произведения на тему о 9 января так и останутся литературными произведениями. Историк обязан учитывать их в своей работе, он вправе использовать их и в качестве источника, но источника вспомогательного по сравнению с документальными свидетельствами очевидцев, хотя они ни в какое сравнение не идут с произведениями великого писателя. В то же время и сами воспоминания очевидцев могут быть правильно поняты и оценены лишь в сопоставлении и в сравнении с официальными документами, отобразившими в своем содержании не только сами события 9 января, но и подготовку «Кровавого воскресенья», воплотившими в себе мельчайшие подробности начала первой русской буржуазно-демократической революции. Мы не можем отказать сведениям, сообщенным Горьким в его художественных произведениях, в достоверности, но мы должны учитывать, что он создавал их спустя годы и десятилетия после 9 января. Поэтому они явились отображением не только его собственных непосредственных впечатлений, но и сведений, полученных от других участников и очевидцев; нельзя не учитывать, наконец, и образного, специфически горьковского видения мира, которое наложило свой неповторимый отпечаток на его произведение⁹⁶.

Установление документальности или повествовательности письменного источника необходимо в первую очередь для определения тех приемов и способов его изучения, которые могут дать наиболее полные результаты. Известно, что различные источники изучаются разными способами и приемами. Значительная часть этих способов является общей для всех письменных источников; однако есть и такие особенности, которые заставляют нас, например, выделить дипломатику как особую часть источниковедения, изучающую преимущественно акты; имеет свою специфику также и изучение мемуаров, художественных произведений как исторического источника, родословных книг, посольских донесений и т. д. Установление документальности или повествовательности письменного источника сразу помогает исследователю определить, какими приемами и способами может он извлечь из источника необходимые ему факты, какова степень их полноты и достоверности, каковы пути дальнейшего изучения источника.

Все сказанное не означает, что методы изучения летописей, например, не могут быть применены к изучению актового материала: работы Л. В. Черепнина и А. А. Зимина — образец применения методов изучения повествовательных источников к делопроизводственным и наоборот⁹⁷. Подобное расширение способов и методов изучения лишь повышает уровень исследования.

Однако выработка подобных приемов и способов возможна лишь на определенных — документальных или повествовательных — письменных источниках.

В заключение следует отметить два частных, но весьма важных вопроса. Первый: не противоречит ли это деление источников на документальные и повествовательные второму правилу деления в формальной логике, которая гласит, что члены деления должны взаимно исключать друг друга? Полагаю, что наличие переходных памятников, объединяющих в себе черты документальных и повествовательных источников, этому правилу деления не противоречит. Общественные явления (к которым принадлежат и исторические источники!) всегда сложны и противоречивы; границы между ними часто бывают расплывчаты и легко переходимы; в недрах одного явления всегда зреют элементы другого, идущего ему на смену, и т. д. Равным образом мы находим в документальных источниках элементы повествования, а в повествовательных — элементы документальности, однако это не должно служить препятствием к делению письменных источников.

И, наконец, вопрос терминологии: как нам именовать эти две категории? В практике советского источниковедения, как уже говорилось выше, утвердился термин «группы». Он кажется мало удачным, во-первых, потому, что допускает мысль о возможности какой-то другой группировки, так же допустимой, как и эта; а, во-вторых, потому, что само понятие «группы» включает в себя временное или случайное объединение предметов, явлений, лиц, событий и т. д., не носящее постоянного характера.

Логичнее всего эти категории было бы именовать «классами», т. е. так, как это и принято в логике, философии, биологии и т. д., где «типы» делятся, как правило, на «классы». Однако термин «классы» в исторической науке традиционно применяется совсем в ином смысле, и нам кажется, что не случайно в практике и русского и советского источниковедения отсутствует деление источников на «классы». В то же время термин «род», как об этом свидетельствует и практика современного русского литературного языка, обозначает «каждый класс предметов, в состав которого входят другие классы предметов, являющиеся его видами»⁹⁸.

Именно так обстоит дело и в источниковедении: документальные и повествовательные источники — это два больших рода письменных источников, в свою очередь распадающихся на более мелкие составные части. Деление письменных источников на роды вытекает из объективных, присущих источникам свойств, связанных с процессом отображения и воплощения действительности в источнике. Категории, полученные при подобном делении, правильнее всего именовать «родами».

⁹⁶ См. также «А. М. Горький и события 9 января 1905 г. в Петербурге». — «Исторический архив», 1955, № 1, стр. 91—116.

⁹⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1—2. М.—Л., 1948—1951; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

⁹⁸ «Словарь современного русского литературного языка», т. 12. М.—Л., 1961, стб. 1373.

Само понятие «вид письменного источника» появилось в русской исторической науке лишь в конце XIX в., на том этапе ее развития, когда источниковедение начало оформляться в особую вспомогательную историческую дисциплину, имеющую свой предмет и свою методику изучения. Это вовсе не означает, однако, что на протяжении XVIII—XIX вв. ученые не имели никакого представления о видах письменных источников. Наоборот, начиная с первых шагов исторической науки в России исследователи неизменно выделяли такие, например, виды письменных источников, как летописи, хронографы, акты, повести, делопроизводственную документацию и т. д. Конечно, не все эти виды были сразу же выделены и определены; процесс этот был длительным и неравномерным, он был теснейшим образом связан с развитием исторической науки в целом, с открытием и приведением в известность новых видов письменных источников и т. д., хотя сам термин «вид» пока еще и не был введен в научный оборот. Русские историки предпочитали вообще давать простой перечень источников; даже работы по теоретическому источниковедению, вышедшие в это время, ничего не говорят о делении письменных источников на виды⁹⁹.

Дальнейший ход развития исторической науки потребовал уточнения терминологии. Различные историки по-разному начали называть те или иные группы письменных исторических источников. Так, М. О. Коялович и К. Н. Бестужев-Рюмин именовали их «родами»¹⁰⁰, Э. Бернгейм — «группами»¹⁰¹, А. Н. Пыпин — «разрядами»¹⁰², В. О. Ключевский — «отделами»¹⁰³ и т. д. Однако уже

в конце XIX в. наметилась тенденция закрепить за результатами этого деления письменных источников термин «вид» как наиболее полно и удачно отражающий сущность предлагаемого деления. Этот термин мы впервые встречаем у В. О. Ключевского (правда, наряду с термином «отдел») и у С. Ф. Платонова¹⁰⁴; ученые двух важнейших школ — Московской и Петербургской — пришли к употреблению этого термина. Это не означало, конечно, повсеместного и окончательного утверждения уже в это время данного термина¹⁰⁵. Его авторитетное признание наступило в 1913 г., когда вышел второй выпуск известного методологического труда А. С. Лаппо-Данилевского. Вторую главу этого выпуска он так и назвал: «Главнейшие виды исторических источников». Правда, А. С. Лаппо-Данилевский, столь щепетильный обычно в употреблении терминов, никак не мотивировал правомочности применения данного термина, как этого не сделали, впрочем, и другие историки¹⁰⁶. Вслед за А. С. Лаппо-Данилевским этот же термин употребляет и Н. И. Кареев: пятую главу своей методологической монографии он назвал «Разные роды и виды исторических источников», оценив тем самым соотношение рода и вида в источниковедении. Н. И. Кареев совершенно справедливо говорит также и о неразработанности терминологии в источниковедении, хотя сам применяет эти термины¹⁰⁷.

Итак, русское дореволюционное источниковедение на конечном этапе своего развития пришло к выводу о том, что письменные источники делятся на роды, а те в свою очередь на виды. Были выявлены, охарактеризованы и перечислены важнейшие виды письменных источников — такие, как летописи, акты, грамоты, мемуары, жития, сказания, письма и т. д. Вместе с тем ни научного определения вида, ни выяснения того, по каким признакам он выделяется и что входит в понятие «вид», дано не было.

Советские исследования по источниковедению первых десятилетий Советской власти или совсем не пользуются этим термином или употребляют его в ином, произвольно избранном автором значении. Так, В. И. Пичета под «видом» понимает то, что мы теперь именуем термином «тип». Он различал три вида источников —

⁹⁹ Однако уже в это время, не владея развернутой аргументацией и не слишком заботясь о точной терминологии, русская историческая наука ставит вопрос о разной степени значения различных видов письменных источников. Характерна в этом плане мысль, высказанная одним из историков того времени в заключении к своему исследованию: «По важности и достоверности *первым, основным* источником для истории должно признать официальные государственные акты и соответственные записки главных действующих лиц; потом сказания их современников и, наконец, уже — свидетельство позднейших писателей» (*Н. В. Савельев-Ростиславич*. Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы. М., 1837, стр. 155).

¹⁰⁰ *М. О. Коялович*. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, стр. 37; *К. Н. Бестужев-Рюмин*. Рецензия на «Опыт русской историографии» В. С. Иконникова. — «ЖМНП», 1892, № 9, стр. 182.

¹⁰¹ *E. Bernheim*. Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig, 1889, S. 256.

¹⁰² *А. В-н* [*А. Н. Пыпин*]. Приемы исторической работы. — «Вестник Европы», 1893, кн. 1, стр. 266 (статья представляет собою рецензию на «Опыт русской историографии» В. С. Иконникова).

¹⁰³ *В. О. Ключевский*. Соч., т. 6. М., 1959, стр. 474. Встречается и термин «категория» — см. *П. Н. Миллюков*. Источники русской истории и рус-

ская историография. — «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», полутом 55. СПб., 1899, стр. 432.

¹⁰⁴ *В. О. Ключевский*. Соч., т. 6, стр. 477 (курс 1894 г.); *С. Ф. Платонов*. Лекции по русской истории. Общий курс, стр. 33, 75 и др. (Литографированное издание); *он же*. Обзор источников русской истории летописного типа. Лекции, читанные в императорском Археологическом институте в 1904/1905 acad. году. СПб., 1905, стр. 4.

¹⁰⁵ Так, *Д. Н. Егоров* употреблял термин «ряд». См. его «Всеобщая история. Эпоха крестовых походов», стр. 9.

¹⁰⁶ *А. С. Лаппо-Данилевский*. Методология истории, вып. II. СПб., 1913, стр. 380—404.

¹⁰⁷ *Н. И. Кареев*. Теория исторического знания, стр. 90—110; *он же*. Историка. Пг., 1916, стр. 47—66.

вещественные, устные и письменные¹⁰⁸. С. Н. Быковский называет «видами» те группы документов, которые входят в более общее понятие «юридические памятники», причем перечисляет как виды в собственном смысле этого слова (например, законодательные памятники), так и явно неопределенные группы, в свою очередь состоящие из различных видов исторических источников (например, документы военного характера)¹⁰⁹.

В дальнейшем в процессе развития советской исторической науки все больше и больше совершенствовалась и терминология источниковедения. Этому в значительной степени способствовало появление учебных пособий и особенно учебных программ по источниковедению. Так, деление письменных источников на виды и разновидности было четко зафиксировано уже в первом печатном проекте программы Московского государственного историко-архивного института и повторено затем в последующих переизданиях¹¹⁰. Историки и источниковеды начинают широко пользоваться термином «вид», хотя еще по-прежнему не определяют содержания этого понятия¹¹¹. Критикуя состояние советского источ-

никоведения, В. П. Данилов и С. И. Якубовская первые обратили внимание на необходимость дать ясное определение вида письменного источника и попытаться осуществить на практике деление письменных источников на виды¹¹².

Попытку определить в самой общей форме вид письменного источника первыми сделали С. М. Каштанов и А. А. Курносков. В своей статье они пишут: «Под видами письменных источников мы понимаем такие группы памятников, которые имеют сходные внешние признаки происхождения, содержания и формы. Сам по себе вид есть категория вторичная, производная от породивших его отношений»¹¹³. Рассмотрим более подробно это определение и прежде всего отметим правильность вывода авторов о вторичности категории вида. Если типы и роды источников являются выражением глубоких внутренних различий, связанных с процессом отображения и воплощения действительности в источнике, то виды (и разновидности, конечно) источников являются, как это будет показано ниже, выражением, проявлением формы исторического источника, и в этом смысле категория вида, конечно, вторична.

Но определение С. М. Каштанова и А. А. Курносова страдает неточностями. Прежде всего, трудно согласиться с авторами, что в понятие вида входят «сходные внешние признаки содержания» источника. Как это понять? Что означает «внешний признак содержания»? И если есть внешний признак, то значит есть и внутренний признак содержания — а что это такое? Полагаю, что термин «внешний» признак мало удачен: прежде всего внешнее различие нередко бывает проявлением внутренних качеств и свойств; кроме того, внешние признаки источника (например, почерк и т. д.) могут быть общими для различных видов. Представляется сомнительным также, что признаки содержания могут служить критериями для определения вида письменного источника. Выше уже говорилось, что одно и то же содержание нередко отражается не только в разных видах, но и в разных родах и типах исторических источников.

Могут ли внешние признаки происхождения служить критерием для выделения вида? Под происхождением источника авторы понимают «сумму признаков, определяющих место источников в общественной жизни: их целевое назначение, авторство, об-

¹⁰⁸ В. И. Пичета. Введение в русскую историю (источники и историография). М., 1923, стр. 5. В таком же смысле этот термин употреблен и в авторецензии С. Н. Быковского на свою книгу «Методика исторического исследования». — «Сообщения ГАИМК», 1931, № 11—12, стр. 76. Эта терминология держалась довольно долгое время (М. П. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940, стр. 7; А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. Что такое археология. Изд. 2-е. М., 1959, стр. 35; В. В. Лаптев. Введение в курс истории СССР, стр. 48; В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, стр. 7; А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций. Изд. 2-е. М., 1966, стр. 137 и другие работы).

¹⁰⁹ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования, стр. 20.

¹¹⁰ Программа курса «Источниковедение истории СССР» (для МГИИ). М., 1954, стр. 3; М., 1957, стр. 3; М., 1963, стр. 3.

¹¹¹ Вот несколько примеров: А. Н. О критике исторических источников. — «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 282; В. К. Якушкин. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР. — «Труды МГИИ», т. XI. М., 1958, стр. 135—139; В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, стр. 46—47; «Обсуждение проблем советского источниковедения». — «Вопросы архивоведения», 1961, № 4, стр. 60—66; Р. С. Мухомова. О преподавании источниковедения новой истории. — «Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 128; В. А. Дуневский. Некоторые особенности чтения курса «Источниковедение новой и новейшей истории». — «Новая и новейшая история», 1961, № 6, стр. 123; С. О. Шмидт. Вопросы преподавания источниковедения. — «Новая и новейшая история», 1962, № 4, стр. 113; В. И. Якушкин. О последовательном соблюдении «видового принципа» в построении курса источниковедения. — «Новая и новейшая история», 1962, № 5, стр. 98—100; К. Д. Антадзе. Из опыта преподавания источниковедения. — «Новая и новейшая история», 1963, № 2, стр. 133—134; И. С. Смирнов. Большое и нужное дело. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, стр. 165; В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. — 1917 г. М., 1962, стр. 14—27 и другие работы.

¹¹² В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества. — «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 7. Об этом же говорит и М. К. Макаров. О принципах классификации письменных источников (историография вопроса) — «Труды МГИИ», т. 16. М., 1961, стр. 28; см. также С. И. Якубовская. Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период. — «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР». М., 1962, стр. 195.

¹¹³ С. М. Каштанов, А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения, стр. 178.

стоятельства появления»¹¹⁴. Объяснение это не вполне ясно. Место источника в общественной жизни определяется не его происхождением, а всем ходом исторического процесса, и определяется оно спустя какое-то время после появления источника, когда становится ясным значение источника, его источниковедческий смысл. Определить место источника в общественной жизни — одна из задач источниковедческого анализа: происхождение является лишь одним излагаемых, в сумме своей определяющих источниковедческую ценность памятника. Но что бы авторы ни понимали под происхождением источника, внешние признаки происхождения не могут служить критерием для определения вида, ибо один и тот же автор может создать и письмо, и мемуар, и докладную записку, и художественную повесть. При одних и тех же обстоятельствах могут быть созданы делопроизводственные документы, акты, законодательные источники и т. д. Одно и то же целевое назначение могут иметь летопись, хронограф, повесть. Сходные признаки происхождения мы встречаем в самых разнородных видах письменных источников; основанием для выделения вида они служить не могут.

Таковы те возражения, которые могут быть сделаны по поводу этого определения; их пространность объясняется тем, что в нашей литературе детального анализа этого определения сделано не было. С. М. Каптанов и А. А. Курносков были пионерами в этом вопросе, они не имели предшественников и шли непроторенными путями, и даже если их определение вызывает сейчас возражения, то для своего времени его надо рассматривать как несомненное достижение.

От этого определения отталкивается в своей статье и М. К. Макаров. Он отметил, что «почти все исследователи, занимающиеся теоретическим источниковедением, предлагают в основу классификационной схемы положить «вид». Однако термин «вид» не имеет единого всеми принятого содержания, каждый понимал и понимает его по-своему»¹¹⁵. М. К. Макаров называет определение С. М. Каптанова и А. А. Курносова «наиболее полным», хотя и не отражающим всех особенностей такой категории, как «вид». Разбирая этот вопрос, автор дает свое определение вида: «видом является исторически сложившийся комплекс исторических памятников, объединенных единством цели создания, то есть назначения в историческом процессе, характером (названием), формуляром, аналогичными приемами источниковедческой критики, формой (внутренним содержанием, специфическими особенностями). Необязательно, чтобы эти моменты присутствовали все, например, мы не всегда можем четко определить формуляр памятника»¹¹⁶.

¹¹⁴ С. М. Каптанов, А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения, стр. 179.

¹¹⁵ М. К. Макаров. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР, стр. 8.

¹¹⁶ Там же, стр. 11—12.

Далее автор рассматривает некоторые виды письменных источников; при этом он делает ряд выводов, например, о том, что статистические источники — это не один вид, а совокупность различных видов.

В определении М. К. Макарова найдено объяснение того факта, что вид письменного источника возникает не произвольно, не зарождается сам собой, а складывается исторически — в результате развития самого исторического процесса и исторического источника. Автор подчеркнул также и значение формуляра для определения вида (в тех случаях, конечно, когда этот формуляр может быть выделен). Однако остальные признаки, применяемые автором для определения вида, не могут быть бесспорно приняты. Так, цель создания источника, как об этом уже говорилось выше, может быть одна у самых различных видов и разновидностей. Назначение источника в историческом процессе определяется самим исследователем в результате анализа, причем нередко разные ученые по-разному определяют назначение того или иного памятника, и уже в силу одного этого данный критерий как субъективный не может быть применен для выделения вида. Название источника (в том случае, конечно, когда оно дается самим источником, а не исследователем, т. е. самоназвание), конечно, может помочь в определении вида, однако при этом следует всегда иметь в виду, что заголовки источника нередко не соответствуют своему видовому определению: источник называет себя «повестью», а на самом деле это «житие»; документ имеет заголовок «отчет», а на самом деле это — научное описание и т. д. Археографу сплошь и рядом приходится сталкиваться с подобными фактами. Думаю, что и аналогичные приемы критики могут служить лишь пособием, а отнюдь не критерием для выделения вида. Автор прав, что документы одного вида, как правило, требуют одинаковых приемов источниковедческого анализа, однако путает здесь причину со следствием: аналогичность приемов критики есть следствие, результат анализа сходных источников, а не основание для деления источников. Известно, что методы анализа, выработанные на летописных текстах, могут быть применены к актовому материалу (см. работы Л. В. Черепнина), а методы анализа, выработанные на делопроизводственных источниках, успешно применяются для анализа повествовательных памятников (работы А. А. Зимина, И. П. Липицкого и др.). Наконец, вызывает сомнение правомерность обозначения формы источника как «внутреннего содержания» — а разве бывает «внешнее» содержание? Итак, автор внес некоторые существенные добавления в определение вида письменного источника, однако этого сложного вопроса до конца не решил.

Выход в свет сборников источниковедческих статей¹¹⁷ наглядно свидетельствовал о том, что в употреблении термина «вид»

¹¹⁷ «Исследования по отечественному источниковедению». Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964; «Проб-

продолжали господствовать стихийность и неясность, что и было отмечено рецензентами этих трудов¹¹⁸. О неразработанности теоретического обоснования понятия «вида» говорит и О. М. Медушевская. Она отметила, что С. М. Каштанов, А. А. Курпосов и М. К. Макаров «исходят из представления о комплексности признаков формы и содержания, определяющей видовые особенности»¹¹⁹, но никак не оценила их точки зрения.

Итак, перед советским источниковедением продолжает стоять задача определения вида письменного источника. Из приведенного выше разбора предшествовавших определений видно, на мой взгляд, что ни содержание, ни происхождение источника не могут быть положены в основание деления письменных источников на виды. Я полагаю, что в основе этого деления лежит уже проанализированная выше структура, внутренняя форма источника. Не содержание источника предопределяет собою видовые отличия, а те внутренние связи, в которых находятся отображенные и воплощенные в источнике черты реальной действительности. Возьмем для примера одно и то же реально существовавшее событие, например, сражение. Если в одном источнике рассказ об этом сражении будет изложен в форме погодной записи, в другом — как целостное художественное повествование, в третьем — как дневниковая запись участника, в четвертом — как служебное донесение с поля боя, в пятом — в форме газетного репортажа, в шестом — как воспоминание участника спустя какое-то время о пережитом и т. д., то это и даст нам возможность определить, что перед нами — летопись, историческая повесть, дневник, донесение, газетный репортаж, мемуары и проч. Именно внутренняя структура отличает акт от грамоты, историческую повесть от жития, хронограф от летописи. Внутренние связи, которые особым образом организуют отображенные и воплощенные в источнике факты, явления, события реальной действительности, — вот что определяет собою видовое своеобразие источника.

Означает ли это, что внешняя форма источника совсем не влияет на определение вида? Конечно, нет. И внешняя, и внутренняя форма источника так тесно взаимосвязаны, что друг без друга не существуют (равно, как форма и содержание источника вообще!). Но именно внутренняя форма определяет собою

форму внешнюю. Таким внешним проявлением внутренней формы являются формуляры и заголовки источника, штампы, печати, подписи, внешнее оформление источника (шапка, скоросшиватели и проч.), делопроизводственные пометы. Безусловно, эти внешние признаки формы помогают в определении вида, однако они играют явно второстепенную роль: они могут быть, но могут и отсутствовать; более того, внешние признаки формы могут вообще не отражать никаких видовых различий, они могут быть общими для нескольких видов источников и т. д. Так, само название источника «повесть» еще ни о чем не говорит: под этим термином в древнерусской письменности бытует и художественная историческая повесть, и житие, и поучение, и отрывок из хронографа или летописи, и наставление и т. д. То же самое можно сказать и о таких терминах, как «слово», «сказка» (известны сказки — делопроизводственные документы и сказки — фольклорные произведения), «судное дело» и др. Название источника, его формуляр может выражать видовые различия, его показания должны учитываться источниковедом, но только на его данных делить источники на виды без опасения впасть в ошибку невозможно.

Исходя из вышеизложенного, мне представляется более правильным говорить о категории вида как о таком исторически сложившемся комплексе письменных источников, для которых характерны сходные признаки их структуры, их внутренней формы. Виды письменных источников, сложившиеся в сфере делопроизводственной документации, зачастую характеризуются общностью формуляра, названия и других внешних признаков формы. Именно поэтому для определения видов и разновидностей делопроизводственных источников важнейшее значение имеют достижения и выводы документалистики и архивоведения¹²⁰. Виды письменных источников, сложившиеся в сфере нарративных (повествовательных) памятников, имеют меньше таких общих внешних признаков формы, они более индивидуальны в своем внешнем оформлении. Для определения таких видов письменных источников немаловажное значение имеют наблюдения филологов над формой и жанровыми разновидностями повествовательных памятников¹²¹.

Одним из наиболее сложных вопросов, связанных с категорией вида в источниковедении, является даже не само определение вида. Исследователи уверенно оперировали этим понятием еще до того, как было дано ему определение. И сейчас, в наши дни, несмотря на весь разноречивый в определении вида письменного источ-

лемы архивоведения и источниковедения». Материалы научной конференции архивистов Ленинграда 4—6 февраля 1964 г. Л., 1964; «Источниковедение истории советского общества». М., 1964; «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. I—II. М., 1965.

¹¹⁸ Л. Н. Пушкарев. Новое в отечественном источниковедении. — «Вопросы истории», 1965, № 10, стр. 144; В. И. Буганов. Рец. на сб. «Источниковедение истории советского общества». — «История СССР», 1966, № 1, стр. 163. См. также рецензию на этот сб. в «Studia źródłoznawcze», t. 12. Warszawa — Poznań, 1967, S. 223—224.

¹¹⁹ О. М. Медушевская. Развитие теории советского источниковедения. — «Труды МГИАИ», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 14.

¹²⁰ См. об этом «Некоторые вопросы развития теории советского архивоведения». — «Вопросы архивоведения», 1963, № 2, стр. 3—12; К. Г. Митяев. Документоведение, его задачи и перспективы развития. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 2, стр. 27—37.

¹²¹ Г. Л. Абрамович. Введение в литературоведение. М., 1965, стр. 225—282; Ф. М. Головенченко. Введение в литературоведение. М., 1964, стр. 236—288; М. Верли. Общее литературоведение. М., 1957, стр. 98—128.

ника, все исследователи эмпирически большей частью верно характеризуют отдельные виды источников. Гораздо более сложная проблема — это умение, правильно проанализировав структуру, внутреннюю форму источника, определить его вид, т. е. умение практически применять свои теоретические знания. Происходит это потому, что виды письменных источников существуют не изолированно, не разобщенно друг от друга. Всеобщая связь и взаимозависимость явлений в природе в области источниковедения проявляется, в частности, в глубокой органической взаимосвязи отдельных видов и разновидностей источников между собой. Все это приводит к тому, что многие виды и разновидности письменных источников образуют особые комплексы близких, однородных по своему характеру источников. Таковы статистические материалы, периодическая печать, военно-оперативные документы, судебные материалы и проч. Каждый из таких комплексов не может быть назван видом письменного источника, ибо состоит из различных документов с разной внутренней структурой, с неодинаковыми внешними проявлениями формы и т. д. Как следствие этого, различные документы, входящие в тот или иной комплекс, требуют и различных приемов своего анализа. И в то же время, при всем различии этих документов, есть такие черты, которые их объединяют, равно как имеются и такие приемы источниковедческого анализа, которые являются общими для всех документов данного комплекса. Выше уже говорилось, что М. К. Макаров был совершенно прав, когда отрицал за статистическими документами в целом право именоваться «видом»: на самом деле внутри этого комплекса находятся отдельные виды и разновидности документов, имеющие самостоятельное значение, обладающие различной внутренней формой и анализирующиеся разными источниковедческими приемами.

То же самое можно сказать, например, и о периодической печати. Исследователи давно уже отметили, что в это собирательное понятие входят самые различные виды и разновидности письменных источников. С одной стороны, печать может быть просто формой публикации законодательного акта, например, или распоряжения, указа и проч. В газете могут быть опубликованы и такие виды источников, как письма, воспоминания (мемуары), научные описания, путевые заметки, очерки и т. д. С другой стороны, в периодической печати мы встречаем и такие виды источников, которые характерны только для газеты, — репортаж, газетная информация, объявления, хроника собственных корреспондентов, некрологические и юбилейные материалы и проч. Все это — различные виды письменных источников, по-разному анализируемые исследователями: одно дело — изучение газетных публикаций законодательных актов и другое — анализ газетного репортажа как исторического источника. Но в то же время у всех этих видов и разновидностей есть и нечто общее, что и дает нам право объединить их в одну общую группу — «периодическую

печать»: это — форма публикации, большой тираж, усвоение того или иного факта громадным количеством читателей и — как следствие этого — невиданная действенность опубликованных в газете фактов, идей, лозунгов. Одно дело законодательный акт, надлежащим образом оформленный, но оставшийся неизвестным широким массам, и совсем другое «Декрет о мире» — законодательный акт, ставший достоянием широчайших трудящихся масс, активно участвовавший в историческом процессе, ставший программой действий, инициатором революционной борьбы, агитатором за политику партии большевиков.

В силу того что все опубликованные в периодической печати материалы имеют это общее, объединяющее их качество, присущее периодической печати как таковой, все эти материалы независимо от того, к какому виду источников они принадлежат, анализируются в этой общей своей части одними и теми же источниковедческими приемами, что и дает основание некоторым историкам выделять их в особую самостоятельную группу¹²². То же самое можно сказать и о других подобных же группах — таких, как документы партии и правительства, документы массовых организаций и проч.

Конечно, подобная группировка мотивирована и оправдана только тогда, когда она основывается на каком-нибудь важном общем качестве или свойстве входящих в данную группу источников. Это качество или свойство должно служить основанием для употребления того или иного источниковедческого приема, общего для всех видов и разновидностей источников, входящих в данную группу. Исходя из этого, нельзя, например, допускать в классификационной схеме, построенной по видовому принципу, группу «архивные материалы», как это делают некоторые источниковеды¹²³: хранение источника в архиве — не решающее свойство, требующее особых источниковедческих приемов исследования; такое выделение не имеет под собой логического основания. И совершенно напрасно некоторые историки оправдывают правомочность подобного выделения ссылками на удобство преподавания и специфику хранения¹²⁴: письменный источник не приобретает особого вида из-за того, что он будет храниться в архиве.

Сложность выделения вида письменного источника проявляется еще и в том, что некоторые близкие друг к другу источники

¹²² С. И. Антонова. Периодическая печать как исторический источник по истории СССР (1895—1917 гг.), вып. 1. М., 1966.

¹²³ К. Д. Антадзе. Из опыта преподавания источниковедения, стр. 133.

¹²⁴ Р. С. Мнухина. О преподавании источниковедения новой истории, стр. 127—132. См. также «Об источниковедении новой и новейшей истории (К итогам обсуждения)». — «Новая и новейшая история», 1963, № 4, стр. 123. Правильно отмечает бессмысленность с источниковедческой точки зрения деления источников на архивные и печатные также и М. А. Варшавчик. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, стр. 56—57.

одними исследователями причисляются к одному виду, другими — к другому. Известна глубокая взаимосвязь двух видов повествовательных источников — летописей и хронографов. Длительное время сосуществовали эти два вида источников, взаимно влияя друг на друга. В результате хронографическая манера рассказа проникла в летопись, а летописная форма повествования стала достоянием некоторых хронографов¹²⁵. Появились такие хронографы, которые частично состояли из рассказов хронографического типа, частично — из погодных летописных записей — так называемые хронографы с продолжениями, и историки нередко затрудняются, к какому виду источников отнести подобные списки — к хронографам или к летописям. То же самое можно сказать и о грамотах и актах: некоторые разновидности грамот могут быть отнесены к актам и наоборот¹²⁶.

Но все эти сложности и затруднения в определении вида конкретных письменных источников не должны, как мне кажется, поколебать его основного определения. Иногда эти трудности возникают потому, что исторический источник создается, формируется на наших глазах, когда его внутренняя форма еще не устоялась, не стабилизировалась. Интересны в этом плане воспоминания Е. Пермяка о создании в Перми в 20-х годах нашего столетия «Синей блузы» — одного из видных источников по истории культуры первых лет Советской власти: вначале были громкие читки газеты, затем читки с театрализацией («живая театрализованная газета») — по все это было лишь этапом в становлении «Синей блузы», получившей впоследствии свой собственный печатный орган и ставшей яркой полосой в становлении советской эстрады, общественно-политической и театральной жизни страны¹²⁷.

Русское и советское источниковедение вот уже более 100 лет пытается установить взаимозависимость между достоверностью источника и его видом. Определяя тот или иной вид, историки стремились одновременно подчеркнуть его особую достоверность, когда речь шла об актах, грамотах и других делопроизводственных видах, или, наоборот, указать на возможные опасности, подстерегающие исследователя, обратившегося за сведениями к мемуарам, политическим манифестам и проч. Предложенное выше определение вида письменного источника попросту снимает эту проблему. Нет и не может быть оказано предпочтение одному источнику перед другим в смысле его достоверности

только потому, что один источник — это акт, а другой — рассказ современника. Проблема достоверности видовым различием решена быть не может. Источниковедческая ценность памятника определяется целой суммой признаков, среди которых вид — лишь один и к тому же не самый главный. В самой общей форме можно сказать, что все виды источников могут быть и достоверными, и недостоверными, все виды источников имеют определенную источниковедческую ценность.

Сказанное не означает, конечно, что все виды источников абсолютно равны для историка. Есть виды источников, хранящие необыкновенно богатую информацию о прошлом, есть виды, содержащие сведения о более узкой сфере деятельности. Но и те, и другие могут быть и достоверными, и недостоверными. Самый богатый по содержанию источник может иметь незначительную ценность для историка, если он не содержит необходимых для него данных, а небольшая записка может стать единственным или важнейшим источником, если только в ней отобразился и воплотился необходимый для исследователя исторический факт. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и источниковедческой ценности источника не для данного конкретного исследуемого вопроса, а для исторического процесса в целом. Но и в этом отношении нельзя отдать предпочтение какому-либо одному виду. Летописи, при всей их широте и многосторонности, никогда не заменят собою актов и грамот; делопроизводственная документация, при всей ее точности и последовательности, нередко дополняется сведениями, почерпнутыми из мемуаров, и т. д. Я не говорю уже о привлечении источников других типов — вещественных, фольклорных и проч. Лишь широкое, фронтальное использование максимально возможного количества сохранившихся источников даст историку возможность воссоздать достоверную картину прошлого.

Из этого вовсе не следует, что не может быть исследования, основанного только на одном виде письменных источников. Во-первых, для древних периодов нашей истории характерны именно такие исследования, ибо количество дошедших до нас источников крайне незначительно. Но подобные исследования возможны и для более поздних периодов (например, «Общественная жизнь 30-х годов XIX в. по воспоминаниям современников»), хотя они и имеют более узкое, главным образом, источниковедческое значение, дают лишь часть более общей картины, рассматривают прошлое лишь под определенным углом зрения и т. д. Нужны и важны все исследования, лишь бы они были основаны на достоверных источниках, надлежащим образом проанализированных и освещенных с правильных методологических позиций.

¹²⁵ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 331—354; А. А. Зимин. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в. М., 1960.

¹²⁶ С. М. Кашиганов. Акты исторические. — «Советская историческая энциклопедия» (СИЭ), т. 1. М., 1961, стб. 313—314; Ю. Л. Бессмертный. Грамоты. — СИЭ, т. 4. М., 1963, стб. 690—691.

¹²⁷ Е. Пермяк. Вместо романа. — «Литературная Россия», 1967, № 23, стр. 20.

Понятия классификации и систематизации исторических источников

Оба эти термина мы довольно часто встречаем как в общей исторической, так и в специальной источниковедческой литературе. Чаще всего они употребляются как синонимы одного и того же понятия; правда, термин «классификация» встречается чаще, он предпочтительнее. Подмену одного термина другим мы находим не только в русском, но и в зарубежном источниковедении¹²⁸. Уже одно это побуждает нас подробнее рассмотреть данный вопрос, чтобы определить, правомерно ли подобное употребление терминов, нет ли здесь смешения понятий, нельзя ли разграничить сферу применения этих терминов, чтобы они точнее и полнее выражали различные этапы работы источниковеда над своим материалом.

Вопрос этот имеет не только терминологическое значение, хотя и оно одно заслуживает специального рассмотрения. К сожалению, приходится констатировать, что даже в специальной научной литературе до сих пор отчетливо не определено, каковы цель и значение классификации источников, для чего она проводится, какие результаты дает она для исторической науки.

В источниковедческих статьях само значение классификации хотя и не отрицается, тем не менее вопрос о ее целях и задачах не поднимается совсем¹²⁹. Все это заставляет хотя бы кратко остановиться на этом вопросе.

Одним из основных доводов противников классификации является изобилие и многообразие исторических источников. Нельзя не согласиться с этим доводом; действительно, количество источников, особенно исторических источников в широком смысле этого слова, практически безгранично. Но как раз это изобилие и многообразие источников и требует их классификации! Если мы изучаем множество различных по форме, содержанию, происхождению и целевому назначению источников и они не классифицированы, не разбиты на классы, не расположены в определенном систематическом порядке, то мы просто не в состоянии будем их изучить.

Если же мы сумеем расположить все источники в определенном порядке, разбить их на большие (первоначально) группы, а каждую группу, в свою очередь, на более мелкие подгруппы,

причем так, что каждая такая отдельно взятая группа будет занимать свое определенное и обязательно устойчивое место, то мы тем самым сможем получить достаточно полное и достаточно определенное представление о всех источниках данной группы, хотя мы и не изучаем их каждый в отдельности непосредственно. Обнаружив какой-либо новый источник, мы на основании определенных данных устанавливаем, к какой группе, подгруппе и т. д. он относится, и тем самым определяем и свойства этого источника, и его источниковедческое значение.

Классификация приобретает еще большее значение, когда она от простой группировки источников, основанной на их чисто внешнем сходстве и различии, переходит к расположению источников согласно их внутренним связям¹³⁰.

Задача организации и упорядочения исходного материала для историка — безбрежного моря источников — была поставлена перед русской наукой в 30-е годы XIX в. Эта задача возникла, когда обилие и многообразие источников превосходили исследовательские возможности, когда деятельность Археографической экспедиции открыла перед русскими историками невиданные доселе перспективы в изучении прошлого. Практическая деятельность по изданию актов Археографической экспедиции, создание учебных пособий и обобщающих курсов русской истории — вот что толкало источниковедов к первым попыткам группировки исследуемого материала.

Именно в это время русские ученые создали первые системы классификации описательного характера, выделили логические классы среди источников, дали им наименование и характеристику. Эти классификационные системы были результатом обобщения более чем векового развития истории как науки; они, в свою очередь, стали средством построения новых научных теорий, способствовали сбору и открытию новых источников, выработке единой научной терминологии, созданию в начале XX в. первых идеалистических теорий исторического знания (Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского).

Большая историография данного вопроса — еще одно убедительное доказательство многочисленности попыток русских и советских ученых осмыслить все многообразие источников, попытаться выделить среди них главные, основные, определить их источниковедческую ценность и т. д. В последнее время эти попытки теснейшим образом связываются с общеметодологическими воззрениями источниковедов, ими определяются и ими стимулируются.

Вполне естественно и легко объяснимо, что первоначально любая группировка исторического материала была обусловлена

¹²⁸ O. Stolz. Zur Systematik der Geschichtsquellen. — «Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung», Bd. 52, Heft 2—3. Innsbruck, 1938, S. 121—136; H. Quirin. Einführung in das Studium der mittelalterlichen Geschichte. Braunschweig, 1961.

¹²⁹ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества, стр. 3—23; С. М. Каштанов, А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения, стр. 173—196; М. С. Селезнев. О классификации исторических источников в связи с построением курса источниковедения в вузах. — «Источниковедение истории советского общества», вып. 1. М., 1964, стр. 320—342 и другие работы.

¹³⁰ См. об этом более подробно: А. И. Уемов. О диалектико-материалистическом понимании связи между явлениями. — «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1958, № 1, стр. 67—76.

практическими насущными задачами истории как науки, она подчинялась преподавательским или издательским целям. Из этого не следует, однако, что эти первые попытки приведения в систему источников не имели никакого научного, теоретического значения; все они были необходимым и закономерным этапом на пути становления теории источниковедения, выработки научной терминологии, осмысления исторического материала с общеметодологических позиций.

Любая группировка источников, любое приведение всего их многообразия в систему (систематизация источников) берет за основу какой-либо существенный признак источника и на основе этого признака проводит последовательную систематизацию источников. Признаков, по которым может проводиться систематизация, очень много, и все они имеют равное право на существование — при условии, конечно, что признак этот является существенным для какой-либо практической цели. Наиболее часто встречающейся систематизацией источников является их группировка по хронологическому признаку, по времени возникновения источника. Эта систематизация может проводиться и в рамках одной хронологической эпохи (источники периода Октябрьской революции, гражданской войны, нэпа, коллективизации и индустриализации, Великой Отечественной войны, послевоенного периода и т. д.) и в более узких хронологических границах, например, источники периода подготовки крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, первого этапа этой войны, второго ее этапа, подавления восстания и т. д. Хронологический признак систематизации источников — один из наиболее важных. Известно пожелание В. И. Ленина, высказанное им в связи с выходом в свет книги М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», по поводу хронологического указателя в книге¹³¹. Постановление Совпаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» также обратило внимание ученых на необходимость историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий, что в свою очередь требует систематизации исторических источников по хронологическому признаку¹³².

¹³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 24.

¹³² «На фронте исторической науки. В Совпаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)». Партиздат, 1936, стр. 24. Наиболее яркие примеры хронологической систематизации — это оба издания известного учебного пособия М. Н. Тихомирова, программы по источниковедению истории СССР, разработанные МГИАН и МГУ и т. д. Теоретическое обоснование применения этого принципа не для систематизации, а для классификации источников попытался дать М. С. Селезнев («По поводу оснований классификации источников». — «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 194—195). Автор полагает, что «принцип историзма (т. е. хронологический принцип. — Л. П.) как непосредственное основание деления имеет решающее значение» (стр. 194). Об этом же говорит и О. М. Медушевская («Развитие теории советского источниковедения», стр. 15).

Другим примером распространенной систематизации источников является их группировка по происхождению, по связи с теми людьми, которые участвовали в их создании. Так, часто систематизируют источники по классовому признаку — источники, исходящие от революционных групп, источники, исходящие из лагеря реакции, документы царской охраны и т. д.¹³³ Возможно систематизировать источники по разным признакам: отечественные и иноземные, канонические и еретические (при исследовании источников по истории реформационно-гуманистических движений) и т. д.

Систематизируя те или иные источники в процессе своей работы, историк-исследователь обычно оставляет вне поля зрения вопросы понятия исторического источника, характеристики основных его свойств и т. д. Выбор основания деления при систематизации зависит от целей исследования, равно как и сама систематизация источников теснейшим образом связана с целями и задачами исследования, ими определяется и им подчиняется. Задача систематизации — сделать обозримым для историка-исследователя его источники, сгруппировать их; помочь историку в отыскании сходных фактов и данных; указать возможный объем материала, подлежащего изучению; по возможности четко разграничить между собой отдельные типы, роды и виды источников; выяснить путем группировки происхождение отдельных групп источников, их возможную близость к событию и т. д. Цель систематизации, следовательно, чисто служебная, вспомогательная, а именно: создание такой системы группировки материала, которая наилучшим способом отвечала бы конкретным целям и задачам историка, которая полнее раскрывала бы содержание изучаемых источников, давала бы ответ на те вопросы, которые ставит исследуемая тема, толкала бы исследователя на постановку новых проблем и задач в своей работе.

Одни и те же источники можно систематизировать по самым различным признакам, в зависимости от целей исследования. Например, источники по революции 1905 г. можно систематизировать по хронологическому признаку (если пишется исследование по истории развития революционного движения), по классовому (если исследуется классовая борьба в это время), историко-партийному (если изучается борьба партий в революции) и т. д. Никаких подробных рецептов систематизации дать нельзя, ибо каждое исследование глубоко индивидуально (если оно, конечно, исследование, а не компиляция!) и самобытно. Эту особенность систематизации источников хорошо почувствовал

¹³³ Наиболее яркие и убедительные примеры подобной систематизации источников мы находим в работах В. И. Стрельского (*В. И. Стрельский. Джерелознавство історії СРСР. Період імперіалізму. Київ, 1958, стр. 14—15; он же. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, стр. 40—43; он же. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конек XIX—1917 г., стр. 20—22).*

В. И. Стрельский, который в своей монографии по теоретическому источниковедению¹³⁴ почти с исчерпывающей полнотой перечислил все возможные варианты систематизации источников, что и дало, в частности, его рецензентам повод к упреку в том, что автор дал лишь набор классификационных принципов, а не мотивированную классификацию источников.

Возможна ли систематизация источников по нескольким признакам? Возможна, но не одновременная, а последовательная. Так, в учебно-методической практике давно уже утвердился прием систематизации источников по хронологическому признаку на большие хронологические эпохи (древнейший период, Древнерусское государство, период феодальной раздробленности и т. д.), а внутри этих групп источники систематизируются или по происхождению (источники античные, восточные, армянские и т. д.) или по видовому признаку (летописи, Правда Русская, акты, грамоты и т. д.). Последовательная систематизация по нескольким признакам, конечно, весьма плодотворна, ибо дает возможность более подробного рассмотрения всего многообразия источников при одновременной систематизации наших представлений о них, что особенно важно, например, в учебно-методическом отношении¹³⁵.

Приведенный пример систематизации исторических источников в учебно-познавательных целях особенно ясно и наглядно иллюстрирует цели и задачи систематизации. Богатый материал в этом плане дает систематизация источников в различных учебных программах по источниковедению, в дискуссиях по поводу преподавания этих курсов (таковы дискуссии в журналах «Вопросы истории КПСС» и «Новая и новейшая история»). Всем, кто хотя бы в минимальной степени сталкивался с вопросами преподавания, ясна необходимость систематизации изучаемого материала, ясны ее основные особенности: стройность построения, строгая ограниченность деления, возможно более последовательное выполнение четырех правил деления формальной логики.

Указанный выше пример последовательного сочетания двух признаков деления, конечно, не единственный. Возможны и другие сочетания двух или нескольких признаков систематизации; по происхождению и по видам, по классовому признаку и по видам, по историко-партийному происхождению и по видам и т. д.¹³⁶

¹³⁴ В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, стр. 37—47.

¹³⁵ См., например, последние учебно-методические пособия, именно так систематизирующие источники: А. П. Прохштейн. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971; «Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в.» М., 1970; «Источниковедение истории СССР». Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973.

¹³⁶ С философской точки зрения рассмотрение вопроса о делении объектов по различным признакам на разных этапах деления см.: С. С. Розова. О видах научной классификации. — «Строительство коммунизма

Систематизация источников по одному или нескольким признакам была свойственна исторической науке как русской, так и зарубежной, с самого начала ее существования. Историки всегда стремились как-то систематизировать источники, разделить их на более или менее обозримые группы. Вначале этот процесс назывался ими «делением» источников, позднее тот же самый процесс стал называться «классификацией». Однако следует заметить, что если эту группировку и называть «классификацией», то лишь так называемой «искусственной классификацией», под которой в логике подразумевается классификация, основанием которой является какой-либо произвольно взятый признак, имеющий значение лишь с практической точки зрения. Логика рассматривает также и так называемую «естественную классификацию», основанием которой является признак, определяемый самой природой изучаемых явлений, их «естественностью» (отсюда и термин «естественная классификация»)¹³⁷.

Однако само деление классификаций на искусственные и естественные в высшей степени условно. Даже и обычно приводимые в логике примеры соотношения искусственных и естественных классификаций (ботаническая классификация Линнея и современная классификация растений) свидетельствуют не об условности, не об искусственности и естественности деления, а о том, что одна классификация, менее удачная в научном отношении, была заменена другой, более современной, более обоснованной, более аргументированной. Поэтому термин «систематизация» больше отвечает самой сути процесса группировки источников по одному или нескольким существенным, но не самым основным признакам¹³⁸.

Рассмотрим, как употребляются оба эти термина (классификация и систематизация) в общей и специальной литературе. «Словарь современного русского литературного языка» свидетельствует о том, что классификация — это «система распределения

и философские науки. Материалы научной конференции», вып. 1. Новосибирск, 1963, стр. 203—241. О связях классификации наук с классификацией форм движения материи см.: М. Н. Руткевич. К вопросу о классификации форм движения материи. — «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1958, № 1, стр. 77—89.

¹³⁷ См. об этом: В. Ф. Асмус. Логика. М., 1947, стр. 61—65; М. С. Строгович. Логика. М., 1949, стр. 127—143; Н. И. Кондаков. Логика. М., 1963, стр. 82—87.

¹³⁸ В новейшей философской литературе этот процесс группировки исследуемых объектов по различным параметрам носит название «сгруппированность». Термин этот, конечно, условный, как и все термины, — довольно точно определяет конечный результат группировки изучаемых объектов, но, на мой взгляд, не отражает в полном виде самого процесса группировки. Термин же «систематизация» точнее и полнее выражает смысл исследовательского метода источниковедения: не просто сгруппировать источники, а привести их в определенную систему. О «сгруппированности» см.: С. С. Розова. Научная классификация и ее виды. — «Вопросы философии», 1964, № 8, стр. 74.

предметов или понятий какой-либо области на классы, отделы и т. п. по определенным общим признакам» (курсив мой. — Л. П.)¹³⁹, а система — «в ботанике и зоологии — классификация, группировка»¹⁴⁰. Мы видим, что по своему значению оба термина очень близки и нередко употребляются как близкие друг другу понятия¹⁴¹. Термин «систематизация», или «систематика», получил признание в биологической науке¹⁴² наряду с термином «классификация»¹⁴³. В специальной философской литературе, как правило, употребляется термин «классификация», которая, как уже говорилось выше, подразделяется в свою очередь на классификации искусственные и естественные, описательные и сущностные (содержательные)¹⁴⁴.

Итак, если под систематизацией источников понимать приведение их в определенную систему (причем выбор этой системы целиком определяется волей историка-исследователя, а сама система может быть различной в зависимости от целей и направления исследования), то под классификацией источников следует понимать раскрытие внутренней необходимой связи между различными типами, родами и видами источников. Эти связи изначально заложены в источниках, присущи им с момента их возникновения, они объективны и не зависят от воли историка-исследователя.

Систематизация основывается на сходстве источников в пределах одного типа, рода, вида и т. д., которое определяется наличием у них некоторых общих свойств; при этом сходство противопоставляется несходству, тождество — различию. Поэтому систематизация стремится, как правило, достичь по возможности наиболее четкого и резкого обособления источников одного вида (или любой другой группы) от другого. В этом систематизация основывается на правиле деления формальной логики, требующем, чтобы члены деления исключали друг друга. Систематизация — необходимое и действенное средство изучения исследуемого материала; именно она приводит в порядок исходный ма-

териал для историка. Но в то же время порядок этот носит временный, а порою и формальный характер, он играет служебную роль в исследовании, подчинен целям и задачам исследования, ими определяется и от них зависит. Систематизация произвольна и единична в каждом отдельном случае; пригодная для одного исследования, она оказывается неприемлемой для другого.

Нельзя сказать, чтобы классификация источников совершенно не пользовалась приемами и принципами формальной логики; группировка источников по родам, видам и классам при их классификации соответствует принципам формальной логики. Отличие лежит в другом: классификация переносит центр внимания на раскрытие внутренних, искони присущих источнику свойств и качеств, на установление возможных связей и закономерностей между отдельными типами, родами, видами источников. При этом между отдельными источниками обнаруживаются такие общие признаки, такие переходные фазы и формы, которые не учитывались или игнорировались при систематизации источников.

Следовательно, классификация источников ставит перед собой совсем иные задачи. Ее задачи — указать на объективный характер источника, на независимость его от воли позднейшего исследователя; показать зависимость источника от породившей его реальной, объективной действительности; выбором основания деления подчеркнуть важнейшую особенность, главное свойство источника, имеющее универсальный характер, распространяющееся на всю совокупность источников. Иными словами, классификация источников не просто систематизирует их в удобные для изучения группы, а и способствует познанию источника, является одним из средств и способов этого познания, имеет, следовательно, не только подсобно-вспомогательный, но и познавательный, гносеологический характер, ибо раскрывает внутренние, необходимые связи между различными типами, родами и видами источников, лишней раз свидетельствуя о всеобщей взаимосвязи явлений в природе.

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что не только внутренняя сущность классификации источников, но и внешняя графическая форма ее выражения должны как можно полнее и глубже отразить взаимосвязь и взаимообусловленность всей совокупности источников между собой. Систематизация источников тоже основывается на определенном рода связей между различными типами, родами и видами источников, однако она все свое внимание обращает на сведение этих связей к чисто внешним, подающимся формализации отношениям. Классификация же источников ставит своей целью отыскать глубокие внутренние связи между различными типами, родами и видами источников, выявить переходы между ними, показать непрерывность процесса воплощения и отображения действительности в источнике.

Отсюда и задачи классификации в значительной степени отличаются от тех, которые ставит перед собой систематизация ис-

¹³⁹ «Словарь современного русского литературного языка», т. 5. М.—Л., 1956, стб. 995—996.

¹⁴⁰ Там же, т. 13. М.—Л., 1962, стб. 254.

¹⁴¹ См., например: Д. М. Трошин. Классификация и систематизация науки. — «Природа», 1964, № 6, стр. 56—64; А. А. Введенский. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (дипломатика). Киев, 1963, стр. 215.

¹⁴² Э. Майр. Систематика и происхождение вида с точки зрения зоолога. М., 1917; Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики. М., 1956.

¹⁴³ В. М. Букановский. Принципы и основные черты классификации современного естествознания. Пермь, 1960.

¹⁴⁴ Б. Кедров. Классификация. — «Философская энциклопедия», т. 2. М., 1962, стр. 523—525; С. С. Розова. К вопросу о сущности научной классификации. — «Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева», № 61. Проблемы методологии и логики наук, выпуск второй». Томск, 1965, стр. 140—146.

точников. В качестве необходимой предпосылки классификация, как правило, пользуется группировкой источников в соответствии с некоторыми принципами систематизации, и в этом, несомненно, проявляется познавательная функция некоторых формальных приемов деления, их пропедевтический, предварительный характер. Но задача классификации — разделить источники на такие группы, которые изучаются близкими, сходными приемами и способами; иными словами, связать классификацию источников с методикой их изучения. Классификация и систематизация различаются и в своем подходе к материалу. При систематизации одной из задач является максимально полное привлечение материала и последовательное деление его на четко различаемые категории. Чем полнее будет привлечен материал для систематизации, тем точнее и определеннее будут границы деления. При классификации важно принципиальное решение вопроса — выбор основания деления и правильное его применение. Дело не в количестве примеров, которое мало что прибавляет к классификационной схеме: при правильно выбранном основании деления количество примеров ничего не меняет в принципах классификации. И в предложенной ниже классификации учтены не все известные науке виды и разновидности письменных источников, а выбраны лишь наиболее распространенные и известные.

Совсем иной в свете всего сказанного является и цель классификации по сравнению с целью систематизации. Классификация источников ставит своей целью создание такой системы деления источников, которая связывала бы исторические источники с источниками биологическими и естественными (ибо человек — это явление помимо всего прочего и биологическое); классификационная система должна не просто перечислять — даже максимально полно — не ограничивать корпус источников, а по возможности указывать пути и формы возникновения новых типов, родов и видов источников; цель классификации — не в том, чтобы дать максимально полный перечень типов, родов и видов источников, а самим делением источников подчеркнуть их общефилософский смысл, раскрыть их гносеологическую сущность. Такая диалектическая классификация не обособляет один тип, род и вид источника от другого, а рассматривает их как различные части общей системы источников, служащей основой познания исторического прошлого. Подобная классификация источников отражает собою связь внутри самих источников и реализует тем самым основную посылку материалистической теории познания¹⁴⁵.

Многократно подчеркнутое В. И. Лениным в его «Философских тетрадях» положение о переходах между понятиями, о пе-

¹⁴⁵ О единстве метода познания см. подробнее: В. М. Лавровский. Проблема единства метода исторического и естественнонаучного метода познания. — «Проблемы всеобщей истории», вып. 1. Казань, 1967, стр. 3—13.

реходе одних понятий в другие¹⁴⁶ имеет основополагающее значение при решении проблемы классификации источников.

Диалектико-логическая классификация преодолевает («снимает») формально-логическое требование, гласящее, что члены деления должны исключать друг друга. Наоборот, диалектико-логическая классификация рассматривает границы между отдельными типами, родами и видами источников как текущие, подвижные, лишённые всякой резкости; иначе говоря, не как линии разделов, а как области переходов. Формальная логика предполагает, что каждый класс по отношению к другим классам может и должен занимать прочное и навсегда определенное, закрепленное за ним место. Диалектико-логическая классификация так распределяет источники, что учитывает постепенный переход одного класса в другой; она ставит в центр внимания не разграничительные линии, а связующие звенья¹⁴⁷.

Именно к диалектико-логической классификации источников в полной мере может быть отнесена характеристика, данная Энгельсом классификации суждений в формальной и диалектической логике: «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т. е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих»¹⁴⁸.

Итак, если формально-логическое деление источников (систематизация) имеет односторонне аналитический характер, то диалектико-логическое деление (классификация) несет функцию в равной степени и аналитическую и синтетическую, т. е. и функцию расчленения целого на части, и функцию обратного воссоединения целого путем связывания его частей вместе. Иначе говоря, в диалектико-логической классификации мы находим единство анализа и синтеза, что и сообщает ей большое познавательное значение. Конкретизируя эту мысль, можно сказать, что формально-логическое деление источников (систематизация) основную свою задачу видит в анализе исторического материала, в разделении всего корпуса источников на классы, в то время как диалектико-логическое деление (классификация) источников стремится показать и различие и связь между отдельными ти-

¹⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 206—207.

¹⁴⁷ С философской точки зрения этот вопрос уже подробно разработан (В. М. Кедров. Формальные и диалектические принципы классификации наук и общая структура научного знания. — «Диалектика и логика. Формы мышления». М., 1962, стр. 271—310; А. А. Вутаков. К проблеме классификации форм движения. — «Проблемы философии». М., 1966, стр. 78—111).

¹⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 538.

нами, родами и видами источников, т. е. учитывает функции и анализа и синтеза в познании прошлого¹⁴⁹.

Классификация источников признает как неизбежное наличие переходных групп, форм и т. д. среди классифицируемых источников. Эта неопределенность границ типов, родов и видов источников является, конечно, одним из самых сложных и спорных вопросов классификации источников.

Так, антропологические источники и данные социальной психологии стоят на грани источников биологических и исторических; эпиграфические источники стоят на грани письменных и вещественных источников; есть документы, в равной степени относимые и к нарративным и к делопроизводственным источникам и т. д. Иными словами, отдельные категории источников не всегда отделяются одна от другой твердыми и постоянными границами; они чаще неопределенны и легко переходимы, причем переход одной категории в другую совершается незаметно. Неизбежно, следовательно, возникает неопределенность границ типов, родов и видов источников; появляется возможность отнести тот или иной вид источника не к одному, а к нескольким классам. Так, «Домострой» можно рассматривать и как парративный, и как делопроизводственный источник; донесение посла может быть отнесено как к делопроизводственной, так и к личной переписке, мемуары и дневники нередко смешиваются друг с другом, возникают полумемуары-полуисследования и т. д.

Но было бы ошибкой думать, что если нет ясных, четких и постоянных границ между типами, родами и видами источников, то нет и существенных различий между ними. Логика нередко сталкивается с этой проблемой; один из силлогизмов, так называемый сорит¹⁵⁰, специально касается этого вопроса. Стирание граней между типами, родами и видами источников обусловлено самой природой воплощения и отображения действительности в источнике, многообразием форм этого воплощения и отображения.

Как и при систематизации источников, возможно классифицирование их по нескольким признакам, однако деление на одной ступени должно проводиться только по одному основанию. При многократном делении по нескольким основаниям необходимо

¹⁴⁹ Более подробный анализ различия формально- и диалектико-логических классификаций с философской точки зрения см. в статьях: Б. М. Кедров. Оперирование научными понятиями в диалектической и формальной логике. — «Диалектика и логика. Формы мышления». М., 1962, стр. 112—141; он же. О диалектико-логическом обобщении истории естествознания. — «Вопросы философии», 1960, № 1, стр. 61—74.

¹⁵⁰ То есть — куча; назван так по его классическому примеру. Дается задача определить: что такое куча? Составляют ли кучу два камня? три? четыре? пять? и т. д. Логически невозможно доказать, когда именно прибавка одного камня делает кучей то, что до этого не было кучей, — так же, как невозможно определить, в какой момент перестает быть кучей то, что только сейчас было ею.

соблюсти соподчиненность оснований деления: самый общий признак источника должен лежать в основе самого общего деления, более частные признаки могут употребляться и при делении типов на роды, родов — на виды и т. д. Подобное многократное деление при классификации источников позволяет раскрыть свойства исторических источников, указать взаимоотношения между ними.

Само собой разумеется, что признаки, употребляемые при систематизации источников, не могут быть механически перенесены в их классификацию даже при многократном классифицировании, ибо это — явления разного порядка.

Классификация источников есть, таким образом, внешнее выражение и следствие самого основного, самого главного, самого существенного закона, определяющего источниковедческую ценность источника, — закона воплощения и отображения реальной действительности в источнике¹⁵¹. Способствуя раскрытию этого основополагающего закона, которому в равной степени подчиняются все источники, классификация не просто систематизирует наши знания и представления об источнике, а является необходимым этапом познания сущности источника, этапом в построении теории источниковедения¹⁵².

Цель классификации — показать глубокую диалектическую связь истории как науки (и исторических источников тем самым!) с историей науки вообще и с историей исторической науки в частности (и с историческими исследованиями тем самым!) — не просто включить исследования в число источников или изъять их оттуда, а показать всю сложность этого явления, выяснить, когда исторический труд является исследованием, а когда он является источником. Одной из важнейших целей классификации является утверждение объективного, не зависящего от воли исследователя характера источника; тем самым классификация источников служит еще одним доказательством объективного характера наших знаний о прошлом, свидетельством объективного существования источников.

Если систематизация источников относится к области методики изучения источников, то классификация связана с теорией источниковедения, с методологическими проблемами исторической науки вообще.

Если целью систематизации источников является группировка исходного материала, отражающая уровень данного конкретного

¹⁵¹ Не касаюсь философской стороны этого вопроса, детально уже разработанного (С. С. Розова. Классификация как метод познания (Опыт анализа функций классификации в познавательной деятельности). — «Научные труды Новосибирского государственного университета. Философская серия, вып. 1. Философские проблемы сознания и познания». Новосибирск, 1965, стр. 255—277).

¹⁵² См. об этом подробнее: И. Я. Чупахин. Понятие и методы научной классификации объектов исследования. — «Вопросы диалектики и логики». Сб. статей. Л., 1964, стр. 55—72.

исследования, то цель классификации — создание такой схемы, которая отражала бы уровень развития исторической науки и источниковедения на данный исторический период. Классификация источников — это определенная ступень в их познании, и, как всякая ступень, любая классификационная схема преходяща, исторически обусловлена и ограничена. Смена различных классификационных схем, различных принципов деления — это не прихоть источниковедов, а закономерное историографическое явление, внешнее выражение закона развития истории (и источниковедения) как науки. Каждая из применявшихся в русском и зарубежном источниковедении систем классификации источников была этапом в познании сущности источника, обусловленным уровнем развития философской, исторической и источниковедческой мысли своего времени.

И предлагаемый в настоящей работе выбор основания деления зависит, во-первых, от уровня развития исторической науки, от того, насколько подробно и досконально изучены все новые типы, роды и виды источников, их отдельные свойства, стороны, грани, а во-вторых, от тех научных и главным образом практических целей, которым призваны служить и классификация, и различные систематизации источников. Не случайно поэтому вопрос выбора основания деления и классификационные схемы — лишь один из возможных вариантов, более, чем другие (по мнению автора), отвечающий современному уровню познания источника. Однако вместе с углублением наших представлений об источнике, вместе с совершенствованием способов и приемов его изучения может уточниться или в каких-то частностях измениться и предлагаемая классификация источников, хотя основной принцип, лежащий в определении источника, его содержания и формы, в выборе основания деления, по мнению автора, изменен быть не может. Залогом подобной уверенности является длительная практика источниковедения, на деле проверившая жизнеспособность деления источников на типы, роды и виды, а также общие методологические предпосылки диалектического материализма, лежащие в основе определения формы и содержания источников, в выборе основания для их деления.

Выбор основания деления при классификации

Выбор основания деления при классификации источников — важный теоретический вопрос. От того, насколько правильно выбран принцип деления и с какой степенью последовательности он применен, зависят и результаты классификации, и ее научное значение.

Историографический обзор классификационных схем, применявшихся в русском и советском источниковедении, убедительно показывает, что сама проблема выбора основания деления

при классификации перед первыми авторами в этой области попросту не стояла. Историки XIX в. делили источники на различные типы или без всякой мотивировки («источники можно разделить на...»), или объясняли свое деление принципом удобства изучения и обозрения. В этом, в частности, проявился тот отрыв истории от философии, который был характерен для буржуазной науки того времени. Впервые над теоретическим обоснованием принципа деления русские источниковеды задумались в начале XX в., т. е. тогда, когда начала складываться теория источниковедения, когда само источниковедение сформировалось в самостоятельную науку.

Наибольшие споры, продолжающиеся до сих пор, вызвало предложенное Дройзеном и Берпгеймом деление источников на остатки и традицию (предания). Все дело в том, что оба эти автора четко не определили, каким принципом руководствовались они, выделяя остатки и традицию. Поэтому каждый последующий источниковед по-своему толковал это основание деления. Так, Н. И. Кареев считал, что в основе деления источников на остатки и традицию лежит безнамеренность или преднамеренность создания источника («т. е., положим, писал ли кто-нибудь письма просто потому, что ему нужно было нечто кому-либо сообщить без всякой мысли о том, что некогда его письмо сделается историческим источником, или же кто-либо нечто записывал, дабы сохранить нечто для потомства, хотя бы и в предвидении, что записанное сделается достоянием гласности разве только при внуках или правнуках»¹⁵³). Безнамеренность или преднамеренность создания источника должны, несомненно, учитываться историком при анализе, но этот принцип не может быть положен в основание деления, т. к. он привносится в деление самим источниковедом, а не присущ источнику искони; этот принцип субъективен, а не объективен.

В самом деле, нам известно немало случаев, когда преднамеренность создания источника была установлена позднейшими исследователями, в то время как сам источник не только не содержал никаких указаний на это, но и сознательно афишировал свою безнамеренность. Мемуарная литература, как известно, пестрит фразами вроде: «Этот дневник не предназначен для чужих глаз» или «Эти воспоминания не имеют иной цели, кроме как перечислить действительно совершившиеся; их рукопись умрет вместе с автором» и т. д. — однако это никого не обманывает. Речь в данном случае идет не только о нарративных источниках; многие делопроизводственные и актовые источники создавались преднамеренно для потомков — сравни, например, завещания, правительственные указы и законы, делопроизводственные инструкции и наставления и т. д. Ту же преднамеренность мы найдем и в вещественных источниках, всегда относимых

¹⁵³ Н. И. Кареев. Теория исторического знания, стр. 95.

к остаткам (храмы, триумфальные арки, монументы и т. д.). С другой стороны, есть такие типы источников, в которых преднамеренность вообще не встречается (например, данные языка, пережитки и т. д.), и такие, которые изначально преднамеренны (фотографии, кинодокументы, фонограммы и др.), но в то же время ненамеренно отображают в своем содержании громадное количество исторических фактов, что и придает им большую источниковедческую ценность. Одним словом, безнамеренность или преднамеренность создания источника должны учитываться исследователем, но они не определяют собою источниковедческую ценности памятника, ибо, во-первых, все, даже самые преднамеренные, источники неминуемо, неизбежно безнамеренно содержат в себе большое количество такой информации, которую они и не думали, и не предполагали передавать потомкам, по которую опытный источниковед всегда извлечет. Во-вторых, историк обнаруживает элементы преднамеренности нередко в таких источниках, которые изначально были созданы без всякого расчета на будущее. Принцип намеренности, следовательно, не может быть положен в основание деления, ибо он не изначален, он зачастую привносится позднейшим источниковедом, а не присущ источнику, необъективен.

То же самое деление на остатки и предания А. С. Лаппо-Данилевский производит на основе совсем иного принципа, а именно «с познавательной точки зрения, по степени близости познающего субъекта, т. е. историка, к объекту его изучения, по степени непосредственного знания историка о таком историческом факте»¹⁵⁴. А. С. Лаппо-Данилевский исходит из того, что остаток есть часть изучаемого историком факта, дающая ему (историку) возможность непосредственно изучить, обследовать и реконструировать этот факт, в то время как традиция есть рассказ о факте, а не часть самого факта; в этом случае историк отстоит дальше от изучаемого им факта, и прежде чем поверить в самый факт, он должен установить, можно ли доверять традиции, права ли она, сообщая, что данный факт существует. Иными словами, в основе этого принципа деления лежит все та же неокантианская методология А. С. Лаппо-Данилевского, требующая рассматривать источники с точки зрения историка-исследователя, близости историка к изучаемому факту, а не с позиции объективных, не зависящих от воли исследователя качеств источника.

Важна ли в источниковедческом анализе близость историка к изучаемому им факту? Конечно, важна; эта близость уменьшает возможность ошибок, приближает историка к сущности факта, способствует более точному восстановлению прошедшей действительности. Но гарантирует ли историка от ошибок близость его

к изучаемому факту? Всегда ли источниковедческая достоверность у остатков выше, чем у традиции? Увы, на этот вопрос приходится ответить отрицательно. Историки установили, что нередко источники, относимые к традиции, оказываются достовернее источников, относимых к остаткам¹⁵⁵. Если бы близость историка к изучаемому факту имела решающее значение, то наиболее достоверными оказались бы те работы, в которых автору служат источником его собственные наблюдения, когда историк является соучастником события, когда он сам творит исторический факт и сам его описывает. Однако практика показывает, что это не так; объективнее и достовернее оказываются работы, создающиеся историком, не заинтересованным лично в факте, не являющимся его соучастником, способным объективно взглянуть на вещи, людей, события правильно и — в зависимости от условий наблюдения — полно оценить их, причем оценить с партийной точки зрения. Источниковедческая ценность источника зависит не от того, является он или нет остатком факта, приближает он или нет историка к факту, а от того, насколько полно и объективно отобразилась и воплотилась в источнике действительность.

А. С. Лаппо-Данилевский прекрасно сам осознавал условность деления источников на остатки и традицию, однако продолжал утверждать, что это деление имеет право на существование, ибо в основе прежде всего лежит различие в точках зрения, с которых источники изучаются, а не различие самих источников¹⁵⁶. Это высказывание автора обнажает неокантианскую сущность его взглядов. Для нас, историков-материалистов, важнейшим, решающим как раз и является объективное, не зависящее от воли исследователя свойство источника, именно оно должно лежать в основе деления источников, а вовсе не точка зрения исследователя на источник, ибо эта точка зрения — явление субъективное, меняющееся, произвольное; система классификации, построенная на таком принципе, ошибочна в своей основе.

Прошло довольно длительное время, прежде чем появилось новое толкование принципа деления источников на остатки и традицию. Его предложили В. П. Данилов и С. И. Якубовская; в статье об источниковедении советского общества они писали: «Важное значение имеет классификация по степени близости источника к отраженному в нем событию». Авторы полагают далее, что остатки ближе стоят к событию, чем традиция: остаток — это часть факта, а традиция — это отражение факта в источнике. Вслед за тем авторы подчеркивают условность подобного деления и делают вывод: отнесение источника к остат-

¹⁵⁵ См., например, выступление Е. Н. Городецкого на совещании по вопросам источниковедения истории СССР советского периода в МГИИИ. — Л. В. Ястребов. Обсуждение проблем источниковедения истории СССР советского периода. — «История СССР», 1962, № 4, стр. 232.

¹⁵⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. 2, стр. 386.

¹⁵⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. 2, стр. 385.

кам или традиции «в каждом конкретном случае зависит от задач и аспекта исследования»¹⁵⁷. Видимо, авторы путают здесь два понятия: первоисточник и остаток. Деление источников по степени их близости к отображенным в них событиям есть деление на первоисточники и вторичные источники, причем первоисточник необязательно должен быть остатком от события, он может быть и традицией. Яркий пример этого — мемуары, которые зачастую являются первоисточником, впервые отобразившим какую-либо глубоко личную мысль автора; то же самое можно сказать о дневниках и письмах. Остаток есть часть исторического факта, но ведь и любая традиция есть остаток от своей эпохи и тоже является частью исторического факта, но более позднего по отношению к содержанию источника. Авторы правы, что один и тот же источник может рассматриваться и как остаток и как традиция — в зависимости от того, какой факт изучается. А раз так, то подобное деление основывается не на объективных качествах и свойствах источника, а на точке зрения историка-исследователя и, следовательно, не может быть положено в основу деления.

Критический анализ деления источников на остатки и предания (традицию) был дан и в теоретической статье О. М. Медушевской. В работе говорится, что «деление источников на остатки и предания не может быть положено в основу общей классификации. Не существует источников, являющихся только преданиями, и почти не существует также источников, являющихся только остатками»¹⁵⁸. Но О. М. Медушевская полагает, что проблема «остаток-предание» не может быть просто отброшена вместе с соответствующей классификационной схемой: из области классификации источников эта проблема переходит в область методологии истории, в область анализа отражения действительности в историческом источнике.

Работа О. М. Медушевской — последняя, которая по-новому разбирает вопрос о делении источников на остатки и предания. Конечный вывод, к которому пришло советское источниковедение, заключается в том, что это деление не может быть положено в основу общей классификации всех исторических источников

из-за отсутствия ясного и точного основания деления, удовлетворяющего всем требованиям логики и источниковедения.

Помимо деления источников на остатки и предания значительное место в русском и советском источниковедении занимает деление на типы источников. Количество типов, как это явствует из рассмотренной выше историографии вопроса, было разное — от двух до семи, причем источниковедческая мысль развивалась в сторону все большей и большей дробности деления. Вначале все источники делили на письменные и вещественные, затем на письменные, вещественные и устные, а впоследствии к этим трем основным типам последовательно присоединили пережитки, данные языка, кинофотодокументы, фонодокументы.

Как трактовали источниковеды это деление на типы? Последние работы в области теоретического источниковедения объясняют это деление по-разному. Так, И. Л. Шерман и В. И. Стрельский полагают, что в основе этого деления лежит «способ передачи явлений прошлого»¹⁵⁹. Термин этот недостаточно полно отражает сущность подобного деления источников. Если им (хотя и тоже с оговорками) можно определить выделение письменных, вещественных и устных источников, то трудно назвать данные языка или этнографические явления (обряды, верования, пережитки и т. д.) «способом передачи явлений прошлого»: во-первых, все это отнюдь не способ передачи, а во-вторых, такие источники, как фольклор, данные языка, этнографические источники всегда передают не только явления прошлого, но и факт настоящего.

Гораздо более точно определил принцип деления источников на типы М. Н. Черноморский. Он сказал, что перед нами — «общая классификация по группам источников, которые объединяются формами отражения происходящих общественных явлений. Это деление условно и может быть принято постольку, поскольку оно позволяет выделить компактные группы источников, имеющие специфические свойственные им формы отражения действительности»¹⁶⁰. Верное в своей основе определение это, однако, страдает некоторыми неточностями. Так, следует говорить о форме не только отображения, но и воплощения действительности в источнике; отображаться могут не только общественные явления, но и факты личной жизни, поэтому лучше говорить в более общем плане о форме воплощения и отображения реальной действительности в исторических источниках, как об основании их деления.

Нет смысла так же подробно останавливаться на критике других принципов деления, предложенных русскими и совет-

¹⁵⁷ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества, стр. 7, 8.

¹⁵⁸ О. М. Медушевская. Развитие теории советского источниковедения, стр. 15. В учебном пособии М. Н. Черноморского деление источников на остатки и традицию только упоминается, но никак не оценивается (М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР. (Советский период). М., 1966, стр. 5—6). Об условности деления историко-партийных источников на остатки и предания говорит и М. А. Варшавчик. Предмет и задачи источниковедения КПСС, стр. 38—39, хотя он одновременно и не отрицает того, что подобное деление имеет «определенный смысл». См. также: М. А. Варшавчик. Источниковедение истории КПСС, стр. 58—61.

¹⁵⁹ И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв., стр. 4; В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, стр. 7.

¹⁶⁰ М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР. (Советский период), стр. 6.

скими источниковедами, так как они получили уже достаточно полную оценку в нашей литературе. Кроме того, большая часть предложенных принципов деления относилась, главным образом, к письменным источникам, а не к историческим источникам вообще.

Итак, основанием деления при классификации источников должно быть самое общее, самое основное, самое существенное свойство (качество) источника¹⁶¹. Мне представляется, что такой наиболее общей, наиболее существенной его чертой (его свойством, его качеством) как раз и является способ кодирования содержащейся в источнике информации — результата воплощения и отображения действительности. Именно этот различный способ и должен быть положен в основание деления, результатом которого и будет деление источников на типы.

Выбор данного основания деления позволяет наметить не только определенные типы источников, но и, объяснив наличие переходных типов, подчеркнуть непрерывность деления и возможность возникновения новых типов источников.

Наличие переходных (промежуточных) типов источников давно уже было подмечено историками; для многих источниковедов, строивших свои системы деления на формально-логической основе, эти переходные группы были камнем преткновения, так как они разрушали логическую стройность системы: члены деления по правилам формальной логики должны были исключать друг друга! Однако если мы возьмем за основу деления способ кодирования заключенной в источнике информации, то мы увидим, что переходные группы закономерно должны существовать, ибо формы воплощения и отображения действительности в источнике многообразны и многоплановы, а сам процесс воплощения и отображения в источнике непрерывен и бесконечен, что и предопределяет собою постепенный переход одной формы воплощения и отображения в другую, и, соответственно, одного типа источника в другой.

Обратимся к примерам, которые лучше и нагляднее поясняют эту мысль. Так, между вещественными и письменными источниками находится группа эпиграфических источников, которая является переходной между этими двумя типами. Между типами письменных и устных источников фольклористы за последнее время стали выделять особую группу фольклорных источников, имеющих письменную форму бытования. Близость устных (фольклорных) источников к этнографическим настолько очевидна, что многие жанры так называемого обрядового фольклора (песни, заговоры и т. д.) имеют равное значение и как фольклорный, и

¹⁶¹ Более подробно вопрос о существенных признаках с философской точки зрения разработан в статье: И. Я. Чупахин. О фактах непоследовательности в учении о понятии. — «Ученые записки ЛГУ. № 263. Серия философских наук», вып. 14. Л., 1959, стр. 3—14; он же. Вопросы теории понятия. Л., 1961.

как этнографический источник. Особенно трудно разграничить фото-, кино- и фотодокументы, ибо зачастую на одной ленте дается синхронная запись и звука, и изображения и т. д. Одним словом, выбор способа кодирования информации в качестве основания деления источников ставит в центр внимания не разграничительные линии, а связующие звенья и переходные области; выбор данного основания деления позволяет полнее и ярче раскрыть сущность отдельного источника как частного проявления общей закономерности воплощения и отображения действительности в исторических источниках.

Второй важнейший вывод, который можно сделать из применения данного основания деления, заключается в том, что предлагаемая классификация не исключает, а предполагает появление новых типов исторических источников. Процесс воплощения и отображения исторической действительности в источнике непрерывен и многообразен, и вместе с изменением реальной действительности могут изменяться и формы воплощения и отображения действительности, равно как и способы кодирования информации, что в свою очередь может привести к возникновению новых типов исторических источников, совсем не известных до сих пор источниковедению. Наконец, и сами исторические источники во всей своей совокупности оказываются связанными с источниками биологическими посредством группы антропологических источников, являющейся переходной между биологическими и историческими источниками. Постоянные, не прекращающиеся и по сей день споры о том, является или нет географическая среда историческим источником¹⁶², также свидетельствуют о том, что и здесь мы сталкиваемся с явлением, переходным между естественными и историческими источниками. Успехи современного источниковедения, практика исторических и источниковедческих работ убедительно свидетельствуют о том, что окружающий нас мир исторических источников составляют не отдельные, изолированные друг от друга типы источников, а совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих видов, родов и типов источников, определенного рода система исторических источников, целостная в своей временной обусловленности¹⁶³.

¹⁶² E. Voeglin. Was ist Natur? — «Historica. Studien zum geschichtlichen Denken und Forschen». Wien, 1965, S. 1—18; F. C. Lant. Menschliche Geschichte und Naturgeschichte. — «Historica», S. 19—36; M. Štěpánek. Plužina jako pramen dějin osídlení. — «Československý časopis historický», 1967, N 5, p. 725—746; Ю. А. Кузлов. Географический фактор в истории средневековой Руси. — «Вопросы истории», 1973, № 3, стр. 51—66. См. также: «История СССР», 1968, № 1, стр. 223—236; А. В. Дулов. Литература о роли географической среды в истории общества. — «Вопросы истории», 1973, № 8, стр. 142—147.

¹⁶³ См. интересную работу: В. Г. Афанасьев. О принципах классификации целостных систем. — «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 31—43; ср. также: А. И. Уемов. Основные принципы классификации систем. —

В самом деле, процесс воплощения и отображения действительности в источнике вечен и бесконечен: реальная объективная действительность воплощалась (отображалась) и воплощается (отображается) в исторических источниках самых разнообразных типов, родов и видов, пока она — эта действительность — реально существует. Но реальная действительность как таковая не статична, наоборот, она постоянно меняется, и вместе с ней меняются соответственно и способы кодирования заключенной в источниках информации. Эти способы теснейшим, неразрывнейшим образом связаны с той общественно-экономической формацией, которой они соответствуют. Было время, когда человечество не знало еще письма, но и от тех эпох до нас дошли наскальные изображения, рисунки и целые картины, характеризующие мировоззрение человека родового общества. Вместе с развитием общества менялся, развивался и способ кодирования заключенной в источнике информации, появились письменные источники — сначала в виде наскальных надписей, глиняных таблиц, затем надписей на предметах, на папирусе, пергаменте, бумаге различных сортов и происхождений¹⁶⁴. Бурное развитие техники привело к появлению таких новых типов источников, как кинофотодокументы, фонодокументы — все это примеры того, как каждая новая ступень в развитии общества приводит к возникновению новых способов кодирования заключенной в источнике информации. Вообразить газету в условиях средневековья мог лишь М. Твен в романе «Янки при дворе короля Артура», на самом же деле каждой эпохе, каждой формации свойственны свои формы воплощения и отображения действительности. Никто из нас не может предугадать, как, в каких именно реальных формах будет развиваться дальше действительность, но с полной уверенностью можно сказать о том, что наряду с ранее существовавшими и ныне существующими типами, родами, видами источников обязательно появятся новые их типы, роды и виды, ибо формы воплощения и отображения действительности, способы кодирования информации будут постоянно меняться вместе с изменением действительности. И выбор данного основания деления с несомненностью подтверждает это.

И, последнее, что следует сказать, говоря о выборе основания деления, — это то, что вычлененные в результате деления типы источников, в силу спецификации способов кодирования информации, требуют для своего изучения особых специфических приемов и методов изучения. Не будь этой тесной связи классификации источников с методикой их изучения, сама классификация потеряла бы весь свой источниковедческий смысл. Ибо одна из

целей классификации, в частности, в том и состоит, чтобы, выделив определенные типы, роды, виды и т. д. источников, указать исследователю пути и формы их изучения. Ведь приемы и методы изучения, например, вещественных источников значительно отличаются от метода изучения данных языка. Способы кодирования заключенной в источнике информации различны — различна и методика изучения отдельных типов источников. Процесс воплощения и отображения действительности в источниках един — отсюда и возможность применения отдельных приемов изучения, характерных для одного типа, рода, вида источников, для других типов, родов и видов. Так, берестяные грамоты изучаются археологами, историками, лингвистами; методы изучения, характерные для летописных памятников, могут быть применены для анализа актовых источников и т. д.

Следует, однако, иметь в виду, что, несмотря на всю близость методики изучения источников к проблеме их деления, она не может быть положена в основание деления, ибо она привносится в изучение источника исследователями, а не присуща источнику. Методика изучения источника — это приемы его анализа; они могут быть одними для разных наук и источников (сравнительный метод, которым пользуются ученые самых различных специальностей, метод количественного анализа содержания, все шире применяющийся в связи с проникновением математических методов исследования в общественные науки)¹⁶⁵ и, с другой стороны, одни и те же источники могут изучаться самыми различными приемами и способами. Методика изучения источников есть следствие их деления, а не основа его.

Нам остается определить, на какие же типы делятся исторические источники. До сих пор большинство источниковедов было единодушно в выделении пяти типов источников — вещественных, письменных, устных, этнографических, данных языка. Что касается кино-, фото- и фонодокументов, то здесь мнения исследователей разошлись: одни выделяют их все в один особый, отличный от других источников тип; другие считают их типом источников, но не основным, сложившимся, а как бы формирующимся, становящимся; третьи не только приравнивают эти документы к другим типам источников, но и утверждают правомерность их деления на два самостоятельных типа — кинофотодокументы и фонодокументы. Последняя точка зрения мне кажется наиболее правильной. Ведь условное объединение таких разнородных источников, как фонограммы, киноплёнки и фото-

¹⁶⁵ См. интересные замечания относительно применения этого метода: О. М. Медушевская. Источниковедческие проблемы новой отрасли исторической науки. — «Вопросы истории», 1967, № 5, стр. 193—194, а также сб. статей «Математические методы в исторических исследованиях». М., 1972 и монографию: И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Всероссийский аграрный рынок XVIII—начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974.

«Материалы к симпозиуму по логике науки». Киев, 1966, стр. 145—156 (рогап rint).

¹⁶⁴ См. более подробно: В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма. М., 1965. Здесь же указана и подробная библиография вопроса.

графии в одну сборную группу объясняется в первую очередь условиями хранения этих документов в принятой у нас системе государственных архивов. На самом же деле эти два типа источников глубоко отличаются друг от друга как раз способом кодирования заключенной в них информации. Прежде всего бесспорным является выделение фонодокументов как такого типа источника, который фиксирует звуковую сторону исторического факта. Такое выделение фонодокументов предложено уже и в советском, и в зарубежном источниковедении¹⁶⁶. Есть ли основания для разделения кино- и фотодокументов? Фотодокументы статичны в своей основе; запечатленное мгновенное историческое факта — вот что такое фотография. Кинопленка — это не последовательно снятые фотографии, а фиксация исторического факта во временном его развитии. Отдельный кадр из кинохроники вполне может быть приравнен к фотографии, но кинопленка в целом качественно отличается от фотографии тем, что передает движение, развитие исторического факта, а не мгновенную его фиксацию. Но можно ли на основании этого рассматривать фотодокументы и кинодокументы как два различных типа источника? Думаю, что нет. Способ кодирования информации — а именно он лежит в основании деления источников на типы! — у них общий. Следовательно, мы можем говорить лишь о том, что кинофотодокументы как тип источника делятся на два рода — кинодокументы и фотодокументы.

Спорным мне представляется предложенное И. А. Булыгиным наименование кинофотодокументов как изобразительных, причем в этот тип включаются им и такие источники, как карты, планы, иллюстрации и т. д. Карта и план — это особая графическая форма воплощения и отображения действительности; любая иллюстрация — от древней миниатюры до современной многокрасочной вклейки в печатную книгу — это образная форма воплощения и отображения действительности. План, карта, иллюстрация — это все результат воздействия действительности на сознание автора источника, в меру своих способностей в образной или графической форме отобразившего действительность в виде чертежа, рисунка, карты, картины и т. д. Фотография, не говоря уже о кинопленке, принципиально отличается от иллюстративного и графического материала самим способом кодирования информации. Действительность воплощается и отображается в фотографии и кинодокументах с таким громадным количеством мельчайших деталей и подробностей, которые не в состоянии уловить глаз даже самого опытного художника. Иллюстрация в большей степени, чем фотография, несет в себе элемент автор-

ского отбора изображаемых фактов, авторского отношения к изображаемой действительности — в чем и ее отличие и своеобразное преимущество перед бездушным фотообъективом, запечатлевающим все, на что направила его рука фотографа. Фотография — это особый способ кодирования информации, не могущий собою ни заменить, ни уничтожить изобразительное искусство во всех его проявлениях, как не может, например, даже самый первоклассный цветной фотопортрет заменить живописного портрета человека: просто-напросто это два самостоятельных, сосуществующих способа воплощения и отображения действительности.

Оставим пока в стороне изобразительные источники и остановимся на планах и картах, чтобы решить, не являются ли они самостоятельным типом исторического источника. Карты, планы, схемы и чертежи издавна служили человеку в качестве своеобразного средства информации, были одним из способов связи и общения между народами различных наций и языков. В наши дни футурологи рассматривают чертежи и астрономические карты и схемы как одно из наиболее важных средств возможного общения с межпланетной цивилизацией. На картах, чертежах и т. д. реальная действительность отображается в виде рисунков и условных знаков, которые в ряде случаев могут быть поняты лишь при условии письменного текстуального разъяснения. Эти условные знаки присущи не только планам, картам и т. д. — они были свойственны письму вообще на раннем этапе его развития (так называемой пиктографии)¹⁶⁷. Уже одно это не позволяет нам рассматривать планы и карты как самостоятельный тип источника: они представляют собой своеобразный вариант письменных источников, предшествующий появлению письма и требующий для своего анализа специфических приемов и способов. Картографический метод исследования присущ ряду наук; подробнее всего он разработан, естественно, в географии, но применяется также и в истории, экономике, военном деле, культуре, биологии, астрономии и т. д. Карты, планы, схемы и чертежи дают пространственное отображение реально существовавших явлений, процессов или событий, показывают географическую обстановку исторического факта.

Изображение реальной действительности на картах, планах, схемах, чертежах и т. д. всегда условно, но это не дает права отрицать определенной связи между этими источниками и изобразительными материалами, которые также нередко бывают условными — сравни, например, иконопись, средневековые миниатюры, символическую живопись первобытных племен и т. д. Поэтому мы вправе рассматривать карты, планы, схемы, чертежи и т. д. как один из видов делопроизводственных (документальных) письменных источников, являющийся переходным к изо-

¹⁶⁶ И. А. Булыгин. Программа курса источниковедения. — «Учебные программы для специальности история». М., 1966, стр. 147—148; W. Eckermann, H. Mohr. Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966, S. 372—374.

¹⁶⁷ В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма, стр. 58—80.

бразительным источникам. Однако полностью изобразительным источником карты, планы, схемы, чертежи и т. д. названы быть не могут, ибо изобразительные источники кодируют информацию о реальной действительности в виде художественных образов, а карты, планы, схемы, чертежи и т. д. — в виде условных знаков и условных изображений.

Что касается произведений искусства, то источниковедение, безусловно, включает их в число исторических источников, но не выделяет их в особый тип источников. Все художественные произведения слова рассматриваются источниковедением в числе письменных или фольклорных источников; изобразительные художественные памятники входят в число источников вещественных, этнографических, а также фото-, кино- и фонодокументов. Вопрос о том, где лежит черта, отделяющая культовое изображение бога от художественной скульптуры, магический орнамент от художественного, икону как предмет культа от обобщающего образа Мадонны, — вопрос этот сложный, в каждом отдельном случае решаемый индивидуально. То, что тот или иной источник является еще кроме того и произведением искусства, лишь осложняет работу источниковеда, но не изменяет сущность данного типа источников.

Конечно, изобразительные источники не отделены непреходимой чертой от источников других типов; в частности, мы найдем много общего между ними и фотодокументами, что и позволяет нам рассматривать изобразительные источники как переходные к фотодокументам.

Встает еще один вопрос: является ли музыка особым типом исторического источника? То, что музыка как одна из форм творческой деятельности человека является историческим источником, никакого сомнения не вызывает. Музыка сопровождала человека на всем пути его развития, сопутствовала человеческому обществу на всех этапах его становления. Мелодия народной песни может порой лучше охарактеризовать социально-психологический склад народа или нации, чем самое подробное его описание. Революция, например, воплощается не только в памятниках вещественных (знамена), письменных (декреты), устных (песни и сказы), этнографических (новые революционные обряды), данных языка (новые слова, новые термины), но и в суровых и мужественных звуках революционных гимнов и маршей, в «Интернационале», в «Полонезе» Огиньского. Седьмая симфония Шостаковича — это подлинный исторический памятник осажденному, но не покоренному фашистами Ленинграду — одновременно это и важнейший исторический источник времени Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Однако историческая наука да и само человечество находится пока еще на такой ступени своего развития, когда музыка одна, сама по себе, не может быть источником для создания целостного

представления о прошлом. Как это ни грустно, но приходится констатировать, что значительная часть человечества попросту не понимает яркого и своеобразного, но в то же время условного языка музыки. Музыку каждый слушатель воспринимает по-своему; каждый слышит в ней свое, созвучное только ему. Передки случаи, когда слушатель находит в музыке даже то, о чем и не помышлял ее создатель.

Поэтому до тех пор, пока человечество не выработает объективных критериев восприятия и толкования музыки, она останется в числе важных, но своеобразных этнографических источников наряду с танцем, пантомимой и т. д., что не мешает ей, конечно, со временем выделиться в самостоятельный тип источника, ибо музыка как своеобразная форма воплощения и отображения действительности имеет в себе все потенциальные возможности для такого выделения.

Итак, положив в основу деления способ кодирования заключенной в источниках информации, мы получаем в результате этого деления семь типов исторических источников (вещественные, письменные, устные, этнографические, данные языка, кинофотодокументы, фонодокументы) и два типа переходных, являющихся одновременно источниками историческими и биологическими (данные антропологии), историческими и естественными (географическая среда).

Циклическая и линейная системы классификации источников

Заключительным этапом исследования проблемы классификации источников, ее итогом, венчающим критическое рассмотрение предшествующих систем деления, должно явиться создание новой системы классификации, отвечающей современным требованиям науки, или же присоединение к ранее высказанным точкам зрения с соответствующей мотивировкой. Всем ходом предшествующего исследования автор старался подчеркнуть не только правомерность применения, но и глубокую внутреннюю обоснованность эмпирически выработанного и веками применившегося деления источников на типы, роды и виды. Именно эта типологическая система классификации с наибольшей полнотой и последовательностью отражает ту всеобщую связь и взаимобусловленность явлений в природе и обществе, которая в области источниковедения проявляется с особой наглядностью в тесном переплетении между собой типов, родов и видов источников, в отсутствии резких непреходимых границ между ними, в наличии смешанных, переходных форм, выпадающих из рамок формально-логического деления источников.

Как же можно представить себе в результате всего изложенного взаимосвязь и взаимобусловленность различных типов, родов и видов исторических источников?

Весь корпус источников по способу кодирования заключенной в них информации о породившей их исторической действительности может быть разделен, как уже было сказано, на семь основных типов.

Между этими основными типами существуют переходные: монеты, медали, гербы, печати, эпиграфические источники, вещественные источники с элементами письма — берестяные грамоты (переходные между вещественными и письменными); фольклор, в последнее время бытующий в письменной форме (переходный между письменными и устными); обрядовые жанры фольклора (переходные между устными и этнографическими) и т. д.

Оставляя в стороне классификацию отдельных типов источников как имеющую самостоятельное значение и доступную лишь специалистам в данной науке (археологам, этнографам, фольклористам и т. д.), обратимся к классификации письменных источников. Как уже об этом говорилось выше, все они в зависимости от преобладания воплощения или отображения действительности могут быть разделены на два рода — делопроизводственные (документальные) и повествовательные; деление это, конечно, относительно, ибо во всех делопроизводственных документах есть нарративная часть, а большая часть повествовательных памятников связана с делопроизводительной деятельностью; наконец, есть и такие памятники, которые в равной степени могут быть названы и делопроизводственными и повествовательными.

Оба эти рода письменных источников делятся в свою очередь — в зависимости от особенностей структуры, внутренней формы источника — на виды письменных источников, количество которых не постоянно и неизменно, а, наоборот, непрерывно растет: появляются новые виды документов, порождаемые новой, изменяющейся действительностью. Виды письменных источников существуют также не изолированно друг от друга; имеется ряд переходных форм (между актами и грамотами, между хронографом и повестью, между дневником и мемуарами и т. д.). Практика источниковедческого анализа свидетельствует о том, что некоторые виды письменных источников могут быть объединены (в пределах рода) в особые категории, имеющие схожие особенности происхождения, содержания и формы. Эти категории, по аналогии с классификационными схемами других наук, могут быть названы разрядами. Таков разряд статистических материалов, состоящий из нескольких видов и разновидностей, большой разряд актов, разряд картографических материалов и т. д. — все это в пределах рода документальных письменных источников. Среди повествовательных памятников также могут быть выделены такие разряды, как собственно исторические труды (летописи, хронографы, анналы, хроники и т. д.), художественная литература, источники личного происхождения (мемуары, днев-

лики, автобиографии, письма) и проч. Одни из этих видов оказываются характерными для одного исторического периода, другие — свойственны многим хронологическим эпохам; есть виды более продуктивные и есть такие, которые не продуцируют в условиях изменившейся реальной действительности. Виды источников возникают непрерывно и постоянно в процессе изменения реально существующей действительности. Среди письменных источников прошлых веков исследователи неизменно отыскивали и будут отыскивать новые источники, неизвестные ранее науке, способные образовать новый самостоятельный вид или разновидность источника, ибо возможности структуры, внутренней формы источника неисчерпаемы и безграничны. При определении и выделении вида письменных источников наибольшего внимания заслуживает точка зрения М. К. Макарова, призывавшего к выделению самостоятельных видов в пределах таких разрядов, как статистика, периодическая печать и т. д.

Взаимосвязь и взаимообусловленность различных типов источников неизбежно разрушаются при любой попытке их деления, ибо классификатор должен как-то определить, разграничить, выделить обособленные категории источников. В то же время классификация исторических источников, тесно связанная с классификацией наук вообще¹⁶⁸, должна подчеркнуть взаимосвязь различных типов источников, их взаимообусловленность. Совокупность, системность источников как раз и проявляется в виде взаимосвязи различных типов источников между собой, в стирании резких граней между ними. Процесс становления и развития источниковедения как науки совершался вначале путем дифференцирования источников, их обособления друг от друга, все большего их дробления и разграничения, установления специфики анализа отдельных типов, родов и видов источников и т. д. Процесс этот не мог, однако, продолжаться бесконечно; поскольку каждая наука есть определенная система знаний, т. е. определенная связь образующих ее элементов, то и дифференцирование источников сопровождалось процессом последующей их интеграции. Практика источниковедения дает много тому доказательств: в последних работах все чаще и чаще подчеркивается связь между источниками, вырабатываются методы анализа, общие для различных родов и видов источников и т. д. И если вначале интеграция носила скорее характер внешнего сопоставления различных типов, родов и видов источников, то в наши дни все чаще и чаще раздаются голоса, утверждающие органическое неразрывное единство различных типов, родов и видов исторических источников.

История как наука, несмотря на всю дифференциацию и разветвление на множество самостоятельных разделов, отраслей,

¹⁶⁸ См. об этом: И. А. Булыгин. Л. Н. Пушкарев. Источниковедение. — СИЭ, т. 6, стр. 593.

специальных и вспомогательных наук, внутренне едина и целостна, ибо она изучает историю человеческого общества как единый, закономерный во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесс¹⁶⁹. Единство этого процесса, равно как и внутреннее единство истории как науки, является необходимым условием и исходной предпосылкой для выработки единой системы научного знания о прошлом. Единство исторического процесса обуславливает и единство всей совокупности источников, в сумме своей дающих достоверное знание о прошлом.

Все сказанное не означает, что это единство не может быть расчленено и изучаемо по частям. Наоборот, особенность взаимосвязей и взаимоотношений между различными разделами, отраслями истории, специальными и вспомогательными историческими науками такова, что допускает множество различных делений всей совокупности источников, на чем и основано выделение таких, например, наук, как археология, этнография, нумизматика, папирология, сфрагистика, брестология и т. д. И чем больше будет таких делений, тем глубже и основательнее будут изучены источники с разных сторон, с различных точек зрения, в разнообразных аспектах.

Внутреннее единство исторических источников в их совокупности подтверждается, в частности, еще и тем, что по какому бы принципу их ни делили, результаты этого деления в общих чертах были сходны друг с другом. Это совпадение различных систем деления по основным пунктам объясняется в значительной степени тем, что делению, систематизации подвергается единая, целостная система исторических источников.

В то же время нельзя было не заметить искусственности, схематичности многих предлагавшихся схем деления. Как правило, эти схемы деления выражались в форме перечней или таблиц. Естественно, что подобный линейный ряд источников может выразить связи между различными типами, родами и видами лишь в одной какой-либо определенной последовательности. Классификаторы-источниковеды, надо сказать, и не ставили перед собой задачи подчеркнуть выработанной ими системой деления взаимосвязь источников между собой. А между тем исследователи, так или иначе занимавшиеся проблемой классификации, давно уже установили, что не только внутренняя сущность классификации, но и внешняя форма ее построения может и должна выражать глубокие связи между отдельными элементами классифицируемой совокупности. Такой графической формой построения классификации, наиболее полно, наглядно и отчетливо выражающей взаимосвязь классифицируемых объектов, являются, как известно, «внутренне замкнутые сами на себя системы»¹⁷⁰. Б. М. Кедров

¹⁶⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

¹⁷⁰ Б. М. Кедров. Классификация наук. От Ленина до наших дней. М., 1965, стр. 488.

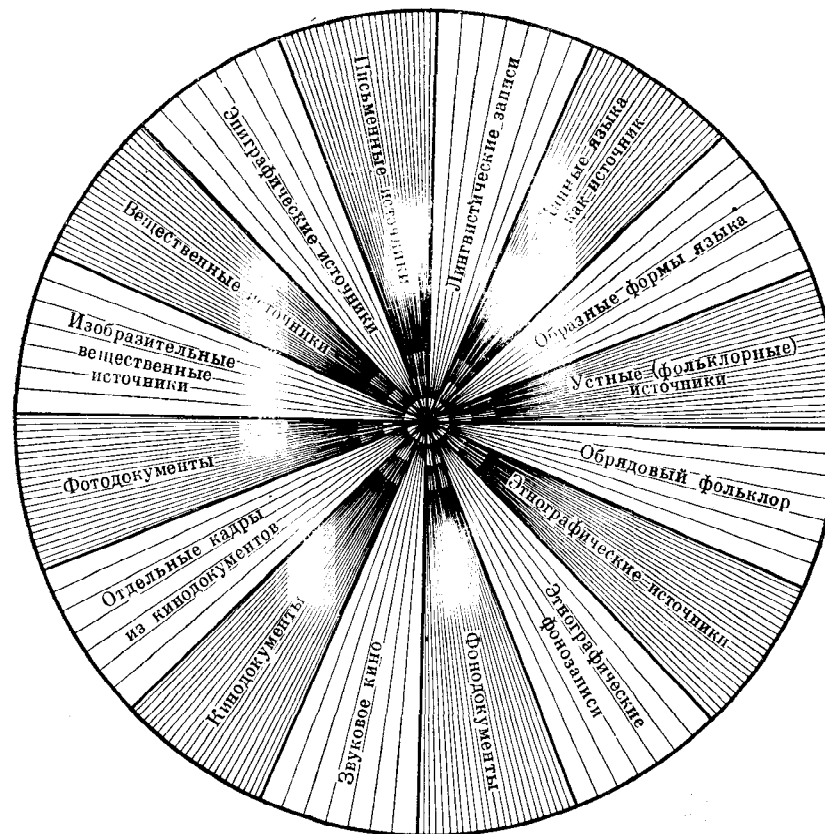

Рис. 1.

Циклическая система классификации исторических источников.

особо отмечает среди них кольцевую систему Пиаже¹⁷¹ и циклическую — С. Г. Струмилина¹⁷²; к ним же принадлежит и разработанная им самим форма треугольника наук¹⁷³.

Циклическая система деления источников, насколько мне известно, не применялась. В то же время именно эта графическая форма деления наиболее убедительно подчеркивает взаимосвязь различных типов источников и наличие переходных групп между ними.

Циклическая система (рис. 1) привлекает к себе внимание историков уже потому, что графическая, внешняя форма ее

¹⁷¹ J. Piaget. Introduction à l'épistémologie génétique, t. I—III. Paris, 1950.

¹⁷² С. Г. Струмилин. Наука и развитие производительных сил. — «Вопросы философии», 1954, № 3, стр. 46—61.

¹⁷³ Б. М. Кедров. О классификации наук. — «Вопросы философии», 1955, № 2, стр. 49—68.

мышления; устные (фольклорные) источники, кино- и фотодокументы связывают историческую науку с искусством, фонодокументы — с музыкой и т. д.

С практической точки зрения бывает нужно (а порой и необходимо) развернуть циклическую систему в линейную, т. е. в каком-либо условно выбранном месте разорвать замкнутый цикл источников и представить его в виде линейного ряда. Строго говоря, этот разрыв может быть произведен в любом месте цикла (что и было сделано на рис. 2, когда письменные источники были помещены в центре, а остальные типы источников образовали замкнутый цикл), но этот разрыв, конечно, должен быть по возможности менее искусственным; он должен быть оправдан и характером тех типов источников, которые в данном месте встречаются.

Необходимость разворачивания циклической системы классификации исторических источников в линейный ряд диктуется прежде всего стремлением показать, что ряд исторических источников бесконечен. Вместе с развитием науки и техники неизбежно будут возникать и новые типы источников, опирающиеся на новых способах кодирования информации. Так, открытие голографии и развитие голографической техники выявили возможность использования ее для кодирования информации, что в свою очередь может привести к возникновению совершенно нового типа исторических источников.

С другой стороны, линейный ряд циклической классификации наглядно может продемонстрировать связь исторических источников с естественно-физическими (географическая среда) и естественно-биологическими (антропологические данные) источниками.

Переход от циклической системы классификации к линейному ряду, употребляемому в классификации наук, еще раз свидетельствует о связи проблемы классификации источников с проблемой классификации наук вообще. Естественнее всего этот разрыв провести в пункте, соединяющем этнографические источники с фонодокументами. Это может быть мотивировано, с одной стороны, тем характером, который имеют этнографические источники, а с другой, — той последовательностью в возникновении исторических источников, которая может быть раскрыта данной линейной системой классификации (см. рис. 3).

В самом деле, именно этнография как наука связывает социальные науки вообще (и в том числе и историю) с науками естественно-биологическими. Этнографические и антропологические источники дают нам первичные данные для характеристики человека как биологического вида и как общественно-социального явления одновременно. Теснейшим образом с этнографическими источниками связаны и фольклорные, равно как и данные языка. Именно фольклор начинает собой историю как науку: первоначальные исторические предания у всех народов во все века были

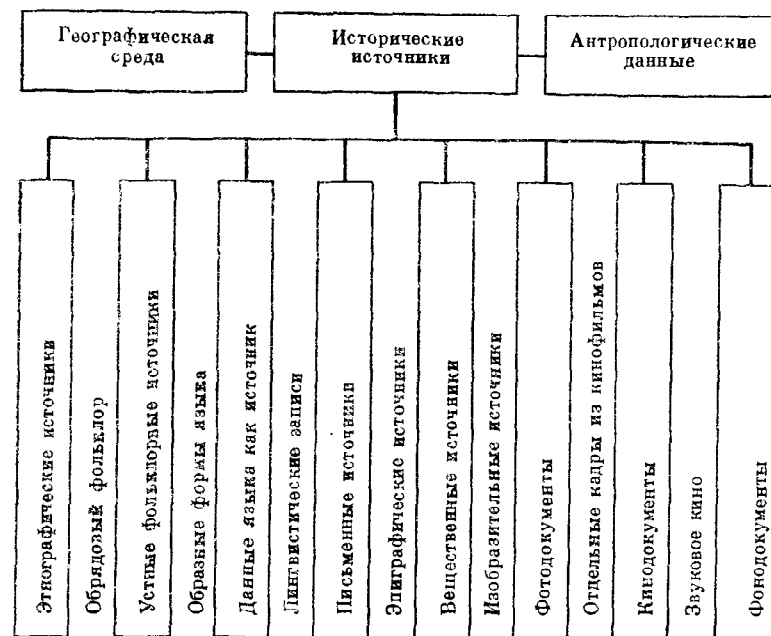

Рис. 3.

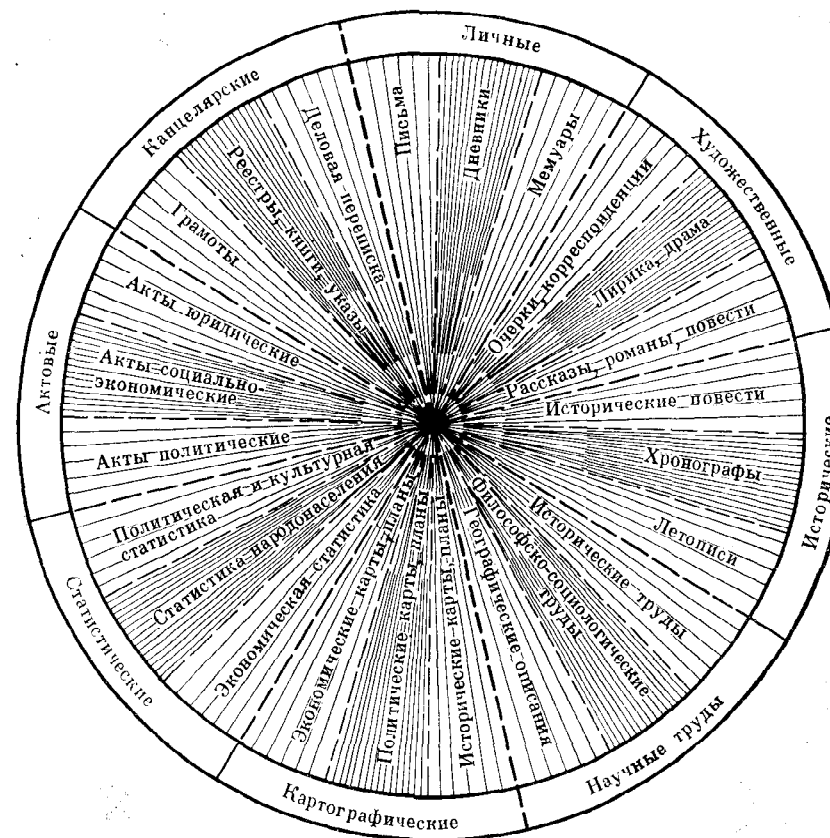
Линейная система классификации исторических источников.

устные. Вслед за этим в орбиту исторического познания был включен анализ письменных источников, затем вещественных. Хотя вещественные источники по времени своего возникновения и первичны, но в качестве источника они стали привлекаться к исследованию после письменных источников. Наконец, возникли кинофото- и фонодокументы — как раз эти источники и должны быть поставлены на замыкающем месте. От них можно вновь перейти к этнографическим источникам, замкнув таким образом линейный ряд источников в единый цикл.

Таким образом, линейный ряд источников начинается самым древним типом источников, присущим человеку изначально, с момента оформления его как биологического вида, а заканчивается этот ряд самыми новыми, возникающими на наших глазах типами исторических источников.

Конечно, при этом следует иметь в виду, что многие типы источников возникали одновременно на самых ранних ступенях развития человечества. Таковы данные языка, фольклор, музыка, вещественные источники — мы не в состоянии определить, какой тип источника из только что перечисленных возник раньше, какой позже. Однако ни у кого не может появиться сомнения, что такие источники, как письменные, а тем более кинофотодоку-

При отборе видов внутри каждого разряда обращалось особое внимание на такие, которые являются переходными между отдельными разрядами. Количество видов в каждом разряде бра-

Едва ли есть необходимость специально останавливаться на том, что между всеми помещенными на рисунке видами можно установить переходные формы, которые будут содержать черты, общие для соседствующих видов. Таковы деловые и личные письма, которые не имеют зачастую четкого различия, особенно в том случае, когда автор их — должностное лицо и в силу его служебного положения его личные письма порой ничем не отличаются от деловых. Точно так же нам известны дневники, составленные в форме писем, а также мемуары, созданные на основе дневниковых записей, включающие дневниковые записи

в свой состав. Мы знаем также и об очерках мемуарного характера, равно как и корреспонденции из периодической печати, которая теснейшим образом примыкает к документам личного происхождения, вспомним хотя бы «Испанский дневник» Михаила Кольцова. Не останавливаясь совсем на том, что между историческими повестями, хронографами и летописями имеется большое количество переходных форм, один вид источника в этом случае нередко переходит в другой, причем часто повесть оказывается включенной в летопись, а летописная форма повествования оказывается присущей художественной повести. Род повествовательных источников заканчивается научными трудами всевозможного содержания; на рисунке перечислены лишь три их вида — исторические, философско-социологические и географические труды — наиболее близко стоящие к истории как науке, хотя количество их, безусловно, очень велико. Географические труды (географические описания в первую очередь) теснейшим образом связаны с картографическими источниками, которые нередко составляют неотъемлемую часть географического описания — и в то же время они представляют собой особый вид источника, существующий и развивающийся независимо от повествования и относящийся уже к документальным источникам.

Все то, что сказано о видах повествовательных источников, в полной мере относится и к источникам документальным. Мы найдем переходные формы между самыми разнообразными видами. Таковы экономические карты и планы, использующие статистические источники, порою являющиеся просто картографической формой их воплощения. Такова политическая статистика, опирающаяся на актовый материал. Выше много говорилось о том, что грамоты и акты — родственные понятия, нередко перекрывающие друг друга. Документоведение давно уже установило наличие переходных форм между различными видами канцелярского делопроизводства и т. д.

При разворачивании циклической системы классификации письменных источников в линейный ряд (условия и принципы этого разворачивания идентичны с рассмотренными выше), разрыв между двумя родами будет условным и относительным. Согласимся еще раз с теми исследователями, которые сомневались в возможности и целесообразности уложить все многообразие видов письменных источников в прокрустово ложе двух родов. Этого, действительно, не только нельзя, но и не нужно делать, а совсем наоборот, следует всемерно искать и находить черты, указывающие на переходный характер памятника, ибо все это значительно повышает возможности источниковедческого его изучения, позволяя применить методы анализа, характерные для различных видов исторических источников.

Логичнее всего этот разрыв провести в пункте, соединяющем картографические источники с научными. Сама форма отображения и воплощения действительности в двух этих видах существ-

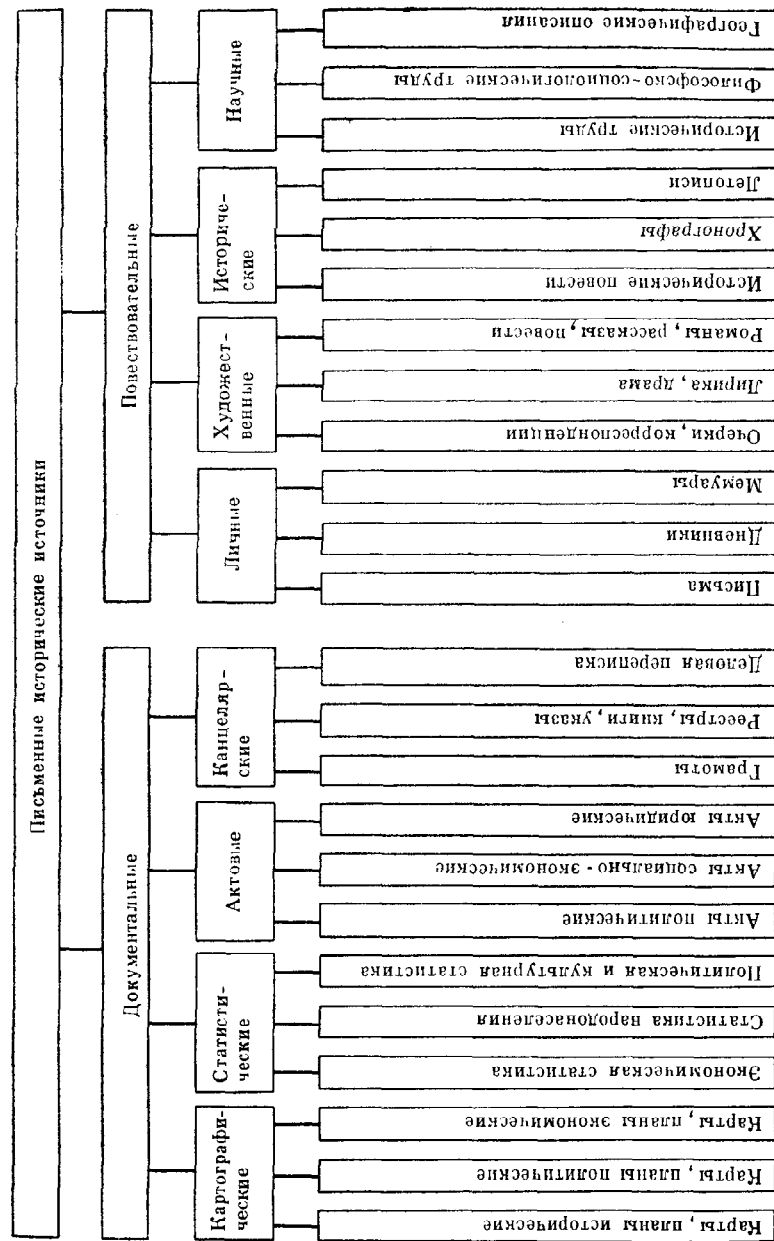

Рис. 5.
Линейная система классификации письменных исторических источников.

венно и наглядно различается: в одном случае — это связанное изложение, в другом — условный язык картографического материала. И хотя картография немыслима без текстового сопровождения, а научные труды нередко используют схемы, планы и карты в качестве неотъемлемого компонента научного изложения, тем не менее употребление этих чуждых данному виду форм носит служебный, вспомогательный для данного вида характер. Нельзя не отметить и еще одной особенности, наглядно выступающей именно при таком выборе пункта разрыва: в этом случае повествовательные источники будут оканчиваться научными трудами, т. е. тем переходным видом повествовательного источника, который стоит на грани исторического источника и исторического исследования: сохраняя черты источника для характеристики эпохи его возникновения, он теряет эти черты для характеристики прошлой эпохи, отразившейся в нем через посредство первичных исторических источников (см. рис. 5).

Итак, линейный ряд циклической классификации письменных источников наглядно показывает, что невозможно провести четкой, резкой, определенной грани между историческим источником и историческим исследованием. И дело здесь, конечно, не в том, что в ряде случаев оказались исчезнувшими источники, на которых было построено исследование, а, как верно отметил М. А. Варшавчик, в том, что исторические исследования «содержат моменты источникового характера, страницы, написанные на основе непосредственных наблюдений за событиями»¹⁷⁵. Автор далее говорит о том, что исследование непосредственно отображает идеологическую борьбу, идейную жизнь общества в период своего создания, и в этом отношении исторические исследования являются таким же источником, как и любой вид литературы, порой наиболее рельефно отображающий интересующие нас явления в общественной или культурной жизни.

Итак, циклическая система классификации письменных источников при ее разворачивании в линейный ряд дает нам возможность представить всю совокупность источников в виде непрерывного их ряда, переходящего в одном направлении в исторические исследования, а в другом — в изобразительные источники, восходящие к древнейшему периоду в развитии человечества, к эпохе пиктографического письма, когда условный язык рисунков и символов был синкретическим способом выражения мыслей, способом передачи информации.

¹⁷⁵ М. А. Варшавчик. Предмет и задачи источниковедения КПСС, стр. 13; он же. Об источниках изучения историографии истории КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1973, № 11, стр. 99—105.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционная характеристика источниковедения как одной из вспомогательных исторических дисциплин¹ за последнее время подвергается все чаще и чаще критике. Источниковеды и историки начинают подчеркивать широкий, обобщающий характер источниковедения, его связь с методологией истории и т. д. Наиболее отчетливо такую точку зрения сформулировали в своей статье С. М. Каштанов и А. А. Курносов². При обсуждении их статьи это положение было встречено сочувственно одними историками (в частности, Л. В. Черепнин³) и не встретило поддержки у других.

Дело, конечно, не в том, причислять или нет эту науку к вспомогательным историческим дисциплинам, а в том, что в самом источниковедении содержатся и такие вопросы, которые относятся к методике изучения исторических источников (совокупность технических приемов и правил выявления, собирания, систематизации и формального изучения источников), и такие проблемы, которые выходят за круг методических приемов и способов и относятся к числу не методических, а методологических⁴. Такими проблемами, в частности, и являются, как это стремился доказать автор в своем исследовании, вопросы определения и классификации исторических источников. Иными словами, в источниковедении, как и в ряде других исторических дисциплин, есть такие разделы, которые необходимы для анализа отдельных видов и разновидностей источников (так называемое «конкретное источниковедение»), и такие вопросы, которые

¹ Л. В. Черепнин. Источниковедение. — «БСЭ», т. 19. Изд. 2-е. М., 1953, стр. 44—46; И. А. Булыгин, Л. Н. Пушкарёв. Источниковедение. — «СИЭ», т. 6. М., 1965, стр. 592—601.

² С. М. Каштанов, А. А. Курносов. Некоторые вопросы теории источниковедения. — «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 173—186.

³ Об обсуждении этой статьи см.: «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 186—196.

⁴ См. об этом: О. Л. Вайнштейн. Теоретические дисциплины истории. — «Критика новейшей буржуазной историографии» (Труды ЛОИИ, вып. 10). Л., 1967, стр. 24; О. М. Медушевская. Вспомогательные исторические дисциплины в польской историографии. — «Вопросы истории», 1974, № 11, стр. 201—202.

имеют более общий характер, смыкаются с общеметодологическими проблемами истории.

Недостаточная разработка теоретических вопросов истории, на которую обратило внимание Всесоюзное совещание историков в декабре 1962 г. (выступления Б. Н. Пономарева, Е. М. Жукова, М. В. Нечкиной, П. В. Федосеева и др.)⁵, продолжает и по сей день оставаться актуальной задачей, требующей безотлагательного решения. Эта общая для всей исторической науки задача в полной мере относится и к источниковедению. Нельзя сказать, чтобы оно оставалось в тени, оно активно и бурно развивается, особенно за последнее время, но это развитие идет неравномерно: одни разделы источниковедения разрабатываются глубоко и подробно, другие, наоборот, остаются вне поля зрения исследователей. Явно недостаточно, в частности, изучаются вопросы теоретического источниковедения: за исключением активно работающей в данной области О. М. Медушевской⁶, остальные источниковеды и историки, работающие в области теории, больше исследуют методологические вопросы истории, а не источниковедения⁷.

Советское источниковедение всегда развивалось в тесной связи со всей исторической наукой. Его развитие определялось, с одной стороны, публикациями новых документов, издание которых неизбежно вызывало необходимость их анализа, а с другой стороны, разработкой общеметодологических вопросов исторической науки, с которыми источниковедение всегда было тесно связано и которые предопределяли направление развития источниковедения. Источниковедение нашего времени характеризуется борьбой за внедрение марксистско-ленинской методологии в изучение источников, за изменение самого подхода к источнику как к факту социально-политическому, в котором и его содержание, и его форма в значительной степени были обусловлены классовой борьбой того времени, были проникнуты определенной клас-

совой политической тенденцией. В источниковедении позже, чем в других отраслях исторической науки, определилась победа марксистско-ленинского исторического метода. Выработывая свой партийный подход к интерпретации исторических источников, советское источниковедение за последнее время сформировалось в самостоятельную отрасль исторической науки со своим предметом и со своей методикой исследования. В то же время все то лучшее, что было создано дореволюционным и зарубежным источниковедением, а также находки и успехи советского источниковедения первых десятилетий Советской власти были бережно сохранены, дополнены и развиты.

Внутри источниковедения постепенно начинает складываться особая тематическая группа работ, посвященных общим теоретическим и методологическим вопросам. Тесно связанные с методологией истории, с той сферой наук, которые О. Л. Вайнштейн удачно назвал «теоретическими дисциплинами истории», эти исследования дают полное право говорить о создании особой теоретической дисциплины — теоретического источниковедения. В круг его интересов входят такие проблемы, как определение и классификация исторических источников, вопросы анализа их содержания и формы (в общефилософском плане), проблемы отображения и воплощения действительности в источнике, достоверности и адекватности этого отображения, соотношение исторического источника и исторического факта, пробелы в источниках и значение этого факта для источниковедения⁸, анализ методологических аспектов наследия классиков марксизма-ленинизма⁹, и многие другие общие теоретические проблемы источниковедения.

Но наряду с этим источниковедение занимается и углубленным изучением отдельных типов, родов и видов исторических источников, работой над конкретными источниками — выявлением источников (так называемая эвристика), установлением текста источника (прочтение текста, установление основного или первоначального текста и дополнений к нему), установлением происхождения того или иного источника (автор, время, место, подлинность, обстоятельства и цели составления источника), источниковедческим анализом конкретных исторических источников (так называемая герменевтика — установление полноты сведений, достоверности и точности сведений, определение поли-

⁵ «Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам 18—21 декабря 1962 г.» М., 1964, стр. 24, 56, 82, 191, 256, 370, 385 и др. См. также: «Обсуждение вопросов методологии истории на расширенных заседаниях Секции общественных наук Президиума АН СССР 3 и 6 января 1964 г.» — «Вопросы истории», 1964, № 3, стр. 23—66; «Методологические проблемы науки. Материалы заседания Президиума Академии наук СССР». М., 1964, стр. 144—152, 221—223, 307 и др. «Методологические вопросы общественных наук». М., 1966, стр. 4.

⁶ См. ее весьма интересную статью в этой области: О. М. Медушевская. Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография. — «Труды МГИАИ», т. 25. М., 1967, стр. 99—117.

⁷ Учебное пособие В. И. Стрельского хотя и называется «Теория и методика источниковедения истории СССР» (Киев, 1968), основное свое внимание уделяет не теории, а методике источниковедческого исследования. В последнем учебном пособии «Источниковедение истории СССР» (Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973) вопросам теоретического источниковедения уделено очень мало места.

⁸ См. подробнее об этом: Ц. Боби́нская. Пробелы в источниках. — «Вопросы истории», 1965, № 6, стр. 76—86; C. Bobińska. Historyk, fakt, metoda. Warszawa, 1964.

⁹ Е. Н. Городецкий. Вопросы методологии исторического исследования в послеоктябрьских трудах В. И. Ленина. — «Вопросы истории», 1963, № 6, стр. 16—34; О. М. Медушевская. Новая советская литература по источниковедению. — «Вопросы истории», 1973, № 9, стр. 146—154; Б. Г. Литвак. Ленинские приемы источниковедческого анализа и методика использования массовой документации. — «История СССР», 1970, № 2, стр. 66—77.

тической направленности и классовой сущности источника) и, наконец, источниковедческим синтезом, куда входят выяснение генеалогической связи источников, сопоставление источников по степени их достоверности и точности, взаимные отношения источников с точки зрения полноты освещения события, установление всей суммы фактов, относящихся к теме исследования, определение недостающих звеньев в цепи установленных фактов и т. д. Все эти и многие другие вопросы относятся к сфере конкретного источниковедения.

Нельзя сказать, конечно, что конкретное и теоретическое источниковедение разделены непреходимой стеной, наоборот, они тесно между собою связаны. Теоретическое источниковедение питается фактами, добытыми конкретным источниковедением, и в свою очередь обогащает его законами, указывает пути развития, освещает теоретические проблемы работы над источниками.

Если теоретическое источниковедение мы вправе причислить к теоретическим дисциплинам истории, то конкретное источниковедение тесно примыкает к другим вспомогательным историческим дисциплинам, ибо конкретное источниковедение обслуживает историю как науку, помогает ей в решении главной ее задачи — изучении закономерностей развития человеческого общества.

Значение конкретного источниковедения для работы историка-исследователя едва ли нуждается в доказательствах. Каждый ученый-исследователь прекрасно понимает, что только достоверные факты могут стать основой исследования¹⁰, а извлечь эти факты из источников, проанализировать степень их полноты и достоверности без предварительного источниковедческого анализа невозможно. Другое дело — проблемы теоретического источниковедения. До сих пор еще приходится сталкиваться с недооценкой тематики теоретического источниковедения, с ложным представлением об оторванности от практических задач исследований в области теоретического источниковедения. Поэтому заключительные страницы и будут посвящены обоснованию практического значения типологической классификации источников.

Анализ исторического источника в свете ленинской теории отражения дает нам прочную основу для такого определения источника, которое ставит во главу угла объективный, не зависящий от воли историка-исследователя характер источника, созданного человеком в процессе его практической деятельности на основе личных субъективных образов объективного мира. Этот созданный в результате человеческой деятельности источник мо-

жет быть правильно понят и истолкован лишь тогда, когда он сам будет рассматриваться как определенное историческое явление, как исторический факт, возникший в определенной обстановке и несущий на себе печать своего времени.

В процессе изучения источников историческая наука давно уже эмпирическим путем выработала основные понятия типа, рода и вида письменных источников, однако до самого последнего времени нет ясности как в употреблении этих терминов, так и в определении границ этих понятий. Анализ источника с точки зрения его содержания и формы дает нам необходимые критерии для определения этих понятий, для установления их границ и переходных форм. Настоящая работа как раз и предлагает такие определения типа, рода и вида в источниковедении, которые основаны на процессе отображения и воплощения действительности в источнике, которые связывают формирование и образование этих понятий с самим историческим процессом, порождающим источники.

До сих пор в русском и советском, как и в зарубежном, источниковедении не было сделано попытки дать подобные определения, основанные на одном принципе.

Проведенная в настоящем исследовании работа позволяет утверждать, что эмпирически выработанное источниковедением деление источников на типы, роды и виды — не прихоть многих поколений источниковедов, а внешнее выражение глубокого внутреннего закона воплощения и отображения действительности в источнике, органически ему присущего и от него неотделимого. Именно типологическое деление источников должно рассматриваться как их классификация, все остальные способы деления следует отнести к различным систематизациям источников, имеющим служебное назначение и зависящим от целей и задач конкретного исторического исследования.

Автор стремился показать своей работой, что классификация может быть использована как инструмент познания, в частности, как способ научного описания источников. Классификация (и особенно линейный ряд циклической классификации) представляет собою своеобразный метод в работе историка по отысканию и обнаруживанию новых типов исторических источников. В этом, в частности, обнаруживается эвристическая функция классификации.

Задача типологической классификации заключается не столько в делении исторических источников, сколько в определенном их синтезировании. Не случайно типологическая классификация источников обращает особое внимание исследователя на отсутствие резких, непреходимых границ между типами, родами и видами источников, на наличие большого количества переходных форм, совмещающих в себе отличительные свойства соседствующих типов, родов и видов источников. Все это дает основание и право историку применять в источниковедческом анализе подоб-

¹⁰ См. об этом более подробно: И. С. Смирнов. Достоверные факты — основа исторического исследования. — «Коммунист», 1962, № 3, стр. 75—83.

ных переходных форм способы и приемы, характерные для соседствующих типов, родов и видов. Практика источниковедческих изысканий последних лет неопровержимо свидетельствует, что именно на стыке применения различных методических приемов источниковедческого анализа истории получают наиболее плодотворные результаты.

Текущность, переходимость границ между отдельными типами, родами и видами источников — свидетельство непрерывности и единства процесса отображения и воплощения действительности в источниках. Однако следует со всей определенностью сказать, что основой, костяком типологической классификации служат стабильные и ясно выделяемые типы, роды и виды источников. Наличие смешанных, переходных форм лишь подчеркивает существование основных типов, родов и видов, которые в своей совокупности создают целостную и неделимую систему. Только система источников в своей целостности и может дать полное знание о прошлой исторической действительности. Любое деление этой системы неизбежно искусственно и механистично, но оно также неизбежно и необходимо, ибо нельзя изучить целое без его анализа по частям.

Наиболее отвечающей своему назначению графической формой деления источников является циклическая система классификации источников, наглядно иллюстрирующая основные принципы типологической классификации. До сих пор в практике русского источниковедения графические формы классификации (насколько об этом можно судить по литературе) не применялись. Настоящая работа содержит в себе первую попытку дать преподавателю высшей школы средство наглядного воспитания у студентов представления о взаимосвязи различных типов источников между собой, о центральном положении письменных источников среди источников всех остальных типов.

Развертывание циклической системы классификации в линейный ряд дает возможность указать на связь письменных источников с историческими исследованиями, раскрыть всю сложность и противоречивость этой связи. Линейный ряд циклической системы классификации источников дает представление и о последовательности возникновения различных типов исторических источников, и о их связи с источниками переходных типов — антропологическими данными и географической средой.

Основная цель настоящего исследования — путем анализа понятия исторического источника, его содержания и формы найти и выработать такие определения самого исторического источника и различных его типов, родов и видов, которые были бы основаны на объективных, не зависящих от воли позднейшего исследователя качествах и свойствах источника. Все это, по замыслу автора, должно было подчеркнуть объективный характер источника, а тем самым и объективный характер наших знаний о прошлом, полученных на основе анализа источников. Равным

образом и основание деления источников в настоящей работе было выбрано такое, которое исходит из объективного воплощения и отображения действительности в историческом источнике.

Полученная в результате такого деления типологическая классификация источников в отдельных своих элементах давно уже была известна исторической науке и применялась в практике преподавания источниковедения. Однако все историки отмечали, что в науке отсутствует теоретическое обоснование и этой классификации, и определения полученных в результате ее типов, родов и видов. Настоящей работой автор и надеется восполнить этот пробел в теоретическом источниковедении.

Работа в области теоретического источниковедения, как это неоднократно отмечалось многими исследователями, тесно связана с методологией истории, философией, логикой, социологией. Проблема классификации источников требует познания в самых различных областях исторического знания (археологии, этнографии) и ряда смежных с историей наук (фольклористики, литературоведения, лингвистики, истории искусства и т. д.). Один уже перечень тех наук, с которыми соприкасается настоящая работа, показывает, с какими трудностями сталкивается всякий, кто работает в данной области. Вопросы теоретического источниковедения лежат на стыке многих общественных наук, и необходимы совместные усилия историков, археологов, этнографов, фольклористов, литературоведов, лингвистов, философов и т. д. (этот перечень легко можно продолжить!) для решения многих спорных вопросов. Автор будет считать свою задачу выполненной, если настоящая работа побудит заинтересованных в данной тематике исследователей задуматься над нерешенными проблемами теоретического источниковедения и внести свой посильный вклад в их дальнейшее развитие.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза В. В. 145, 146
Абрамзон С. М. 116
Абрамович Г. Л. 225
Авдеев Н. Н. 46, 47, 59
Агудов В. В. 109
Адамс А. (Adams A.) 22
Аксаков С. Т. 70
Аландский И. М. 141
Алексеев В. П. 199
Алексеев И. С. 108
Алексеев Л. В. 86
Алексеева Г. Д. 157
Алпатов М. А. 136
Альбрут М. И. 86
Амальрик А. С. 51, 64, 84, 220
Амосов А. А. 186
А. Н. 220
Андрянов Б. А. 85, 86
Аникин В. П. 112
Анкудинова Л. Е. 180
Антадзе К. Д. 176, 220, 227
Антипина К. И. 116
Антипов Г. А. 55, 135
Антонова С. И. 165, 227
Анучин В. А. 86
Араб-Оглы Э. А. 75
Ардашев Н. Н. 144, 149
Арнольд С. С., см. Лавров П. Л.
Арциховский А. В. 161, 192, 193, 195
Асмус В. Ф. 76, 235
Астахова А. М. 129
Афанасьев В. Г. 249
Базилювич К. В. 162
Барков И. 136
Барсов Н. П. 35
Барсуков Н. П. 139, 207
Батырмураев М. Т. 107
Бауер В. (Bauer W.) 44, 45, 50, 64, 67, 80, 146, 157, 170
Бахрушин С. В. 161
Белич А. И. 113
Бем М. X. (Behm M. Ch.) 11
Бернгейм Э. (Bernheim E.) 36, 40, 42, 46, 50, 144, 146, 152, 154, 156, 159, 170, 218, 243
Бертье-Делагард А. Л. 202
Бескровный Л. Г. 165
Бессмертный Ю. Л. 228
Бестужев-Рюмин К. Н. 34, 35, 65, 145, 147, 189, 218
Бехер Э. (Becher S.) 34, 45, 64, 65
Биск И. Я. 175
Блаватский В. Д. 195
Блок М. (Bloch M.) 50, 51
Бобиньска Ц. (Bobin'ska C.) 271
Богатырев П. Г. 112
Богоров А. 120
Болотов В. В. 141
Болтин И. Н. 31, 33
Большаков А. М. 46, 158, 159
Борковский В. М. 200
Бороздин И. Н. 149
Бочкарев В. В. 48, 160
Бочкарева З. Н. 26
Бранди К. (Brandi K.) 45, 157
Брандт Е. (Brandt E.) 80, 209
Бретшнайдер В. (Bretschneider W.) 22
Брик Л. Ю. 125
Бугаевич И. В. 27
Буганов В. И. 170, 180, 224

Бузескул В. П. 38, 66, 150, 155
Булыгин И. А. 182, 252, 257, 269
Бунин И. А. 193
Бурлак В. Н. 13
Бутаков А. А. 239
Бьюкенен Т. 204
Быковский С. Н. 48, 59, 68, 73, 155, 159—161, 189, 190, 209, 220
Бэн А. 146
Бэр К. М. 77, 78
Вайнштейн О. Л. 156, 269, 271
Валк С. Н. 30, 80, 157, 158, 223
Валькс (Walchs C. W. F.) 31, 65
Варшавчик М. А. 6, 54, 56—58, 64, 82, 83, 170, 178, 179, 181, 187, 190, 206, 227, 246, 268
Вахлер Л. (Wachler L.) 33, 142
Вахсмут В. (Wachsmuth W.) 33, 65, 76, 139, 148
Введенская Л. А. 201
Введенский А. А. (Введенский А. О.) 52, 164, 168, 173, 174, 195, 236
Верли М. (Wehrli M.) 225
Веселовский С. Б. 201
Виноградов В. В. 113, 260
Виноградов И. И. 111
Виноградов П. Г. 147
Витов М. В. 85, 196, 201
Волков-Ланниг Л. Ф. 204, 205
Волчек Г. Ф. 203
Вольф Г. (Wolf G.) 67, 207
Воробьев Л. В. 87
Воронин Н. Н. 115, 194

Воронов А. Г. 31
Восканян А. М. 75
Востриков А. В. 90
Вундт В. (Wundt W.) 79
В. Ю. А. 94
Гагарин Ю. А. 205
Гаклин Д. И. 205
Галкина-Федорук Е. М. 101, 113
Гарковенко Ф. И. 87
Гедымин Е. (Giedymin J.) 170
Георгиев Ф. И. 12
Гердер И. Г. 76
Геродот 74
Герцен А. И. 70, 164
Гиндин И. Ф. 70, 71, 73
Гиппократ 75
Головченко Ф. М. 225
Головня А. Д. 119
Голубовский П. В. 150, 207
Голубцов В. С. 70
Гольдштейн Г. 203
Горанов Крыстю 87
Городецкий Е. Н. 245, 271
Городцов В. А. 158
Горон Н. 205
Горский А. Д. 27
Горький А. М. 70, 177, 197, 215, 216
Готье Ю. В. 161
Гофер В. (Hofer W.) 12, 17, 25
Грановский Т. Н. 78
Греков Б. Д. 49, 59, 64, 74, 160, 161, 213
Григорьев М. С. 111, 113
Григорьев Р. Г. 203
Григорьева И. В. 56, 175, 182
Гришкин И. И. 94
Грылев А. Н. 166
Грязнов Б. С. 102
Губарев Н. 205
Губенко М. П. 171
Гуковский А. И. 27, 160, 179, 188
Гулыга А. В. 76
Гуляев Н. Н. 103
Гумбольдт В. (Humboldt W.) 113
Гумилев Л. Н. 85, 194
Гунгер И. 204
Гутман И. (Guthman I.) 11
Гусев В. Е. 112
Гущин Д. А. 94

Даль В. И. 111
Данилов А. И. 21
Данилов В. В. 211
Данилов В. И. 52—54, 170, 171, 187, 210, 221, 230, 245, 246
Дантон Ж. Ж. (Danton G. J.) 118
Дебел Г. Ф. 196
Дейч Г. М. 136
Дильтей В. (Dilthey W.) 21
Джонс Д. (Jöns D. W.) 76
Добнаш-Рождественская О. А. 45, 59, 156, 159
Дробашенко С. В. 120
Дройзен И. Г. (Droysen I. G.) 34, 42, 65, 66, 144, 146, 243
Дулов А. В. 249
Дунаевский В. А. 175, 220
Дурново Н. Н. 220
Дьюп Д. (Dewey J.) 10
Дьяков В. А. 183
Дьюк Л. П. 119
Дядиченко В. А. 52, 168
Егоров А. А. 109
Егоров Д. Н. 142, 201, 208, 219
Ерслев К. (Erslev K.) 80, 209
Жданко Т. А. 199
Ждановская З. В. 53, 82, 178, 179
Жебелев С. А. 44, 59, 99, 150, 156, 159
Жилин П. А. 58, 185
Жуков Е. М. 270
Жуков Н. И. 94
Жуковский П. 201
Забелин И. Е. 144
Загоскин Н. П. 37, 150, 151
Задера А. Г. 55, 162, 174
Замысловский Е. Е. 143
Зелькина О. С. 108
Зимин А. А. 132, 164, 167, 214, 216, 223, 228
Зиновьев А. А. 101
Зиновьев А. З. 33, 137
Зисль А. Я. 202
Злобин В. И. 54
Зобов Р. А. 108, 109
Золотарев В. П. 38
Зубков В. А. 202

Иванов Б. П. 195

Иванов В. В. 50, 56, 180
Иванов Г. М. 7, 13, 14, 22, 64, 171, 184
Иванов С. Г. 94
Игнатенко А. П. 162
Игнатьева В. Н. 195
Иконников В. С. 36, 139, 140, 145—147, 189, 218
Иллерицкий В. Е. 70
Иловайский Д. И. 34
Ирошникова М. П. 180
Истрин В. А. 250, 253

Кабузан В. М. 169
Каганов В. М. 87
Кайзер Э. (Keyser E.) 48, 49, 64, 68, 81, 209
Калайдович К. Ф. 33
Калошин Ф. М. 111
Калтис В. Я. 100
Карамзин Н. М. 32, 33, 72, 122, 137, 138
Кардин В. (З. В.) 69
Кареев Н. И. 38, 39, 42, 43, 66, 151, 152, 157, 159, 189, 207, 209, 219, 231, 243
Кареева С. А. 39
Кармен Р. Л. 204
Карнап Р. (Carnap R.) 9
Карсавин Л. П. 43, 44, 59, 67, 155, 156, 159
Каченовский М. Г. 32, 137
Каштанов С. М. 53, 54, 152, 169, 172, 176, 177, 187, 189, 191, 208, 221, 222, 224, 228, 230, 269
Квирин Г. (Quirin H.) 230
Кедров Б. М. 236, 239, 240, 258, 259
Кемпбел Р. (Campbell R.) 14
Керстен К. (Kersten K.) 56
Кизилов Ю. А. 249
Кипько А. М. 112
Кипарисов Д. В. 99
Кирдан Б. П. 198
Киреева Р. А. 149
Кирсанов С. И. 126
Кисляков Н. А. 116
Ключевский В. О. 36, 43, 54, 78, 148—150, 218, 219
Коваленко Ю. В. 201
Ковальченко И. Д. 186, 234, 251, 270
Коган С. Я. 101
Колесников И. Ф. 39, 161
Колчин Б. А. 195

Кон И. С. 13, 21, 75
Кондаков Н. И. 235
Кондратьев В. А. 171, 172, 195, 199
Кондратьев Н. Д. 154
Копалин И. П. 204
Копнин П. В. 9
Корецкий В. И. 213
Коробков Н. М. 195
Королев Ф. Н. 130
Коршунов А. М. 94
Коялович М. О. 145, 146, 248
Краус Х. И. (Kraus Ch. I.) 32
Кривошин Л. Н. 103, 203, 204
Кригер Л. (Krieger L.) 14
Кроче Б. (Croce B.) 10
Кругликов-Гречанин Л. П. 39
Крупянская В. Ю. 199
Крюкова М. С. 97, 129
Кудрявцев П. Н. 78
Кузин А. А. 202, 203
Кузнецов П. С. 200
Кукановский В. М. 236
Кульбакин В. Д. 188
Кунтиков И. Н. 104, 202
Курносов А. А. 53, 54, 70, 172, 176, 187, 189, 191, 221, 222, 224, 230, 269
Купева Е. Н. 205, 206
Кушнер П. И. (Кнышев) 160
Кэрю Хант Р. Н. (Carew Hunt R. N.) 13
Лавров П. Л. (Арнольд С. С.) 78, 144
Лавровский В. М. 238
Лазутин С. Г. 112
Ланглау Ш. (Langlois Ch. V.) 36, 40, 42, 150
Ланк Ф. (Lanc F.) 249
Лапицкий И. П. 223
Лаппо-Данилевский А. С. 14, 40—43, 53, 58, 66, 67, 79, 80, 152—155, 159, 189, 208, 219, 231, 244, 245
Лаптев В. В. 163, 189, 220
Лашинков И. В. 145
Лебедев В. И. 161
Левада Ю. А. 199
Левель Т. М. 204
Левин М. Г. 196, 199
Ленин В. И. 5, 6, 9, 10, 12, 14, 20, 24, 62, 79, 88, 90, 107, 118, 179,

188, 205, 232, 238, 239, 258
Леонтович Ф. И. 146
Лерберг А. Х. 33
Лермонтов М. Ю. 111
Лесков Н. С. 111
Лефебр Г. (Lefebvre G.) 14
Ливий Тит (Titus Livius) 76
Линсли Э. Г. (Linsley E. G.) 236
Листов В. С. 104
Литвак Б. Г. 171, 271
Лихачев Д. С. 27, 122, 228
Лихачев Н. П. 149
Логин В. Т. 58, 184, 185
Ломоносов М. В. 30, 136, 200
Лукомский В. К. 195
Лурье М. Л. (Lauriers M. L.) 14
Лурье Я. С. 59
Льюис Д. К. (Lewis D. C.) 146
Люблинская А. Д. 51, 165
Лябуда Г. (Labuda G.) 166, 170
Лямин В. С. 86
Магидов В. М. 202
Майр Э. (Mayr E.) 236
Майстер А. (Meister A.) 38, 45, 48, 50, 64, 157
Макаров М. К. 39, 53, 159, 165, 174, 189, 221—224, 226, 257
Малахов Н. А. 103
Мальцев А. Н. 169, 210
Малышев В. И. 214
Маматова Е. П. 186
Манкиев А. И. 30
Мантатов В. В. 94
Марат Ж. П. (Marat J. P.) 118
Марвич С. М. 120
Марголин С. М. 195
Маришаль Р. (Marichal R.) 168, 211
Маркитан Л. П. 104
Маркс К. 5, 9, 19, 61, 75, 84, 85, 102, 124, 179, 188, 239
Марру А. И. (Marrou H. I.) 14
Маслова А. Г. 53, 82, 178
Матаев М. 12
Маяковский В. В. 125
Медовников П. Е. 34
Медушевская О. М. 14, 15, 26, 50, 93, 168, 169,

171, 181—183, 224, 232, 246, 251, 269, 271
Мелихерчик А. (Melicherčik A.) 112
Мельник Л. Г. 173
Мельник М. В. 197
Менцкий Д. Н. 94
Мерзон А. П. 167, 187
Мерперт Н. Я. 194
Мецашинов И. И. 101
Миллер Г. Ф. (Müller G. F.) 30, 136
Милов Л. В. 251
Милуков П. Н. 219
Минасян А. М. 87, 110, 121
Миронова И. А. 194
Миттайс Г. (Mitteis H.) 11
Митяев К. Г. 225
Мнухина Р. С. 58, 174, 175, 187, 220, 227
Могильницкий Б. Г. 25
Монгайт А. Л. 51, 64, 84, 195, 220
Моно Г. (Monod G.) 67, 154, 207
Монтескье Ш. Л. (Montesquieu Ch. L.) 76
Мор Г. (Mohr H.) 252
Моразе Ш. (Morazé Ch.) 23
Морозов Р. Е. 94
Морте Ш. (Mortot Ch. et V.) 36, 148
Мощенска В. (Moszczeńska W.) 55, 183
Муравьев А. В. 165, 186
Мюглиони Ж. (Muglioni G.) 14
Надеждин Н. И. 76, 77, 142—144, 189
Напельбаум М. С. 119
Нарвеляйт Г. (Narweleit G.) 86
Нарский И. С. 94
Насонов А. Н. 74, 212
Нейрат О. (Neurath O.) 21
Неф Н. (Neef N.) 86
Нечкина М. В. 32, 270
Нибур Б. Г. (Niebur B. G.) 66
Никитин С. А. 163
Никифоров А. Г. 120
Николаева А. Т. 30, 88, 90, 135, 136, 165, 169, 171
Никольская Т. К. 109

Ниршл И. (Nirschl I.) 35
Новиков Н. И. 137
Новикова М. 69
Новицкий Г. А. 162, 195
Новосельский А. А. 26, 195
Овчинников Н. Ф. 108
Орлов А. С. 260
Осьминин В. 203
Павлов П. В. 79, 141
Павловский Т. (Pawłowski T.) 183
Панфилова А. М. 162, 165
Пауль Г. (Paul H.) 200
Пашуто В. Т. 25, 26, 78, 186
Пельт В. Д. 69
Пережогин М. А. 83, 178, 179
Пермяк Е. А. 228
Перрен Ш. Э. (Perrin Ch. E.) 15, 168
Пертц Г. Г. (Pertz G. H.) 146
Петров М. Н. 35
Петропавловский Е. С. 194
Печенежский Г. О. 43
Печуро Е. Э. 25
Пешкова Е. И. 215
Пештич С. Л. 30
Пиаже И. (Piaget I.) 259
Пискорский В. К. 150
Пихельчис Х. Я. 204
Пичета В. И. 45, 68, 157—159, 162, 219, 220
Платон 75
Платонов С. Ф. 37, 38, 45, 66, 148, 207, 219
Плетников Ю. К. 85
Плеханов Г. В. 72
Погодин А. Л. 200
Погожева Л. П. 203
Подобедова О. И. 193
Покровский А. И. 150
Покровский М. Н. 45, 72, 80, 232
Полевой П. А. 33, 65, 137, 138, 200
Полибий 76
Поляновский М. Л. 203
Померанцева Э. В. 112
Пономарев Б. Н. 270
Попов П. М. 112
Поппер К. (Popper K.) 21
Потембин А. А. 113
Пронштейн А. П. 26, 55,

58, 96, 162, 174, 185, 187, 201, 234
Пропп В. Я. 113
Прыжов И. Г. 89
Пугачев Е. И. 88, 197
Путилов Б. Н. 112
Пушкарев Л. Н. (Пушкарёв Л. М.) 26, 30, 43, 63, 71, 77, 129, 131, 135, 180, 183, 185, 197, 209, 224, 257, 269
Пушкарева И. М. 71
Пушкин А. С. 111
Пылин А. Н. 77, 218
Равдоникас В. И. 158
Разин С. Т. 88, 197
Райков В. Е. 78
Ранке Л. (Ranke L.) 66
Ревзин И. И. 101
Редкин П. Г. 143, 146, 189
Рем Ф. (Rehm F.) 65, 140
Робеспьер 118
Рожкова М. К. 69, 73
Розова Л. И. 108
Розова С. С. 234—236, 241
Рохлин Д. Г. 27
Рубинштейн Н. Л. 30, 77
Рубинштейн С. Л. 101
Руткевич М. Н. 235
Рыбаков Б. А. 74, 98, 115, 129, 130, 197, 205
Рякин А. Н. 90
Саар Г. П. 47, 59, 68, 80, 82, 159, 161, 201
Савельев-Ростиславич Н. В. 218
Салов В. Н. 25
Сальмон П. (Salmon P.) 183, 184
Самаран Ш. (Samaran Ch.) 52
Свидерский В. И. 107, 108
Секстан Э. (Secstan E.) 11
Селезнев М. С. 179, 180, 230, 232
Семевский Б. Н. 85
Сен-Жюст Л. А. (Saint-Just L. A.) 118
Сеньобос Ш. (Seignobos Ch.) 36, 40, 42, 45, 150, 154, 156
Середонин С. М. 149
Сизоненко Е. В. 189
Смедт П. (Smedt P. Ch., de) 35, 42, 66, 146
Смирнов И. С. 54, 82, 83, 177—179, 220, 272

Смирнов Н. А. 130
Смолин В. Ф. 150
Смолицкий В. Г. 213, 214
Соколов Ю. М. 97, 196
Соколова В. К. 197
Соколова М. А. 219
Соловьев В. Б. 120
Соловьев С. М. 42, 78
Солтановская Т. Г. 175
Спасский И. Г. 195
Србик Г., фон (Srbik H. R., von) 12
Стрельский В. И. (Стрельский В. I.) 51—53, 69, 71, 167, 168, 171, 172, 181—183, 187, 189, 192, 199—201, 220, 233, 234, 247, 270
Строгович М. С. 235
Строев П. М. 33, 138—140, 146, 207, 214
Струмплин С. Г. 259
Сутер И. (Suter I. F.) 21
Тарапеев А. Я. 215
Тардиф А. (Tardif A.) 35, 42, 66, 146
Татищев В. Н. 30, 122, 136
Тауберт И. И. 136
Твен Марк 250
Тепп Е. (Tapp E.) 13
Терентьева Л. Н. 199
Терешко М. Н. 20, 183
Тихомиров М. И. 49, 50, 53, 59, 68, 69, 72, 115, 136, 161—166, 173, 174, 186, 187, 189, 192, 200, 209, 210, 220, 232
Токарев С. А. 198
Толстов С. П. 115, 199
Толстой Л. Н. 70
Толстой Ф. А. 213
Топольский Е. (Topolski E.) 183
Трахтенберг О. В. 160
Трепов Д. Ф. 215
Трепова Л. С. 10
Трофимова Т. А. 196
Трошин Д. М. 236
Тугаринов В. П. 190
Тульчинский М. Р. 25
Тюкавина Э. П. 102
Тюхтин В. С. 94, 109
Уваров А. И. 19
Угаров И. Ф. 83, 178, 179
Угрюмов А. Л. 188
Усмов А. И. 231, 249

Украинцев Б. С. 11, 94, 103, 104	Хвостов В. М. 154	Штепанек М. (Štěpanek M.) 249
Уотсборн У. (Washburn W.) 192	Хвостов М. М. 152	Штольц О. (Stolz O.) 49, 68, 82, 162, 230
Урсул А. Д. 94	Хилков А. Я. 30	Штрениц Н. (Strenz N.) 86
Устрялов Н. Г. 34, 65, 139—141, 146	Хрущев И. П. 31	Шуб Э. И. 204
Устьянцев В. Б. 13	Цыганов Н. В. 180	Шульгин В. 141
Ухов П. Д. 112	Черепнин Л. В. (Сере- пин L. V.) 2, 4, 25—27, 30, 41, 93, 137, 152, 154, 163, 195, 216, 223, 269	Шумейко М. Ф. 186
Учитель Е. 120	Чернов С. Н. 197	Щапов Я. Н. 27
Ушаков Д. П. 61	Черноморский М. Н. 54, 69, 179—181, 187, 189, 194, 246, 247	Щедровицкий Г. П. 101
Уэллс Г. (Wells G. A.) 76	Чернышевский Н. Г. 92	Щербатов М. М. 31, 33, 136
Фарсоби В. В. 194	Чистов К. В. 197	
Февр Л. (Febvre L.) 23, 50, 51	Чистякова Е. В. 189	Эверс И. Ф. (Ewers I. Ph. G.) 32
Федер А. (Feder A.) 46, 68, 79, 157	Читая Г. С. 199	Эккерман В. (Eckermann W.) 50, 52, 64, 252
Федоров-Давыдов Г. А. 195	Чугаев Д. А. 171	Энгельс Ф. 5, 9, 19, 21, 61, 75, 84, 85, 102, 124, 179, 188, 206, 239
Федосеев П. В. 270	Чунаева А. А. 87	Эпштейн А. Д. 11
Федосов И. А. 57, 136, 184	Чупахин И. Я. 241, 248	Эрхард К. (Erhard C.) 36
Фесуненко И. С. 103, 203, 204	Шахматов А. А. 42, 66, 92	Эстерлей К. (Esterly C.) 146
Финкель Л. (Finkel L.) 146—148	Шевеленко А. Я. 86	Юзингер Р. (Usinger R.) 236
Фишер Ф. (Fischer F.) 10	Шелов Д. Б. 158, 194	
Флит Ю. А. 15	Шепелев Л. Е. 70, 71, 73, 74	Якоб К. (Jacob K.) 45, 157
Фоглин Э. (Voeglin E.) 249	Шерман И. Л. 52, 69, 168, 169, 187, 190, 200, 201, 247	Якубовская С. И. 26, 52— 54, 170, 171, 174, 179, 187, 210, 221, 230, 245, 246
Фортиский Ф. Я. 35, 66, 145, 146	Шестаков А. В. 47, 59, 209	Якубский В. А. 175, 220
Фоше П. (Vaucher P.) 148	Широков А. И. 53, 82, 178	Яппи В. Л. 192
Фриман Э. А. (Freeman E. A.) 42, 66, 147, 207	Шлөзер А. Л. (Schlözer A. L.) 30—32, 137	Ярцев В. П. 101
Фурман А. Е. 86, 87	Шмидт А. В. 100	Ястребов Л. Б. 179, 245
Хайдеггер М. (Heidegger M.) 22	Шмидт С. О. 55, 64, 110, 176, 179, 193, 220	Яцунский В. К. 74—76, 163, 166, 187, 220
Харузин Н. Н. 198	Шнабель Ф. (Schnabel F.) 68	
Харузина В. Н. 199, 201	Шпет Г. Г. 113	
Хасанов М. X. 108	Шпынов А. Г. 53, 82, 178	

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	27
Определение исторического источника в русской дворян- ской и буржуазной историографии XVIII—XX вв.	29
Определение исторического источника в советской исто- риографии (1917—1975 гг.)	43
Исторический источник и смежные с ним понятия	59
Исторический источник и историческое исследование	65
Географическая среда и исторический источник	74
ГЛАВА II. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧ- НИКА	87
Отображение и воплощение действительности в источ- нике. Содержание исторического источника	88
Внешняя и внутренняя форма источника	107
Некоторые вопросы взаимодействия содержания и формы в источнике	121
ГЛАВА III. ДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	135
Деление источников в русской дворянской и буржуазной исторической науке XVIII—XX вв.	135
Деление источников в советской исторической науке (1917—1975)	155
ГЛАВА IV. КЛАССИФИКАЦИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПИСЬМЕН- НЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	188
Основные классификационные понятия (тип, род, вид)	188
Типы исторических источников	189
Роды письменных источников	206
Виды письменных источников	218
Понятия классификации и систематизации исторических источников	230
Выбор основания деления при классификации	242
Циклическая и линейная системы классификации источ- ников	255
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	269
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	276

Лев Никитич Пушкарёв
КЛАССИФИКАЦИЯ
РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор *А. П. Пронштейн*
Редактор издательства *Е. Д. Евдокимова*
Художник *Т. К. Самигулин*
Художественный редактор *В. Чернецов*
Технические редакторы *Р. М. Денисова, О. М. Гуськова*
Корректоры *В. А. Бобров, Л. Ю. Розенберг*

Сдано в набор 17/VII 1975 г.
Подписано к печати 25/XI 1975 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 17,75.
Уч.-изд. л. 21,1. Тираж 2250 экз. Тип. зак. 513. Т-18359. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП,
Москва К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука», 199034
Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

